

Терри Гудкайнд
Гудкайнд

Терри Гудкайнд

Восьмое Правило Волшебника

Восьмое
Правило Волшебника

Книга I

Век
Дракона

Век
Дракона

TERRY GOODKIND

«Naked Empire»

Терри Гудкайнд

**ВОСЬМОЕ
Правило Волшебника,
или Голая Империя**

Книга I

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Г93

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Перевод с английского Ю. Яруниной

Серийное оформление С. Герцевой и А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная Александром Коржаневским.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Barog International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 23.12.08. Формат 84x108^{1/32}.
Усл. печ. л. 19,32. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 9371.

Гудкайнд, Т.

Г93 Восьмое Правило Волшебника, или Голая империя : [роман. В 2 кн.] Кн. I / Терри Гудкайнд; пер. с англ. Ю. Яруниной. — М.: ACT: ACT МОСКВА, 2009. — 361, [7] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-026498-8 (Кн. I)

ISBN 978-5-17-013547-9 (ООО «Издательство ACT»)

ISBN 978-5-403-00402-2 (Кн. I*)

ISBN 978-5-403-00406-0 (ООО Издательство «ACT МОСКВА»)

Идти — и сражаться. Сражаться — дабы принести свободу землям, стонущим под властью безжалостного Сноходца Джегания, и людям, которых мучают и истязают стальные воины Имперского Ордена. Это — жребий и крест легендарного Ричарда Сайфера, лорда Рала, Искателя Истины. Это — предначертание для его супруги, Матери-Исповедницы Кэлен, и судьба, которую по добной воле избрала его юная сестра Дженнисен. Слишком долго искал повелитель Мрака их. Теперь ОНИ ищут ЕГО — чтобы в муках, крови и опасности познать Восьмое Правило Волшебника...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

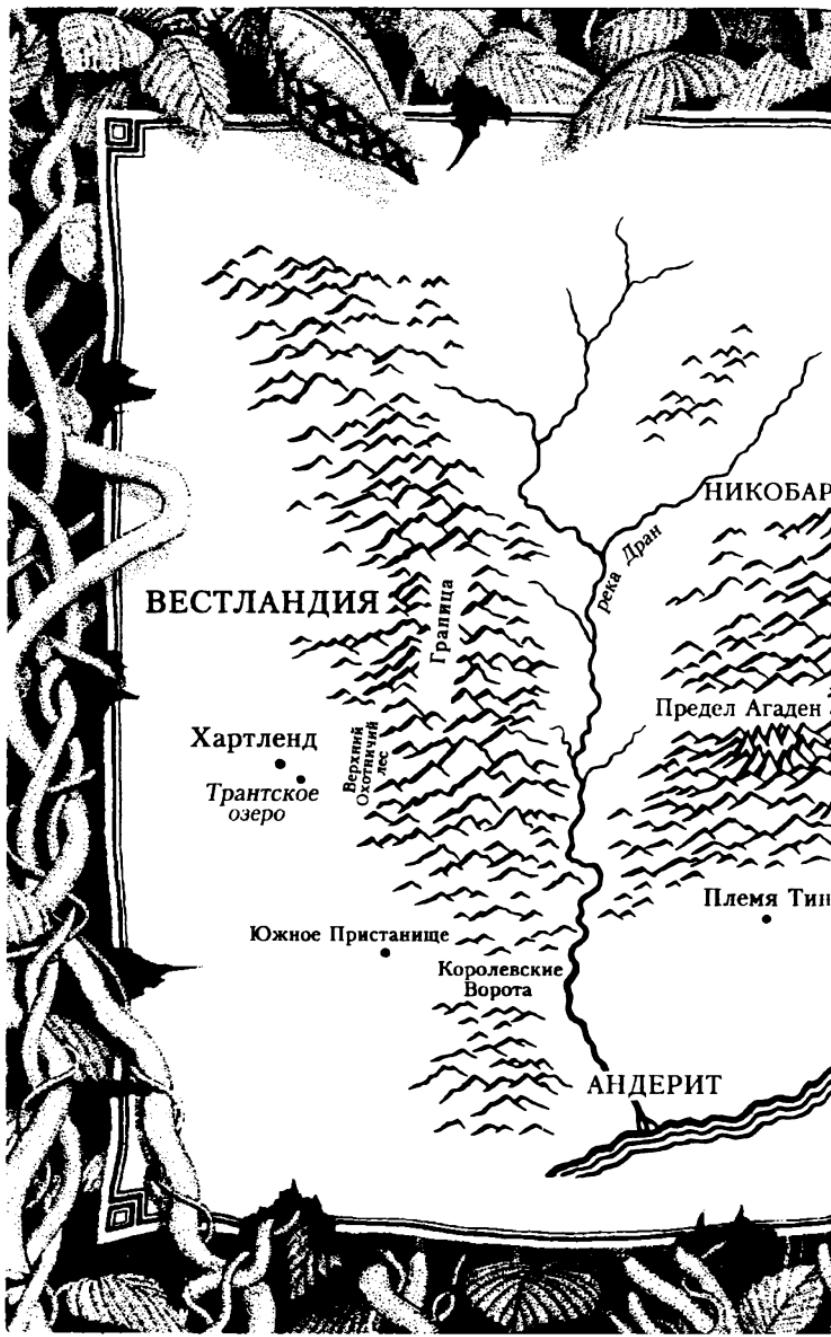
© Terry Goodkind, 2003

© Перевод. Ю. Ярунина, 2004

© ООО Издательство «ACT МОСКВА», 2008

**ВОСЬМОЕ ПРАВИЛО
ВОЛШЕБНИКА,
или
ГОЛАЯ ИМПЕРИЯ**

Книга первая

ω'

j'

$\langle \phi \rangle$

Глава 1

— Ты знал, что они были здесь, да? — прошептала Кэлен, подходя ближе.

На фоне темнеющего неба она смогла различить лишь очертания трех черных птиц, которые расправили крылья, готовясь кочной охоте. Вот почему Ричард остановился. Вот почему он так всматривался во мрак, пока остальные ждали в гнетущей тишине.

— Да, — ответил Ричард. Не оборачиваясь, он повел плечом. — Еще два, там.

Кэлен быстро обежала взглядом темные уступы гор, но ничего не заметила.

Обхватив двумя пальцами серебряную рукоять, Ричард на несколько дюймов вытащил меч, проверяя, как он ходит в ножнах. Последний отблеск желтого света заиграл на складках его золотого плаща, когда Ричард опустил меч в ножны. В сгущающихся сумерках его высокая могучая фигура казалась не более чем призраком, сотканным тенями.

Внезапно справа появились две гигантские тени птиц. Одна из тварей издала резкий крик и, расправив крылья, закружилась над пятью людьми, прежде чем, мощно взмахнув, повернула в сторону улетающих на запад сородичей.

Сегодня ночью их ждет богатая добыча.

Кэлен подумала, что Ричард сейчас думает о брате. Раньше он не знал о том, что у него есть брат. Путники уже целый день шли на запад по местности, настолько выжженной солнцем, что немногие отваживались сюда заглянуть. Еще меньше отсюда вернулось. И опаляющая жара была не самым худшим из зол этой пустыни.

Над безжизненными равнинами умирающий свет обрисовывал далекие черные вершины гор, словно обугленные в печи преисподней. Черный, неумолимый и опасный, как сами горы, клин из пяти птиц преследовал угасающий свет.

Дженнсен, стоя рядом с Ричардом, пораженно смотрела им вслед.

— Во имя духов?.. — ахнула она.

— Чернокрылые хищники, — пояснил Ричард.

— Я часто видела ястребов, соколов и им подобных, но никогда не встречала хищных птиц, которые охотятся ночью, ну, кроме сов, — обдумывала незнакомое имя Дженнсен. — Но это не совы.

Задумавшись, Ричард машинально крошил в кулаке край уступа скалы рядом с ним.

— Я тоже раньше их не встречал. Люди говорят, что они появились только в последние год-два. Все говорят по-разному. Но любой скажет, что прежде таких птиц здесь не было.

— Только в последние два года? — удивилась Дженнсен.

В голове Кэлен сами собой всплывали смутные истории, передаваемые шепотом слухи, обрывки рассказов, которым она раньше не придавала значения.

— Думаю, ближе всего они к соколам, — произнес Ричард, бросая каменное крошево на тропу.

Дженнсен наклонилась и приласкала бурую козочку Бетти, которая ластилась к ее ногам.

— Они не могут быть соколами. — Два белых детеныша Бетти, обычно резвящихся, сосущих молоко или спящих,

сейчас испуганно прижались к матери.— Эти птицы слишком крупные для соколов: крупнее, чем ястребы и золотые орлы. Соколы не бывают такими огромными.

Ричард с усилием отбросил наваждение, вызванное полетом созданий тьмы, и присел погладить дрожащих близнецов. Один из них напустил под себя лужицу. Высунув розовый язычок, козленок решился положить крошечное черное копытце в широкую ладонь воина. Ричард пожал тонкую, покрытую белой шерстью ножку.

Улыбка разгладила черты его лица.

— Ты хотела бы не видеть того, что только что видела, да? — мягко спросил он.

— Волосы, вставшие дыбом у меня на затылке, убеждают в том, что это правда,— ответила Дженнсен, приглаживая свисающие уши Бетти.

Ричард обхватил руками колени и взглянул в сторону зловещего горизонта.

— У чернокрылых гладкие тела, круглые головы и длинные заостренные крылья, такие же, как у соколов. Они распускают хвосты при взете и подбирают их во время полета.

Дженнсен кивнула головой, давая знак, что поняла его объяснения по поводу отличительных признаков. Для Кэлен птица оставалась птицей. Этих, с красными полосами на груди и алыми маховыми перьями, она узнает всегда.

— Они стремительны, сильны и агрессивны,— добавил Ричард.— Однажды я видел, как один из них легко догнал степного сокола и поднялся в небо, держа его в когтях.

Дженнсен пораженно взглянула на Ричарда, ужаснувшись картине, промелькнувшей перед ее мысленным взором.

Ричард вырос среди лесов Вестландии и собирался стать лесным проводником. Он много знал о растениях и животных. Такое воспитаниеказалось необычным для Кэлен, которая выросла во дворце в Срединных землях. Ей нравилось учиться у Ричарда, разделять его восхищение тайнами при-

роды, радоваться вместе с ним чуду жизни. Конечно, сейчас он занимает намного более высокое положение, чем если бы сделался просто лесным проводником. Хотя со дня первой памятной встречи в его лесах прошло немногим меньше двух с половиной лет, Кэлен казалось, что она встретила Ричарда целую жизнь назад.

Сейчас они забрались очень далеко — как от скромного дома, где рос Ричард, так и от того края, где прошло детство Кэлен. Будь у них выбор, они бы избрали любое другое место; какое угодно, только не это. Но судьба сложилась так, а не иначе. И, в конце концов, они были вместе.

На их с Ричардом долю выпало немало трудностей. И после всех опасностей, страданий и вынесенной боли за погибших друзей и любимых, через которые им с Ричардом пришлось пройти, Кэлен страстно наслаждалась каждой минутой, проведенной в обществе мужа, пусть даже во враждебных землях.

Кроме того, что Ричард узнал о существовании сводного брата, он нашел сводную сестру, Дженнсен. Они повстречались только вчера. Дженнсен, как и Ричард, выросла в лесах. Трогательно было видеть, с какой простой и искренней радостью девушка узнала о том, что Ричард — ее брат. Дженнсен была совершенно заинтригована рассказом Кэлен о ее таинственном воспитании во Дворце Исповедниц в далеком Эйдиндриле. Но восхищение тем, что у нее есть старший брат, было так сильно, что превзошло удивление от необыкновенной истории детства его жены.

Матери у Дженнсен и Ричарда были разные, но зато один бесчеловечный отец — Даркен Рал. Младшей сестре исполнилось двадцать, небесно-голубые глаза сияли на ее лице, а на плечи ниспадали локоны рыжих волос. Дженнсен унаследовала от Даркена Рала совершенные строгие черты лица, но кровь матери придала им простоту и очаровательную женственность. Ричарду от отца достался проницатель-

ный взгляд, но в выражении его лица, в серых глазах отражалась собственная манера поведения.

— Я видела, как соколы одним движением разрывают на части мелких зверьков,— проговорила Дженнсен.— Страшно представить, что может сотворить такой огромный сокол, а тем более пятеро сразу.

Ее козочки Бетти мелко дрожала, всем своим видом подтверждая слова хозяйки.

— Будем сменять друг друга всю ночь,— предложила Кэлен, отвечая на невысказанный страх Дженнсен. Едва ли соколы были единственной причиной, но уже и этой одной было довольно, чтобы решить выставить караул.

В мрачной тишине на безжизненные горы опускались иссушающие волны жара. Путникам тяжело пришлось минувшим днем, пока они шли через выжженную долину, а затем по пустынной равнине, но никто не жаловался на тяготы пути. Жестокий жар вызывал у Кэлен боль в сердце. И хотя сама она до смерти устала, но помнила и о том, что за последние несколько дней Ричард спал меньше, чем каждый из их отряда. Предводитель держался молодцом, и о том, насколько он истощен, Кэлен догадывалась не по его походке, а по выражению измученных глаз.

Вдруг она поняла, что так изматывает нервы,— всепоглощающая, гнетущая тишина. Ни звука не доносилось до ушей: ни тявканья койотов, ни далекого воя волков, ни трепета крыльев летучей мыши, ни похрустываний енота, ни возни полевок, ни даже жужжания насекомых. Любой звук был бы звуком жизни, любой мог предупредить о возможной опасности. Но мертвая тишина окутывала необитаемый край. Здесь никто не жил — ни койот, ни волк, ни летучая мышь, ни полевка, ни даже насекомые. Всего лишь горстка живых существ когда-либо посягала на эту бесплодную землю. На путешественников пала безмолвная, беззвездная ночь.

Несмотря на жару, Кэлен передернула плечами. Она взглянула на птиц, все еще хорошо заметных на западном

крае лилово-багрового неба. Даже такие чудовища не задержатся надолго в этой пустыне.

— Довольно страшно впервые встретить создание, столь грозное, что даже не знают, что оно существует,— заметила Дженнсен. Она оттерла рукавом пот со лба и сменила тему.— Я слышала, что если хищные птицы кружатся над тобой в начале пути, то это к добру.

Доселе молчавшая Кара приблизилась к Кэлен.

— Дайте мне только подобраться к ним поближе, и я повыдергиваю их жалкие перья,— длинная светлая коса Кары (мета ее профессии) взметнулась в знак подтверждения этих слов.— Посмотрим тогда, что они за предзнаменование.

Ее глаза потемнели, словно она увидела чернокрылых хищников. Украшенная полосами из особой черной ткани защитная одежда, которую носили и все остальные, кроме Ричарда, придавала Каре устрашающий вид. Неожиданно став правителем, Ричард получил в наследство Кару и ее сестер Морд-Сит.

Ричард вернул крохотного козленка бдительной матери и встал, заложив большие пальцы рук за многослойный кожаный ремень. На каждом запястье по кожаному наручу вились серебряные кольца и загадочные символы, в которых отражались последние лучи заходящего солнца.

— Однажды ястреб уже кружился надо мной в начале путешествия,— задумчиво проговорил он.

— И что случилось? — нетерпеливо спросила Дженнсен, словно его ответ мог подтвердить древнее суеверие.

— Я взял в жены Кэлен,— просто ответил Ричард, расплываясь в улыбке.

— Ну, это только доказывает, что опасность существует для Матери Исповедницы, а не для тебя, лорд Рал,— скрестила руки на груди Кара.

Ричард нежно обнял Кэлен за талию. Она тоже улыбнулась и склонилась к его плечу, отвечая на объятие. Да, в

конечном счете, то путешествие привело к тому, о чем Кэлен не могла даже и мечтать — они стали мужем и женой. Женщины как она — Исповедницы — не осмеливаются думать о любви. Благодаря Ричарду, Кэлен узнала, что такая истинная любовь, со всеми ее радостями и страданием.

Кэлен бросало в дрожь при мысли о тех временах, когда она думала, что Ричард мертв или с ним случилось нечто еще более страшное. Сколько раз она изнемогала от желания быть с ним, просто чувствовать тепло его рук или хотя бы знать, что он в безопасности.

Дженнсен бросила взгляд на пару, слившуюся в объятиях и подумала, что ничто теперь не удержит Кару от насмешек. Кэлен понимала причины недоумения девушки. Она подумала, что для чужеземца, а особенно для д'харианки (а Дженнсен была типичной д'харианкой) должны казаться странными насмешки Кары над Ричардом: охрана не подсмеивается над своим господином, особенно если он — господин лорд Рал, Магистр Д'Хары.

Защищать лорда Рала ценой собственной жизни всегда было священной обязанностью Морд-Сит. А потому внешняя непочтительность Кары по отношению к Ричарду была, по сути, празднованием свободы и своеобразной данью уважения к тому, кто даровал ее.

Морд-Сит стали ближайшими защитниками Ричарда по добреей воле. У лорда Рала не было выбора. Чаще всего охранники не уделяли должного внимания его приказам, если только не находили их достаточно важными. Они были свободны в том, чтобы выбирать то, что для них важнее всего: на первом месте для Морд-Сит стоит безопасность Ричарда.

Со временем Кара, их вездесущий телохранитель, стала одним из членов семьи. А за последнее время семья неожиданно выросла.

Со своей стороны, Дженнсен необычайно тронуло то, как ее приняли. Девочка росла в бесконечных скитаниях,

вечно боясь, что отец, Магистр Рал, найдет и убьет ее так же, как он уничтожил многих своих нежеланных отпрысков.

Ричард дал знак Тому и Фридриху возвращаться к повозке и лошадям — они остановятся здесь на ночь. Том поднял руку в подтверждение того, что понял приказ, и ушел расцеплять упряжку.

Не видя больше хищников в темной пустоте на западе, Дженнисен повернулась к брату.

— Я поняла, что у них черные перья на концах крыльев,— произнесла она, не в силах отвлечься от мыслей об ужаснувших ее птицах.

Прежде чем Ричард успел ответить, Кара заговорила нежным голосом, в которым звенела угроза.

— «Словно сама смерть льется с концов их перьев, похожих на те, которыми Хранитель Подземного мира пишет приказы смерти», — продекламировала она древние строки.

Кара не хотела бы видеть этих птиц где-либо поблизости от Ричарда и Кэлен. Жена лорда Рала приблизилась к охраннице. Лицо Кари ожесточилось, и Дженнисен не осмелилась задержать на нем взгляд.

— Они тебя... беспокоят? — обратив все внимание на Ричарда, спросила девушка, задрожав, как ее козочка.

Кэлен приложила ладонь к животу, пытаясь подавить боль ужаса, вызванного вопросом Дженнисен.

— Они следят за нами,— ответил Ричард, смотря в глаза встревоженной Дженнисен.

Глава 2

— Что? — нахмурила брови Дженнисен.

— Птицы, они следят за нами,— Ричард неопределенно взмахнул рукой.

— Ты имеешь в виду, они следуют за тобой в этой пустыне и высматривают, когда же ты умрешь от жажды

или чего-нибудь еще, и тогда они смогут почистить тебе косточки?

— Нет, я имею в виду, что они следуют за нами, выслеживают каждый наш шаг,— медленно покачал головой лорд Рал.

— Не могу понять, как ты узнал...

— Мы знали,— резко произнесла Кара. Ее тонкая, хорошо сложенная фигура производила не менее агрессивное впечатление, чем хищники. Кара выглядела грозно и устрашающе в черной одежде кочевого народа, изредка путешествующего по дальним границам обширной пустыни.

— Мы наблюдали за птицами, когда Фридрих нашел нас и сказал о тебе,— Ричард ободряюще коснулся ладонью плеча Кари и пошел обратно.

Дженисен оглянулась на двух мужчин у повозки, занятых хозяйственными хлопотами позади нее. Тонкий серп луны плыл над темными складками гор. В лунном сумеречном свете Кэлен едва различала, как Том распрягает своих лошадей, а Фридрих расседливает остальных.

— Что ты думаешь здесь найти, так далеко? — Дженисен нашла глазами Ричарда.

— Никогда не знаешь, что найдешь. То, что Оба, наш сводный брат, лежал мертвым — одна из попыток отвлечь нас, прежде чем он попытается убить. И птицы все так же следуют за нами,— ответил Ричард, отцепляя с пояса флягу с водой и протягивая ее Кэлен.

Мехи жены оставались притороченными к седлу, а сама она чуть ни падала от усталости. Прошло уже несколько часов с момента, когда они отдыхали в последний раз. Кэлен сильно устала от долгой езды и ходьбы, потому что порой приходилось идти спешившись, чтобы дать передышку лошадям. Она поднесла мех к губам и в который раз подумала, какой мерзкий вкус у воды. Но в конце концов, у них есть вода. Без воды смерть быстро настигла бы их посреди безжалостного жара бесконечной, бесплодной равнинны, что про-

стиралась вокруг безлюдного места, называемого Столпами Творения.

— Я знаю, легко ошибиться,— запинаясь, снова заговорила Дженнсен, приспуская с плеча ремень меха с водой.— Взять хотя бы то, как я однажды подумала, что вы, подобно Даркену Ралу, собираетесь убить меня. Я была настолько убеждена в этом, что находила самые невероятные подтверждения в любом вашем действии. Я так боялась, вдруг это правда...

Ричард и Кэлен знали, что в том нет вины Дженнсен — едва ли она сейчас могла быть орудием врагов, с помощью которого они подбирались к Ричарду. Но постоянная борьба со страхом, угнездившимся внутри нее, отнимала слишком много ценного времени.

Дженнсен сделала большой глоток. Все еще морщась от вкуса воды, она подняла мех, указывая на бесплодную пустыню за ними.

— Похоже, здесь не слишком много живности. Птицы проголодались и просто ждут, когда мы здесь умрем, и потому все время следуют за нами. Вот ты и решил, что они нас высматривают,— она бросила на Ричарда серьезный взгляд, сопроводив его улыбкой, в надежде придать своему предположению убежденность.— Может, это и взаимоуважение так.

— Они не выживают, когда мы здесь умрем,— проговорила Кэлен, желая только одного: прекратить спор и дать возможность всем поесть, а Ричарду — немного поспать.— Они следят за нами, и уже давно. Еще с того времени, когда мы были в лесах на северо-востоке. Ладно, давайте поедим и...

— Но почему? Птицы так себя не ведут. Зачем они это делают?

— Думаю, они следят за нами по приказу кое-кого,— произнес Ричард.— Скорее всего, кто-то использует их для охоты на нас.

Кэлен знала в Срединных землях многих людей — от простых жителей диких дебрей до знати больших городов, — кто охотились с соколами. Но здесь было что-то другое. Даже если она и не совсем понимала объяснения Ричарда, то чувствовала, что у него есть причины для такой убежденности, и знала, что он говорит не об обычной охоте.

— Так вот зачем ты разбрасывал камушки на продуваемых ветром участках тропы, — застыла на середине следующего глотка Дженнисен.

Ричард улыбнулся в подтверждение и взял мех, протянутый Кэлен.

— Разбрасывал камушки по тропе? Зачем? — нахмурилась Кара, наблюдая, как он утоляет жажду.

— На открытых местах скалы ветер все сдувает, — нетерпеливо ответила за него Дженнисен. — Ричард хотел быть уверенным в том, что если кто-нибудь вздумает ночью к нам подобраться, камни захрустят под ногами и мы будем предупреждены.

— Это так? — вопросительно изогнула бровь Кара.

— Всего лишь маленькая мера предосторожности на случай, если кто-нибудь оказался бы слишком близко, — пожал плечами Ричард, передавая Каре мех, пока она не достала свой. — Люди иногда забывают о самых простых вещах и тогда попадаются.

— Но не ты, — Дженнисен закинула ремень меха на плечо. — Ты внимателен ко всем мелочам.

— Если ты, сестра, думаешь, что я не делаю промахов, то ошибаешься, — усмехнулся Ричард. — Опасно предполагать, что враг — идиот, но столь же наивно думать, что разбросанный гравий причинит ему вред, когда он решит подкрасться под покровом темноты, — всякий след веселья на его лице растаял, пока Ричард всматривался в западную линию горизонта, где уже выгляднули звезды. Он повернулся к Дженнисен, словно вспомнив, что говорил с ней. — Но боюсь, что камушки не защитят нас от глаз, пристально

следящих за нами с темного неба. В общем, любой человек может ошибаться.

— Лорд Рал всегда ошибается, особенно в простых вещах. Поэтому я рядом,— хитро улыбнувшись, заметила Кара. Она слизнула капельки воды с губ и вернула мех Ричарду.

— Неужели так, маленькая госпожа совершенство? — проворчал Ричард, забирая сосуд. — Может быть, если бы ты не «оберегала» меня от проблем, у нас теперь не водились бы в тенях чернокрылые хищники.

— А что я должна была делать? — выпалила Кара. — Я хотела помочь, хотела защитить вас обоих, — улыбка сбежала с ее лица. — Простите, лорд Рал.

Ричард вздохнул.

— Я знаю, — он подбадривающее сжал ее плечо. — Мы выясним, кто это.

— Все ошибаются, — воин снова с нежностью обратился к сестре. — Важнее, чему каждый учится на своих ошибках.

— Моя мать всегда боялась того, что нас убют, — кивнула в знак согласия Дженнсен. — Она делала то же, что и ты. Мы жили в лесах, и она всегда раскидывала вокруг сухую солому, чтобы люди отца не смогли тихо подкрасться к нам, — девушка откинула прядь волос, будто глядываясь во мрак воспоминаний, и принялась теребить пальцами серебряную рукоять ножа на поясе. — Они пришли ночью. Шел дождь. Мы не услышали их. Они были огромны, застали нас врасплох, но мама успела достать одного из них, прежде чем они...

Даркен Рал хотел убить Дженнсен потому, что не желал ее рождения. Все правители этого рода уничтожали отпрысков, подобных ей. Но Ричард и Кэлен считали, что любой человек имеет неотъемлемое право на жизнь, вовсе не определяемое тем, кто он по рождению.

— Мама убила одного, прежде чем они убили ее, — глаза Дженнсен, наполненные болью, смотрели прямо в душу Ричарда. Он нежно обнял сестру и прижал ее к груди.

Все в маленьком отряде пережили такую утрату. Даркен Рал собственноручно расправился с человеком, который с любовью вырастил Ричарда. Он же послал убийц к Сестре Кэлен и к Исповедницам. Люди, убившие мать Дженнсен, принадлежали Имперскому Ордену — это было сделано для того, чтобы Дженнсен поверила, что именно Ричард хотел ее смерти.

Кэлен почувствовала, как ее захлестывает волна безысходности и страха перед тем, с чем им придется столкнуться. Она на себе испытала, каково быть одиноким, напуганным и угнетенным сильными мира сего — людьми, ведомыми слепой верой и жаждой крови, людьми, убежденными в том, что спасти человечество можно путем расправы с неугодными, путем жестокой резни.

— Я бы все отдала за то, чтобы она знала: это не ты послал убийц, — в тихом голосе Дженнсен звучала боль потери и перенесенного одиночества. — Как бы я хотела, чтобы мама знала правду, знала, какой ты на самом деле.

— Она упокоилась со светлыми духами, — прошептала Кэлен, сочувствуя, хотя теперь у нее были причины сомневаться в только что произнесенных словах.

Девушка кивнула, соглашаясь, и прикоснулась пальцами к щеке.

— А какую ошибку совершила ты, Кара? — спросила она.

Можно было ожидать, что вопрос возмутит Кару, но он был задан с самым невинным участием.

— Это связано с маленькой трудностью, которую мы уже обсуждали, — ответила та со всей искренностью.

— Ты говоришь о том, что касается меня?

В бледном свете тонкого полумесяца Кэлен увидела, как нахмурилась Кара.

— Да. И чем скорее, тем лучше.

— Не уверен, что это следует делать, — заметил Ричард, проведя кончиками пальцев по лбу.

Кэлен тоже считала, что идея Кары слишком проста.

— Но, лорд Рал, мы не можем это так оставить... — всплеснула руками Кара.

Ричард не стал с ней спорить.

— Давайте разобьем лагерь, пока совсем не стемнело.

Нам необходимо поесть и отдохнуть, — спокойно приказал он.

В который раз Кара почувствовала, что сейчас это действительно самое важное, и не стала возражать. Всю прошлую ночь Ричард продежурил один. Он выглядел изнеможденным, и это беспокоило Кару. Она подошла к Кэлен, чтобы поделиться своей тревогой. Так как людей хватало, женщины решили, что не будут сегодня ночью менять часового.

— Пойду проверю, не засели ли где на скале черные твари, высматривающие нас черными глазами, — произнесла Кара.

Дженнсен испуганно оглянулась, словно чернокрылые хищники вот-вот могли накинуться на нее из темноты.

— Они улетели, — покачал головой Ричард, словно говоря, что опасения сестры беспочвенны.

— Ты сам сказал, что они за тобой следят. — Козочка ткнулась в ноги хозяйки, ища ласки. Дженнсен обхватила Бетти за шею. Близнецы спрятались за мамой. — Я не видела этих птиц до сегодняшнего дня. Их не было ни вчера, ни сегодня. Они показались только нынче вечером. Если они вправду следят за тобой, то не улетели бы на ночь далеко. Они бы все время держались близко.

— Они могут недолго отлучаться, чтобы поохотиться, или чтобы мы ничего не заподозрили, но даже если мы тронемся в путь, они смогут нас легко найти. В этом преимущество чернокрылых хищников: им нет нужды следить за нами каждую минуту.

— Ну и как же тогда ты можешь быть уверен, что они следят именно за тобой? — Дженнсен упрямо подперла руки в боки. — Птицы одни и те же. Вороны, воробы, гуси,

колибри, зяблики, голуби — откуда ты знаешь, что никто из них не летит за тобой? — тыча рукой вперед, в темноту, спорила она.

— Я знаю, — утомленно проговорил Ричард, отворачиваясь и направляясь к повозке. — Так, надо достать вещи и разбить стоянку.

Кэлен поймала Дженнисен за руку.

— Дай ему отдохнуть, хорошо? И не спрашивай о птицах. Ты меня поняла? — Кэлен приподняла бровь.

У жены лорда Рала не было сомнений, что птицы следят за ними. Она всегда верила Ричарду в подобных вещах, так же, как супруг доверял ее познаниям и чутью в других сферах. Кэлен разбиралась в устройстве государств, дворцовом протоколе и церемониях; знала различные культуры, причины древних распрай между землями; говорила на всех языках и наречиях, в том числе и на двуличном языке дипломатии. Во всех этих областях Ричард доверял ее слову.

Но в случае со странными птицами она полагалась на слово Ричарда. Кэлен понимала, что он еще не знает ответы на все вопросы. Она уже видела мужа таким — отстраненным и ушедшими в себя, — когда он пытался найти недостающие звенья в цепи. Кэлен знала, что в такие моменты ему надо дать возможность побывать одному. Выпытывать у Ричарда ответы, когда он сам еще не нашел их — только отвлекать его.

Дженнисен смотрела, как Ричард уходит и, наконец, улыбнулась, соглашаясь с ним. Вдруг ее глаза широко распахнулись, озаренные неожиданно пришедшей мыслью.

— Это относится к магии? — прошептала она, наклонившись к уху Кэлен.

— Мы пока не знаем.

— Ага, — кивнула Дженнисен. — Тогда я буду помогать. Все, что я хочу, — это помочь.

Кэлен подавила беспокойство и, с благодарностью обняв девушки за плечи, повела ее к лагерю.

Глава 3

В необъятной, немой пустоте ночи Кэлен ясно слышала, как Фридрих ласково разговаривает с лошадьми. Он похлопывал по холкам или проводил рукой по бокам животных, пока чистил их и стреноживал на ночь. В непроглядной тьме пустыни привычное дело ухода за животными делало враждебные окрестности чуть менее пугающими.

Фридрих был самым старшим. Скромный человек среднего роста, несмотря на преклонный возраст, предпринял длительное и опасное путешествие, чтобы увидеть Ричарда. Он отправился в путь после смерти жены, храня важные сведения и ни на минуту не забывая о страшной трагедии. Тоска по умершей до сих пор искажала мягкие черты его лица, и Кэлен подумала, что так будет всегда.

В неярком свете луны она разглядела улыбку, которую Дженнисен послала Тому, заметив, с каким выражением он смотрит ей вслед. На лице светловолосого д'харианца расплылась мальчишеская улыбка, и парень, смутившись, быстро склонился над повозкой, доставая спальные мешки из-под скамьи. Затем он вытащил припасы и передал их вниз Ричарду.

— Здесь нет дров для костра, лорд Рал, — Том оставил ногу на стертой подножке и оперся предплечьем на согнутое колено. — Но если хотите, можно взять немного угля, чтобы приготовить пищу.

— Чего бы я действительно хотел, так это чтобы ты перестал называть меня лордом Ралом. Если мы окажемся поблизости от врагов, и ты назовешь меня подобным образом, нас ждут серьезные неприятности.

— Не волнуйтесь, лорд Рал. Сталь против стали, — осклабился Том, проведя рукой по витиеватому вензелю «Р» на серебряной рукояти ножа.

Ричард с грустью подумал о том, насколько тяжело человеку менять в себе то, что впитано с молоком матери и

вашло в его плоть и кровь. Абсолютно правдивым было часто повторяемое присловье о преданности людей Д'Хары лорду Ралу. Том и Фридрих обещали, что не будут использовать титулы Кэлен и Ричарда в незнакомом окружении. Но жизненные привычки нелегко изменить, и тем более слугам было неловко называть правителей по именам, когда им казалось, что вокруг нет посторонних.

— Ну, так как насчет маленького огонька? — произнес Том, спуская на землю последний спальный мешок.

— В такой жаре, как сейчас, мне кажется, мы сможем приготовить ужин и без огня, — Ричард положил спальные принадлежности на заранее вытащенный мешок с овсом. — Кроме того, я считаю неразумным тратить время. Думаю, надо двинуться дальше с первыми лучами солнца, а, значит, нам всем нужно хорошо отдохнуть.

— Не буду спорить с тобой, — с неохотой сказал Том, выпрямляясь во весь рост. — Мне только не нравится, что мы встали на таком открытом месте, где нас легко заметить.

Ричард обвел рукой наводящий на раздумья склон темного небосвода над головой.

Том бросил настороженный взгляд к небу. Неодобрительно качнув головой, он принялся доставать инструменты, чтобы починить деревянные кормушки для лошадей. Ричард поставил ногу на крепкую ступицу колеса и запрыгнул в повозку помочь Тому.

Том, застенчивый, но веселый парень, встретился с ними всего лишь вчера, сразу после того, как они нашли Дженнисен. Со стороны он выглядел типичным странствующим торговцем. Перевозка всяких товаров в его фургоне, как выяснили Кэлен и Ричард, давала Тому возможность проезжать где угодно, скрывая то, что он — один из членов секретной группы, в чью обязанность вменялась защита лорда Рала от тайных заговоров и опасностей.

— Возможно, за этими птицами кто-то наблюдает. По характеру полета хищников обычно можно узнать, где ле-

жит добыча,— тихо произнесла Дженнсен, подойдя ближе к Кэлен.— Их видно с далекого расстояния, когда они кружатся и собираются вокруг жертвы. Я хочу сказать, что чернокрылые птицы похожи на них; и мне кажется, что этих птиц кто-то направил в эти края, чтобы узнать, что происходит внизу.

Кэлен не ответила. У нее раскальвалась голова, она была голодна и просто хотела выспаться, а не обсуждать вопросы, на которые не знает ответа. Она удивлялась тому, насколько терпеливо Ричард переносил ее собственные настойчивые вопросы, а теперь ей приходится отвечать на вопросы Дженнсен. Кэлен пообещала себе, что будет хотя бы в половину такой же терпеливой, каким всегда был Ричард.

— Вопрос в том, как этот некто заставил птиц... ну, понимаешь, кружить над нами, словно хищники над тушей? — продолжала как ни в чем не бывало Дженнсен.— Может быть, они посланы с помощью магии следить за особыми людьми,— прошепестела она, придвинувшись еще ближе к Кэлен и так тихо, чтобы Ричард не услышал.

Кара метнула в сторону Дженнсен испепеляющий взгляд. Кэлен заметила его и на мгновение удивленно подумала, что Морд-Сит собирается устроить выговор сестре Ричарда, но потом понадеялась, что Кара все-таки проявит к ней, как к члену семьи, несвойственную ей снисходительную мягкость. Вопросы магии, особенно в связи с опасностью, грозящей Ричарду и Кэлен, всегда раздражали Кару. Морд-Сит беспощадно готовы встретить смерть, но презирают магию и не стесняются заявлять об этом.

В некотором смысле такая враждебность к магии объяснялась сущностью и целью существования Морд-Сит; они обладали единственной в своем роде силой, которая в конечном итоге убивала их. Морд-Сит безжалостно натаскивали, развивая в них способность быть жестокими и причинять боль. Ричард освободил их от безумия этого долга.

Но Кэлен тоже казалось очевидным, что птицы следуют за ними, подчиняясь некому заклинанию. Эта догадка беспокоила ее, и потому она промолчала.

— Почему вы думаете, что кто-то следит за нами с помощью птиц? — спросила Дженнсен, не дождавшись ответа.

— Дорогая, мы в самом центре Древнего мира, — взглянула на девушку из-под вскинутой брови Кэлен. — Едва ли стоит удивляться тому, что за нами охотятся на вражеской земле.

— Ты права, — подтвердила Дженнсен. — Но тут есть и что-то еще, — несмотря на жару, она поежилась, словно по коже пробежал холодок. — Как вы думаете, не хочет ли вас заполучить Император Джегань?

— О, я думаю, очень, — улыбнулась про себя Кэлен.

Дженнсен наблюдала, как Ричард наливает в кормушки воду из бочонков, принесенных из повозки. Затем он спустился и передал одну из емкостей Фридриху. Кони начали прядать ушами, предвкушая питье. Бетти, кормящая малышей, проблеяла, давая хозяйке знак, что тоже хочет напиться. Наполнив кормушки, Ричард долил воды в свою флягу.

Дженнсен встряхнула волосами и посмотрела в глаза Кэлен.

— Император Джегань обманул меня, заставив поверить, что Ричард хочет меня убить, — она быстро кинула взгляд на мужчин, занятых работой, стремясь, чтобы они не услышали ее слов. — Я была с Джеганем, когда он напал на Эйдиндрил.

Кэлен почувствовала, как екнуло и заметалось в груди сердце: оказывается, у Дженнсен есть достоверные сведения о жестоком нападении на место, где прошло ее детство.

— Он уничтожил город? — не могла не спросить Кэлен, хотя и не была уверена, что выдержит правду ответа.

После пленения Ричарда Кэлен вместе с Карой бросила армию Д'Хары на бесчисленные орды Джеганя из Древнего мира. Месяц за месяцем ее армия вела неравные бои, отступая все дальше вглубь Срединных земель.

К тому времени, как они проиграли битву за Срединные земли, Кэлен уже год не видела Ричарда; о нем словно бы забыли. Когда она узнала, где его держат, то вместе с Карой отправилась верхом на юг, в Древний мир. Они добрались как раз тогда, когда Ричард разжег огонь восстания в самом сердце родины Джеганя.

Но перед тем, как покинуть родные места, Кэлен вывезла всех из Эйдинтрила и Дворца Исповедниц. Жизнь людей, а не город — вот что имело значение.

— Он ни за что не разрушил бы город,— сказала Дженнисен.— Когда мы оказались во Дворце Исповедниц, Император Джегань ожидал, что загнал в угол и тебя, и Ричарда. Но его ждало копье с насаженной на него головой уважаемого им духовника, Брата Нарева,— девушка многозначительно понизила голос.— Джегань нашел послание рядом с головой.

Кэлен хорошо помнила день, когда Ричард отправил в долгое путешествие на север голову Брата вместе с посланием Джеганю: «С наилучшими пожеланиями. Ричард Рал».

— Точно,— кивнула на ее невысказанное воспоминание Дженнисен.— Если бы ты видела ярость Джеганя! — Девушка замолчала, чтобы убедиться в том, что Кэлен ее внимательно слушает.— Он сделает все, чтобы заполучить в свои лапы и тебя, и Ричарда.

Кэлен и сама знала, сколь сильно Джегань их ненавидит.

— Тем больше причин убраться отсюда и где-нибудь спрятаться,— убежденно произнесла Кара.

— А птицы? — напомнила Кэлен.

— Если мы сделаем кое-что, этой трудности не будет,— приглушенно сказала Кэлен охранница, бросив на Дженнисен предостерегающий взгляд.

Задача Кары — защищать Ричарда. Она бы с большой радостью замуровала его в какой-нибудь пещере, если бы была уверена, что это место достаточно безопасно.

Дженнисен ждала, наблюдая за ними обеими. Кэлен до сих пор не верит, что она может чем-то помочь. Ричард тоже

все обдумал, и у него оставались серьезные сомнения насчет ее плана. Но Кэлен, и помимо колебаний Ричарда, была настроена скептически.

— Может быть,— только произнесла она.

— Если есть что-то, что я могу сделать, я хочу попытаться,— Дженнсен в волнении крутила пуговицу на платье.— Ричард думает, я не могу помочь. Но если это связано с магией, разве бы он не знал? Ричард — волшебник, он должен знать о магии.

— Ричард вырос в Вестландии — далеко от Срединных земель, еще дальше от Д'Хары,— вздохнула Кэлен.— Он прожил долгие годы, ничего не зная о своем даре. И несмотря на то, что ему удалось многому научиться и многое совершить, он до сих пор слишком мало осведомлен о праве, полученном им при рождении.

Они уже говорили об этом Дженнсен, но девушка всем своим недоверчивым видом показывала, что считает преувеличением то, что Ричард так мало знает о собственном даре. Однажды старший брат в одночасье спас ее от ужаса, в котором она жила. Такое сильное пробуждение казалось тому, кто не обладал магическими способностями, безусловно связанным с магией. Возможно, так оно и было...

— Если Ричард так несведущ в магии, как вы говорите, тогда, может, нам не следует так уж волноваться о том, что он думает,— со значением произнесла Дженнсен, чувствуя, что приближается к сути своего намерения.— Может быть, нам стоит просто не говорить ему ни о чем и поступить так, как хочет Кара, чтобы эти птицы наконец-то убрались.

Рядом Бетти мирно вылизывала белых близнецов. Душная тьма и тяжесть окружающего безмолвия казались бесконечными, как сама смерть.

Кэлен мягко взяла Дженнсен за воротник.

— Я выросла, гуляя по коридорам Башни Волшебников и Дворца Исповедниц. Я вполне достаточно знаю о магии,— она притянула девушку ближе.— Могу сказать тебе

только одно: подобные наивные представления, особенно насчет таких грозных дел, запросто приводят к смерти. Конечно, всегда остается шанс надеяться, что все обстоит так просто, как ты себе представляешь. Но, скорее всего, это лишь игры твоего воображения, а любая поспешность может разжечь огонь, который уничтожит всех нас. Кроме того, существует еще одна смертельная опасность, опасность незнания, когда такую попытку предпринимает кто-либо типа тебя, кто-либо, неодаренный от рождения.— Кэлен, как никому другому, была знакома ужасная правда, стоящая за ее уверованием.— Были времена, когда не оставалось выбора и надо было действовать немедленно; но даже тогда полагаешься на всю свою трезвость ума, опыт и знания. Сейчас есть выбор, и не следует прибегать к магии, если нет уверенности в том, что это необходимо. По крайней мере, не получишь удар в спину в темноте.

— Но если он действительно не знает много о магии, его страхи могут быть всего лишь...— Дженнисен не выглядела убежденной.

— Я прошла через мертвые города, мимо расчлененных тел мужчин, женщин и детей, убитых Имперским Орденом. Я видела молодых девушек, не старше тебя, которые совершили беспечные, необдуманные шаги и простились с жизнью, привязанные к столбу, где их насиливали банды солдат, прежде чем замучили до смерти. Эти девушки были замучены ради потехи людей, которые получают нездоровое наслаждение, когда насилиют женщин, испытывающих смертельную агонию,— Кэлен стиснула зубы от воспоминаний, безжалостно промелькнувших перед ее мысленным взором. Она сильнее сжала воротник Дженнисен.— Все мои Сестры Исповедницы погибли так, а они знали о своей силе и умели пользоваться ею. Человек, который схватил их, тоже был сведущ в этих делах и умело применил их же силу против них самих. Самая близкая подруга умерла у меня на руках, после того, как эти скоты разделались с ней. Жизнь для таких людей — ничто; они преклоняются

перед смертью,— Кэлен продолжала взывать к Дженнсен, волнуясь, но голос ее не дрожал.— Ты не забыла? Они — те, кто безжалостно убил твою мать. Те, кто расправятся и с нами, если мы допустим ошибку. Те, кто расставляет для нас ловушки, в том числе и магические. Что касается того, что Ричард не знаком с магией... Вначале, когда мы только встретились, он не знал простейших вещей, а я едва могла поверить в это и постоянно напоминала себе, что он вырос там, где его никто не учил обращению с даром. Я старалась быть терпеливой и помогала ему. Все, что я ему говорила, он воспринимал очень серьезно... Несколько раз мне казалось, он обладает такой сложной магией, что ни мне, ни кому-либо другому не измерить и не представить ее. И в этом только он сам сможет стать себе проводником. Жизни многих достойных людей зависят от того, совершим ли мы ошибку, главным образом, ошибку, связанную с магией. Как Мать-Исповедница я не позволю по необдуманной прихоти погубить эти жизни. Теперь ты меня понимаешь? — Кэлен часто снились кошмары о том, что прошло перед ее глазами, о тех, кто был схвачен, кто допустил нелепую ошибку и расплатился за это жизнью. Она была намного старше Дженнсена, но здесь бездна была намного шире, чем несколько лет разницы.— Ты меня понимаешь? — еще раз повторила Кэлен, дернув девушку за воротник.

Дженнсен слегка сглотнула, смотря на жену лорда Рала широко распахнутыми глазами.

— Да, Мать-Исповедница,— она смиренно склонила голову.

И только тогда Кэлен отпустила ее.

Глава 4

— Кто хочет есть? — обратился Том к женщинам.

Ричард достал фонарь из повозки, зажег его при помощи огнива и поставил на скалу. Он обвел подозрительным

взглядом трех подошедших женщин, но однако решил промолчать.

Кэлен села рядом с Ричардом, Том предложил предводителю первый аппетитный кусок, отрезанный от длинной колбасы. Ричард отказался, и тогда за еду принялась Кэлен. Том отрезал другой кусок и передал его Каре, затем следующий Фридриху.

Дженнсен отошла к повозке, как будто ей понадобилось что-то из вещей. Кэлен подумала, что, должно быть, она просто хочет ненадолго остаться одна, прийти в себя. Она знала, насколько болезненны были ее слова, но не могла позво-лить себе навредить Дженнсен, обласкав ее приятной ложью.

Девушка вернулась спокойной. Бетти легла за Расти — рыжей кобылой Дженнсен. Коза и кобыла отлично ладили. Остальные лошади, казалось, были рады гостье и проявляли живой интерес к двум ее детям, довольно фыркая, когда те подходили достаточно близко.

Дженнсен поманила козочку, показав кусочек морковки. Бетти стремительно вскочила. Ее хвостик взмахивал в нетерпеливом ожидании, превращаясь в размытое пятно. Лошади заржали и вскинули головы, надеясь, что им тоже перепадет что-нибудь вкусное. Каждая в свой черед получила небольшое угощение и почесывание за ухом.

Если бы у них был огонь, путники могли бы потушить мясо, рис или бобы, зажарить на решетке немного лепешек, или, может, сварить чудесный суп. Несмотря на голод, Кэлен подумала, что у нее все равно не нашлось бы сил что-нибудь готовить, так что пришлось обойтись тем, что было под рукой. Дженнсен, достав полоски сущеного мяса из свертка, предложила их окружающим. Ричард снова отказался, поедая изрядно попутешествовавший хлебец, орехи и сущеные фрукты.

— Почему ты не ешь мяса? — спросила его сестра, усевшись на спальник. — Тебе нужно не просто есть, тебе нужно что-нибудь питательное.

— Я не могу есть мясо. С тех пор, как обрел дар.

— Почему твой дар не позволяет тебе есть мясо? — недоуменно глядя на брата, наморщила нос Дженнисен.

Ричард повернулся, перенес вес на локоть и принялся рассматривать звезды, пытаясь найти слова для ответа.

— Равновесие, по сути своей, является состоянием, зависящим от правильного взаимодействия всех существующих вещей, — произнес он чуть погодя. — На простом уровне, посмотри, хищник и жертва находятся в равновесии. Если слишком много хищников, то все жертвы будут съедены, а затем процветающие хищники тоже начнут голодать и так же вымрут... Отсутствие равновесия смертельно и для хищника и для жертвы, мир прекратит существовать для них обоих. Для животных естественно пребывать в состоянии равновесия, поскольку их действия соответствуют их естеству и ведут к равновесию. При этом они стремятся к поддержанию равновесия инстинктивно, и такое стремление не является их сознательным намерением... Другое дело — люди. Все мы такие разные! Без осознанного намерения мы не так уж обязательно достигнем равновесия, которое часто столь необходимо нам, чтобы выжить. Нам надо научиться использовать свой ум, научиться думать, если мы хотим выжить. Мы растим урожай, охотимся ради меха, чтобы было тепло, или же стрижем овец, собираем их шерсть и учимся ткать. Нам нужно учиться, как выстроить кров. Мы уравновешиваем стоимость одной вещи с другой и торгуем товарами, которые мы произвели, обменяв их на то, что нам нужно — на то, что другие произвели, или вырастили, или соткали, или добыли на охоте, — Ричард тяжело вздохнул, думая о том, как непросто сестре вникать в такие важные для него вещи. — Мы уравновешиваем наши потребности с нашими знаниями о сущности мира. Мы уравновешиваем наши эгоистические рациональные интересы, мы стараемся не поддаваться импульсивным желаниям, потому что знаем, что того требует наше выживание. Мы

берем дерево, чтобы зажечь огонь в очаге, дабы не замерзнуть зимней ночью, но, как бы холодно нам ни было, когда мы зажигаем огонь, мы все же не делаем его слишком большим, зная, что дом может сгореть после того, как мы согреемся и уснем.

— Но ведь люди алчны, они действуют в близоруком себялюбии, жаждут власти, разрушают жизни, наконец! — Дженнсен простерла руку во тьму.— Смотри, чем занимается Имперский Орден и делает это вполне успешно. Они не заботятся о ткачестве, или постройке домов, или торговле товарами. Их занятие — убийство людей ради завоевания. Они берут все, что захотят, и столько, сколько пожелают. Орден все крушит и оставляет после себя только руины.

— А мы противостоим им. Мы научились понимать ценность жизни, и потому мы боремся за восстановление. Мы — оплот равновесия в этом мире.

— А какое это имеет отношение к тому, что ты не ешь мясо? — Дженнсен заправила прядь волос за ухо.

— Я уже говорил тебе, что маги также должны уравновешивать себя. Уравновешивать их дар — их силу — с тем, что они делают. Я борюсь против тех, кто, подобно Имперскому Ордену, разрушает жизнь, поскольку она не имеет для них ценности. И в этой борьбе от меня требуется совершение подобных ужасных поступков, которые разрушают то, что является для меня величайшей ценностью — жизнь. Я — воин, но мне был дан дар. Считается, что воздержание от мяса уравновешивает те убийства, которые я вынужден совершать.

— Что будет, если ты съешь мясо?

Кэлен знала, что у Ричарда были причины не есть мясо, хотя бы из-за того, что произошло вчера.

— Даже мысль о мясе вызывает во мне отвращение. Я делаю то, что мне неприятно, когда это необходимо, но это относится к числу тех вещей, которых я избегаю при любой возможности. Магия, лишенная равновесия, ведет к сер-

еенным последствиям, как и бездумное разжигание огня в очаге.

Кэлен подумала, что Меч Истины налагает особые обязательства по поддержанию равновесия. лорд Рал по праву был назван Искателем Истины, назван самим Первым Волшебником, Зеддикусом Зу'л Зорандером, Зеддом — дедом Ричарда, человеком, который помог ему возвыситься, тем, от кого он и унаследовал дар. Дар Ричарда наследовался не только по линии Рала, но и со стороны Зорандера. В этом тоже виднелось некое мистическое равновесие.

Искатели владели Мечом Истины уже около трех тысяч лет. Возможно, понимание Ричардом равновесия помогло ему пережить то, с чем ему пришлось столкнуться.

— Ты не можешь есть мясо, потому что тебе приходится воевать и порой убивать людей, да? — Дженнсен зубами вытянула полоску сущеного мяса.— И это твой дар требует уравновесить то ужасное, что ты совершаешь?

Ричард кивнул, жуя курагу.

— Это, должно быть, так ужасно,— владеть даром... Иметь нечто настолько разрушительное, что оно требует поддержания равновесия любой ценой,— тихо произнесла Дженнсен.

Она отвела взгляд от серых глаз Ричарда. Кэлен знала, как нелегко порой встретить его прямой, проницательный взгляд.

— Я раньше часто так чувствовал,— сказал Ричард.— Впервые я почувствовал это, когда был посвящен в Искатели и мне был дан Меч, а потом — намного позже, когда я постиг, что имею дар. Я не хотел владеть даром и не хотел того, что может дар, так же, как не стремился к обладанию Мечом, поскольку во мне есть нечто невыразимое словами.

— Но сейчас ты ведь не задумываешься о владении мечом или даром?

— У тебя есть нож, и ты пользуешься им,— Ричард наклонился к сестре, показывая на ее руки.— У тебя есть руки. Разве ты ненавидишь свой нож или руки?

— Конечно же, нет. Но что нужно делать, имея дар?

— Я рожден с даром. Это — как родиться мужчиной или женщиной, с голубыми или карими, или зелеными глазами, или с двумя руками. И я не начинаю ненавидеть свои руки только за то, что, вероятно, могу ими кого-нибудь задушить. Мои руки не действуют по своему желанию; думать так, значит не замечать истинной сути вещей, их естественной природы. Ты должен понять суть вещей, если тебе нужно достичь равновесия — или же действительно понимать только то, что важно.

Кэлен удивилась, почему она не нуждается в равновесии, как Ричард. Почему это оказалось так жизненно важно для него, но не довлело над ней? Несмотря на то, что ей сильно хотелось спать, она не смогла промолчать.

— Я часто использую мою Силу для тех же целей — для убийства, но мне не нужно соблюдать равновесие и отказываться от мяса.

— Сестры Света утверждают, что завеса, отделяющая мир живых от мира мертвых, поддерживается магией. Точнее, они утверждают, что завеса здесь, — сказал Ричард, постучав по виску. — Завеса хранится в тех из нас, кто обладает даром, в чародеях и менее могущественных волшебниках. Сестры утверждают, что равновесие существенно для тех, кто владеет даром, поскольку в нас помимо дара присутствует и завеса, делая нас, в сущности, стражами завесы, грани между мирами. Может быть, они правы. У меня есть обе стороны дара: Ущерба и Приращения. Наверное, именно это так важно для меня. Возможно, то, что я обладаю обеими сторонами, делает столь важным поддержание моего дара в равновесии.

Кэлен поразила мысль о том, что многое из сказанного мужем может быть правдой. Она боялась подумать, насколько сильно равновесие магии было нарушено ее действиями.

Мир перестал быть для нее загадкой. Но не было и выбора. Если бы слова имели хоть какой-то смысл, она бы

сказала мужу: «Делай, что должен, и будь, что будет». Но Ричард понимал без слов все, что она чувствовала, как будто они были одним сердцем. И Кэлен промолчала.

— Мне кажется, вся эта история с равновесием — просто послание от добрых духов из иного мира, призывающее лорда Рала отказаться от борьбы за нас,— непринужденно помахала перед ними куском сущеного мяса Кара.— Если он так сделает, ему не придется заботиться о равновесии, о том, что ему можно есть, а чего — нельзя. Если он перестанет подвергать себя смертельной опасности, то равновесие придет в норму, и он сможет съесть целого козленка.

Дженнсен удивленно приподняла брови.

— Ты знаешь, что я имею в виду,— буркнула Кара.

— Может, хозяйка Кара права, лорд Рал,— наклонился вперед Том.— У тебя есть люди, способные защитить тебя. Позволь им это, и ты сможешь лучше выполнить свое предназначение, лорд Рал.

Ричард закрыл глаза и потер виски кончиками пальцев.

— Если мне все время придется ждать, когда Кара спасет меня, боюсь, я останусь без головы,— заметил он.

Кара круглыми глазами посмотрела на неуловимую улыбку на его лице и вернулась к своей колбасе.

Рассматривая лицо мужа в тусклом свете, в то время как он посасывал маленький кусочек сухого хлеба, Кэлен подумала, что Ричард неважно выглядит, и дело не только в том, что он истощен. Мягкий блеск фонаря освещал одну сторону его лица, оставляя другую в тени, как будто он лишь наполовину был здесь,— половина в этом мире и половина в мире тьмы, как если бы он был завесой между ними.

Она придвигнулась ближе и убрала назад волосы, упавшие ему на лоб, потом безмолвно извинилась, коснувшись его брови. На ощупь Ричард был горячим, но все путешественники этим вечером были горячими и потными, так что Кэлен не могла с уверенностью сказать, был ли у него жар, во всяком случае, она так не думала.

Ее рука скользнула вниз, чтобы закрыть его лицо, и это вызвало улыбку Ричарда. В который раз Кэлен поймала себя на мысли, что умирает от наслаждения всегда, когда просто смотрит в его глаза. Ее сердце колыхнуло от радости, когда она увидела улыбку на лице мужа. И Кэлен улыбнулась в ответ, улыбнулась только ему. О, как ей хотелось поцеловать его... Но вокруг были люди, а поцелуй, который она мечтала подарить, не был поцелуем, возможным на людях.

— Это так сложно вообразить, — обратился Фридрих к Ричарду. — Я имею в виду то, что сам лорд Рал не знает о своем даре. В это так сложно поверить, — мужчина недоверчиво покачал головой.

— У моего деда, Зедда, был дар, — пояснил Ричард, откинувшись назад. — Он хотел помочь мне вырасти вдали от магии, так же, как помочь Дженнисен, спрятав ее подальше, где Даркен Рал не смог бы нас достать. Вот почему он хотел, чтобы я вырос в Вестландии, по другую сторону границы.

— И даже твой дед, маг, никогда не показывал, что у него есть дар? — спросил Том.

— Нет, пока Кэлен не пришла в Вестландию. Как я теперь понимаю, было много признаков, проявлений и событий, говоривших, что он куда значительнее, чем кажется, но тогда я этого не знал. Дед всегда был для меня самым могущественным, потому что, казалось, он знает все об окружающем мире. Он открыл этот мир для меня, научил стремиться постоянно узнавать о нем все больше и больше. И хотя дар не был той магией, что он открыл мне, Зедд открыл и показал мне куда более ценное — жизнь.

— Тогда это действительно правда, — произнес Фридрих. — Вестландия — страна, где нет магии.

— Да, это так, — улыбнулся Ричард, вспоминая свой дом в Вестландии. — Я вырос в Оленьих лесах, недалеко от границы, и никогда не встречался ни с чем магическим. Конечно, кроме Чайза.

— Чейза? — переспросил Том.

— Это мой друг — страж границы. Парень с тебя ростом, Том. Вот ты служишь, охраняя лорда Рала, а служба Чейза — граница, или, точнее, удержание людей подальше от нее. Он говорил мне, что его работа — держать подальше людей, которые могут стать жертвами, дабы наступающее на нас из-за границы не обрело еще больше силы. Чейз работал над поддержанием равновесия, — Ричард улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям. — У Чейза не было дара, но я часто думал о том, что то, как он выносил свою службу, было волшебством.

Фридрих тоже улыбнулся, слушая рассказ Ричарда.

— Я прожил в Д'Харе всю жизнь. Когда я был мальчишкой, люди, охранявшие границу, были моими героями, и я хотел стать одним из них.

— Почему же ты этого не сделал? — спросил Ричард.

— Когда граница исчезла, я был слишком юн, — Фридрих погрузился в воспоминания, затем решил сменить тему разговора. — Как долго нам еще идти по этой пустоши, лорд Рал?

— Если мы будем идти с той же скоростью еще несколько дней, то выберемся из самой худшей части пустыни, — ответил Ричард, посмотрел в сторону востока, как будто мог что-то разглядеть в темноте, таящейся за тусклым кругом света фонаря. — Наш путь лежит к тем горам вдалеке. Идти станет труднее, но, в конце концов, мы поднимемся выше над уровнем земли, и уже будет не так жарко.

— Как далеко та вещь, которой... которой, как думает Кара, я коснусь? — спросила Дженнсен.

Ричард некоторое время изучал ее лицо.

— Я не уверен, что это хорошая идея, — заметил он наконец.

— Но мы идем туда?

— Да.

Дженнсен подняла полоску сушеного мяса.

— Так что это за вещь, о которой говорит Кара? Ни она, ни Кэлен ничего не хотят мне объяснить.

— Я просил их не говорить тебе,— ответил Ричард.

— Но почему? Если мы собираемся увидеть это, то почему ты не хочешь сказать мне заранее о том, что нас ждет?

— Потому что у тебя нет дара,— честно сказал брат.— И я не хочу повлиять на то, что ты увидишь.

— А что это значит? — прищурилась Дженнсен.

— У меня не было времени, чтобы перевести большую часть текста, но из книги, принесенной мне Фридрихом, я понял, что даже те, у кого нет дара, имеют хотя бы его искорку. Поэтому они способны взаимодействовать с магией в мире — как если бы ты должна была родиться зрячей, чтобы видеть цвет. Рожденная зрячей, ты можешь видеть и понимать великие полотна, хотя у тебя может и не быть способности самой создать нечто подобное. В книге говорится о том, что лорд Рал, обладающий даром, дает жизнь лишь одному одаренному потомку. У него могут быть и другие дети, но вряд ли кто-нибудь из них будет обладать столь же мощным даром. В каждом из них есть эта мельчайшая искорка. Все они, так сказать, могут видеть цвет, — Ричард задумался, потому что не часто ему приходилось объяснять столь сложные вещи. — В книге также написано, что редко рождались дети, такие же, как ты, лишенные какого бы то ни было следа дара. Книга называет их Столпы Творения. Как те, кто рожден слепым, не могут ощущать цвета, те, кто рожден, как ты, не могут чувствовать магии... Для тех, кто рожден слепым, цвета существуют, просто они не способны их увидеть. Вот и ты просто не можешь почувствовать магии. Для тебя магия не существует — она не является твоей реальностью.

— Как так может быть? — спросила Дженнсен.

— Я и сам не знаю, — ответил Ричард. — Когда наши предки создали связь между лордом Ралом и народом

Д'Хары, рождались только одаренные наследники. Магия требует равновесия. Но, возможно, им пришлось сделать так, чтобы рождались и такие, как ты. Наверно, они не предугадали всего, что может случиться, и равновесие нарушилось.

— Что будет, если... — Дженнсен откашлялась. — Ну, понимаешь, если у меня появятся дети?

Ричард мучительно долго смотрел в глаза Дженнсен.

— Ты родишь таких же детей, как ты сама.

— Даже если я выйду замуж за кого-нибудь с искрой дара? — Дженнсен выпрямилась, заламывая руки в мольбе. — Кого-нибудь, как ты говоришь, способного видеть цвета? Даже тогда мои дети будут такими же, как я?

— Даже тогда и всегда, — ответил Ричард со спокойной уверенностью. — Ты — порванное звено в цепи дара. Как говорит книга, однажды цепь всех, кто рожден с искрой дара, включая тех, кто владеет даром, как я, — цепь, идущая сквозь тысячелетия, из века в век, — будет порвана и порвана навсегда. Она не может быть восстановлена. Однажды наказанный в подобном браке, ни один потомок этой линии никогда не сможет вернуть звено в цепь. Когда такие дети женятся, они тем более будут такими, как ты, разрывая цепь магической линии тех, с кем они сочетаются браком. Их дети будут такими же, и так далее, — он печально помолчал. — Вот почему лорд Рал всегда охотился за неодаренными отпрысками и уничтожал их. Ты будешь началом того, что мир никогда не видел прежде: та, кого не коснулся дар. Каждый отпрыск каждого потомка закончит линию, несущую искру дара в каждом, с кем они вступят в брак. Мир, человечество изменится навсегда. Именно поэтому книга называет таких, как ты, Столпами Творения.

Повисла хрупкая тишина.

— И так же названо это место, «Столпы Творения», — Том указал большим пальцем за плечо, чувствуя необходимость сказать что-нибудь в тяжелой тишине. Он оглядел

лица, окружившие слабый мерцающий свет фонаря.— Странно, что и Дженнисен, и это место названы одинаково.

— Я не думаю, что это совпадение. Они связаны,— произнес Ричард, устремив внимательный взгляд в темноту по направлению к тому страшному месту, где могла бы умереть Кара, если бы он ошибся с магией.

Книга «Столпы Творения», в которой были описаны такие, как Дженнисен, была написана на древнем языке верхней Д'Хары. Мало кто из живущих сейчас понимал это наречие. Ричард начал учить его, чтобы разобраться в важных сведениях из найденных ими книг времен Великой войны.

Это война, начавшись три тысячи лет назад, снова запылала и быстро распространилась по всему миру. Кэлен боялась и подумать о том, какую роль в событиях играют они с Ричардом.

— Как ты думаешь, могут ли два человека быть связанны друтом с другом? — Дженнисен наклонилась, будто ища нить надежды.

— Я пока не знаю,— поднял усталый взгляд Ричард.

Дженнисен катала пальцем камешек по маленькому кругу, оставляя в пыли тонкий след.

— От всех этих разговоров обо мне, как о Столпе Творения, порванном звене в цепи дара, я чувствую себя будто... облитой грязью,— с горечью сказала она.

— Грязью? — удивился Том, будто емуально слышать такое даже в предположении.— Дженнисен, что ты придумываешь?

— Таких, как я, называют «дырами в мире». Теперь я знаю, почему.

Ричард наклонился, положив локти на колени.

— Я знаю, как это трудно: сожалеть о том, кем ты был рожден, о том, что у тебя есть, и чего нет. Я ненавидел, что родился таким — с даром. Но я понял, насколько бесполезны такие мысли, и как неверно думать подобным образом.

— Но со мной совсем другое дело,— возразила девушка, взмучивая песок пальцем, стирая маленькие колеи, оставленные камешком.— Есть те, что, как и ты — маги и волшебники, владеющие даром. Все остальные могут, по крайней мере, видеть цвета. Одна я такая.

Ричард пристально посмотрел на сводную сестру — красивую, яркую, но не обладающую даром юную женщину, которую Даркен Рал, не раздумывая, убил бы сразу на месте.

— Дженнсен, я думаю, что ты родилась самой чистой,— нежно улыбнулся он.— Ты как свежевыпавший снег, отличаешься от всех женщин мира, и ты так ослепительно красива!

Взглянув на брата, Дженнсен улыбнулась своей особой улыбкой.

— Я никогда не думала об этом с такой стороны,— ее улыбка поблекла при воспоминании о его словах.— Но все же я буду разрушительницей.

— Ты будешь созидательницей, а не разрушительницей,— уверенно произнес Ричард.— Магия существует. Однако не она дает право на существование. Думать так — значит отвергать истинную природу, суть вещей. Люди, если они не забирают жизни других людей, имеют право жить своей жизнью. Ты не можешь сказать, что только потому, что была рождена рыжей, ты искоренила право темных волос расти на твоей голове.

Дженнсен хихикнула. Улыбка осветила ее лицо. Ричард заметил, как смотрит на нее Том.

— Так что, насчет той вещи, которую мы собираемся увидеть? — спросила Дженнсен.

— Если вещь, о которой говорила Кара, была изменена кем-то, кто имеет дар, то поскольку ты не способна видеть магию, ты сможешь увидеть нечто, чего не увидим мы. Не исключено, что именно тебе удастся разглядеть то, что скрыто за магией.

— И ты думаешь, это будет что-нибудь важное? —
Дженнсен потерла задник ботинка.

— Не знаю. То, что ты увидишь, может быть полезным, а может и нет, но я хотел бы знать, что откроется твоему взору само, без каких-либо наших подсказок.

— Если ты так беспокоишься об этой вещи, почему ты ее там оставил? Неужели не боишься, что кто-то может прийти и взять ее?

— Я беспокоюсь слишком о многом, — вздохнул Ричард.

— Даже если Дженнсен действительно разглядит нечто, измененное магией, и сможет понять, чем оно является на самом деле, из этого вовсе не следует, что эта вещь не имеет свойств, которые мы в ней разглядели, или не таит в себе угрозу, — произнесла Кара.

— По крайней мере, мы больше узнаем о ней. А все, что бы мы ни узнали, когда-нибудь нам поможет, — кивнул Ричард.

— Я просто хочу, чтобы она вернула это обратно, — нахмурилась Кара.

Ричард посмотрел на охранницу взглядом, предостерегающим от дальнейших высказываний. Кара недовольно хмыкнула, наклонилась и взяла один из сушеных абрикосов Ричарда. Затем она бросила на него сердитый взгляд, быстро отправив абрикос в рот.

После ужина Дженнсен предложила, чтобы всю еду убрали обратно в повозку, потому что Бетти весьма не прочь перекусить ночью. Бетти всегда была голодна.

Последнее время и она, и козлята знали, что такое постоянно хотеть есть.

Кэлен решила, что Фридриху стоит оказать уважение, и спросила старика, не хочет ли он первым стоять на страже. Караванить первым было лучше, потому что не приходилось вскакивать посредине ночи, прерывая сон. Кивнув в знак согласия, он улыбнулся тому, как высоко его ценят.

Разложив постели, свою и Кэлен, Ричард потушил фонарь.

Ночь была знойной, но кристально чистой, так что, когда глаза Кэлен привыкли к темноте, мерцания звезд было вполне достаточно, чтобы видеть все вокруг, хотя и не слишком четко. Один из белых близнецов Бетти решил, что разложенные постели — отличное место для игр. Кэлен сгребла длинноногого непоседу в охапку и вернула его матери.

Лежа рядом с Ричардом, Кэлен увидела темный силуэт Дженнисен, склонившейся к Бетти и собирающей близнецов в мягкую постель ее рук, где они быстро успокоились.

— Знаешь, я люблю тебя, — Ричард повернулся на другой бок и нежно поцеловал Кэлен.

— Если бы мы были одни, лорд Рал, надеюсь, мне бы хотелось большего, чем просто короткий поцелуй.

Муж усмехнулся, и еще раз поцеловал ее — на сей раз в лоб, — перед тем, как занять свою сторону импровизированной лежанки, вдалеке от нее. Кэлен ожидала нежного обещания, или хотя бы нежного слова. Женщина свернулась калачиком и положила руку на его плечо.

— Ричард, с тобой все в порядке? — прошептала она.

— У меня сильная боль, — не так скоро, как она ждала, ответил он.

Кэлен хотелось спросить, что это за боль, но она не хотела дать разгореться искорке притаившегося страха, высказав его вслух.

— Это отличается от той боли, что я испытывал раньше, — произнес Ричард, отвечая на ее мысли. — Хотелось бы надеяться, что причина такой странной и мучительной боли — банальное невысыпание.

— Наверно... У меня тоже от жары раскалывается голова, — Кэлен свернула шерстяное одеяло, которым она пользовалась как подушкой, чтобы сделать возвышение, где можно было бы расположить больное место в основании затылка и нежно погладила мужа по плечу. — Спокойной ночи, милый.

Кэлен смертельно устала, все ее тело ныло и болело. Потому так восхитительно было наконец-то прилечь. Голова, упокоившись на теплом свертке из одеяла, который она подложила в основании шеи, стала меньше болеть. С рукой, покоящейся на плече Ричарда, чувствуя его медленное дыхание, Кэлен крепко заснула.

Глава 5

Какой бы усталой Кэлен ни была, все ее существо ликовало от близости Ричарда. Это так чудесно — быть рядом с ним, расслабиться, дать заботам и тревогам хотя бы на время исчезнуть, и так легко и незаметно провалиться в сон.

Казалось, она только что заснула, когда Кара разбудила ее, легонько тряся за плечо.

Кэлен заморгала, глядя на знакомый силуэт, возникший перед ней. Вставать решительно не хотелось. Если бы позволила совесть, она бы потребовала, чтобы ее оставили в покое. Мучительно тянуло снова заснуть, укутавшись в одеяло сладкой полудремы.

— Моя очередь? — однако спросила Кэлен.

— Если тебе совершенно не подняться, я могу постоять еще пару часов, — понимающе кивнула Кара.

— Нет, — прошептала Кэлен. Сев, она бросила быстрый взгляд на Ричарда и убедилась, что он по-прежнему крепко спит и даже слегка посапывает. — Поспи, тебе тоже нужно отдохнуть.

От души зевнув и потянувшись, она сделала несколько быстрых махов руками, чтобы размять затекшие члены, потом взяла Кару под локоть и отвела ее на несколько шагов от лагеря, где их никто не мог услышать.

— Но в общем ты права, — заговорщицки улыбнулась она. — Нас более чем достаточно, чтобы стоять на часах, и тогда все смогут выспаться. Пусть Ричард спит до утра.

Идя к месту, где она расположилась на ночлег, Кара тоже улыбалась. Любой намек на секретность всегда был подарком для Морд-Сит, доставляя им куда большее удовольствие, чем иные прелести материального мира.

Кэлен не могла удержаться и снова начала зевать и потягиваться, стараясь одновременно собраться и стяхнуть оставшуюся дымку сна. Убрав волосы с лица и рассыпав их по плечам, она внимательно осматривала пустошь, раскинувшуюся вокруг лагеря, в поисках чего-нибудь из ряда вон выходящего. Но женщина не заметила ничего необычного. Все будто умерло. Ни колыхания травы, ни голосов птиц, ни шороха зверя... Горы оттеняли мерцающий блеск звезд, зубчатой линией протянувшись вдоль всего горизонта.

Кэлен внимательно оглядела спящих, убеждаясь, что все на месте. Каре, по-видимому, было очень уютно и тепло, хотя рядом с ее правой рукой лежало наготове оружие. Том спал недалеко от лошадей. Фридрих устроился с другой стороны повозки. Дженнисен свернулась рядом с Бетти, но, судя по тому, как она ворочалась, девушка не спала, или же ее сон был неспокойен. Детеныши лежали, вытянувшись, прижавшись головками к матери.

Кэлен всегда была особенно бдительна при смене караула. Нет лучшего времени для нападения, чем смена часовых. Кому, как не ей, знать это, ведь она сама часто устраивала вылазки во вражеские лагеря, воспользовавшись именно таким моментом. Как правило, те, кто сдают пост, уже устали, и их голова заполнена думами о других делах — о чем угодно, но не о безопасности. Им уже кажется, что караул — забота следующего стражи. А те, кто заступает на стражу, по-прежнему витают мыслями где-то далеко и еще не готовы к внезапной атаке. Обычно люди несобранны и наивно полагают, что враг не нападет, пока они не встанут и не соберутся должным образом. Победа достается тем, кто всегда готов к битве. Поражение подкрадывается к неосторожным и потерявшим бдительность.

Кэлен направилась к гряде скал, темневших неподалеку от Ричарда. Она стремительно поднялась на вершину и присела на ней, застыв, как молчаливое изваяние, чтобы лучше видеть окружающее безжизненное пространство. Даже в середине ночи шероховатая скала все еще излучала невыносимую жару ушедшего дня.

Кэлен убрала влажные спутанные волосы с шеи, мечтая о легком ветерке. Бывали случаи, когда зимой она замерзала почти до смерти. То жара, то холод были ее постоянными спутниками на протяжении странствий минувшего тяжелого года. Но, как бы она ни старалась, в эту минуту ей не удавалось вернуть воспоминание о настоящей прохладе.

Через некоторое время Кэлен увидела, что Дженнсен встала и тихонько идет по лагерю, стараясь не разбудить остальных.

— Ничего, если я посижу с тобой? — спросила она, подойдя к холму, где держала стражу Кэлен.

— Садись, конечно.

Дженнсен присела на камень рядом, поджала колени и обхватила их руками, прижимая к телу. Некоторое время она лишь пристально вглядывалась в ночь.

— Слушай... Прости меня за то, что было, — запинаясь, проговорила она. — Я не хотела выглядеть бездумной дурой, которая не способна понять других. Я никогда не обижала никого из вас.

Несмотря на темноту, Кэлен показалось, что девушка опечалена.

— Я знаю, ты никогда бы не сделала это нарочно. Должно быть, ты поступила так непреднамеренно, и я тоже виновата в том, что произошло.

— Думаю, что немного лучше понимаю сейчас, насколько все взаимосвязано, и как мало мне на самом деле известно, — кивнула Дженнсен. — Обещаю: никогда не сделаю ничего, кроме того, что ты или Ричард мне скажете.

Кэлен улыбнулась и погладила девушку по голове, обняв ее за плечи и притянув к себе.

— Поверь, я говорила с тобой так сурово только потому, что заботчусь о тебе, дорогая,— Дженнсен понимающе пожала плечами.— Я заботчусь о тебе так же, как Бетти печется о своих глупеньких близнеццах, зная об опасностях окружающего мира, которые подстерегают их на каждом шагу... Ты должна понимать, что если идешь по тонкому льду, совершенно неважно, заморожено озеро холодом или магией. Если ты идешь в неведомое, то можешь упасть в холодные объятья смерти. Неважно, кто сотворил лед — зимний холод или злая магия, — смерть есть смерть. Я не хочу, чтобы ты ходила по тонкому льду без веской причины, потому что это может стоить тебе жизни.

— Но меня не коснулась магия. Ричард же сказал, что я подобна тем, кто родился незрячим и не может видеть цвета. Я — порванное звено в цепи магии. Правильно ли я поняла то, что он пытался мне объяснить? Так может ли магия повлиять на меня? Или я могу пострадать от магических действий только по случайности?

— Попробуй представить такую картину. Ты идешь по горам. И вдруг с отвесной стены на тебя падает огромный валун. Если он тебя раздавит, будет ли иметь значение, кто его сбросил — злодей, сдвинувший его с места при помощи рычага, или волшебник, владеющим даром?

— Я поняла, о чем ты говоришь, — задумчиво сказала Дженнсен. Ее голос приобрел тревожный оттенок.— Я никогда не смотрела на события с такой стороны.

— Я просто стараюсь помочь тебе, потому что знаю, как легко совершить ошибку, — ответила Кэлен.

На холме надолго воцарилось молчание. Девушка некоторое время наблюдала в темноте за Кэлен.

— Ты владеешь магией. И какую же ошибку ты можешь совершить? — наконец нарушила Дженнсен тишину.

— Любую.

— Ну например?

— Я однажды приостановилась на секунду, убивая одного человека,— углубилась Кэлен в воспоминания.

— Но я помню, ты говорила, что нельзя спешить и быть слишком нетерпеливой.

— Иногда самое глупое, что ты можешь сделать — это поспешить. Та, кого я не убила, была волшебницей. Когда я начала действовать, было уже слишком поздно. Из-за моей ошибки она завладела Ричардом и далеко увезла его. Целый год я не знала, что с ним. Я была в отчаянии, думая, что никогда уже его не увижу, и мое сердце разорвется от боли.

— Когда ты снова нашла его? — Дженнисен удивленно смотрела на нее.

— Не так давно. Вот почему мы здесь, в Древнем мире — колдунья принесла его сюда. И, в конце концов, я нашла Ричарда. Я совершила и другие ошибки, и каждая из них вела к тому, что неприятности множились и множились, а один промах влек за собой другой. Так было и с Ричардом. Он совершенно справедливо заметил: все мы делаем ошибки. Но если это хоть сколько-нибудь в моих силах, я постараюсь удержать тебя от совершения тех ложных шагов, которых можно избежать.

— Как я могла поверить этому человеку, Себастьяну? — проговорила Дженнисен, смотря куда-то вбок, лишь бы не встретиться с Кэлен глазами.— Из-за него была убита моя мать, а я чуть не убила тебя. Я чувствую себя так глупо.

— Ты совершила эту ошибку не потому, что была излишне беззаботна, Дженнисен. Они обманули, использовали тебя, заманили в коварную ловушку, опутали паутиной лжи. Но в конце концов ты смогла начать думать самостоятельно, захотела взглянуть в лицо правде и доверились своему сердцу. А это куда важнее.

Дженнисен кивнула, соглашаясь.

— Как мы назовем близнецов? — спросила она.

Кэлен не думала, что давать имена близнецам — удачная идея, но не хотела об этом говорить.

— Не знаю. А как ты хочешь?

— Я была шокирована, когда Бетти столь внезапно ко мне вернулась. Еще больше я была поражена, когда увидела ее малышей,— Дженнсен тяжело вздохнула.— Я никогда не думала, как это ни странно звучит, что у нее могут родиться дети. И у меня не было времени даже подумать об именах.

— Ну, чего-чего, а времени у тебя теперь будет предостаточно.

Дженнсен улыбнулась.

— Знаешь, наверное, я поняла, о чем говорил Ричард,— поделилась она.— Помнишь, он рассказывал, что считал своего дедушку волшебником, хотя никогда не видел, как тот колдует?

— Да. Так о чём ты?

— Ну... Вот я не могу видеть магию, и Ричард не сделал ничего магического, по крайней мере, ничего такого, что я могла бы заметить,— она мягко рассмеялась, самым приятным смехом, который когда-либо слышала Кэлен, полным жизни и радости. Это было очень похоже на то, как смеялся Ричард, когда было легко на душе: колокольчик женского смеха к рокоту мужского, две ноты одной радости.— Понимаешь, его слова заставили меня поверить, что он волшебник, так же, как и Зедд,— продолжила Дженнсен.— Ричард открыл для меня весь мир. И вовсе не дар был тем волшеством, которое он мне показал. С его помощью я увидела жизнь во всех ее красках и впервые поверила в то, что моя жизнь принадлежит только мне и ценна сама по себе.

Кэлен слушала девушку и чувствовала, что в груди становится теплее. То, чем делилась с ней Дженнсен, очень точно описывало ее собственные ощущения от общения с Ричардом. Именно он привел Кэлен к вере в жизнь и осоз-

нанию безусловной ценности жизни — не для других, но, что более важно, для нее самой.

Некоторое время они сидели вместе, молча наблюдая за ровной пустошью. Кэлен кинула взгляд в сторону спящих и заметила, что Ричард беспокойно ворочается по постели во время сна.

Дженнисен тоже обратила внимание на то, как странно ведет себя ее брат во сне.

— Кажется, с ним что-то не в порядке, — прошептала она с возрастающей тревогой, придвигнувшись ближе к старшей подруге.

— Ему снятся кошмары, — констатировала Кэлен.

Жене лорда Рала уже в который раз пришлось увидеть, как ее муж сжимает кулаки во сне, будто борясь с каким-то невидимым, но грозным и внушающим страхом противником.

— Жутко видеть его таким, — поежилась Дженнисен. — Ричард всегда такой разный... Когда он бодрствует, он обычно выглядит так... в общем, куда более разумным.

— Нет ничего разумного вочных кошмарах, — произнесла Кэлен с тихой грустью.

Глава 6

Ричард проснулся, вздрогнув.

Они вернулись.

Всю ночь ему снился дурной сон. Он, конечно, не помнил его, как и все прочие сны. Но он не сомневался, что сон этот был дурным, поскольку после него осталось бесформенное облако удущивого, неопределенного, безумного ужаса. Ричард сбросил с себя оставшуюся завесу кошмара, как спутанное одеяло. Хотя чувствовалось, что нечто темное все еще скребется в оставшихся обрывках сна и пытается утянуть его обратно в свой темный мир, Ричард знал о прозрачности снов и без сожаления их отбрасывал. Сейчас он

проснулся, и ощущение ужаса быстро начало рассеиваться, подобно туману под лучами жаркого солнца.

Все же ему надо было отдыщаться.

Самым важным было то, что они вернулись. Ричард не всегда знал, когда это случится, но сейчас по какой-то непонятной ему самому причине был в этом уверен.

Иногда по ночам поднимался ветер. Он боролся с Ричардом, срывал с него одежду, метался в его волосах. На этой энойной пустоте обжигающий ветер не оставлял ни единого шанса спастись от жары. Он не приносил свежести, и даже когда дул со всей силой, был столь горяч, что казалось, облизывал тело языками пламени, вырывающимися сквозь дверцу пылающей печи.

В темноте Ричард не сразу отыскал мех с водой. Он попытался вспомнить, куда его положил, но эта мысль не могла пробиться сквозь ворох других, настойчиво требующих внимания, и вспомнить не удалось. Ничего. Можно позаботится о питье и позже.

Кэлен лежала рядом, повернувшись к нему. Она собрала длинные волосы в узел под подбородком. Ветер высек тонкие следы на ее щеке. Ричард любил просто сидеть и смотреть на ее лицо. Он залюбовался женой и сейчас, хотя секунду помедлила прежде чем устроиться поудобнее. Самое дорогое на свете лицо сияло в тусклом свете звезд. Лорд Рал сидел на крае разложенной постели долго и достаточно тихо, чтобы не потревожить ее дыхания. Кэлен крепко спала.

Осмотрев лагерь, он заметил лишь слабый розовый отблеск на восточном небе. Занимался рассвет.

Ричард понял, что проспал свою очередь стоять на страже. Кара и Кэлен несомненно решили, что сон нужен ему значительно больше, чем им, и сговорились не будить его. Вероятно, женщины были правы. Он был настолько изнурен, что проспал всю ночь. Сейчас, однако, Ричард совершенно проснулся. К счастью, головная боль тоже куда-то улетучилась.

Тихо и осторожно он выскользнул от Кэлен, стараясь не разбудить ее. Ричард интуитивно добрался до меча, лежавшего на другой стороне постели, и, как только его пальцы обвились вокруг ножен, отделанных серебром и золотом, почувствовал, что металл по-прежнему был теплым. Всегда успокоительно было обнаружить меч в готовности, не говоря уже о том, как кстати это ощущение пришло именно в этот момент. Бесшумно перекатившись, он плавно надел перевязь через голову, располагая хорошо знакомую кожаную ленту через правое плечо. Когда он вскочил, меч был уже у бедра, готовый выполнить любой приказ владельца.

Несмотря на успокаивающее действие оружия, на душе у Ричарда скребли кошки. Лорд Рал в который раз с отвращением подумал о кровавой резне под Столпами Творения. Он чувствовал омерзение при воспоминании о том, что ему пришлось сделать. Но иначе Кэлен не спала бы сейчас мирным сном в этом лагере, а была бы мертва, или с ней приключилось бы нечто более худшее.

Но прошлое принесло и хорошее. Встречу с Дженнисен. Он посмотрел в ее сторону. Девушка свернулась калачиком рядом с любимой козой, ее руки обхватили спящих близнеццов Бетти. Он улыбался, любуясь ею. Как чудесно знать, что у тебя есть сестра! Мужчина спокойно улыбался тому, какой толковой она была, и всем тем чудесам жизни, которые ждут ее на пути. Мысль о том, что ей страстно хотелось быть рядом с ним, доставляла Ричарду особое, ни с чем не сравнимое, счастье. Но само это «рядом» заставляло постоянно быть начеку и заботиться о ее безопасности. Действительно, не существовало ни одного безопасного места, где сорвавшиеся с цепи силы Ордена были бы уничтожены или, по крайней мере, поставлены на место.

Сильный порыв ветра хлестнул по лагерю, неся густые клубы пыли. Ричард заморгал, стараясь защитить глаза от летящего песка. Звук ветра в ушах раздражал его, посколь-

ку заглушал все остальные звуки. Вслушиваясь очень внимательно, он мог слышать только завывания ветра.

Бросив взгляд на лагерь сквозь вихрящийся песок, Ричард разглядел, что Том сидит на вершине повозки и внимательно наблюдает за окрестностями, неся вахту. Фридрих спал с другой стороны от лошадей, Кара — неподалеку от него, ближе к пустыне. Охранница расположилась между ним и Кэлен и, казалось, даже во сне была настороже. В тусклом свете звезд Том не заметил Ричарда. Когда юноша повернул голову и посмотрел во тьму в противоположном направлении, Ричард покинул лагерь, спокойно оставив заботу обо всех остальных на Тома.

Бывалому воину было уютно под покровом ночи. Годы опыта научили его скользить невидимым среди теней, бесшумно двигаться в темноте. Он проделывал это сейчас, двигаясь прочь от лагеря навстречу разбудившему его неведомому, навстречу тому, что не могли почувствовать остальные, стоящие на страже.

В отличие от Тома, птицы не упустили движений Ричарда. Они описывали круги высоко наверху, наблюдая и сопровождая его на протяжении всего пути по разбитой земле. Они скользили, почти неразличимые на мрачном бархате неба, но Ричард мог видеть их — они темнели, подобно предательским теням, на фоне звезд и сверкающего черного занавеса ночи. И эти тени, как ему казалось, он мог чувствовать так же хорошо, как и видеть.

То, что раскалывающая боль ушла, было большим спасением, но сам странный характер ее исчезновения тоже служил поводом для беспокойства. Мучительная боль часто покидала Ричарда в те моменты, когда он был отвлечен чем-то важным. Чем-то опасным. И одновременно, хотя боль и ушла, чувствовалось, что она просто прячется в каком-то укромном уголке его сознания, поджиная, когда он расслабится, чтобы снова безжалостно и наотмашь ударить.

Когда накатывал приступ, тошнотворная боль была столь сильна, что Ричард чувствовал слабость каждой частицей своего существа. Хотя раскалывающая боль порой не давала ему встать, и требовалось недюжинное усилие, чтобы сделать шаг, просто поставить одну ногу впереди другой, он знал, что остановка означала верную смерть. Да, его новая головная боль была адом сама по себе. Но в последнее время Ричард был не столь озабочен болью, сколь ее природой, ее причиной. Эти приступы были не похожи на те головные боли, что он испытывал раньше, и прихода которых так боялся — на боли, доставшиеся ему вместе с даром,— но они не были похожи и на другие, привычные и «нормальные». На протяжении всей жизни его время от времени мучили ужасные головные боли, такие же, какие были у его матери по более регулярной причине. Она называла их «мои неумолимые боли». Со временем Ричард понял, что она имеет в виду.

Эти, хоть и беспощадные, были не как те. Он опасался, что они вызваны даром.

Раньше у него уже были боли, вызванные даром. Ричарду говорили, что, когда он вырастет, его способности тоже возрастут, он начнет больше понимать, но время от времени ему придется сталкиваться с головными болями, принесенными даром. Способ лечения был по сути простым. Ему было необходимо всего лишь найти другого мага, обладающего следующим уровнем знаний и пониманием природы дара, и просить его о помощи. Ментальная осведомленность и понимание даст такому человеку возможность контролировать и через это уничтожить боль, быстро прекратив обострение. По крайней мере, так говорили Ричарду.

Конечно, если он не найдет другого мага, Сестры Света охотно наденут ожерелье ему на шею, чтобы помочь контролировать ускользающую силу дара.

Ричарду говорили, что подобные боли, при отсутствии должного лечения, смертельны. У него не было оснований

сомневаться в истинности этих слов; по крайней мере, большая часть из сказанного была правдой. Но не было и возможности сейчас решать эту проблему, обрушившуюся в буквальном смысле слова ему на голову в довершение всех прочих. Прямо сейчас он ничего не мог поделать; поблизости не было никого, кто мог бы помочь ему именно с этой головной болью: ни одного мага и ни одной Сестры Света, чтобы снова возложить ожерелье, хотя он никогда бы этого не позволил.

Ричард напомнил себе, что эта боль не такова, как принесенная даром. Он решил, что не стоит придумывать несуществующие трудности. У него достаточно реальных, настоящих неприятностей.

Затем раздался свист рассекаемого воздуха, когда низко над его головой на бреющем полете промчалась громадные птицы. Чернокрылые закружились в воздухе, чтобы разглядеть его, закручивая новые вихревые потоки. За первым хищником проследовал второй, за ним — третий, и четвертый, и пятый. Они бесшумно скользнули прочь, пересекая открытое пространство, следя один за другим, будто выстроившись в линию. Тяжелые крылья трепетали, когда они старались сохранить равновесие в бурном ветре. Отлетев на некоторое расстояние от Ричарда, они взмыли, поворачивая обратно.

Но перед тем, как окончательно вернуться, птицы выстроились, как бы образовав плотное кольцо. Когда они взмахивали огромными крыльями, Ричард мог слышать шорох перьев в воздухе, но сейчас это было невозможно из-за шума ветра. Чёрные глаза грозных птиц следили за тем, как он наблюдает за ними.

Ричард хотел, чтобы птицы знали, что ему о них известно, и он наблюдал за их ночным возвращением.

Если бы он не был столь озабочен разгадыванием причин появления птиц и их значением, то, наверное, счел бы прекрасными их лоснящиеся черные силуэты на фоне багровевшего неба.

Но сколько Ричард не наблюдал за птицами, он не мог представить себе, что они делают. Чернокрылые вели себя так и раньше, но и тогда их поведение было непостижимо для него. Внезапно он понял, что и в прежние разы, когда птицы сбивались в кольцо таким же странным образом, он также знал о них. Знал не всегда заранее, знал, будучи не в силах предсказать точное время их возвращения... Но эта особенная головная боль начинала мучить Ричарда перед прилетом птиц и исчезала, когда они появлялись.

Горячий ветер ерошил волосы мужчины, пока он пристально вглядывался в пустошь, затемненную грязной предрассветной мглой. Ему не нравилось это мертвое место. Рассвет здесь не предвещал жизни, а закат не сулил покоя. Ему хотелось снова оказаться с Кэлен в своих лесах. Он не мог сдержать улыбки, вспомнив о местечке в горах, где год назад они вместе провели лето. Это место было столь дивным, что даже Кара стала более мягкой и почти нежной.

В первых лучах постепенно разгоравшегося рассвета перед глазами Ричарда разворачивалось действие, смысл которого был пока скрыт от него. Черные птицы кружились на обычный манер, раз за разом повторяя свой странный маневр. Сегодня все это происходило не над ним, но слегка вдалеке, прямо над голой, лишенной растительности пустыней, где ветер занавешивал небеса двойной вуалью зернистого песка. В другие разы это случалось над покрытыми лесом холмами, или над лугом. На этот раз, наблюдая за птицами, ему приходилось щурить глаза, чтобы защитить их от летящего песка.

Внезапно наклонив широкие крылья, птицы еще плотнее сбились в круг и спикировали, почти касаясь крыльями пустынного грунта. Он знал, что они делают это ненадолго, перед тем как напасть на него, со всей силой вложенной в них ненависти и злобы.

И теперь, когда чернильные тени плясали вокруг него, стягиваясь в тугом вихре, Ричард понял, что потоки песка

под крыльями не просто извивались и бесцельно закручивались, вздымаемые ветром, но как бы отекали нечто, пребывающее далеко отсюда.

Волосы на его руках встали дыбом.

Ричард прищурился, пытаясь разглядеть это нечто сквозь бурю и стонущий штурм песчаного ветра. Порывы обжигающего урагана оторвали от земли огромную массу пыли и грязи. Как только закрученные в спирали вихри, взметнувшись над поверхностью земли, прошли мимо птиц, хищники закружились над чем-то под ними. И это сделало тень более различимой.

По-видимому, это были очертания человека.

Грязь кружилась вокруг незаполненной пустоты, придавая ей силуэт, очерчивая ее, обнаруживая нечто отсутствующее здесь. Хотя ветер, вздымая от земли и таща тяжелый груз смешанного с грязью песка, мешал Ричарду разглядеть это нечто, он скорее угадал, чем увидел очертания фигуры. Как бы обведенная кружащимся песком, она была похожа на силуэт человека, закутанного в плащ с капюшоном.

Правая рука Ричарда нащупала рукоять меча.

Он не смог бы подобрать другого слова, чтобы назвать то, что предстало его глазам, но это не было «фигурой» в обычном смысле. Это не было ничем, кроме песка, струящегося по обводам чего-то отсутствующего в этом мире, подобно тому, как грязная вода струится по прозрачному стеклу бутылки, выявляя ее скрытые контуры. И хотя это нечто было невидимо, казалось, оно стоит и наблюдает за ним.

Глаз в пустых впадинах дующего ветра, конечно, не было, но Ричард мог чувствовать их присутствие.

— Что это? — спросила внезапно оказавшаяся рядом с ним Дженнсен тревожным шепотом. — Что происходит? Ты видишь что-нибудь?

Левой рукой Ричард оттолкнул сестру с пути. Ему приходилось действовать стремительно, и потому пришлось на-

прячься, чтобы постараться сделать это помягче. Ладонь сжимала рукоять меча так крепко, что воин чувствовал выпуклые буквы слова ИСТИНА, вьющиеся золотой вязью по серебру.

Всей силой своего духа Ричард обратился к мечу, вызывая к битве смысл его существования, суть его предназначения. В ответ вся мощь меча воспламенилась.

За пеленой гнева, в тени собственного сознания, когда в нем гулко билась ярость меча, Ричард неясно различил неожиданное сопротивление со стороны потока магии принять вызов.

Это было подобно тому, как если бы он собрался выйти из дверей в бурю, наклонив тело против бушующего, завывающего ветра, и споткнулся на первых шагах, внезапно обнаружив меньшее сопротивление, чем ждал.

Но прежде чем Ричард усомнился в своих ощущениях, в его руку хлынула сила меча — волна ярости наполнила его, пронизав холодным неистовством бури.

Птицы кружились, их кольцо все приближалось. Они делали это и раньше, но на сей раз фигуру, что двигалась с ними, выдавали завихрения песка и грязи. Казалось, будто закутанного в плащ неосозаемого человека подтаскивают к Ричарду чернокрылые птицы.

Характерный звон стали возвестил о появлении Меча Истины в жарком рассветном воздухе.

Дженнсен взвизгнула, когда он сделал резкий выпад, и отпрыгнула назад.

Птицы ответили пронзительными смеющимися криками, унесенными завывающим ветром.

Кара и Кэлен были в лагере. Но как только услышали, что Ричард обнажил меч — такой звук они не перепутали бы ни с чем,— не раздумывая, бросились к нему. Кара могла бы перепрыгнуть через его голову и встать перед ним стеной, но она знала, что когда меч у руках Ричарда, лучше не стоять у него на пути. Поэтому Морд-Сит покрепче

сжала кулаки и резко остановилась в стороне, напряженная и собранная, как сильная кошка, готовая к прыжку.

— Что такое? — спросила Кэлен, лишь только подбежала к нему, прорвавшись сквозь ветер.

— Это птицы, — раздался тревожный голос Дженнисен. — Они вернулись.

Кэлен недоверчиво взгляделась в нее:

— Птицы — далеко не самое худшее, что здесь есть.

С мечом в руке Ричард наблюдал за тем, что таилось под кружащими птицами. Чувствуя крепко сжатое оружие, ощущая силу Меча Истины, кипящую в каждой его жиле, он на какой-то момент заколебался. Но времени на размышления не было. Ричард повернулся к Тому, который бежал к нему со всех ног, и изобразил стрельбу из лука. Вмиг поняв посланный знак, юноша резко остановился и бросился обратно к повозке. Д'харианец мгновенно ухватил привязи лошадей, стараясь их не растревожить, чтобы они не разбежались в ужасе. Склонившись к повозке, Том выкинул оттуда все вещи и только на самом дне нашел лук и колчан, которые ждал Ричард.

Дженнисен вглядывалась то в одно, то в другое неумолимое лицо:

— Что значит: «птицы — не самое худшее»?

Кара указала эйджилом на столб песка:

— Это... это фигура. Человека.

В замешательстве Дженнисен переводила взгляд с Кары на песок.

— Что ты видишь? — спросил ее Ричард.

— Черных птиц. Только пять черных страшилищ, — разочарованно всплеснула руками Дженнисен. — Только это, ну и еще проклятый песок. И все. Разве есть что-то еще? Вы видите каких-то людей?

Девушка не видела странной фигуры.

Том достал колчан и стрелы из повозки и побежал к остальным. Две птицы, заметив Тома, несущегося с луком,

поднялись выше. Они сделали величавый круг над ним и исчезли во тьме. Три оставшиеся продолжили скользить по окружности, направляя плывущую под ними форму в вихрях песка.

Птицы приближались, фигура двигалась вместе с ними. Ричард не мог осознать, чем было это нечто, но ощущение порожденного им благовейного ужаса превосходило любой ночной кошмар. Сила меча, завладевшая всем его существом, уже не вела ни страха, ни сомнений. Но от чего же они возникли? Вихрь с заключенной в нем магией был единственным, что волновалось на этой пустоши. И этот вихрь, по мере того, как приближался, постепенно нарастал, пытаясь высвободиться. Решительным усилием воли Ричард сдерживался, стремясь выполнить приказание, если он решит освободить силу меча. Но он был хозяином меча и должен был осознанно пользоваться его мастерством. По реакции меча на течения, показанные песком, у Ричарда не осталось сомнений в том, что стоит перед ним. А что же говорит ему меч?

Из-за повозки пронзительно заржала лошадь. Бросив быстрый взгляд через плечо, он увидел, что Фридрих пытается успокоить их. Все три лошади поднялись на дыбы, пытаясь сбросить накинутые на них путы. Краем глаза Ричард заметил двойную черную полосу, стремительно метнувшуюся во тьме прямо над землей. Бетти издала ужасный крик.

Птицы исчезли так же быстро, как и возникли, растворившись в густом мраке.

— Нет! — закричала Дженнсен, побежав к животным.

Перед ними маячила неподвижная тень. Том попытался остановить девушку, но она вырвалась из его рук. На мгновение Ричард забеспокоился, что Том может последовать за ней, но парень уже бежал обратно к Ричарду.

Внезапно из кружавшегося мрака, совсем рядом с ним возникли две птицы. Они были так близко, что Ричард мог

разглядеть мельчайшие перышки их крыльев, широко распростертых на ветру. Черные хищники взмыли в кружашемся вихре песка, чтобы вновь соединиться в кольцо, и каждый из них несл в мощных когтях маленькую нежную белую фигурку.

Том подбежал, держа лук в одной руке и колчан в другой. Решившись, Ричард с шелестом вложил меч в ножны и скватил лук.

Одним плавным движением он согнул лук и надел тетиву. Затем достал стрелу из кожаного колчана, который Том держал в кулаке.

Как только Ричард повернулся к цели, стрела была на готове и тетива натянута. Это было приятное чувство — ощущать напряжение в мышцах, сопротивление весу, натянутой тетиве, чувствовать наполненность силой, требующей освобождения. Было приятно полагаться на собственную силу, собственные умения, на боевой опыт, на бесконечные часы практики, а главное — не зависеть от магии!

Казалось, фигура человека, которого здесь не было, все еще стоит и наблюдает. Водовороты песка, отекающие ее форму, обрисовывали границы тела. Ричард пристально смотрел на голову формы за острым, как бритва, наконечником стрелы. Как и все лезвия, оно было успокоительно близко Ричарду. С лезвием в руках он был в своей стихии, и не важно, что окрасит его лезвие — кровь или каменная пыль. Металлический наконечник стрелы был направлен точно на пустое место в вихре кружашегося песка, обрисовывающего голову.

Пронзительный крик птиц пронесся над пустошью, вторгшись в вой ветра.

С тетивой у щеки Ричард наслаждался напряжением мышц, весом лука, оперением, прикасающимся к коже, расстоянием между острием и фигурой, наполненной кружашимся песком, сопротивлением ветра, луком и стрелой. Каждый из этих факторов, а также сотня других, соединились вместе, составив одну общую картину, где не было места

сознательному расчету. Целая жизнь практики дала твердую уверенность. Наконечник стрелы еще до того, как тетива была отпущена, уже как бы вонзился в свою цель.

Фигура все так же неподвижно наблюдала.

Весь мир затих в ожидании. Расстояние, казалось, сократилось. Тело Ричарда было натянуто подобно луку, стрела стала воплощением его стремления выполнить предназначение всей его жизни, цель — смыслом его существования. Мозг воина неосознанно производил массу расчетов, необходимых, чтобы стрела и цель соединились.

Кружащийся песок, казалось, замедлился, когда широко распластершие крылья птицы медленно заскользили в густом воздухе. Ричарда знал, что полет стрелы закончится, едва начавшись. Он почувствовал, как тетива ударила по запястью, и увидел, что оперение коснулось лука над его сжатой рукой. Древко стрелы слегка согнулось, стоило ей выскочить и полететь.

Ричард доставал следующую стрелу из колчана, когда первая уже настигла цель. Черные перья взметнулись взрывом в малиновом закате. Птица некрасиво рухнула и с глухим стуком ударилась оземь невдалеке от фигуры, плывущей почти над землей. Окровавленное белое тельце освободилось от когтей, но было уже слишком поздно.

Четыре оставшихся птицы издали крик ужаса. Они были крыльями, пытаясь набрать высоту, а одна из них с пронзительным воплем набросилась на Ричарда.

Воин выбрал следующую цель. Вторая смертоносная стрела понеслась навстречу противнику.

Она распорола разинутую глотку птицы и вышла с обратной стороны головы, прервав злобный крик. Тело, оборвав полет, рухнуло на землю.

Фигура, лишившись поддержки двух грозных хищников, начала растворяться в кружащемся песке.

Оставшиеся в живых три птицы бросили очерчивать форму и кругами носились вокруг Ричарда, источая злобу и

ярость. Он невозмутимо пересчитал их сквозь оперение собственной стрелы и нанес третий выверенный удар. Птица в центре подняла правое крыло, стараясь изменить направление, но не успела увернуться, и стрела пронзила ее сердце. Из последних сил взмахивая крыльями, она, крутясь, падала сквозь песчаную бурю и наконец грохнулась на землю прямо перед Ричардом.

Две последние птицы, издавая дерзкие визгливые крики, ныряли в потоках песчаного ветра и по-прежнему пытались напасть на Ричарда.

Он туто, почти коснувшись щеки, натянул тетиву и направил четвертую стрелу прямо в цель. Расстояние стремительно сокращалось. Стрела погрузилась глубоко и разорвала тело черной птицы, все еще сжимающей в когтях окровавленное тельце нежного козленка. Но битва еще не окончилась.

Сложив крылья, последняя тварь бросилась на Ричарда. Рядом с ним скалой стоял Том, казавшийся столь же невозмутимым, как и его хозяин. Как только Ричард выхватил стрелу из колчана, который держал юноша, д'харианец выхватил нож. И прежде, чем Ричард натянул тетиву, брошенный нож распорол хищника. Воин еле успел шагнуть в сторону, когда огромная птица безжизненной каплей свалилась с небес и глухо ударила о землю прямо перед ним. Как только она рухнула, кровь хлынула по отполированным ветром камням, повсюду разлетелись черные перья.

Рассвет, некоторое время назад наполненный леденящими кровь криками черных птиц, внезапно стал почти беззвучен. Только стоны утихомиравшегося ветра нарушали тишину. Черные перья носились по ветру, медленно плыли в открытом пространстве на фоне желто-оранжевого неба.

В это мгновение солнце вышло из-за горизонта, вытянув длинные тени по пустоши.

Дженнсен прижала к груди одного из слабых белых близнецов. Бетти, жалобно блея, встала на задние ноги. Она не

обращала внимания на кровь, бегущую из раны на боку, и пыталась разбудить маленького козленка, навеки затихшего на руках у Дженнисен. Девушка наклонилась к другому близнеццу, растянувшемуся на земле, и положила своего безжизненного питомца рядом с ним. Коза тут же начала облизывать окровавленный трупик малыша. Дженнисен крепко обняла Бетти за шею и попыталась оттащить козу подальше. Бетти уперлась копытами, не в силах смириться с фактом смерти, не желая покидать раненых детей. Девушка не могла сделать больше, чем просто шептать подруге на ухо нежные, утешающие слова, заглушая их слезами.

Когда она встала, не в силах отвести Бетти от ее мертвых отпрysков, Ричард обнял сестру, как будто укрывая в объятьях, он мог спасти ее от горя утраты.

— Почему птицы нападают так внезапно?

— Не знаю, — ответил Ричард. — Ведь ты не видела ничего, кроме птиц?

Дженнисен прислонилась к брату и закрыла лицо руками, стараясь удержаться от рыданий.

— Я видела только птиц, — всхлипнула она, вытирая щеку краем рукава.

— А фигуру, очерченную дующим песком? — спросила Кэлен, нежно погладив Дженнисен по плечу.

— Фигура? — Широко распахнутыми глазами девушка смотрела то на Кэлен, то на Ричарда — О чём вы говорите?

— Это было похоже на человеческую фигуру, — Кэлен изобразила руками очертания в воздухе. — На силуэт человека в плаще с капюшоном.

— Я не видела ничего, кроме черных птиц и облаков песка.

— И ты не видела, что песок летит не сам по себе, а вокруг чего-то? — недоверчиво спросил Ричард — Ты и вправду не видела фигуры, очерченной песком?

Дженнисен уверенно помотала головой и снова вернулась к Бетти.

— Если фигура создана магией, она не может ее видеть, но почему она не смогла увидеть форму песка? — доверительно произнесла Кэлен, обращаясь к Ричарду.

— Для нее в этом не было магии.

— Но песок-то был.

— На картине есть цвета, но слепой не видит не только их, но и очертания, нанесенные кистью, которую художник обмакнул в краску,— он удивленно покачал головой, наблюдая за сестрой.— Если человек не может ощущать магию, взаимодействующую с какими-либо вещами, мы на самом деле не знаем, насколько эти вещи на него влияют. Может быть, уму Дженнисен просто не удается узнать образ, вызванный магией, и он принимает его за потоки песка. А может быть и по-другому. Ведь этот образ создан магией. Вдруг только мы можем видеть те частицы песка, что прямо соприкасаются с волшебной силой? А она видит все песчинки вместе, и потому образ, подчиненный магии, потерян для ее взгляда. Но может существовать и третье объяснение. Если здесь есть что-то вроде границ, когда два мира существуют в одном месте и в одно время, то Дженнисен и мы можем смотреть на одни и те же вещи и видеть их разными глазами — глядя на них сквозь разные миры.

Соглашаясь с мужем, Кэлен кивнула.

Ричард встал на колено рядом с Дженнисен, чтобы проверить глубокую рану, идущую через жесткую бурью шерсть козы.

— Лучше будет это зашить,— сказал он Дженнисен.— Ранение не смертельно, но требует внимания.

Дженнисен зашмыгала носом, когда Ричард встал рядом:

— Это была магия — то, что ты видел?

Ричард в последний раз бросил взгляд на то место пустоши, где в вихрях песка перед ним предстала фигура,казалось, принадлежащая иному миру:

— Нечто дьявольское.

Неподалеку от них Расти вскидывала головой и жалобно ржала, сочувствуя безутешной Бетти. Когда Том горестно

положил руку на плечо Дженнисен, она схватила ее как источник силы и прижала к своей щеке.

Дженнисен наконец остановилась и посмотрела на горизонт.

— По крайней мере, мы освободились от пяти птиц,— прикрывая глаза от летящего песка сказала она печально.

— Ненадолго,— произнес Ричард.

Головная боль ударила снова с такой силой, что он чуть было не упал. Лорд Рал встретил ее, как старого доброго врага. Он знал, как овладеть ею и подчинить ее себе. Этим он и занялся. Впереди ждали еще большие трудности.

Глава 7

После полудня, когда они шли по опаленной жарой пустыне, Кэлен заметила, что Ричард внимательно разглядывает собственную тень, падающую ему под ноги.

— Что такое? — спросила она.— В чем дело?

Он показал на тень.

— Птицы. Десять или двенадцать. Они незаметно следуют за нами, прячась за солнцем.

— Прячутся за солнцем?

— Да. Они летят высоко прямо над нами, так, чтобы их тени падали на нас. Если мы посмотрим на небо, мы их не увидим, ведь нам придется смотреть прямо на солнце.

Кэлен, прикрывая рукой глаза, посмотрела вверх, но ослепляющее светило мешало увидеть то, о чем говорил муж. Она взглянула на Ричарда, который все так же пристально вглядывался в растрескавшуюся почву. Он снова указал на тень.

— Посмотри внимательно на поверхность земли вокруг своей тени. Видишь, как пляшут ее очертания. Это они.

Кэлен подумала бы, что Ричард ее разыгрывает, если бы речь не шла о птицах. А они по-прежнему оставались серьезной угрозой. Кэлен тщательно изучала землю вокруг их крупных теней, пытаясь разглядеть рядом с ними еще какие-

то тени, и наконец поняла, что Ричард имеет в виду. На таком расстоянии тени птиц казались всего лишь легкой игрой света.

Кэлен посмотрела на повозку. Том правил, рядом с ним сидел Фридрих. Лошадей Кэлен и Ричарда привязали к повозке, чтобы они отдохнули.

Дженнисен была тиха и печальна. Она сидела в повозке на одеялах и гладила страдающую Бетти. Раньше Кэлен не думала, что эта коза может молчать больше, чем минуту или две в день. Рана на боку была не такой уж тяжелой; Бетти страдала от другой, более сильной боли, поразившей ее в самое сердце. Но в конце концов, у бедной козочки осталась Дженнисен, которая утешает ее.

Кэлен знала, чтоолжизни Дженнисен провела с Бетти. Девочке и матери приходилось все время переезжать с места на место, скрываться, убегая от Даркена Рала, держаться подальше от людей, чтобы их не выдали безжалостному преследователю. Так что у Дженнисен просто не было случая завести друзей. Но каждый ребенок нуждается в друге, и мать подарила ей козочку. Она была постоянно озабочена мыслью о том, как уберечь Дженнисен от лап чудовища, а ребятишки всегда так общительны, что могли проговориться и открыть врагу их тайну. Так что коза была лучшей, кого она могла предложить в подружки дочке.

Кэлен смахнула с глаз жалящие капельки пота. Она посмотрела на четыре иссиня-черных пера, связанных в пучок и прикрепленных на правом плече Ричарда. Он вырвал перу из хвоста каждой птицы, когда вынимал стрелы. Последнее перо Ричард отдал Тому в знак признательности за то, что юноша убил пятую птицу ножом. Том, так же, как и Ричард, привязал перо к плечу, гордясь победой. Он думал о нем как о трофее, награде, полученной из рук Повелителя Рала.

Но Кэлен знала, что Ричард носит перья по другой причине — как напоминание всем об опасности.

— Как ты думаешь, там был человек? — спросила она, откидывая волосы за спину.— Тот, кто следит за нами?

— Ты знаешь о магии больше, чем я,— пожал плечами Ричард.— Ты сама знаешь ответ.

— Никогда не видела ничего подобного,— Кэлен, нахмурившись, посмотрела ему в глаза.— Если это был человек... или кто-нибудь похожий, зачем он решил открыть себя?

— Не думаю, что он собирался обнаруживать себя,— взгляд серых глаз Ричарда остановился на жене.— Это была ошибка.

— Как такое могло случиться?

— Если кто-то использует птиц для слежки за нами, и он может особым образом видеть нас...

— Как видеть?

— Не знаю. Видеть нас глазами птиц.

— Даже с помощью магии это невозможно.

Ричард пронизывающе заглянул ей в глаза.

— Отлично. Тогда что это?

Кэлен посмотрела назад на тени, вытянувшиеся на скале цвета оленьей шкуры, на неопределенные пятнышки, копошащиеся рядом с тенью ее головы, словно мухи на трупе.

— Не знаю. Ты утверждаешь... что с помощью птиц кто-то следит за нами, видит нас?

— Думаю, этот «кто-то» следит за нами, через птиц или с их помощью — не знаю, как именно, но примерно так,— но птицы не могут видеть всего,— произнес Ричард.— Они не видят нас достаточно четко.

— Ну и?

— Понимаешь, поскольку этот «кто-то» не видит нас ясно, он не знал, что была песчаная буря. И не мог предположить, что песок в воздухе выдаст его. Я уверен, наш враг не собирался открывать себя,— Ричард снова взглянул на Кэлен.— Он допустил ошибку. И показал нам себя только по случайности.

Кэлен глубоко, напряженно выдохнула. У нее не было доводов против такого несуразного утверждения. Когда Ричард сказал, что птицы летят за ними, она думала, что была наброшена магическая сеть, и определенное событие — скорее всего невинное касание Кары, — привело в действие заклинание, благодаря которому птицы могут следовать за ними. Потом в памяти всплыло, как Дженнисен предположила, что кто-то просто наблюдает за птицами и таким способом узнает, где находятся лорд Рал и его жена. Кэлен размышляла. Эта слежка так похожа на кошмар из прошлого, которое, казалось, давно похоронено. Она вспомнила способ, каким следил за Ричардом Даркен Рал, когда он прикрепил к сыну облако и всегда знал, где тот находится.

Но сам Ричард не тратил силы на размышления о том, что было раньше, а смотрел на происходящее взглядом Искателя.

В его рассуждениях многое для Кэлен оставалось бесмысленным. Она не могла целиком принять то, о чем он говорит, потому что многие вещи были вне пределов ее понимания, и она никогда о них не слышала.

— А вдруг это не «он», — наконец выговорила Кэлен. — Может быть, это «она». Например, Сестра Тьмы.

Ричард снова посмотрел на нее, на этот раз еще более встревоженно.

— Может, ты и права... Но в любом случае я не думаю, что встреча с этим инкогнито сулит нам добро.

Кэлен не могла не согласиться, но все еще не поверила.

— Хорошо, давай представим, что все обстоит так, как ты думаешь, и мы обнаружили его по чистой случайности. Почему тогда птицы напали на нас?

— Не знаю. Может, он просто рассердился, когда понял, что раскрыл себя, — Ричард поддел ногой камешек, с ботинка посыпалась пыль.

— То есть не помнил себя от злости и потому позволил птицам убить малышей Бетти? И напасть на тебя?

— Я всего лишь предполагаю. Да и то потому, что ты спрашиваешь. Я не говорю, что так думаю,— Ричард передернул плечами. Длинные, окровавленные перья, меняющие цвет от темно-серого к чернильно-черному на концах, трепетали под порывами ветра. Пока Ричард говорил, тон его голоса становился все более рассудительным.— Могло быть и так: тот, кто следит за нами, не приказывал атаковать, а птицы решили напасть по собственной воле.

— Они просто понеслись без руля и ветрил, вырвавшись из-под узды того, кто их направил?

— Да, я не исключаю и такого объяснения. Но возможно, он в силах послать их к нам и увидеть нас на какой-то момент, но не в силах управлять ими дольше.

Кэлен напряженно вздохнула.

— Дорогой мой, я хорошо разбираюсь в разного рода магии,— произнесла она, не в силах утаивать сомнения.— Но я никогда не слышала ни о чем подобном.

Ричард подошел ближе, опять испытующе взглянув на нее серыми глазами.

— Ты знаешь все о магии Срединных земель. А вдруг там, на юге, хранится неведомое нам знание? Ты ведь никогда не слышала и о сноходцах, прежде чем мы познакомились с Джеганем. И не думала, что такие вещи возможны.

Кэлен закусила нижнюю губу, некоторое время изучая мрачное выражение его лица. Ричард рос в среде, где отсутствовала магия,— она для него была диковинкой. В определенном смысле, в этом была его сила, потому что его ум не сковывали предубеждения и штампы, и он был готов непредвзято смотреть на любое явление. А многое из того, с чем они сталкивались, было совершенно новым и не имело аналогов.

Любое проявление магии казалось Ричарду необычным.

— Как ты думаешь, что мы должны делать? — мягко спросила она.

— То же, что и собирались,— он оглянулся через плечо на Кару, идущую на довольно большом расстоянии слева от них.— Должно быть, это связано с тем.

— Кара только хотела защитить нас.

— Я понимаю. И кто знает, вдруг, если бы она не коснулась, было бы хуже. Возможно, благодаря Каре, у нас есть запас времени.

— Ты думаешь, у нас все еще есть время? — Кэлен склонила, чувствуя ужас, закрутившийся вихрем внутри.

— Мы подумаем. У нас ведь пока нет уверенности в том, что это на самом деле значит.

— Когда высыпается весь песок, не может быть двух толкований: это всегда значит, что гусь готов,— почти обреченно произнесла Кэлен.

— Мы найдем ответ,— ободрил ее Ричард.

— Обещаешь? — в вопросе была надежда.

Ричард протянул руку и ласкающе коснулся шеи жены.

— Общаю.

Кэлен любила его улыбку, отражающую свет души, сияющий в его глазах. В глубине души она знала, что муж всегда держит слово. В его глазах мелькнуло что-то, отвлекшее Кэлен от вопроса, который она хотела задать — о том, придет ли ответ вовремя и поможет ли он им.

— У тебя болит голова, да? — спросила Кэлен.

— Да,— улыбка погасла.— Не так, как раньше, но, я уверен, по той же причине. Дар.

— Почему ты решил, что по-другому? И если боль отличается, откуда ты знаешь, что она вызвана тем же?

Ричард задумался.

— Помнишь, как я объяснял Дженнисен, что дар следуэт уравновешивать, и что именно поэтому я не ем мяса? — Кэлен кивнула, и он продолжил.— Она стала сильнее именно в тот момент.

— Головные боли, даже такие, как у тебя, могут быть очень разными.

— Ты не совсем понимаешь... — Ричард свел брови, подыскивая слова. — Видишь ли, когда я говорил или только думал о необходимости не есть мясо, не знаю почему, но боль усилилась.

— То есть ты говоришь, что дар посредством головной боли внушает тебе важность его уравновешивания? — недоверчиво переспросила Кэлен.

Ричард провел рукой по волосам.

— Не знаю. Я просто не могу все это понять. Но когда пытаюсь углубиться в размышления о том, как добиться равновесия в сражении, которое я веду, боль становится еще более жестокой и почти невыносимой. И, кстати, — добавил он, — должно быть, как-то нарушилась связь между мной и магией меча.

— Что? Как это может быть? — Кэлен пыталась сдержать тревогу в голосе.

— Не знаю.

— Ты уверен?

Он отчаянно потряс головой.

— Не совсем. Но она отличается, и я почувствовал это сегодня утром, когда вынимал меч. Магия меча поднималась как будто неохотно.

— Возможно, это как-то связано с тем, что и боль изменилась, — Кэлен на минуту задумалась. — Может, это и не следствие дара.

— Что бы ни менялось сейчас, я думаю, именно дар тому причиной, — произнес Ричард. — С каждым разом приступы становятся все более невыносимыми.

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас у нас нет выбора, — Ричард поднял руки вверх и бессильно уронил их. — Мы должны выполнить то, что намеревались.

— Мы можем направиться к Зедду. Если ты прав, и дар всему причиной, тогда он должен знать, что делать. Дед может помочь.

— Кэлен, ты искренне веришь в то, что мы успеем приехать в Эйдиндрил вовремя? Не говоря обо всем остальном, и даже если быть уверенным в том, что боли вызывает именно дар... Милая, я бы, скорее всего, умер, когда нас и Эйдиндрил разделяли еще недели пути. И ты не берешь в расчет, насколько сложно миновать армию Джеганя, наводнившую все Срединные земли, а особенно окрестности Эйдиндрила.

— Но его может там и не быть.

Ричард пнул очередной камень.

— Ты думаешь, Джегань оставит Башню Волшебников вместе с тем, что она хранит? Уйдет и будет ждать, пока мы найдем путь применить древнюю магию против него? Зедд — Первый Волшебник. С его способностями защитить Башню не так уж трудно. К тому же с ним Эди. Старая ведьма могла бы и в одиночку отстоять такое место, как Башня. Кроме того, Зедд знает, что значит Башня для Джеганя, и чего можно ожидать, если бы император до нее добрался. Так что во что бы то ни стало Зедд будет стоять там, пока жив.

— Джеганю ни за что не преодолеть защиты Башни, — произнесла Кэлен. — А осаду они могут и отложить. Джегань, скорее всего, не станет терять время зря и напрасно держать армию, если поймет тщетность своих попыток.

— Может, ты и права; но все равно — город слишком далеко.

Слишком? Кэлен схватила Ричарда за руку и остановила.

— Портал! Если бы мы нашли один из его колодцев, мы могли бы воспользоваться порталом. Здесь, в Древнем мире, есть колодец — в Танимуре. Это гораздо ближе, чем дорога к Эйдиндрилу.

Ричард посмотрел на север.

— Это может сработать. Нам не придется скрываться от армий Джеганя. Мы могли бы оказаться сразу в Башне, — он обнял ее за плечи. — Но сначала мы все же должны позаботиться о другом деле.

— Хорошо,— хитро улыбнулась Кэлен.— Сначала мы позаботимся обо мне, потом — о тебе.

Она испытала жгучее чувство свободы. Наконец принято решение. Не все могут путешествовать через портал: для этого требуется особенная магия. Из их группы на это способны только Ричард, Кэлен и Кара. И они смогут перенестись прямо в Башню.

Башне тысячи лет, и она необъятна. Когда-то Кэлен провела в ней долгое время, но видела всего лишь небольшую ее часть. Даже Зедд не знал всех секретов и укромных уголков Башни из-за щитов, много лет назад поставленных волшебниками обоих магий. А Зедд обладал только магией Приращения. Редкие и опасные магические предметы целиую вечность хранились в Башне вместе с записями заклинаний и неисчислимым множеством книжных томов. Был шанс, что Зедд и Эди нашли там что-нибудь, способное возвратить Имперский Орден в Древний мир.

Если они направятся в Башню, это не только поможет Ричарду решить проблему с его даром, но и обеспечит их тем, что, возможно, способно повернуть вспять поток войны.

Как только единственно верное решение было принято, Зедд, Эйдиндрил и Башня будто приблизились и оказались совсем рядом с ними.

Преисполненная надеждой Кэлен сжала руку Ричарда. Она знала, что он хочет двигаться дальше.

— Я вернусь, посмотрю, как там Дженнсен.

Ричард продолжал идти, а Кэлен остановилась, дожидаясь, пока повозка поравняется с ней. И тут еще одна дюжина чернокрылых птиц пронеслась в потоках воздуха над опаленной равниной. Они держались близко к солнцу и вне досягаемости стрел Ричарда, но оставались в поле зрения.

Том кинул Кэлен мех с водой, когда подпрыгивающая на ухабах повозка оказалась рядом. Она так хотела пить, что, торопясь, проглотила горячую воду, не обращая внимания на

ее вкус. Пропустив повозку чуть вперед, Кэлен поставила ногу на железную подножку и забралась внутрь.

Дженнсен долго ехала одна и обрадовалась компании. Кэлен улыбнулась в ответ, садясь рядом с сестрой Ричарда и блеющей Бетти.

— Как она? — спросила Кэлен, ласково поглаживая трепещущие уши козы.

Дженнсен покачала головой.

— Никогда не видела ее такой. Сердце разрывается, когда на нее смотрю. Она напоминает мне меня саму, когда я потеряла маму. Так больно!

Кэлен подобрала под себя пятки и сочувствующее скольза руку Дженнсен.

— Я знаю, это тяжело, но животным легче пережить такое, чем людям. Не сравнивай ее горе с твоим. Это разная печаль. У Бетти будут другие дети, и она забудет об этих козлятках. А ты или я никогда не забудем тех, кого мы потеряли.

Произнеся эти слова, Кэлен вновь ощутила боль потери нерожденного ею ребенка. Их с Ричардом малыша. Разве она сможет она когда-нибудь пережить это? Даже если у нее будут другие дети, Кэлен никогда не забудет о том, кого так бесчеловечно убили.

Она бессознательно дотронулась до маленького темного камня, который носила на шее, задумавшись о том, будут ли у нее еще дети, будет ли мир настолько безопасным, чтобы они смогли родить ребенка.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила Дженнсен, заглядывая в глаза подруге.

— Просто печалюсь из-за Бетти, — Кэлен заставила себя улыбнуться.

— Я тоже, — Дженнсен положила ладонь на макушку Бетти.

— Думаю, с ней все будет хорошо.

Кэлен смотрела, как бесконечная земля плывет под колесами повозки. Волны жара размывали линию горизонта,

так что отдельные островки земли словно бы парили в небе. Все так же вокруг не видно было ни листочка. Поверхность земли постепенно поднималась, чем ближе они подъезжали к горам. Она знала, что это дело времени, и скоро они встретят жизнь, но сейчас казалось, что этого никогда не случится.

— Я кое-чего не понимаю,— вернулась Дженнисен к старой теме.— Ты сказала, что я не должна торопиться с магией, пока не буду уверена, к чему она приведет, поскольку это опасно. И ты говорила еще, что нельзя использовать магию, если не знаешь наверняка, нужна ли она.

— Да, это так,— ответила Кэлен, зная, куда клонит Дженнисен.

— Но это очень похоже на те удары в темноте, о которых ты меня предупреждала,— настойчиво продолжала девушка.

— Я также говорила тебе, что иногда у тебя нет иного выбора, кроме как действовать немедленно. Именно так поступил Ричард. Я знаю его, он редко ошибается. И в тот раз тоже принял лучшее решение.

— Я не говорю, что он поступил неверно,— Дженнисен так и не удалось переубедить.— Просто мне многое не ясно, и потому кажется, что он сделал это необдуманно. Почему я должна верить тебе, если раньше ты запретила мне что-либо делать с помощью магии?

— Таков Ричард,— улыбнулась Кэлен.— По большей части я знаю, что происходит в его голове. И даже нередко, когда мне казалось, что он действует опрометчиво, это обворачивалось верным действием, единственно правильным решением. Именно поэтому его назвали Исследователем. Уверена, Ричард принимает в расчет очень много обстоятельств, даже таких, о которых я и не подозреваю.

— Но как он узнает о них? Откуда он знает, что нужно делать?

— Много раз и он был сбит с толку, как ты сейчас. Но Ричард особенный, и потому он *знает*.

— Особенный?

Кэлен посмотрела на девушку, на ее сияющие в лучах послеполуденного солнца рыжие волосы.

— Ему даны обе стороны дара. За последние триста лет рождались только те, кто обладал Магией Приращения. Некоторые, как Даркен Рал или Сестры Тьмы, способны использовать Магию Ущерба, но только с помощью Хранителя. Ричард же вледеет обеими видами магии — и Магией Приращения, и Магией Ущерба.

— Это то, о чем ты говорила прошлой ночью? Но я мало знаю о магии и мало поняла из твоего рассказа.

— Мы не до конца уверены в том, что означает такая уникальная особенность. Магия Приращения использует то, что существует, усиливая либо изменяя его свойство. Магия Меча Истины, например, использует гнев, его силу. Магией Приращения можно исцелять. Магия Ущерба уничтожает. Она может превратить в ничто. Как говорит Зедд, Магия Ущерба противоположна Магии Приращения, как день и ночь. И все же обе они — две части единого целого,— Кэлен вздохнула, сосредотачиваясь. Вещи, которые она пыталась объяснить Дженнисен, казались сложными и ей самой.— Управлять Магией Ущерба, как Даркен Рал,— это одно, но быть рожденным с нею — совсем другое. Много сотен лет назад родиться с обеими сторонами дара было обычным делом. Но Великая война отделила Древний мир от Нового. Граница позволяла сохранять мир, но времена изменились. С тех пор редко рождались люди с даром, и ни один из них не владел Магией Ущерба. В крови Ричарда магия двух волшебников — Даркена Рала и Зедда. Он единственный за тысячи лет, рожденный с двумя частями дара. Все наши способности задействованы, когда мы принимаем решение в какой-либо ситуации. Мы не знаем, каким образом то, что Ричард имеет обе стороны дара, отражается на его способности осознавать и действовать. Я думаю, что его дар ведет его по пути, управляя им, может быть, даже сильнее, чем Ричард себе это представляет.

— После стольких лет, как смогли уничтожить границу? — взволнованно вздохнула Дженнисен.

— Ричард разрушил ее.

Глаза Дженнисен расширились от удивления.

— Значит, это правда. Себастьян рассказывал мне, что лорд Рал, то есть Ричард, уничтожил границу. Себастьян говорил, что, сделав это, Ричард смог завоевать Древний мир.

— Но ты не веришь этому, так ведь? — улыбнулась Кэлен, услышав столь неправдоподобную ложь.

— Нет. Сейчас уже нет.

— Теперь, когда граница уничтожена, Новый мир на-воднили армии Имперского Ордена, которые убивают или превращают в рабов мирных жителей.

— Где же людям искать спасение? Куда нам спрятаться?

— Пока орду не остановят, покоя не будет.

Дженнисен задумалась.

— Если разрушение границы позволило полчищам Ордена захватить Новый мир, тогда зачем Ричард ее разрушил?

Повозка катилась по жесткой земле, подпрыгивая на ухабах. Держась за край полотнища, Кэлен пристально смотрела вперед. Муж устал, но шел, не сгибая спину. Гордо шествовал по пустыне в ослепляющем свете солнца.

— Из-за меня, — тихо промолвила Кэлен. — Это одна из тех ошибок, о которых я тебе говорила. Один из тех ударов в темноте, — она глубоко вздохнула.

Глава 8

Ричард присел на корточки, изучая необычный участок скалы. Голова разламывалась от боли, но он изо всех сил старался не обращать на это внимания. Боль возникала и исчезала безо всякой причины. Временами он начинал думать, что она вызвана жарой, а не даром.

Но пока он обдумывал знаки на земле, то забывал о боли, и она ненадолго отступила.

В скале было нечто особенное, и Ричард пытался вспомнить, где он с этим уже встречался. Нечто не просто знакомое, а тревожно знакомое.

Копытца, наполовину прикрытые клоками жесткой бурой шерсти, кокетливо простучали по камням и встали рядом с его тенью. Бетти легонько боднула его в плечо, рассчитывая на угощение или хотя бы на почесывание.

Ричард поднял глаза на жаждущую внимания козочку. Когда Бетти увидела, что мужчина смотрит на нее, она завиляла хвостиком так, что тот превратился в мелькающее пятнышко. Ричард улыбнулся и почесал Бетти за ухом. Бетти радостно заблеяла от восторга, и Ричард подумал, что она, должно быть, не прочь перекусить.

После двух дней горестного голодания, когда она лежала в повозке и отказывалась от еды, козочка, казалось, вернулась к жизни и немного оправилась от потери малышей. Вместе с аппетитом вернулось и любопытство. Она особенно полюбила бежать рядом с Ричардом, когда он ей это разрешал. Дженнсен смеялась, глядя, как Бетти трусит рядом с братом, словно щенок. Это был смех облегчения; особенно ее радовало то, что Бетти так быстро пришла в себя.

Перемены наступали во всем. За последние несколько дней изменился и пейзаж вокруг. Жизнь возвращалась. Первым они заметили на скале порыжевший выгоревший лишайник. Чуть позже — низкий колючий кустарник. Теперь местность покрывали жесткие растения, раскиданные на большом расстоянии друг от друга. Бетти поедала высохшие веточки так, словно они были лучшей сочной травой. Лошади, напротив, нашли их невкусными.

Скальный лишайник рос на голых, испещренных трещинами камнях, укрывая их жесткими пятнами растительности. Кое-где он был тонким, темным и кожистым, тогда как в других местах — нежно-зеленым. Изумрудный лишайник

рвался на волю из щелей и расселин с той стороны камней, куда не попадал солнечный свет. Под скалами, группами, выпирающими из растрескавшейся земли, вились нити темно-бурого подземного мха.

Крошечные насекомые с длинными усиками носились от скалы к скале или прятались в развалих камней, выглядящих, будто кипящие пузыри, навеки застывшие в камне. Изредка по песку неспешно проползали блестящий зеленый жук с огромными рогами. Маленькие рыжие муравьи складывали горки красноватой глины вокруг своих норок. Белесые паутины качались в развилках веток одиноких, низких кустов. Юркие светло-зеленые ящерицы грелись на камнях под лучами солнца, наблюдая за проходящими людьми. Если те оказывались слишком близко, маленькие создания, блеснув, мгновенно прятались между камнями.

Жизнь, которая представляла перед глазами Ричарда, была еще слишком скучна для поддержки и пропитания людей, но давала надежду на то, что впереди живой мир. Он знал, что за первым поясом гор путешественников ждет изобилие жизни. И еще. Там они обязательно встретят других людей.

Обычным стало видеть птиц. Большинство из них были некрупными — земляничного цвета зяблики, пепельные мухоловки, крапивники и воробы. Вдалеке Ричард видел одиноких птиц, парящих в голубом небе, ближе к земле воробы сбивались в стайки. Там и сям птицы садились на чахлые кусты, переносясь с одного на другой в поисках семян или насекомых. Но пичужки мгновенно исчезали, будто их сдувало ветром, стоило на горизонте появиться чернокрылым хищникам.

Ричард поднимался, глядя на горы и пространство открытой земли, как вдруг заметил нечто знакомое. Как только он понял, что это, отдельные кусочки мозаики сложились в единую картину, и боль рассеялась.

Кэлен и Кара поднимались на скалу, направляясь к Ричарду. Поймав взгляд мужа, Кэлен помахала ему рукой. По

направлению к югу громыхала повозка, в которой ехали Том, Фридрих и Дженисен. За повозкой тянулось облако пыли, лошади словно повисли в застывшем воздухе и, наверное, были видны за многие мили отсюда. Ричард подумал, что предательское облако пыли не играет большой роли, так как птицы все равно их находят. И все же он был рад, что его маленький отряд, наконец, добрался до земли, где они могут попытаться быть чуть менее заметными.

— Нашел что-нибудь интересное? — спросила Кэлен, подойдя и вытирая пот со лба рукавом.

— Скажи, что ты думаешь об этом? — Ричард подбросил несколько мелких камушков на участок скалы, который он рассматривал.

— Мне кажется, ты чувствуешь себя лучше, — произнесла Кэлен.

Она посмотрела мужу в глаза и улыбнулась особенной улыбкой, той, которой улыбалась только ему. Ричард не смог удержаться и расплылся в ответной улыбке.

Кара решила не обращать внимания на обмен семейными нежностями, приблизилась к ним и тоже уставилась под ноги.

— Думаю, лорд Рал слишком долго смотрел на горы. Эта скала такая же, как и все остальные, — безапелляционно заявила она.

— Неужели? — поднял бровь Ричард. Он обвел рукой участок, который изучил, а затем показал на место, где стояли Кара и Кэлен. — Разве оно такое же?

Кара внимательно изучила оба места.

— Скала здесь чуть более светлая, чем другие. — Охранница сложила руки на груди. — Ну и что?

— Кара права, Ричард, — пожала плечами Кэлен и на минуту задумалась, разглядывая землю. — Скала выглядит так же, как и остальные, разве только чуть желтее тон. Она совсем как те скалы, мимо которых мы шли долгие дни, прежде чем стали попадаться растения, — добавила она.

Ричард упер руки в бедра и бросил взгляд на кусок скалы, который он обнаружил.

— А теперь скажите мне, что отличает те скалы, где мы были несколько дней назад, рядом со Столпами Творения?

Кэлен оглянулась на стоящую с невозмутимым видом Кару и, сдвинув брови, посмотрела на Ричарда.

— Отличает? Ничего. Это мертвое место, лишенное какой-либо растительности.

— А здесь? — Ричард вытянул руку, очерчивая местность, по которой они шли.

— Здесь есть жизнь, — сказала Кара, теряя интерес к его нравоучениям в области флоры и фауны.

Ричард указал рукой на участок, который так привлек его внимание.

— А там?

— Ничего там не растет, — раздраженно выдохнула Кара. — Здесь есть множество мест, на которых ничего не растет. Это все еще пустыня. Немного терпения, лорд Рал, и скоро мы снова окажемся среди полей и лесов.

Кэлен наконец поверила, что у мужа есть причины к беспокойству. Она уже не разделяла мысли Кара и все больше хмурилась.

— Место, где растут растения, начинается слишком резко, — сделала вывод Кэлен, обращаясь как бы сама к себе. — Это странно.

— Я тоже так думаю, — облегченно произнес Ричард.

— А я думаю, лорду Ралу необходимо выпить воды, — съязвила Кара.

Тот устало улыбнулся.

— Иди сюда. Встань здесь, — приказал он ей. — Встань рядом со мной и посмотри еще раз.

Любопытство Кара пересилило ее упрямство, и она послушалась Ричарда. Непокорная Морд-Сит уставилась в землю, сосредоточенно изучая место, где рос лишайник.

— Мать-Исповедница права, — голос Кары принял деловой тон. — Ты думаешь, это важно? Или каким-то образом опасно?

— Да, первое-то уж точно, — сказал Ричард. — Сейчас для нас важно все необычное.

Он присел рядом с Кэлен.

— Теперь посмотрите сюда.

Кэлен и Карапустились на колени рядом с ним, изучая камень. Ричарду пришлось оттолкнуть любопытную Бетти. Затем он указал на пятно испещренного желтыми прожилками лишайника.

— Взгляните-ка сюда внимательнее, — сказал он. — Видите этот кружок лишайника? Он односторонний. Правая часть круглая, но другая, та, что рядом с мертвой поверхностью, словно обрезана.

— Лишайник, растущий на скалах, может быть самой разной формы, — взглянула на него Кэлен.

— Да, но посмотри, как пышно растут лишайник и кусты на поверхности скалы вокруг этого места. Здесь же, на той стороне, где не растет лишайник, совсем ничего нет. Камень как будто чисто вымыт. Если ты внимательнее приглядишься к крохотным кустикам лишайника, которые выросли здесь за последнюю пару лет, то заметишь, что их рост как будто что-то сдерживает.

— Да, вижу, — медленно произнесла Кэлен. — Это действительно странно, но я пока не понимаю, к чему ты клонишь.

— Обрати внимание, где лишайник растет, а где — нет.

— Ну да, на этой стороне ничего не растет, а там растет.

— Не смотри вниз, — Ричард поднял ее за подбородок. — Посмотри на границу между ними, увидь всю картину в целом.

Кэлен, нахмурившись, посмотрела вдаль. Вдруг ее бросило в краску.

— О духи... — прошептала она.

Ричард улыбнулся, видя, что Кэлен, наконец, поняла, о чем он говорит.

— Что вы там оба увидели? — недовольно спросила Кара.

Ричард положил ладонь на шею Кары и повернул ее голову туда, куда смотрели они с Кэлен.

— Странно... — Кара сощурила глаза. — Место, где не растет лишайник, словно бы отрезано линией, как будто кто-то поставил невидимую преграду на восток.

— Именно, — сказал Ричард, поднимаясь и отряхивая руки. — Пойдемте, — он направился к северу. Кэлен и Кара поднялись с колен и направились к нему по безжизненной скале. Бетти проблеяла и потрусила за ними.

— Мы далеко собрались? — спросила Кара, догнав Ричарда.

— Идемте за мной, — ответил Ричард.

Полчаса женщины двигались на север по голой скале, еле успевая за его быстрым шагом. День был жарким, но Ричард словно не замечал духоты, сосредоточенно глядя под ноги, на бесплодную землю, по которой они шли. Он еще не бывал на той стороне скалы, куда вел Кара и Кэлен, но уже знал, что они там найдут.

Женщины обливались потом, пытаясь не отстать от него. Время от времени жалобно блеяла Бетти.

Путники остановились, только когда добрались до места, которое он искал — где снова появились тощие кусты и лишайник. Бетти, выглядывая, просунула голову между Кэлен и Карой.

— Посмотрите на это, — сказал Ричард. — Видите?

Кэлен тяжело дышала после долгой прогулки быстрым шагом по такой жаре. Она сняла со спины мех и отхлебнула воды. Потом передала мех Ричарду. Он принялся пить и наблюдал за Карой, изучающей кусок земли.

— Растения появляются вот здесь, — заметила Кара. Она рассеяно почесала Бетти за ухом, когда та нетерпеливо

потерлась головой о ее колено.— Появляются так же резко, как и там, где мы были недавно.

— Точно,— Ричард протянул Каре мех.— Теперь идемте за мной.

— Но мы только что пришли оттуда! — раздраженно всплеснула руками Кара.

— Идем,— бросил через плечо Ричард.

Он повернулся на юг, возвращаясь к центру безжизненной скалы. Бетти громко заблеяла, выражая неудовольствие пыльной прогулкой по жаре. Даже если Кара и Кэлен разделяли мнение козы, они все равно промолчали.

Дойдя до середины, Ричард остановился, широко расставив ноги и уперев кулаки в бедра. Он кинул взгляд к востоку. Отсюда уже не удавалось различить начало и конец пустынного участка скалы.

Но если смотреть на восток дальше, картина становилась очевидной. Четко очерченная полоса, около мили шириной, тянулась вдаль.

Ничто не росло на ней, шла ли она по земле или по камню. Земля, на которой росли кустарники, и каменистая порода выглядели темнее, чем полоса, которая казалась светлой. На расстоянии особенно хорошо была видна разница в цвете.

Безжизненная полоса земли уходила к отдаленным горам, постепенно превращаясь в тонкую, еле видную, линию.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — тихим голосом встревоженно спросила Кэлен.

— Что? — спросила Кара.— О чем вы думаете?

Ричард окинул взглядом взволнованное лицо Морд-Сит.

— Что удерживало армии Даркена Рала в Д'Харе? Что не позволяло ему в течение многих лет захватить Срединные земли, когда он так хотел этого?

— Он не мог пересечь границу,— произнесла Кара тоном, к которому скользнуло сомнение, не получил ли Ричард тепловой удар.

— Что представляла собой граница? — терпеливо продолжал спрашивать он.

Лицо Кара, обрамленное черным одеянием пустыни, побледнело.

— Границей был Подземный мир?

— Подземный мир прорывался наружу, словно образуя разрез в ткани бытия, — утвердительно кивнул Ричард. — Зедд рассказывал мне об этом. Он создал границу с помощью заклинания, которое нашел в Башне. Это заклинание относилось к древним временам Великой войны. Граница была местом, где мир мертвых существовал в мире живых. В месте, где соприкасаются два мира, ничего не растет.

— А ты уверен, что лишайник не вырастет здесь когда-нибудь? — спросила Кара. — Это все еще наш мир — мир живых.

— Ничто не может вырасти на нейтральной полосе. Живой мир был вон там, где земля, но ничто живое не может существовать в мире мертвых. Все здесь отмечено смертью.

Кара взглянула на широкую, безжизненную полосу земли, убегающую вдаль.

— Так ты думаешь... Это граница?

— Была.

Кара посмотрела на Ричарда, Кэлен и снова вдаль.

— А что она разделяла?

Высоко в небе появились чернокрылые птицы и лениво закружились над ними.

— Я пока не знаю, — признался Ричард и снова взглянул на запад, туда, где полоса спускалась с гор. — Смотрите-ка, — он указал на выжженную солнцем пустыню, откуда они пришли. — Полоса ведет к Столпам Творения.

Растения рядом с границей становились все более редкими, пока не исчезли совсем. Полоса выглядела неразличимой на фоне пустыни — ничто живое не могло оттенить ее невидимые очертания, пролегающие в песках.

— Кто знает, насколько далеко она идет,— сказал Ричард.— Хотя, мне кажется, она тянется до самой долины.

— Подожди,— произнесла Кэлен.— Я понимаю, возможно, она такая же, как и границы в Новом мире между Вестландией, Срединными землями и Д'Харой. Это я еще могу как-то понять. Но забери меня духи, почему она идет к Столпам Творения? Это поражает гораздо больше.

Ричард повернулся и пристально посмотрел на восток, туда, куда они держали путь. Беспорядочная серая стена гор круто поднималась из пустыни. Чуть севернее, там, где линия границы шла по направлению к горам, виднелась теснина.

Он оглянулся на юг. Повозка приближалась к гряде.

— Нам лучше присоединиться к остальным,— произнес он наконец.— Я должен вернуться к толкованию книги.

Глава 9

Призрачные лучи заходящего солнца мерцали вокруг Ричарда. В желтом свете он разглядел обрывистый край возышающихся впереди гор, длинные лужицы теней наливались темно-синим цветом. Пики красноватых утесов стояли, словно каменные стражи вдоль пустынных предгорий, прислушиваясь к эху его шагов.

Ричард был один. Порой так сложно думать, когда тебе постоянно задают вопросы.

Он был расстроен тем, что книга до сих пор не сказала ему ничего о загадочной границе. Столь же мало она раскрыла тайн места, называемого Столпами Творения, и лишенных дара людей, таких, как Дженнсен. Когда Ричард начал ее толковать, книга казалась ему исторической записью, повествующей о необъяснимых явлениях, происходящих с людьми, прозванными Столпами Творения, и о неудачных попытках лечения этих несчастных.

Теперь он начинал приходить к выводу, что автор книги пытался осторожно изложить основы и тонкости заблаговременного приготовления к чему-то, сулящему гибель или беду. Именно трепетная заботливость столь детального изложения каждого рассматриваемого действиянушила Ричарду ощущение, что кто бы ни писал эту книгу, он был очень осторожен в каждом слове. Как будто шел по тонкому льду, трещащему под ногами, и каждый миг лед мог проломиться.

Не желая замедлять продвижение маленького отряда, Ричард переводил в повозке. Наречие немного отличалось от верхнего д'харианского, на котором он привык читать, поэтому чтение шло медленно. К тому же повозка постоянно подпрыгивала на каждом ухабе. Лорд Рал не знал, даст ли книга со временем ответы на мучающие его вопросы, но прямо сейчас его терзала боязнь пропустить что-либо важное. Ричард, не раздумывая, перелистнул бы часть страниц, не читая. Но прошлый опыт подсказывал, что таким образом он скорее потеряет время, чем сбережет. Если не составить полную и всестороннюю картину, можно прийти к ошибочным и опасным выводам. А это может стоить жизни ему и тем, кого он любит. Так что Ричард упорно продолжал читать.

После тяжелого дня, проведенного в корпении над книгой, у него жестоко разболелась голова. Уже несколько дней боли не мучили его, а сейчас, как будто пытаясь наверстать упущенное, снова безжалостно набросились. Ричард не признался Кэлен в том, сколь сильно его беспокоит, сможет ли он добраться до портала в Танимуре. Будучи погружен в чтение, он в то же время напрягал все свои силы, пытаясь найти решение.

Когда он пришел к выводу, что причиной боли является дар, появилось ноющее ощущение, что источник боли тянется внутри его собственного тела. Ричард опасался, что виной всему — то особое уравновешивание, которое пока ему недоступно. Однажды, оставшись один, он даже начал меди-

тировать, сосредоточившись на даре, как когда-то учили его Сестры. Но медитация не помогла.

Скоро стемнеет, и им нужно будет остановиться на ночлег. С тех пор как местность изменилась, найти место для стоянки стало непростой задачей. За каждым поворотом встречалась пара укромных уголков, где, поджиная их, могла залечь целая армия. Птицы по-прежнему тенью следовали за ними, а значит, был кто-то, знающий об их передвижении в мельчайших деталях. Ричарду было необходимо по-хорошему отдохнуть и обдумать прочитанное. Кроме того, он хотел лично проверить окрестности.

Внимание Ричарда отвлекло семейство перепелов: несколько птенцов торопились перейти открытый участок земли. Они бежали гуськом по гравию, в то время как отец, забравшись на камень, следил за ними. Через несколько секунд птички исчезли в кустарнике, снова став невидимыми.

Низкие исчахшие сосны покрывали склоны холмов, овражки и каменистые подножия гор. Выше, на ближайших склонах, во множестве росли ели. Низины, недоступные порывам ветра, сплошь заросли кустарником. Кое-где тощая травка покрывала землю.

Ричард отер пот со лба. Он надеялся, что с заходом солнца воздух станет чуть прохладнее. Воин шел вдоль высохшего русла в укрытии двух холмов. Он потянул ремень меха, собираясь глотнуть воды, когда какое-то почти неуловимое движение на дальнем склоне холма привлекло его внимание.

Ричард прижался к плоскости скалы, чтобы остаться незамеченным. Осторожно выглянув, он увидел спускающегося по щебню мужчину. Громкое эхо скрипящего под ногами гравия и катящихся по склону камней разносилось по всему ущелью.

Ричард знал, что как только они покинут запретную пустынью, им будут встречаться люди. Поэтому он заставил всех своих спутников переодеться и сменить черные одеяния

кочевников пустыни на непрятательное дорожное платье. Но, хотя на нем были темные штаны и простая рубаха, меч на боку едва ли можно было назвать незаметным. Кэлен также переоделась в скромную одежду, которую обычно носила в Древнем мире беднота. Но и в случае с Кэлен маскировка была аховой — невозможно было скрыть ее гордую стать и волосы. Когда зеленые глаза Матери-Исповедницы останавливались на людях, у тех возникало непреодолимое желание пасть на колени и склонить головы. При этом никакого значения не имело, в чем была одета Кэлен; даже в ру比ще она выглядела ошеломляюще величественно.

Несомненно, Император Джегань разослал по всему миру обещания столь щедрой награды за их поимку, что предложение должно казаться заманчивым даже врагам сноходца. Но для многих жителей Древнего мира продолжение жизни под бесчеловечным управлением Джеганя было невыносимо, и в сравнении с этим ужасом любая сумма была слишком мала. Так что, несмотря на обещанную награду, многие жаждали свободной жизни и были готовы бороться ради нее.

В проблеме безопасности был и еще один подводный камень — связь Правителя Рала с народом Д'Хары. С помощью этой древней связи, созданной предками Ричарда, д'харианцы могут чувствовать, где находится лорд Рал. А значит, зная об этом, и Имперский Орден тоже мог обнаружить Ричарда. Враги могли пытать д'харианцев и таким образом узнать о местонахождении их повелителя. И если один не выдаст, палачи не остановятся и будут пытать остальных, пока не добьются своего.

Ричард наблюдал, как странник спустился с холма и пошел по каменистому овражку. Справа от Ричарда повозка и лошади поднимали длинный хвост пыли. Именно к ним и направился незнакомец.

С такого расстояния Ричард засомневался, был ли этот человек солдатом регулярной армии. Непохоже было и на

то, что он в разведке, в не родной ему стране; да и очагов восстания против правления Имперского Ордена поблизости не было. Ричард не думал, что у солдата могла быть какая-либо причина отправиться в путь по безлюдной местности. Вот поэтому путник и выбрал эту дорогу, направляясь на восток к горам, прежде чем свернуть к ним чуть севернее.

Возможно, Орден узнал о связи, и сейчас Ричарда ищет целая армия. Если пришелец солдат, то скоро здесь их будет так же много, как муравьев, ползущих с холмов.

Ричард забрался на невысокий каменистый выступ и лег на живот. Когда человек подошел ближе, стало видно, что он молод, около тридцати, худощавого телосложения и совсем не похож на солдата. По тому, как он спотыкался, было заметно, что либо путник совсем не знает этой местности, либо вообще не привык путешествовать. Глядя на усталую походку незнакомца, бредущего нога за ногу по неровной, каменистой тропе, невозможно было представить его идущим твердым шагом.

Мужчина остановился, увидев повозку. Тяжело дыша после спуска, он быстро пригладил густые светлые волосы и, наклонившись, оперся руками о колени, переводя дыхание.

Когда незнакомец выпрямился и, хрустя песком и камнями, пошел дальше, Ричард соскользнул с камня. Скрываясь за кустами и низенькими соснами, он незаметно последовал за ним. Время от времени, когда чувствовал, что подошел слишком близко, Ричард останавливался, прислушиваясь к тяжелым шагам и затрудненному дыханию путника.

Осторожно выглянув из-за отдельно стоящей скалы высотой в добрых шестьдесят футов, Ричард обнаружил, что ухитрился подобраться к незнакомцу близко-близко, а тот его до сих пор не обнаружил. Бесшумно передвинувшись от сосны к валуну, воин обогнал подозрительного путника и занял позицию, спрятавшись на дороге впереди него.

Неподвижный, словно камень, на вершине красноватой скалы, Ричард прислушивался к приближающемуся хрусту шагов. Он слышал, как мужчина тяжело дышит, как цепляется пальцами за острые выступы, перебираясь через камни.

Когда расстояние стало не больше шести футов, Ричард выступил на тропу.

Незнакомец невольно открыл рот и отступил назад.

Ричард, наоборот, внешне никак не отреагировал на встречу, но почувствовал, как магия меча вскипает гневом в его жилах. Но почти тотчас Ричард ощутил, что сила ярости идет на спад. Магия меча как бы выключила сигнал «Опасность!», сообщая хозяину «Все спокойно!». Такое колебание, скорее всего, означало, что незнакомец не представлял угрозы.

Его одежда — коричневые штаны, льняная рубаха и светлый, потрепанный плащ — видела лучшие дни. Путник выглядел так, словно был изнеможден долгой дорогой, однако и Ричард переоделся в обычную одежду, чтобы не вызывать подозрений. Заплечный мешок незнакомца казался подозрительно небольшим. Плащ собирался в складки под ремнями пустых мехов, перекрещивающихся у него на груди. Он не был вооружен, как разглядел Ричард, даже не имел ножа.

Незнакомец выжидал, боясь начать говорить первым.

— Ты направлялся к моим друзьям, — произнес Ричард и наклонил голову в сторону облака пыли, светящего, словно маяк, над равниной. Путнику был дан шанс объясниться.

Глаза незнакомца были широко раскрыты. Он ссутулил плечи и несколько раз провел рукой по волосам, зачесывая их назад. Ричард стоял перед ним, как каменный столб, преграждая путь. Голубые глаза мужчины забегали по сторонам, ища возможность убежать в случае надобности.

— Я не причиню тебе вреда, — сказал Ричард. — Я всего лишь хочу знать, что у тебя на уме.

— На уме?

— Зачем ты шел к повозке?

Незнакомец повернул голову в сторону повозки, невидимой за крутым уступом скалы, затем покосился на меч Ричарда и, наконец, осмелился поднять на него глаза.

— Мне... нужна помощь,— произнес он.

— Помощь?

— Да,— человек кивнул.— Я ищу того, чья цель — борьба.

— Ищешь воина особого рода? — вскинул подбородок Ричард.

Он сглотнул под суровым взглядом Ричарда.

— Да, именно так.

— У Имперского Ордена множество солдат,— пожал плечами Ричард.— Уверен, если бы ты поискал среди них, то нашел бы подходящего.

— Нет. Я ищу того, кто пришел с севера,— парень покачал головой.— Того, кто пришел принести свободу угнетенным жителям Древнего мира. Того, кто дает нам всем надежду, что изгонит Имперский Орден с нашей земли — да не взыщет с них Создатель! — и тогда, наконец, наступит мир.

— Сожалею,— отрезал Ричард.— Я не знаю такого.

Незнакомец не был разочарован словами Ричарда. Скорее, он им просто не поверил. Черты его лица были приятны и выражали то, что он остался при своем мнении.

— Не мог бы ты дать мне попить? — Незнакомец нерешительно протянул руку.

— Конечно,— немного расслабился Ричард.

Он снял с плеча мех и бросил пришельцу. Тот поймал сосуд с такой осторожностью, словно тот был из драгоценного стекла, которое он боялся уронить. Парень присмотрелся к пробке, прежде чем вынул ее, и принялся пить.

— Прости. Я не хотел выпить всю воду,— резко остановился он, почти осушив мех.

— Все в порядке,— Ричард успокоил его жестом, дав понять, что можно допивать.— В повозке еще есть вода.

Похоже, давненько ты в последний раз утолял жажду...—
Лорд Рал заложил большой палец за широкий кожаный
ремень на поясে и вопросительно посмотрел на путника,
ожиная какого-то объяснения.

Незнакомец кивнул головой в знак благодарности и сно-
ва наклонил мех.

— От кого ты слышал о том, кто хочет вас освобо-
дить? — как бы невзначай спросил Ричард.

Парень опустил мех и перевел дыхание, его глаза нео-
тывно смотрели на собеседника.

— От многих. Свобода, которую он принес Древнему
миру, дает надежду и нам.

Ричард улыбнулся про себя, радуясь, что свет надежды
горит даже в таком темном крае, как Древний мир. Здесь
тоже живут люди, и они ценят те же простые вещи, как и
где бы то ни было на земле — возможность жить свободной
жизнью и трудиться на благо себя и своей семьи.

Неожиданно в небе показалась чернокрылая птица. Рас-
правив гигантские крылья, она легко парила в открытом про-
странстве неба над гребнем гор. У Ричарда не было с собой
лука, но птица не приближалась и не делала попыток напасть.

При виде хищницы незнакомец сжался, как кролик при
виде яструба.

— Сожалею, но ничем не могу помочь, — произнес Ри-
чард, когда птица исчезла. Он оглянулся в направлении
повозки за ближайшим холмом. — Я путешествую вместе с
женой и своей семьей в поисках работы и места, где смогу
заняться любимым делом.

Он не добавил, что его любимое дело — восстание, если
только у него будет шанс, если будут люди, готовые пойти
за ним. У него есть намного более важные заботы, чем
защита какой-нибудь деревни.

— Но, лорд Рал, мои люди нуждаются...

— Почему ты меня так назвал? — Ричард резко раз-
вернулся.

— Я... прости меня,— путник проглотил ком в горле.— Я не хотел тебя рассердить.

— С чего ты взял, что я — этот как-его-там... лорд Рал? Парень повел рукой, пытаясь найти слова.

— Ты, ты, ты просто... он и есть. Не представляю... что еще я должен сказать. Прости, если оскорбил тебя, лорд Рал.

Наверху показалась Кара. Вид у нее был самый что ни на есть вызывающий.

— Так, и что мы тут имеем?

Незнакомец пораженно уставился на нее и отступил назад, нахочившись как зяблик и прижимая к груди мех с водой, словно он был стальным щитом.

Сзади, с серебряным ножом в руке, выступил Том, загородив все пути к отступлению.

Обернувшись, парень увидел Тома, который возвышался над ним будто башня. Он отпрянул и судорожно хватил воздух ртом, заметив рядом с Ричардом Кэлен. Все они были одеты в простую дорожную одежду, но сейчас, подумал Ричард, они не похожи на обычных странников в поисках работы.

— Пожалуйста,— промямлил незнакомец.— Я не залышлял ничего дурного.

— Расслабься,— Ричард бросил косой взгляд в сторону Кари: его слова предназначались и Морд-Сит.— Ты один?

— Да, лорд Рал. Как я уже говорил, меня послал мой народ. Благодарю, что вы не даете волю своей суровой натуре — ничего другого я и не ожидал. Хочу, чтоб вы знали, я пришел с добрыми чувствами.

— Почему он называет тебя лордом Ралом? — спросила Кара Ричарда тоном, в котором звучало скорее обвинение, чем вопрос.

— Мне много рассказывали о Повелителе. Каков он, как выглядит,— вставил незнакомец. Все еще прижимая одной рукой мех, другой он указал на Ричарда.— И еще

меч. Я слышал о мече лорда Рала,— его глаза осторожно поднялись к Кэлен.— И о Матери-Исповеднице,— произнес он, кланяясь.

— Ну конечно,— вздохнул Ричард.

Он и раньше предполагал, что надо прятать меч при появлении незнакомцев, но теперь понял, как важно было убрать его подальше сразу, как они оказались в населенной местности. Спрятать меч будет относительно несложно. Другое дело — Кэлен. Ричард подумал, что, может быть, они смогут замотать ее в тряпье и выдавать за прокаженную.

Парень осторожно приблизился к Ричарду, вытянув руку с мехом.

— Благодарю, лорд Рал.

Ричард отхлебнул отвратительной на вкус воды и протянул мех Кэлен. Она мотнула головой, отказываясь. Ричард сделал еще один глубокий глоток, прежде чем завернуть пробку и перебросить мех через плечо.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Оуэн.

— Ну что ж, Оуэн. Почему бы тебе не переночевать с нами? Наполнишь водой меха, а завтра утром продолжишь свой путь.

Еле сдерживаясь, Кара сжала зубы.

— Почему ты не позволишь мне всего лишь...

— Думаю, у Оуэна есть заботы, которые мы все понимаем. Он беспокоится о своих друзьях и семье. Утром он пойдет своей дорогой, а мы — своей.

Ричард не хотел, чтобы парень остановился на ночлег в темноте рядом с ними, где за ним будет сложнее наблюдать, нежели в лагере. Утром будет легко удостовериться, что он не пошел за ними, а отправился восвояси. Кара, наконец, поняла намерения Ричарда, определила свою задачу и успокоилась. Лорду Ралу не надо было даже отдавать ей приказ. Он и так был уверен, что охранница не оставит без внимания любого незнакомца, пока они с Кэлен будут спать.

Вместе с женой Ричард направился к повозке. Оуэн, сопровождаемый Томом и Карой, пошел за ними, вертя головой в обе стороны.

По дороге Ричард допивал остатки воды из меха, а их незваный гость несколько раз поблагодарил за приглашение и пообещал не доставлять беспокойства.

Лорд Рал был намерен проследить, чтобы Оуэн выполнил свое обещание. Он знал, что Кара тоже не преминет это сделать.

Глава 10

В повозке Ричард окунул мехи Оуэна в бочонок, в котором еще была вода. Тот сидел, прислонившись спиной к колесу, и время от времени настороженно поглядывал на Ричарда. Такими же взглядами окидывала его Кара. Охраннице парень откровенно не нравился, но это было обычно для Морд-Сит по отношению к незнакомцам, и она знала, что это еще ничего не значит.

Тревоги в отношении Оуэна у Ричарда почему-то не возникло. Он не испытывал к парню ни неприязни, ни особенного тепла. Оуэн был вежлив и не представлял угрозы, но что-то в нем вызывало у Ричарда... раздражение.

Том и Фридрих принесли собранные дрова и разожгли небольшой костер. Восхитительный аромат сосновой смолы разнесся по пустоши, так что запах лошадей стал менее ощутим.

Время от времени Оуэн бросал полный страха взгляд на Кара, Кэлен, Тома и Фридриха. Но больше всего его беспокоила Дженнсен. Он старался отвернуться, не смотреть ей прямо в глаза, но его взгляд все время приковывали рыжие волосы Дженнсена, сияющие в отблесках костра. Когда Бетти подбежала к Оуэну, проявляя дружелюбное любопытство к новому человеку в лагере, тот перестал дышать.

Ричард сказал Оуэну, что козочка всего лишь хочет внимания. Парень погладил Бетти по голове с такой осторожностью, как будто она была гаром, готовым откусить ему руку.

Дженнисен улыбнулась и, не обращая внимания на то, как он пялится на нее, предложила Оуэну вяленого мяса.

Оуэн смотрел на нее, все так же вытаращив глаза.

— Я не ведьма, — сказала Дженнисен. — Люди думают, что мои рыжие волосы — признак ведьмы. Но я не ведьма. Могу уверить тебя, что не владею магией.

Резкость тона в голосе Дженнисен удивила Ричарда, напомнив ему, что за женственностью сестры прячется сила.

— Конечно, нет, — пробормотал Оуэн, продолжая изумленно смотреть на нее. — Я, я... просто никогда не видел таких... красивых волос, вот и все.

— Спасибо, — Дженнисен подарила ему еще одну улыбку и снова предложила немного мяса.

— Извини, — вежливо произнес Оуэн. — Я не ем мяса, не обижайся. — Он быстро сунул руку в карман и достал холщовый мешочек с сухим печеньем. — Хочешь попробовать? Угощайся. — Натянуто улыбнувшись, он протянул несколько печеньушек Дженнисен.

Том сделал пару шагов, пристально глядя на Оуэна.

— Спасибо, нет, — Дженнисен отдернула руку и присела на плоский камень. Она поймала Бетти за ухо и заставила лечь у своих ног. — Лучше тебе самому съесть печенье, если ты не хочешь мяса. Боюсь, ничего другого у нас нет.

— Почему ты не ешь мясо? — поинтересовался Ричард.

Оуэн посмотрел через плечо на Ричарда, сидящего в повозке над ним.

— Мне не нравится мысль, что животных убивают ради того, чтобы я мог утолить голод.

— Ты по-доброму относишься к животным, — Дженнисен улыбнулась.

Оуэн выдавил судорожную улыбку, его взгляд снова упал на волосы Дженнисен.

— Так чувствует мое сердце,— сказал он, отвернувшись от нее, чтобы невзначай не встретиться глазами.

— Сердце Даркена Рала тоже было очень чувствительным,— Кара бросила резкий взгляд на Дженнисен.— Однажды я видела, как он запорол кнутом до смерти женщину за то, что она осмелилась есть колбасу в Народном Дворце. Он расценил это как неуважение к своим чувствам.

Глаза Дженнисен застыли в изумлении.

— А в другой раз, я была с ним во дворе, рядом с садом,— продолжала Кара, жуя кусок колбасы.— Он заметил одного охранника, ехавшего на коняге с мясным пирогом в руке. Даркен Рал ударил пламенем магического огня, в мгновение обезглавив лошадь — бац, и ее голова покатилась за ограду. Солдату как-то удалось быстро встать на ноги, вы свободив ноги из стремян и спрыгнув с лошади, пока она валялась на землю. Так вот, Даркен Рал подошел, выхватил меч и в припадке ярости рассек трупу живот. Потом он схватил солдата за волосы на затылке и сунул его голову во внутренности лошади, заорав, чтобы он ел. Бедняга старался, как мог, но очень быстро задохнулся в теплых кишках.

Оуэн закрыл глаза и подтащил руку ко рту. Его явно подташнивало от омерзения.

Кара размахивала колбасой, представляя стоящего рядом Даркен Рала.

— Он повернулся ко мне и тихим голосом спросил, как люди могут быть настолько жестокими, чтобы есть мясо животных.

— И что... что ты ответила? — ахнула потрясенная Дженнисен.

— А что я могла сказать? Сказала, что не знаю,— пожала плечами Кара.

— Но как тогда люди ели мясо в его присутствии, если он был таким? — недоумевала девушка.

— По большей части — не был. Торговцы поставляли мясо во дворец, и Даркен Рал не придавал этому значения.

Иногда он неодобрительно покачивал головой или называл их жестокими, но чаще всего он их просто не замечал.

— Да, это точно,— кивнул Фридрих.— Прежний Правитель был совершенно непредсказуем. Ни один человек не мог знать, что он сделает с ним в следующую минуту. Он мог улыбнуться, а потом замучить до смерти. Что у него на уме было загадкой для всех и всегда.

Кара пристально вглядывалась в языки огня перед собой.

— Не было ни единого шанса предвидеть его реакцию,— ее голос понизился почти до шепота.— Многие считали, что это просто вопрос времени, когда Даркен Рал их убьет. Поэтому люди жили, словно осужденные на казнь, ожидая обрушающегося топора, не находя радости в жизни и не думая о будущем.

Том кивком головы выразил согласие с тем, как Кара определила жизнь в Д'Харе, и подбросил в огонь хвороста.

— Ты тоже так жила, Кара? — спросила Дженнсен.

— Я Морд-Сит.— Охранница подняла глаза и нахмурилась.— Морд-Сит всегда готовы обняться со смертью. Мы не хотим умереть старыми и беззубыми.

Оуэн был так потрясен рассказом Кары, что машинально, словно по обязанности, грыз печенье.

— Не могу представить, как можно было жить, страдая так невыносимо, как вы. Этот Даркен Рал, часом, не родственник тебе, лорд Рал? — Парень тут же подумал, что, должно быть, совершил ошибку и неуклюже поспешил ее исправить.— У него такое же имя... вот я и подумал, просто подумал... я не хотел сказать, что ты похож на него...

— Он был моим отцом,— Ричард вылез из повозки и протянул Оуэну его мех с водой.

— Я ни на что не намекал. Поверь, я не стал бы клеветать на чьего-либо отца, а тем более...

— Я убил его,— оборвал неловкое мямлянье Ричард. Он не хотел ничего обсуждать, чувствуя отвращение при мысли обо всей этой истории.

Оуэн озирался вокруг как олененок, окруженный волками.

— Он был чудовищем,— сказала Кара, чувствуя, что надо защитить нынешнего лорда Рала.— Сейчас у людей Д'Хары появился шанс жить полной жизнью и не бояться будущего.

— Да, только если они смогут освободиться от Имперского Ордена,— Ричард подсел к жене и обнял ее за плечи.

Склонив голову, Оуэн похрустывал своим печеньем.

Наступила тишина.

— Почему бы тебе не сказать нам правду о причинах твоего прихода сюда, Оуэн? — наконец прервала молчание Кэлен.

Ричард знал этот тон ее голоса — голоса Матери-Исповедницы — спокойный и одновременно вызывающий дрожь.

— Конечно, Мать-Исповедница,— Оуэн уважительно наклонил голову.

— Ты знаешь, кто она? — спросил Ричард.

— Да, лорд Рал,— кивнул парень.

— Как?

Взгляд Оуэна заметался между Ричардом и Кэлен.

— Молва о тебе и Матери-Исповеднице ходит везде, нет ни одного уголка, где люди бы не слышали о вас. Слава о том, как ты освободил народ Алтур-Ранга от угнетения Имперским Орденом распространилась повсюду. И те, кто жаждут свободы, знают, что ты — единственный, кто может нам ее дать.

— Что значит «единственный»? — поморщился Ричард.

— Ну, прежде правил Имперский Орден. Они были бесчеловечны, простите... — парень запнулся.— Точнее, были введены в заблуждение и не знали, как можно управлять иначе. Возможно, это не их вина. Не мне судить об этом,— Оуэн остановился, подыскивая слова, припоминая жестокие действия Имперского Ордена.— Потом пришел ты и дал людям свободу. Ну, так, как это случилось в Алтур-Ранге.

Ричард провел рукой по лицу. Так много забот! Так много всего, что он должен сделать... Ему необходимо пе-

ревести книгу. А еще надо выяснить, что это была за вещь, до которой дотронулась Кара, и почему их преследуют чернокрылые птицы. Необходимо вернуться к Виктору и к тем, кто участвовал в восстании против Ордена. И он обязательно должен встретиться с Никки и разобраться со своими головными болями. Кто знает, возможно, Никки сможет помочь ему в этом лучше, чем кто-либо другой.

— Оуэн, я не «давал» людям свободу.

— Да, лорд Рал.

Оуэн, конечно, не осмелился возразить Ричарду, но его глаза ясно говорили, что парень не согласен с его словами.

— Оуэн, почему ты думаешь, что я дал людям свободу?

Парень откусил кусочек печенья и взглянул на остальных. Он ссутулил плечи и неуверенно пожал ими. Наконец, прочистил горло.

— Ты делаешь то же, что и Имперский Орден — ты убиваешь людей.— Он неуклюже выбросил вперед руку с печеньем, пронзая воздух, словно мечом.— Ты убиваешь тех, кто порабощает других, и даешь свободу угнетенным, поэтому и мир возвращается.

Ричард глубоко вздохнул. Он не был уверен, то ли Оуэн и вправду так убежден в том, что он говорит, то ли по-ослиниому упрям, то ли сильно нервничает перед новыми людьми и потому с таким трудом выражает свои мысли.

— Это не совсем так,— сказал Ричард.

— Но именно поэтому ты здесь. Все знают об этом. Ты пришел в Древний мир принести людям свободу.

Присев на корточки, Ричард наклонился вперед, расстирая немеющие ладони и думая о том, как много хотел бы он объяснить. Он почувствовал волну теплоты, когда Кэлен нежно положила руку ему на плечо. Сразу стало намного легче дышать. Все, в чем Ричард действительно нуждался — как человек, а не как чародей и Правитель Рал,— это никогда не возвращаться к тому ужасу, когда был узником и жил вдали от Кэлен, думая, что больше ее не

увидит. Но сейчас надо было отложить в сторону весь груз эмоций.

— Оуэн, я пришел из Нового мира...

— Да, я знаю,— кивнул головой Оуэн.— И ты пришел сюда освободить людей от...

— Нет. Это не так. Мы жили в Новом мире. Мы жили мирно, очевидно, как и твой народ. Император Джегань...

— Сноходец.

— Да, Император Джегань, сноходец, двинул свою армию завоёвывать Новый мир, превращать в рабов наш народ...

— И мой народ тоже.

— Понимаю,— кивнул Ричард.— Я знаю, что это за ужас. Его солдаты неистовствуют в Новом мире, убивают и заковывают в кандалы людей.

— И у нас творится то же самое,— согласился Оуэн, обратив полный слез взор в темноту.

— Мы пытались бороться,— сказала Кэлен.— Но их слишком много. Армия Джеганя огромна, и нам не выгнать их с нашей земли.

Оуэн снова принял грызть печенье, избегая взгляда Кэлен.

— Мой народ страдает от людей Ордена — да простит Создатель их заблуждения.

— Нет! Да волят они в муках агонии в самой темной тени Хранителя подземного мира до скончания веков! — внесла безжалостную поправку Кара.

У Оуэна отвисла челюсть. Он никогда не слышал проклятия, произнесенного столь громко и с такой силой.

— Мы не смогли победить их с ходу, просто вышиврнув обратно в Древний мир,— произнес Ричард, возвращая Оуэну его взгляд.— Поэтому я здесь, на родине Джеганя, надеясь помочь тем, кто жаждет быть свободным, сбросить оковы Ордена. Пока сноходец там, далеко, завоевывает нашу землю, он оставил свою родину незащищенной. И это дает возможность тем, кто стремится к свободе, ударить его

в самое слабое место. Нанести удар в глубоком тылу... Мне пришлось поступить так потому, что я не вижу другого пути борьбы против Имперского Ордена — пути, на котором нас может ждать успех. Если нам удастся ослабить тылы, откуда Джегань черпает людей и ресурсы, тогда он будет вынужден отказаться от завоевательных планов и бросить свою армию сюда, отвоевывать собственную землю... Тирания не может продолжаться вечно. Ее суть настолько извращенна, что по природе разлагает все, включая себя самое. Но такой процесс может занять целую жизнь. Вот почему мы пришли сюда — чтобы его ускорить, чтобы я и те, кого я люблю, имели право выбора, были свободны прожить свою собственную жизнь так, как пожелаем. Если достаточно много людей поднимется против правления Имперского Ордена, тогда мы ослабим тиски Джеганя и сокрушим и его и Орден, — Ричард помолчал и наконец закончил. — Так я сражаюсь с ним, так пытаюсь сломить нашего общего врага и выманить из моей страны.

— Все так, — согласно кивнул Оуэн. — Это именно то, в чем мы нуждаемся. Мы — жертвы судьбы. Нам нужен ты, чтобы выдворить людей Джеганя из нашей страны, а затем ты бы вложил свой меч в ножны, и наш народ смог бы снова зажить спокойно и мирно. Ты нужен нам, чтобы дать свободу.

В костре треснуло полено, и в воздухе закружились, поднимаясь к небу, искорки. Ричард сидел, склонив голову и сложив вместе кончики пальцев. Похоже, парень не услышал ни единого слова. Создатель, как ему объяснить, чтобы до него наконец дошло? Отряд Ричарда очень мал. Им необходим отдых. Ему самому надо толковать книгу. Они должны добраться до места, куда направляются... Но хотя бы сейчас его не мучают головные боли.

— Оуэн, прости, — наконец тихо произнес Ричард. — Я не могу помочь тебе и сделать то, чего ты от меня ждешь. Но я хочу, чтобы ты понял: успех моего дела ведет к успеху

твоего. И то, что я делаю, в конце концов, заставит Джеганя вывести свою армию с твоей родины. По крайней мере, они будут ослаблены, и вы сможете их выгнать.

— Нет! — вскрикнул Оуэн, чуть не плача. — Его люди не уйдут, пока ты не придешь и не... — Парень содрогнулся. — Не уничтожишь их.

Само слово «уничтожить» и все, что с ним связано, вызывало у Оуэна тошноту.

— Завтра мы пойдем своей дорогой, — Ричард уже не заботился о том, чтобы выглядеть вежливым. — Ты пойдешь своей. Желаю тебе удачи в освобождении твоего народа от Имперского Ордена.

— Мы никогда не сможем, — запротестовал Оуэн, вскачивая на ноги. — Мы не варвары. Ты и подобные тебе дикие способны убивать других и дать нам свободу. Мой народ решил, что я единственный, кто может привести тебя. Ты должен идти и сразиться, и принести свободу нашей империи...

Ричард потер кончиками пальцев морщины над бровями и посмотрел на парня устало и с жалостью. Кара приподнялась было, но взгляд Правителя заставил ее сесть на место.

— Я дал тебе воды, — сказал он парню, поднимаясь. — Я не могу дать тебе свободу.

— Но ты должен...

— Дежурим ночью по двое, — оборвал Ричард Оуэна и повернулся к нему спиной, давая понять, что разговор окончен.

Рот Кари искривила довольная усмешка. Наконец произвучало твердое решение, вполне соглашающееся с ее представлениями о том, что следует делать, и потому она была удовлетворена.

— Утром Оуэн пойдет своей дорогой, — добавил Ричард довольно громко, чтобы все его слышали.

— Да, безусловно, — взгляд голубых глаз Кари скользнул по Оуэну. — Пойдет как миленький.

Глава 11

— Что с тобой? — спросила Кэлен, подъезжая верхом к повозке.

Ричард выглядел чем-то взбешенным. Она заметила, что в одной руке муж держит книгу, а другую сжал в кулак. Он было хотел ответить, но Дженнисен, сидящая рядом с Томом, повернулась посмотреть, в чем дело, поэтому Ричард обратился к ней:

— Мы с Кэлен собираемся проверить дорогу впереди. Следи за Бетти, чтобы она не выскочила. Хорошо, Джен?

Девушка улыбнулась и кивнула.

— Если Бетти будет плохо себя вести, дай мне знать, и я отведу ее к одной леди, которая делает замечательные колбаски, — подмигнул Том.

Дженнисен рассмеялась щутке и добродушно ткнула его локтем под ребра. Когда Ричард выбрался из повозки и спрыгнул на землю, она ухватила Бетти за виляющий хвостик.

— Голубушка! Ты останешься здесь. Ричард совсем не хочет, чтобы ты постоянно таскалась за ним.

Бетти, успевшая положить передние копытца на борт повозки, заблеяла, посматривая на Дженнисен и как бы упрашивая ее передумать.

— Вниз, — скомандовала Дженнисен. — Лежать.

Бетти с недовольным видом прыгнула назад в повозку, требуя, чтобы в утешение ее хотя бы почесали за ушами, а иначе она не ляжет.

Кэлен наклонилась в седле и отвязала от повозки поводья лошади Ричарда. Он поставил ногу в стремя и одним быстрым движением оказался в седле. Кэлен видела, что он взволнован, но ее сердце ликовало, когда она просто смотрела на него.

Ричард переместил вес немного вперед и подстегнул коня. Кэлен, держась рядом с мужем, сжала ногами бока своей

лошади, пустив ее в галоп. Ричард поехал впереди нее, описывая круги среди неровных холмистых склонов. Скоро они встретили Кара и Фридриха, объезжающих местность.

— Мы собираемся проверить эту часть, — сказал им Ричард. — Может, вернетесь, разведаете, что там сзади?

Кэлен поняла, что Ричард отослал их обратно для того, чтобы Кара не следила за ними, как она обязательно бы сделала, поедут они в противоположную сторону. А так Кара могла не беспокоиться о том, что они будут возвращаться и заблудятся.

Охранница натянула поводья и повернула назад. Кэлен неслась вперед за Ричардом, прижавшись к холке. Пот пропитал рубашку на ее спине. Несмотря на редкие деревья и высокую траву, покрывающую подножия холмов, жара не спадала. Ночью немного холодало, но днем было все так же жарко. Когда над гребнями гор повисали облака, воздух становился еще и влажным.

Суровая горная грязь на востоке внушала страх. Отвесные каменные стены поднимались над плоскогорьями, нагроможденными в хребет. Нависшая каменная стена высотой в тысячу футов, с которой то и дело падали глыбы камня, делала восхождение невозможным. Если тропы через перевалы и проложены, они, несомненно, опасны для путников.

Все же перейти эти серые раскаленные горы было невероятно трудно, но шанс был. Куда большая проблема лежала дальше.

Ближние горы, простирающиеся по краю пустыни с севера на юг, скрывали за собой устрашающую цепь снежных пиков, которые полностью преграждали путь на восток. Кэлен никогда не видела таких впечатительных гор. С ними не могли сравниться даже славящиеся своей непроходимостью горы Ранг-Шада в Срединных землях. Эти же горы казались гигантами даже на их фоне. Отвесные скалы вздымались на тысячи футов. Мрачные склоны не оживлялись ни

единой тропкой или просветом и были настолько круты, что на них не росло ни единого чахлого деревца; их корням было просто не за что уцепиться. Высокие заснеженные пики величественно поднимались над облаками, напоминая скорее острые лезвия ножей, чем отдельные вершины.

Днем раньше, когда Кэлен увидела, что Ричард пристально вглядывается в эти горы, изучая их, она спросила, можно ли их обойти. Ответ мужа был категорически отрицательным. Ричард уверился, что единственная возможность — это пересечь их, пройдя ущельем, которое он отметил, когда нашел место, где была загадочная граница.

Сейчас они двигались к северу по удобной тропе вдоль голых склонов близких гор.

Недалеко от пологого покрытого бурой травой холма Ричард остановил лошадь. Он повернулся в седле, провевряя, что остальные далеко.

— Я просмотрел книгу, — Ричард подвел лошадь почти вплотную к Кэлен и все же понизил голос.

— Когда я тебя спрашивала, почему ты не просмотрел книгу, ты сказал, что это не самое мудрое решение, — жене не понравился его тон.

— Знаю. Но я так ни к чему и не пришел, а нам нужно найти ответы. — Лошади перешли на легкую рысь. Ричард потер плечи. — После такой жары с трудом верится, что наступят холода.

— Холода? О чём ты?..

— Ты встречалась с такими необычными людьми, как Дженнисен? — Кожа седла заскрипела, когда Ричард еще ближе склонился к Кэлен. — С теми, кто рожден без дара, даже без малейшей его искры? С теми, кого называют Столпы Творения? Знаешь, в прошлом, когда была написана книга, их можно было встретить гораздо чаще.

— То есть, в их рождении не было ничего странного?

— Да, ничего. Они вырастали, женились и рожали детей — детей без дара.

— Разорванная связь в цепи рожденных с даром....— Кэлен посмотрела на него с большим удивлением.— Это то, о чём ты мне говорил раньше?

— Такими были дети лорда Рала,— кивнул Ричард.— Не те дети, что рождались у Даркена Рала, или у его отца. Понимаешь, все дети лорда Рала и его жены были членами семьи, и их лечили, если они рождались такими. Это значит, что волшебники пытались помочь им — сначала прямым потомкам, потом их детям, потом детям их детей. Они пытались исцелить...

— Исцелить? От чего?

Ричард поднял руки в нетерпеливом жесте.

— От отсутствия дара — от рождения без крошечной его искры, которая есть у каждого. Волшебники пытались восстановить разорванную связь.

— И как же они думали исцелить рожденных без искры?

Ричард сжал губы, подбирая нужные слова.

— Помнишь тех волшебников, которые послали тебя через границу искать Зедда?

— Да,— начиная прозревать, произнесла Кэлен.

— Они не были рождены с даром, не были прирожденными волшебниками. Кем они были — вторыми или третьими волшебниками? Кем-то вроде этого? Однажды ты рассказывала мне о них,— он щелкнул пальцами.— Волшебниками Третьего уровня. Так?

— Да. Только один, Джиллер, был волшебником Второго уровня. Никто из них не смог пройти испытания и стать Первым, как Зедд, потому что у них не было дара. Быть волшебниками было их призванием, но они не обладали необходимым даром — только той искрой, которой наделен каждый.

— Это как раз то, о чём я говорю,— сказал Ричард.— Они не были рождены с даром волшебников, только лишь с искрой, как и все. Зедд каким-то образом обучил их способности применять магию, то есть быть волшебниками, хотя они не были рождены для этого и не имели дара.

— Ричард, обучение длилось бы всю жизнь.

— Я знаю, но суть в том, что Зедд помог им стать волшебниками, способными пройти испытания и накладывать заклинания.

— Да, помню. Когда я была маленькой, волшебники Третьего и Второго уровня учили меня тому, как действует магия и Башня Волшебников, рассказывали о людях и со-зданиях Срединных земель. Может, они и не были рождены с даром, но учились всю жизнь, чтобы стать волшебни-ками. И мои наставники были ими,— убежденно закончила Кэлен.

На лице Ричарда появилась улыбка, сказавшая Кэлен, что она верно ухватила самую суть его доводов.

— И все-таки твои учителя не были рождены с этим свойством, с даром,— он приблизился к ней.— Зедд ведь не только обучал, он применял магию, чтобы помочь им стать волшебниками, так ведь?

— Не знаю,— Кэлен, обдумывая, нахмурила брови.— Ни Джиллер, ни другие никогда не рассказывали о том, как их учили быть волшебниками. Это не имело отношения ко мне или моему обучению.

— Но Зедд обладает Магией Приращения,— подчеркнул Ричард.— Магией Приращения можно изменять пред-меты, добавляя новые или усиливая те свойства, которые у них уже есть.

— Ну ладно,— осторожно согласилась Кэлен.— Так в чем же суть?

— А суть в том, что Зедд отобрал людей, не имеющих дара волшебника, и обучил их. Но, что важнее, он должен был использовать свою силу и изменить то, что им было дано при рождении, чтобы помочь им пройти этот путь. Дед должен был наделить каждого частицей дара,— Ричард взглянул на Кэлен сверху вниз, когда его лошадь неторопливо обходила низенькую кривую сосну.— Он изменил их с по-мощью магии.

Кэлен глубоко выдохнула, взглянув на Ричарда, и перевела взгляд на расстилающиеся впереди холмы, покрытые травой. Женщина осмысливала то, что сказал ей муж.

— Никогда не думала об этом, но так оно и есть,— помолчав, признала она.— И что это значит?

— Мы предполагали, что только волшебники прошлого могли делать такое, но, очевидно, это искусство не было утеряно, и оно не столь недоступно, как я думал. Оно доступно тем волшебникам, кто верил в возможность изменения в желательном для них направлении. И вот что я понял. То, что сделал Зедд, наделив даром твоих учителей, делали и волшебники прошлого, пытаясь дать Столпам Творения искру дара.

Для Кэлен настал момент озарения. Она была поражена. Не только волшебники прошлого, но и Зедд использовали магию для изменения природы людей, их сущности, того, с чем они были рождены.

Раньше Кэлен думала, что Зедд только лишь помог ее учителям в Эйдиндрите достичь того, что было величайшей целью их жизни — их призвания. Она считала, что Первый Волшебник лишь усилил данное им при рождении, помог развить способности в полную силу. Однако такая возможность была только у тех, кто обладал искрой. Но если волшебники прошлого делали такие вещи, чтобы помочь людям, возможно, они могли использовать свою силу и в других целях?

— Таким образом, волшебники прошлого, знающие, как изменить врожденные способности, считали, что могли бы исцелить и тех, кого называли Столпами Творения,— заключил Ричард.

— Исцелить от отсутствия дара? — недоверчиво переспросила Кэлен.

— Не только. Они не собирались делать их волшебниками, но думали, что смогут наделить их самой малой искрой дара, которая позволила бы таким людям взаимодействовать с магией.

Кэлен глубоко вздохнула.

— И что произошло?

— Книга написана после окончания Великой войны, когда Древний мир был отделен границей. Она написана во времена мира в Новом мире. Но помнишь, к чему мы пришли с тобой раньше? Мы думали, что во время войны волшебник Рикер и его сторонники сделали так, что дети волшебников перестали наследовать способность владеть Магией Ущерба. После войны все реже рождались дети с даром, и никто из рожденных не обладал Магией Ущерба.

— Значит, после войны, очень быстро перестали рождаться дети, обладающие двумя сторонами дара — Приращения и Ущерба. Это мы знали, — сказала Кэлен.

— Именно, — Ричард приблизился к ней с книгой. — Но потом, когда стало рождаться все меньше волшебников, внезапно волшебники осознали, что появилось много людей, не обладающих даром — разорвалась связь магической преемственности. Неожиданно они оказались не только перед проблемой отсутствия волшебников, но и столкнулись лицом к лицу с появлением на свет Столпов Творения.

Кэлен качнулась в седле, представляя, что творилось в то время в Башне.

— Думаю, они были очень обеспокоены.

— Они были в отчаянии, — многозначительно понизил голос Ричард.

Кэлен опустила поводья, идя рядом с Ричардом, лошадь которого обходила древнее поваленное дерево, высеребренное беспощадным солнцем.

— Я предполагаю, что волшебники стали делать то же, что и Зедд, — Кэлен направила свою лошадь за Ричардом. — Учить тех, кто чувствовал призвание и желал стать волшебником, но не был рожден с таким даром.

— Да, но тогда они еще могли научить обладающих Магией Приращения использовать Магию Ущерба, — произнес Ричард. — Со временем они утратили это искусство,

но были способны, как и Зедд, научить людей быть волшебниками, колдующими лишь Магией Приращения. В книге написано и о другом,— Ричард взмахнул рукой.— Волшебники прошлого стремились не только к этому. Ими двигала вера в свои силы и убежденность в собственной правоте. Они считали, что могут исцелить Столпы Творения так же, как и научить волшебников использовать в колдовстве Магию Ущерба, а лишенных по рождению дара волшебника — использовать Магию Приращения.— То, как Ричард размахивал руками, напомнило Кэлен Зедда, когда он особенно воодушевлялся.— Чародеи прошлого пытались изменить природу людей. Людей, не обладающих искрой дара, они отчаянно пытались наделить способностью воспринимать магию. Волшебники не добавляли или увеличивали данное от природы, они хотели создать что-то из ничего.

Кэлен все это не нравилось. Она знала, что в то время волшебники обладали большой силой и могли изменять дар людей и управлять им в своих собственных целях.

Так они создавали оружие против людей.

В Великую войну предки Джеганя — сноходцы — были таким оружием. Сноходцев создали для того, чтобы проникать в сознание жителей Нового мира и управлять им. В те ужасные времена родилась и магическая связь лорда Рала с его народом, которая была призвана противостоять сноходцам и защищать людей.

Прирожденные чародеи прошлого, не задумываясь о последствиях, вмешивались в человеческую природу, заколдовывая людей и превращая их в живые орудия. Эти изменения затрагивали саму сущность человека, и, чаще всего, были необратимы. Порой такие создания становились безгранично жестокими монстрами. Их наследник — Джегань.

Во время Великой войны один из осужденных за предательство волшебников отказался признаться в том, что совершил. Не сумев даже пытками вырвать у него признание, волшебники обратились к могущественному Мэрриту и со-

здали Исповедниц. Первая же Исповедница, Магда Сеарус, коснулась волшебника-отступника и получила искомую исповедь. Суд был настолько удовлетворен результатами колдовства Волшебника Мэррита, что решил создать Орден Исповедниц.

Кэлен чувствовала этот мир так же, как и обычные люди, она была женщиной от прекрасной макушки до кончиков изящных пальцев и страстно любила жизнь — ничуть не меньше, чем любая простая женщина. Но... Кэлен была особенной, и ее власть Исповедницы была результатом колдовства. Она — наследница женщин, созданных как оружие — оружие, предназначеннное искать правду. Как горько осознавать это...

— Что с тобой? — спросил Ричард.

Кэлен подняла глаза и безмятежно встретила обеспокоенный взгляд мужа. Она заставила себя улыбнуться и покачала головой, давая понять, что все в порядке.

— Ну, так что ты обнаружил, пролистнув книгу?

Ричард глубоко выдохнул, касаясь руками луки седла.

— В общем, можно сказать так. Они применяли краску, чтобы рождались люди... без глаз.

В представлениях Кэлен о магии и истории это было ужасно, даже в сравнении с наиболее жестокими экспериментами по превращению людей в оружие. В самых отвратительных случаях обычно отнимали какое-либо свойство человеческой натуры и привносили или усиливали другие способности. Но никто не смог бы создать то, чего нет.

— Другими словами, они не сумели, — подытожила Кэлен.

— Да, Великая война закончилась, и Древний мир был надежно отделен созданной границей. А с ним и те, кто хотел положить конец магии, — кивнул Ричард. — Волшебники осознали, что все меньше людей рождаются с даром колдовства, а магическая связь с народом, вызванная Домом Ралов ради защиты от сноходцев, имеет неожиданные последствия. И самое страшное из них заключается в рожде-

нии детей без дара, в необратимом разрыве в магической цепи.

— Итак, перед ними стояли две проблемы,— продолжила размышления мужа Кэлен.— Все меньше появлялось на свет магов и, кроме того, рождалось все большее количество людей, не имеющих даже искры дара.

— Ты права. И вторая проблема росла быстрее, чем первая. Вначале волшебники прошлого верили, что отыщут решение, лекарство. Но не смогли. А что еще хуже, как я уже говорил тебе, так это то, что рожденные без дара, как Дженнисен, рожали таких же детей. Через несколько поколений количество подобных людей возросло бы неизмеримо.

— Действительно, наверное, они испытывали отчаяние,— глубоко вздохнула Кэлен.

— Это был хаос,— мрачно констатировал Ричард.

Женщина откинула назад прядь волос.

— И что они решили?

Ричард бросил на Кэлен взгляд, в котором читалось потрясение тем, что он узнал.

— Чародеи выбрали магию, а не людей. Они решили, что магия или тот, кто ею обладает, намного важнее, чем человеческая жизнь,— лорд Рал гневно повысил голос. Его разум был едва в силах вместить масштаб и ужас содеянного предками.— Волшебники прошлого поставили превыше всего права тех, кто, так же как и они, от рождения обладали магическим даром. Превыше всего — собственные «универсальные» жизни, собственное «独一无二ное» существование... Дар для них стал значить больше, чем жизнь, в которой он заключен! — Он с трудом перевел дыхание.— Уничтожать пришлось бы слишком многих, поэтому они придумали кое-что получше: изгнание.

— Изгнали? Куда? — брови Кэлен изумленно взлетели вверх.

Ричард приблизился к ней. В его глазах пыпал огонь.

— В Древний мир.

— Как?!

Ричард пожал плечами, пытаясь представить рассуждения волшебников прошлого.

— А что еще они могли сделать? Едва ли они могли всех казнить, к тому же среди рожденных без дара были их друзья и члены семей. У многих обычных людей, обладающих искрой, но не такой сильной, как дар волшебников или ведьм, были сыновья, дочери, братья, сестры, дяди, тети, двоюродные родственники и соседи. И эти сыновья и дочери, тети и дяди, кумовья и дорогие их сердцу друзья и соседи были женаты или замужем за теми, кто не имел дара, за Столпами Творения. А все эти люди были частью общества — общества, которое все меньше и меньше составляли наделенные даром... Там, где Столпы Творения составляли большинство, стоящие у власти не могли обречь их всех на смерть, каким бы даром они ни были наделены.

— Ты хочешь сказать, что они рассматривали такую возможность?

Ричард промолчал. Стыд за малодушие предков обжигал его сердце. Но Кэлен прочла горькое «да» в его глазах.

— Они все-таки не решились. Но потом, перепробовав разные варианты, волшебники осознали, что не смогут восстановить разорванную магическую связь, а те, кого прозвали Столпами Творения, женились и рожали детей — таких же ущербных. И число ущербных росло быстрее, чем кто-либо мог себе представить... Чем больше рожденные с даром беспокоились, тем больше их мир подвергался опасности, той же, что и во время войны. Это то, чего хотел добиться Древний мир — уничтожить магию. И однажды им пришлось признать, что случилось то, чего они так боялись... Волшебники уже не могли ничего исправить в прошлом, не могли остановить распространение того, что было в их глазах хуже любой чумы, и не могли убить таких людей. Страшась того, что их время уходит, они решили, что единственный путь для ущербных — изгнание.

— А как они сумели пересечь границу? — поинтересовалась Кэлен.

— Граница существует только для тех, кто обладает даром, а для Столпов Творения нет магии. Магия не действует на них, поэтому граница не стала препятствием.

— Но как они могли быть уверены, что все Столпы Творения ушли? Если бы кто-нибудь сбежал, то изгнание оказалось бы бессмысленным, и уход не решил бы проблему.

— Рожденные с даром — волшебники и ведьмы — каким-то образом узнают тех, кто не имеет искры. Помнишь, Дженнисен говорила, что их называют «дырами в мире»? Имеющие дар видят их глазами, но не могут ощущать с помощью дара. По-видимому, не составляло труда выяснить, кто Столп Творения, а кто нет.

— Ты можешь объяснить мне разницу? — спросила Кэлен. — Ты ощущаешь Дженнисен как-то по-другому? Как «дыру в мире»?

— Нет. Но меня не учили использовать своими способностями. А ты?

Кэлен покачала головой.

— Я не ведьма, и думаю, что не могу отличать таких людей, как Дженнисен, — она наклонилась в седле. — Что произошло с теми людьми в прошлом?

— В Новом мире собрали всех не обладающих даром потомков Дома Ралов, всех до одного, и отправили через великую границу в Древний мир, где люди живут без магии.

Ричард иронично улыбнулся, хотя то, о чем он рассказывал жене, было окрашено в мрачные тона.

— Волшебники Нового мира, по сути, дали своим врагам в Древнем мире то, чего те хотели и за что сражались — человечество без магии, — улыбка на его лице погасла. — Ты можешь представить, что нам пришлось бы изгнать Дженнисен и отправить ее в неизвестное только потому, что она не видит магии?

Кэлен покачала головой, отказываясь даже представить такую возможность.

— Какой ужас быть оторванным от семьи и изгнанным к врагам твоего народа!

Ричард молча ехал рядом.

— Это было очень тяжело для тех, кто уходил, но не менее жутко для тех, кто оставался,— произнес он через некоторое время.— Вообрази, как это было. В одночасье исчезли все друзья и родственники, которых вдруг вырвали из твоей жизни, твоей семьи! Потерять всех, кто был дорог! А все потому, что некое свойство поставили выше человеческой жизни,— горько заключил Ричард.

Слушая его рассказ, Кэлен испытала такое сильное впечатление, что чувствовала, словно сама прошла через нечто подобное. Она посмотрела на Ричарда. Муж глубоко погрузился в свои мысли, неподвижно глядя вперед.

— А потом? — спросила Кэлен.— Слышали ли оставшиеся о тех, кто был изгнан?

Он качнул головой.

— Нет, ничего. Ни единого слова. Они оказались за великой границей и потому как бы умерли для старой жизни.

Кэлен погладила шею лошади, ей хотелось почувствовать тепло живого существа.

— Что сделали с теми, кто родился после изгнания?

— Убили,— с трудом произнес Ричард, продолжая неподвижно смотреть вперед.

— Не могу представить, как они это делали,— Кэлен склонила голову в отвращении.

— Они могли определить, родился ли ребенок с даром. Их убивали, пока еще ребенку не дали имя.

Минуту Кэлен не могла найти слов.

— Я все еще не могу себе это представить,— тихо прошептала она.

— Это не слишком отличается от того, что делали Исповедницы с родившимися мальчиками.

Его слова ударили Кэлен. Она ненавидела воспоминания о том времени. Ненавидела воспоминания о рожденных Исповедницами мальчиках. Ненавидела смерть, на которую их обрекала родная мать.

Но иного выбора не было. В прошлом мужчины-Исповедники не имели власти над своей силой. Они превращались в чудовищ, развязывали войны и причиняли немыслимые страдания. Потому и было решено умерщвлять рожденных Исповедницами мальчиков до того, как им дадут имя.

Кэлен не могла заставить себя посмотреть в глаза Ричарду. Ведьма Шота когда-то предсказала, что они зачатут мальчика. Ни Кэлен, ни Ричард не смогли бы причинить вред своему ребенку, зачатому в любви друг к другу, в любви к жизни. Она не могла и помыслить о том, что рожденный ею, Исповедницей, мальчик, должен быть убит. Или что их ребенок будет девочкой, но лишенной дара. И ее тоже придется умертвить, как «дыру в мире». Задумай Ричард из рода Ралов и Кэлен-Исповедница родить малыша, он был бы обречен на смерть, потому что они были теми, кем были, оставались теми, кто они есть, и теми, кем могли еще стать.

— В книге сказано и о переменах, которые происходили в моем роду,— тихо произнес Ричард.— В те времена, когда писали книгу, лорд Д'Хары женился, и всегда было известно о рожденных наследниках. Ребенка, рожденного без искры дара, убивали как можно более милосердно. Иногда правящие Домом Ралов волшебники уподоблялись животным, как Даркен Рал. Они брали любую женщину, которую пожелали. При этом разные мелочи, вроде того, родился ли в результате совокупления Столп Творения, для них не имели значения. Они просто убивали каждого своего отпрыска, за исключением наделенного даром наследника.

— Но они ведь были волшебниками и могли сказать, кто из родившихся детей не имеет дара. Они могли убивать не всех?

— Если бы захотели, думаю, могли бы. Но их, как и Даркена Рала, интересовал лишь единственный, обладающий даром наследник. А от остальных они избавлялись.

— И одному из таких детей, вечно боящихся за свою жизнь, удалось избегать лап Даркена Рала до тех пор, пока ты не убил его. И тогда обрел сестру Дженнисен.

— Да, я это сделал, — ласково улыбнулся Ричард, вспомнив рыжие волосы и гордый нрав сестренки.

Кэлен проследила за его взглядом и заметила вдалеке пятнышки — чернокрылые хищники, парящие над высокими пиками восточных гор.

— Ричард, как ты думаешь, а те, не наделенные даром отпрыски, которых изгнали в Древний мир, они... выжили? — она глубоко вдохнула, и горячий влажный воздух заполнил легкие.

— Наверное, да. Если только волшебники Древнего мира не повырезали их.

— Но люди здесь, в Древнем мире, такие же, как и в Новом мире. Я сражалась против солдат Древнего мира вместе с Зеддом и Сестрами Света. Мы использовали разную магию, пытаясь остановить наступление Ордена. Могу сказать тебе, что она действовала на всех них, а это значит, что люди из Древнего мира обладают искрой дара. В Древнем мире не нарушена цепь магии.

— Насмотревшись на то, что нам тут встретилось, вынужден согласиться.

— Так что же случилось с изгнанниками? — Кэлен смахнула со лба пот, заливавший глаза.

— Не представляю, — Ричард пристально рассматривал грязь, над которой парили чернокрылые. — Но для них это, должно быть, было ужасно.

— Думаешь, это был конец? Они погибли или их уничтожили?

— Не знаю, — Ричард искоса глянул на жену. — Но хотел бы знать, почему некое место названо тем же именем,

что и книга: Столпы Творения,— в его глазах блеснул зловещий огонек.— И что еще интереснее, почему, как говорит Дженнсен, эту книгу так хочет заполучить Джегань?

Кэлен тоже думала об этом.

— Может быть, не стоило забегать вперед в чтении книги, лорд Рал? — взглянула она из-под нахмуренных бровей.

По губам Ричарда скользнула мимолетная улыбка.

— Позже я узнаю, самая ли это большая моя ошибка.

— О чём ты? — потеряла нить мысли Кэлен.

Он провел рукой по волосам.

— Изменилось ли что-нибудь в твоей силе Исповедницы?

— Изменилось? — Почти неосознанно его вопрос заставил Кэлен сосредоточиться на себе и почувствовать внутри силу.— Нет. Она все такая же.

Свернутая в глубине ее сущности сила не требовала вызова. Она всегда была в ней, и Кэлен приходилось сдерживать себя, чтобы сила не вырвалась.

— Что-то не так с мечом,— с трудом произнес Ричард, удивив Кэлен.— Нечто странное происходит с его силой.

— Что именно не так? — Кэлен тоже ничего не приходило в голову.

— Не могу сказать,— Ричард чуть натянул поводья.— Обычно я чувствовал ее, когда вызывал. Если мне нужна была сила меча, она мгновенно отзывалась, а теперь почему-то словно сопротивляется.

Кэлен почувствовала, что сейчас, как никогда, им необходимо вернуться в Эйдиндрил и повидаться с Зеддом. Старый волшебник был хранителем меча. Даже если им не удастся перенести меч через портал, он сможет понять, что происходит с силой меча. Зедд будет знать, как действовать. И он сможет разобраться с головными болями Ричарда.

Кэлен знала, что Ричарду нужна помощь. Она видела, что любимый не похож сам на себя. В его серых глазах застыла боль, а в выражении лица, походке и осанке пропустила какая-то затравленность.

Толкование книги и то, что он узнал, истощило его силы. Кэлен стало казаться, что сейчас обессилена не она, а Ричард. Мысль эта вызвала, несмотря на теплое солнце, леденящий ужас в ее душе.

— Пора возвращаться,— Ричард оглянулся назад.— Надо надеть что-нибудь потеплее. Холодает.

Глава 12

Зедд оглядел безлюдную улицу. Он мог поклясться, что кого-то видел. Дар позволял замечать малейшие знаки жизни. Сейчас он говорил ему, что вокруг никого нет. Зедд все так же неподвижно наблюдал.

Теплый ветерок облекил одежду вокруг костлявой фигуры Зедда и растрепал белые косматые пряди длинных волос. Выцветшие на солнце голубые лохмотья, видно, забытые кем-то на перилах балкона, хлопали на ветру будто флаги. Судя по всему, они висели здесь уже очень давно.

Стены домов были выкрашены в самые различные цвета от ржаво-красного до бледно-желтого. Они тоже как будто выгорели на солнце и отличались по цвету от ставен, выделяющихся яркими пятнами на блеклом фоне. Дома вросли в вымощенную булыжником узкую улицу. Верхние этажи нависали над нижними. Выступающие карнизы скрывали большую часть неба, только тонкий луч света змеился вдоль улицы к пологому холму. Двери домов были наглухо заперты, окна плотно закрыты ставнями. Калитка, когда-то запиравшая проход между домами, висела на одной петле, раскачиваясь туда-сюда и скрипя на ветру.

Зедд решил, что, должно быть, это была игра света. Может, от оконного стекла отразился лучик и блеснул на стене?

Убедившись, что он ошибся, Зедд пошел вниз по улице, держась ближе к стенам и стараясь двигатьсяся как можно

тише. Армия Имперского Ордена не возвращалась в город с тех пор, как Зедд наложил паутину света, которая убила множество солдат. Однако то, что на улицах было безлюдно, не означало отсутствия опасности.

Без сомнения, Император Джегань все так же жаждет обладать городом, в особенности Башней. Но он не дурак и понимает, что еще несколько таких паутин, и ряды его воинов изрядно поуменьшатся, и как бы ни была огромна его армия, это может изменить ход войны. Джегань уже год воевал с силами Срединных земель и Д'Хары и во всех прежних битвах он не терял так много людей, как в одном ослепляющем сражении за обладание Эйдиндрилом. Он не собирался рисковать еще раз.

После нанесенного Зеддом удара Джегань жаждал овладеть Башней. Он горел этим желанием так сильно, как никогда раньше в своей жизни, полной захватнических походов и жестоких побед. Не менее сильно хотел он добраться и до старого волшебника.

Если бы у Зедда были еще сети, как та, что он отыскал в Башне, он бы все их выпустил на Орден. Старик горестно вздохнул и покачал головой. Если бы они у него только были...

Джегань не знал, что у Зедда больше не осталось таких мощных заклинаний. А пока Джегань оставался в неведении и продолжал бояться, его страх помогал Зедду держать армию Имперского Ордена на расстоянии от Эйдиндрила и Башни Волшебников.

Во время атаки Джеганя, искусно одураченного Зеддом, Дворцу Исповедниц был нанесен незначительный ущерб. Разрушения были не очень велики. Но старый волшебник решил, что повторение его трюка нанесет больший ущерб Дворцу, и, кроме того, они с Эди могут попасться в ловушку императора. Дворец можно будет починить. Зедд поклялся себе, что Дворец будет восстановлен во всей своей красе и великолепии.

Огорченный нахлынувшими мыслями, старик сжал кулак. Как близко он был тогда к тому, чтобы сокрушить Джеганя! В конце концов, он нанес армии императора сильнейший удар.

Да, Зедд сломил бы Джегана, если бы не та загадочная молодая женщина. Он потряс головой, вспоминая девушку, неподвластную магии. Раньше ему рассказывали о таких людях, но Первый Волшебник не был уверен, что они действительно существуют. Смутные описания в древних книгах казались интересными, но отвлеченными рассуждениями. Увидеть такого человека воочию — совсем другое дело.

Поразительное зрелище! Эди была потрясена еще больше, чем он. Его подруга слепа, но с помощью дара видит лучше Зедда. Она не смогла увидеть девушку, встретившись с нею в коридорах Дворца, но в каком-то смысле, ее там и не было. Зедду, если бы он не был волшебником, она показалась бы просто красивой молодой женщиной, похожей на Даркена Рала. Ясно, что она сводная сестра Ричарда, фамильные черты ни с чем не спутаешь; поразительное сходство выдают отдельные черты лица, особенно глаза. Если бы только Зедд мог остановить девушку, убрать ее с дороги, убедить в том, что она совершает ужасную ошибку, оставаясь с Орденом, или если бы он мог убить ее, Джегань не избежал бы правосудия.

Зедд не тешил себя иллюзиями о том, что, расправившись с Джеганем, они покончат и с Имперским Орденом. Джегань всего лишь негодяй, который ведет других негодяев, слепо верящих в Орден. Ими движет слепая вера в то, что смерть — избавление от страданий этой жизни, слепая вера в то, что жизнь сама по себе не имеет никакой ценности, и участь живых — обагрять собственной кровью чужие алтари.

Слепая вера ведет тех, кто неспособен подарить человечеству новые идеи и потому бесконечно зол на себя и бежит, как белка в колесе, в бесконечном поиске обманчивого доб-

ра, вечно оборачивающегося злом и требующего все новых жертв на алтарь своего могущества. И чем более абсурдны идеи, чем более слепа вера в Орден, тем больше надо жертв, чтобы продолжал существовать Орден, построивший храм своего бытия на останках тех жизней, которые он жестоко разрушил.

Вера, основанная на абсурде, должна подкрепляться силой и страхом. И еще — непременно — такими уродами, как Джегань.

Но ошибочно предполагать, что господство Ордена закончится вместе со смертью Джеганя. Идеи, которые несет Орден, гибельны и живучи; умрет этот император — жрецы Ордена быстро отыщут нового тирана.

Единственный путь положить конец власти и террору Имперского Ордена — это обнажить скрытое зло его учения, и тогда освободиться от страданий и навсегда сбросить ярмо Ордена. Но пока надо бороться против армий Ордена всеми силами, надеясь в конце концов навсегда остановить их.

Так размышлял старый волшебник, внимательно прислушиваясь и приглядываясь к тому, что он встретил на улицах.

Зедд осторожно выглянула из-за угла, навострив все свои чувства, втягивая носом воздух и ища след того, кто мог остаться незамеченным. Город обезлюдел, но временами отбившиеся от армии солдаты Ордена скитались по его улицам, направляясь к горам.

После смертей, вызванных паутиной света, в лагере Ордена распространилась паника. Немало солдат бежало и укрылось в холмах. После перегруппировки многие дезертировали вместо того, чтобы вернуться в свои части. Десятки тысяч таких беглецов вернули в строй и обезглавили, а трупы оставили гнить в качестве предупреждения тем, кто посмеет отвергнуть дело великой славы Имперского Ордена или, как это обычно преподносил Орден, «дело великого добра». На многих беглецов такие меры произвели должное

впечатление, и, до смерти напуганные, они в беспорядке возвращались в лагерь.

Но оставались и те, кто не был пойман и не собирался возвращаться. Когда армия Джеганя покинула лагерь, такие беглецы приходили в город, иногда поодиночке, иногда небольшими группами, умирая от голода и жажды, в поисках еды или с банальной целью пограбить. Зедд потерял счет числу мародеров, пораженных его рукой.

Он был абсолютно уверен в том, что все дезертиры мертвы. Орден состоял преимущественно из жителей больших городов. Они не были привычны к жизни в диких условиях. Все, что они умели — это убивать, насиливать, вселять страх и грабить. Целый корпус маркитантов снабжал солдат питанием и распределял прочие необходимые для их существования и боеспособности ресурсы. Вояки оставались грубыми людьми, но требовали заботы и зависели от нее. Они не протянули бы долго, оставшись одни, затерявшиеся среди неведомых им троп в лесах и горах, окружающих Эйдиндрил.

Но Зедд уже довольно давно никого из них не видел. Старик не без причин полагал, что все беглецы погибли от голода, были убиты или направлялись обратно на юг в Древний мир.

Однако оставалась вероятность того, что Джегань послал в Эйдиндрил убийц, которыми могли оказаться Сестры Света или, что хуже, Сестры Тьмы. Поэтому Зедд избегал покидать Башню, а если приходилось это делать, то проявлял максимум осторожности.

К тому же он ненавидел ходить по пустынному городу. Долгие годы жизни Дворец был его домом. Он помнил дни, когда Башня была центром энергии — не только тем необитаемым хранилищем, каким она была в последнее время, но центром жизни, сердцем города, населенным самыми разными людьми. Он поймал себя на том, что улыбается, вспоминая прошлое.

Улыбка быстро растворилась. Сейчас город представлял собой безрадостное зрелище. Где жители, заполнившие его улицы? Где люди, приветствовавшие друг друга с соседнего балкона? Где те, кто съезжались на рынок продавать и покупать товары? Совсем недавно мужчины останавливались поболтать в дверях, пока торговцы раскладывали изделия вдоль узкой улочки, а дети играли в салки в толчее. Идя по вымершей улице, Зедд тяжело вздохнул.

Теперь жители были далеко от дома, но их жизни были спасены. Хотя у Зедда и было немало существенных разногласий с Сестрами Света, он знал, что их Прелат, Верна, и остальные Сестры позаботятся о покинувших свои дома горожанах.

Главная проблема была в том, что Джеганю в городе больше нечего было захватывать, кроме Башни. Потеряв значительные силы, он повел армию на восток навстречу остаткам сил армии Срединных земель. Точнее, армия Д'Хары ждала врага в горах на востоке, и Зедду было известно, что она многочисленна, но он не пытался обмануть себя. Старый волшебник понимал, что у них нет и единого шанса разбить бесчисленные орды Имперского Ордена.

Джегань покинул город и направился к Д'Харе. Имперский Орден не выиграл бы войны, продолжая осаждать пустой город. Сноходцу было необходимо сокрушить любое сопротивление раз и навсегда, чтобы не осталось ни единого человека, который мог бы процветать, жить в мире и счастье, иначе как подчинясь учению Ордена.

Пройдя через все Срединные земли, Джегань разделил Новый мир. По всей дороге он оставлял войска в городах и деревнях. Сейчас Орден обратил жажду крови на восток, к оставшейся в одиночестве перед лицом врага Д'Харе. Разделив надвое Новый мир, Джегань мог намного более успешно разбить любое сопротивление.

Зедд знал, что Новый мир отступает не из-за недостатка попыток сопротивления. Они с Кэлен, как и многие другие,

изматывали себя, месяц за месяцем пытаясь найти способ остановить Джеганя.

Зедд подтянул лохмотья к горлу, внезапно озябнув и сжавшись от боли при воспоминании о той жестокой битве, когда ничто не могло противостоять бесчисленным ордам Джегана, ничто не могло защитить от смерти друзей, которых он потерял. Это только вопрос времени, когда полчища Древнего мира разрушат все.

Ричард и Кэлен могли не выжить в противостоянии Имперскому Ордену. Костлявые пальцы Зедда коснулись дрожащих губ, волшебник побледнел. Он потерял и их. Единственных, кто был его семьей. Эта пара была для него всем.

Зедд ощутил, как на него накатила волна отчаяния, и вынужден был присесть на бревно рядом с закрытой обувной лавкой. Как только Имперский Орден подавит любое сопротивление, Джегань вернется в город и осадит Башню. Раньше или позже он захватит и ее.

Будущее представлялось Зедду покрытой серой завесой жизнью под гнетом Имперского Ордена. Если мир окажется под этой завесой, пройдет много времени, прежде чем человечество станет бороться за свободную жизнь. Когда свобода задавлена тиранией, могут пройти века, прежде чем ее пламя снова разгорится, осветит мир и возродит жизнь.

Зедд заставил себя подняться. Он — Первый Волшебник. Ему и раньше приходилось переживать безнадежные времена и видеть, как возвращается враг. А сейчас у них с Эди еще был шанс отыскать в Башне какое-нибудь древнее магическое оружие, которое им поможет. Или, может быть, им удастся найти в библиотеках важные сведения, которые дадут им значительный перевес над врагом.

Пока есть жизнь, они будут бороться за нее. И еще могут победить.

Зедд горестно вздохнул. Он может победить?!

Старик был рад, что сейчас с ним нет Эди и она не видит его в печали, когда он — пусть даже на секунду — подумал

о поражении. Она бы не позволила ему думать об этом, и была бы абсолютно права.

Зедд снова вздохнул. У него достаточно опыта, необходимого, чтобы принять вызов. Даже если здесь появились наемные убийцы, обладающие даром или нет, они рискуют познакомиться с небольшими сюрпризами, которые он для них подготовил. Весьма скверными сюрпризами.

Довольный, Зедд улыбнулся про себя и пошел вниз по узкой улице мимо дворов с пустыми загонами для кур, гусей, уток и голубей. Взгляд скользил по внутренним дворикам, в которых неприхотливо разрослись цветы и травы, по пустым колодцам, дровам, сложенным в сторонке в ожидании тех, кто вернется домой и растопит ими очаги.

По пути Зедд останавливался в садах, собирая выросшие без присмотра хозяев овощи. Ему удалось найти росший в изобилии салат, шпинат, немного кабачков, зеленых помидор и горошка. Собрав добычу в холщовый мешок, он перекинул его через плечо и пошел вдоль садовых участков, замечая места, где растут чеснок, свекла, бобы и репа. Пока еще растут, заключил Зедд.

Хотя за огородами никто не следил, посаженные весной семена продолжали расти, а это значит, что они с Эди на некоторое время обеспечены свежими овощами. Может быть, Эди даже удастся заготовить кое-что на следующую зиму. Можно хранить собранные овощи в холодных местах Башни, а быстро портящиеся — засушить. Они смогут заготовить так много еды, что даже вдвоем им будет ее не съесть.

Возвращаясь, Зедд разглядел куст, пышно разросшийся рядом с низкой оградой между двумя домами. Куст черной смородины был весь усыпан зрелыми ягодами. Зедд оглядел уложки и набрал темных сочных ягод в лоскут ткани, а потом тщательно завязал его и положил наверх в мешок.

На кусте было еще много ягод, а Зедд терпеть не мог оставлять их птицам или гнить. Старый волшебник принял-
ся набивать ими карманы, не думая, что ягоды могут испор-

тить ему аппетит. К Башне Волшебников еще долго идти вверх по тропинке, и он сможет перекусить. На ужин Эди собиралась приготовить тушеное мясо. Всего лишь несколько ягод не отобьют у Зедда желание поужинать. Она будет рада тому, что Зедд принесет овощи, и, конечно, захочет добавить их к мясу. Эди замечательно готовит, но старик до сих пор ни разу не похвалил ее, чтобы она не возгордилась.

Перед каменным мостом Зедд остановился и посмотрел назад на широкую дорогу, ведущую к горам. Ни единого звука. Только ветер шумит в верхушках деревьев и дрожат листья. Но долгое время Зедд пристально вглядывался в безлюдную дорогу.

Наконец он повернулся к мосту длиной в добрых триста шагов, перекинутому через пропасть, стены которой обрывались вниз на тысячи футов. Дно терялось в тумане. Несмотря на то, что Зедд ходил здесь бесчисленное количество раз, он все равно испытывал неприятные ощущения. Если у вас не было крыльев за спиной, этот путь в Башню был единственным для тех, кто не знал о тайной тропе, по которой старый волшебник ходил, когда был мальчишкой.

Зедд наставил достаточно ловушек и капканов на мосту и дороге к Башне так, что никто не выжил бы, пройдя по нему дальше нескольких шагов. Даже Сестры Тьмы не могли здесь пройти. Они попытались совершить невозможное и поплатились своими жизнями.

Сестры Тьмы почувствовали сети, поставленные самим Первым Волшебником, и отказывались двинуться по мосту. Но Джегань приказал им во что бы то ни стало достичь входа, и Сестры принесли свои жизни в жертву во славу Ордена.

Однажды на короткое время Верну взял в плен сноходец, и она рассказала Зедду, что они могут найти проводника, того, кто носит в своем сердце верность лорду Ралу, и таким образом узнать о связи. Зедд не мог противостоять сноходцам с помощью магии. Во время Великой войны вол-

шебники, более талантливые, чем он, обладающие двумя сторонами дара, тоже пытались создать защиту от сноходцев. Но нет защиты от сноходца, захватившего разум. Человек выполнит все его приказы, не взирая ни на что, даже ценой собственной жизни.

Зедд знал, что для некоторых смерть представлялась желанным избавлением от страдания, причиняемого сноходцем. Но Джегань блокировал любые попытки самоубийства; он нуждался в силе Сестер и других людей, обладающих даром. Император не мог позволить им самоубийство, избавляющее от муки жизни в роли раба. Освободиться от пытки, в которую превращалась их жизнь, они могли только, когда он посыпал их на верную смерть, вроде заколдованной дороги к Башне.

Громада Башни возвышалась впереди. Мрачные каменные стены в глазах большинства людей выглядели устрашающе, но они радовали Зедда, вея домашним теплом. Его взгляд блуждал. Он вспомнил, как много лет назад, целую вечность, бродил здесь с женой. С башен он часто любовался видом раскинувшегося внизу Эйдинрила. Однажды он прошел мосты и перевалы для того, чтобы защитить Срединные земли от вторжения сил Д'Хары, которой тогда правил отец Даркена Рала.

Все это тоже, казалось, было целую вечность назад. Его внук Ричард, лорд Рал, подчинил почти все Срединные земли правлению Империи Д'Хары. Зедд покачал головой, удивляясь тому, как Ричард смог все изменить. Благодаря ему, теперь и Зедд тоже — часть Империи Д'Хары. И это впрямь удивительно.

Не доходя до конца моста, Зедд бросил взгляд в пропасть под собой. Какое-то движение привлекло его внимание. Вцепившись узловатыми пальцами в камень, Зедд осторожно перегнулся через массивные перила. Почти прямо под собой, но еще не в облаках, он заметил двух гигантских птиц, черных, словно безлунная ночь, скользящих вдоль

горной расщелины. Зедд никогда не встречался с такими существами и не знал, что и думать о них.

Возвращаясь, он увидел, как над Башней кружатся еще три такие же гигантские птицы. Зедд решил, что это, должно быть, вороны. Большие вороны. Старик просто неверно оценил расстояние, возможно, из-за долгого недоедания. Сделав вывод, что это вороны, Зедд попытался проверить вычисленное им расстояние, но птицы уже скрылись из виду. Он снова посмотрел вниз, но не нашел и тех двух, что встретились ему чуть раньше.

Проходя через ворота с поднятой железной решеткой и ощущив теплую атмосферу Башни, Зедд почувствовал себя одиноким. Он так тосковал по Эрилин, своей давно умершей жене, по своей дочери, матери Ричарда. И — добрые духи! — как сильно он тосковал по Ричарду... Старик улыбнулся, думая о том, что внук теперь женат и путешествует вместе с супругой. Иногда Зедд забывал, что Ричард уже давно мужчина. Он помнил чудесное время его детства. Это было время, когда Зедд жил в Вестландии, далеко от Срединных земель, далеко от магии и ответственности. Полная радости беззаботная жизнь рядом с любопытным мальчиком, которому он показывал чудеса этого мира, а тот не уставал удивляться. Какое это было сказочное время!

Внутри Башни лампы на стенах послушно вспыхивали при приближении Первого Волшебника Зеддикуса Зу'ла Зорандера, когда тот шел сквозь залы вглубь бесконечной горной крепости. Зедд проверял расставленные им сети, оценивая плотность магии; если бы кто-нибудь прошел здесь, она была бы нарушена. Он вздохнул с облегчением. Старый волшебник не думал, что кто-то будет настолько безрассуден, что попытается войти в Башню, но мир любит дураков. Зедду не хотелось расставлять столь опасные сети по всей Башне вдобавок к грозным щитам снаружи, но он пока не решался их снять.

Зедд миновал длинный боковой стол в общей зале и, как в те времена, когда он был ребенком, пробежал пальцами по

ровному желобку шоколадно-коричневой мраморной столешницы. Он замер, разглядывая стол, и вдруг понял, какой именно предмет бессознательно пытались нащупать его пальцы. Это был клубок тонкого черного шнура, которым во время праздника урожая привязывали ленты и другие украшения к настенным светильникам.

Ни секунды не колеблясь, Зедд открыл главный ящик стола и обнаружил там клубок. Он вытащил его и положил в карман, успевший опустеть по дороге к дому. Зедд вынул из настенной подставки рядом со столом палочку с шестью маленькими колокольчиками. Палочка была одной из сотен, если не тысяч в Башне, и в былье времена такие палочки использовали для вызова слуг. Зедд глубоко вздохнул. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, когда в Башне Волшебников жили слуги со своими семьями. Он припомнил, как в залах носились и играли дети. Вспомнил веселый смех, эхом разносившийся по Башне.

Зедд поклялся себе, что однажды в залах снова будут играть и смеяться дети. Дети Ричарда и Кэлен. Широкая улыбка избороздила его щеки.

В камне стен были выбулены окна и отверстия, через которые в многочисленные комнаты и залы лился свет, но оставались и слабо освещенные места. Зедд нашел первое такое место, вполне удовлетворяющее его своей затменностью. Он размотал шнур и закрепил на нем колокольчик, протянув шнур между грубыми камнями напротив прохода. Идя дальше через лабиринт залов и коридоров, он останавливался и натягивал струной шнур в тех местах, где можно было остаться незамеченным. Ему пришлось снять со стен еще несколько палочек.

Хотя повсюду были поставлены магические щиты, не стоило недооценивать возможности Сестер Тьмы. Они будут искать магию, а не колокольчики. Лишние меры предосторожности не помешают.

Зедд мысленно отметил, где он натянул шнур — надо будет дать знать Эди. Хотя волшебник и сомневался, нуждается ли она в предупреждении, обладая даром внутренне-

го зрения. Зедд был уверен, что слепыми глазами Эди видит так зорко, как никто из зрячих.

Следуя за восхитительным ароматом тушеного мяса, стажник добрался до уютного помещения, вдоль стен которого на полках расположились самые необходимые им книги. Эди подвесила травы сушиться к балке под потолком. Напротив очага стояла обтянутая кожей кушетка, рядом с украшенным серебром столом — удобные стулья. Через окно открывался перехватывающий дыхание вид на Эйдиндрил.

Город купался в теплых лучах заходящего солнца. Все выглядело так же, как и обычно, только над крышами не вились дымки, говорящие о присутствии в них хозяев.

Зедд поставил нагруженный мешок рядом со стопками книг на круглый столик красного дерева. Он прошаркал ближе к очагу, втягивая носом чудный запах жаркого.

— Эди, пахнет великолепно! — позвал Зедд. — Ты сегодня выходила? Я видел очень странных птиц.

Его лицо расплылось в улыбке. Он снова вдохнул запах.

— Эди, думаю, пора начинать, — крикнул Зедд в сторону кладовой. — Мы должны попробовать мясо, в конечто концов. Ты же знаешь, я не могу ждать.

Волшебник оглянулся через плечо и снова позвал.

— Эди? Ты меня слышишь?

Затем он подошел к двери и заглянул в кладовую. Странно, но она была пуста.

— Эди? — Зедд подошел к лестнице рядом с кладовой. — Ты там?

Зедд недовольно покривился, когда она не ответила.

— Эди! — снова позвал он. — Женщина, где ты?

Он вернулся назад, его взгляд приковало кипящее в котелке над огнем мясо.

Зедд нашел в буфете деревянную ложку и крепко ухватил ее. С ложкой в руках он остановился и развернулся к лестнице.

— Подожди, Эди. Я только здесь это... попробую.

Старый волшебник ухмыльнулся и бросился к котелку.

Глава 13

Ричард быстро поднялся на ноги, увидев, как по ущелью к лагерю идет Кара, толкая перед собой человека, который ему смутно кого-то напоминал. В слабом свете Ричард не мог разглядеть лица подгоняемого Карой. Ричард осмотрел окружающие каменистые холмы и крутые откосы, но никого больше не заметил.

Фридрих был послан к югу, а Том пошел разведывать на запад. Все хотели быть уверены в том, что выбрали безопасное место для стоянки. Идя по пересеченной местности, они все были измотаны и нуждались в хорошем отдыхе. Кара была на севере, там, куда лежал путь их отряда. Это направление Ричард считал наиболее опасным. Дженнсен отвлеклась от животных, засмотревшись, кого это Кара тащит с собой.

Ричард пожалел, что вскочил с земли столь поспешно; сделав так, он проявил беззаботность. И еще. Воин не мог отбросить странное чувство, как будто наблюдает за кем-то еще, кто реагирует, говорит, двигается. Сосредоточившись, он заставил себя стать более внимательным, чувство почти ушло, и Ричард подивился, не было ли оно только плодом его воображения.

Кэлен держала его под руку, сжав ее так, словно боялась, что он упадет.

— Ты в порядке? — прошептала она.

Он кивнул, продолжая смотреть на Кару и человека рядом с ней. Кэлен начала волноваться за него давно, еще перед тем, как Ричард обсуждал с ней книгу. Они оба были обеспокоены тем, что открылось ему в прочитанном, но сейчас больше всего Кэлен тревожилась о его здоровье.

Ричард подозревал, что, возможно, он слегка простужен. Именно поэтому он чувствовал холод, тогда как остальные томились от жары. Время от времени Кэлен проверяла лоб или прикладывала ладонь к щеке Ричарда. Ее прикоснове-

ния грели его сердце. Она подумала, что мужа слегка лихорадит. Кэлен попросила Дженнисен потрогать его лоб и сказать, думает ли она, что он горячее, чем обычно. Дженнисен тоже считала, что брат недомогает, но жар, если и есть, то незначительный. Кара осталась удовлетворена осмотром Кэлен, и сама не проверяла.

Жар был последним, что сейчас волновало Ричарда. Было что-то важное... Он никак не мог вспомнить. Ричард сосредоточился, пытаясь вспомнить имя молодого человека или хотя бы припомнить, где он его видел.

Последние лучи заходящего солнца играли розовыми бликами на восточных горах. Ближние холмы одевались легкими тенями сгущающихся сумерек. Небольшой костерок раскрашивал все вокруг теплым желто-оранжевым светом. Ричард поддерживал костер слабым, чтобы не обнаруживать своего присутствия.

— Лорд Рал,— с почтением произнес незнакомец. Он неуверенно склонил голову, не зная, должно ли ему кланяться.— Большая честь для меня — снова видеть вас.

Он был на пару лет моложе Ричарда, и выющиеся черные волосы падали на широкие плечи, обтянутые туникой из оленьей шкуры. На поясе мужчины висел длинный нож, но меча не было. Его уши оттопыривались так, словно он боялся пропустить малейший звук. Ричард подумал, что, наверно, когда он был мальчиком, ему пришлось выслушать немало насмешек по поводу своих ушей, но теперь, как это ни удивительно, они придавали ему значительность. Мужчина выглядел сильным и мускулистым, и Ричард не сомневался в том, что сейчас ему не приходится выносить насмешки.

— Я... прости, но я не могу вспомнить...

— О, вы и не должны помнить меня, лорд Рал. Я был только...

— Сабар,— медленно произнес Ричард.— Сабар. Ты загружал топки в литейной Приски, в Алтур-Ранге.

— Верно,— просиял мужчина.— Не думал, что вы вспомните меня.

Сабар был одним из тех литейщиков, кто мог работать, благодаря ресурсам, которые Ричард доставлял Приске, когда никто больше не был на это способен. Сабар понимал, как тяжело работает Приска, чтобы держать литейную, постоянно получающую жестокие, бесконечные и противоречивые приказы Ордена. Он был в цеху в день, когда открыли созданную Ричардом статую; и Сабар видел ее, прежде чем ее уничтожили. Он был у истоков восстания в Алтур-Ранге, боролся плечом к плечу с Виктором, Приской и теми, кто воспользовался моментом. Сабар боролся за свободу для себя, своих друзей и своего города.

В тот день многое изменилось.

Пусть даже этот человек, как и многие другие, был частью Имперского Ордена — одним из врагов. Но он хотел жить собственной жизнью, по справедливым законам, а не под гнетом деспотов, которые лишали людей любой надежды на изменение их жизни, обременяя жестокой иллюзией «великого добра».

Ричард заметил, что все вокруг стоят в напряжении, как будто ожидая чего-то плохого.

— Все в порядке,— он успокаивающе улыбнулся Ка-ре.— Я знаю его.

— Так он сказал мне,— Кара положила ладонь на плечо Сабару и надавила.— Садись.

— Да,— Ричард был рад, что Кара дружелюбно настроена.— Садись и расскажи нам, как ты здесь оказался.

— Меня послала Никки.

Ричард вскочил, Кэлен подбежала к нему.

— Никки? Мы как раз едем на встречу с ней.

Сабар кивнул, привставая и не зная, подняться ли ему во весь рост и встать, как Кэлен и Ричард, или остаться сидеть. Кара не присела, а продолжала молча возвышаться над Сабаром с видом палача. Морд-Сит была в Алтур-

Ранге, когда началось восстание, и могла помнить Сабара, но это не имело значения. Если жизни Ричарда или Кэлен грозила опасность, Кара не верила никому.

Ричард жестом дал понять Сабару, что он может оставаться сидеть.

— Где она? — спросил Ричард, присаживаясь вместе с Кэлен.— Она скоро будет?

— Никки просила передать, что ждала так долго, как могла, но в результате важных событий она больше не может ждать.

— И с нами произошли непредвиденные события,— разочарованно выдохнул Ричард. Кэлен похитили и забрали в Столпы Творения, надеясь использовать ее как приманку и заманить его в ловушку. Но рассказ об этом мог быть долгим. Так что, проглотив всю середину, Ричард поведал Сабару его окончание.— Мы старались сразу добраться до Никки, но нам пришлось идти в другое место. Это было неизбежно.

— Я беспокоился, когда она вернулась и сказала, что ты не пришел на место встречи, но Никки сказала, что сейчас у тебя гораздо более важные дела и потому ты не пришел,— понимающе кивнул Сабар.— Виктор Касцелла, кузнец, тоже очень волновался. Он-то надеялся, что ты вернешься с Никки. Виктор сказал, что и в других местах люди готовы восстать. Они слышали о том, как Имперский Орден был свергнут в Алтур-Ранге, и что люди стали жить по-иному. Кузнец просил передать тебе, что знает там свободных людей, которые борются, чтобы выжить под гнетом Ордена, так же, как когда-то боролись мы, и они так же жаждут свободы. Им нужна помощь Виктора,— Сабар перевел дыхание, стараясь изложить много новостей кратко и сжато и при этом ничего не забыть.— Те из Братьев Ордена, кому удалось сбежать в Алтур-Ранге, отправились в эти места, дабы удостовериться, что восстание не распространится. Жестокость, с которой они наказывали любого подозрева-

емого в измене, стоила жизни многим: и тем, кто был невиновен, и тем, кто намеревался свергнуть Имперский Орден,— он горестно помолчал.— Для того, чтобы усилить контроль власти Ордена и не допустить возникновения новых беспорядков, Братья Ордена отправились во все крупные города. Конечно же, некоторые из них поспешили доложить Джеганю о падении Алтур-Ранга, потере многих чиновников и о смерти Брата Нарева и его ближайших сторонников.

— Джегань уже знает о смерти Брата Нарева,— произнесла Дженнисен, протягивая ему кружку с водой.

Сабар улыбнулся, услышав новость. Он поблагодарил Дженнисен за воду и чуть придвигнулся ближе к Кэлен и Ричарду, продолжая рассказ.

— Приска думает, что Орден сделает все возможное, чтобы скрыть все следы нашего успеха в Алтур-Ранге,— так просто они это не оставят. Он говорит, что вместо того, чтобы беспокоиться о распространении восстания, мы должны приготовиться к защите. Мы все, то есть каждый человек, потому что Орден не заставит себя ждать и вернется вырезать всех в Алтур-Ранге, всех жителей, до последнего младенца,— Сабар запнулся, взволнованный предупреждением Приски.— Виктор считает, что надо ковать железо, пока горячо, и творить справедливое и спокойное будущее для себя, а не ждать, когда Орден соберет силы и лишит нас этого будущего. Он говорит, что если восстание развернется повсюду, Ордену будет, ох, как непросто его подавить.

— Виктор прав,— Ричард устало провел рукой по лицу.— Если в Алтур-Ранге будут отсиживаться, как в единственном оазисе свободы в сердце враждебной земли, Орден задавит город и вырежет его сердце. Орден не выживет без своих идей, и они это знают, поэтому веру постоянно подкрепляют силой. Без грубой силы Орден развалится. Джегань двадцать лет потратил на то, чтобы создать сеть

дорог, связывающих весь Древний мир. Это одна из тех причин, благодаря которой он забрал столько власти. Многие отвергали его напыщенных жрецов. По дорогам ответ быстро достигал ушей сноходца, и он мгновенно реагировал, казня и уничтожая тех, кто осмеливался противостоять Ордену,— Ричард задумался.— Что важнее, после того, как он устранил противников учения Ордена, Джегань вторгся в сознание детей и наполнил его слепой верой в свое учение, превратив их в рабов, готовых умереть за идею, принести себя в жертву во имя всепожирающего «великого добра». Эти молодые люди, чье сознание извращено учением Ордена, сейчас на севере завоевывают Новый мир, безжалостно убивая всех, кто не принимает их альтруистических принципов. Но пока Джегань и его бесчисленная армия на севере, Орден здесь ослаблен. Эта слабость дает нам шанс, и мы должны им воспользоваться. Дороги, созданные Джеганем, станут нашим оружием, и по ним быстро распространится огонь борьбы за свободу,— голос Ричарда стал более торжественным.— Факел борьбы будет зажжен волей таких, как ты, волей выбравших свободу в Алтур-Ранге. Языки пламени разгорятся, и многие заметят его. А если его спрятать в одном городе и отделить от остального мира, Орден быстро его потушит. Возможно, ни у нас, ни у наших детей больше не будет шанса вернуть власть над собственными жизнями. И огонь этот надо разжечь и в других городах.

Сабар улыбался, испытывая гордость за то, что и он — часть этой борьбы.

— Я знаю, Виктор, как и Приска, помнят об этом и не забыли ни одно слово, сказанное лордом Ралом. Виктор хочет поговорить с тобой перед тем, как «подогреть вопли», это он сам так сказал. Кузнец ждет твоего слова и хочет знать, как сделать так, чтобы получше «приложить раскаленное железо». Это снова его слова.

— Значит, Никки послала тебя ко мне?

— Да. Я был счастлив, что она выбрала именно меня. И Виктор тоже. Не только потому, что ты жив, но и в ожидании твоего решения.

Хотя Виктор и ждал его слова, Ричард знал, что, не будь его, Виктор все равно бы действовал. Восстание не замышлялось на лорде Рале, его огонь охватывал людей, жаждущих вернуть власть над своими жизнями. Ричард был нужен, чтобы согласовывать действия многих людей. Так важно было быть уверенными в осмысленности восстания и в том, что оно подорвет власть Ордена в Древнем мире. Если борющихся ждет успех и они опрокинут правление Ордена в Новом мире, Джегань и его люди откажутся от завоевания Нового мира.

Сноходец намеревался завоевать Новый мир, разделив его. Ричард должен воспользоваться такой же тактикой, чтобы победить. Только разделение сил Ордена сможет сокрушить его.

Лорд Рал знал, что после осады Эйдинтрила Имперский Орден направил свои мечи на Д'Хару. И несмотря на то, что армия Д'Хары сильна, ее ряды сомнут бесчисленные войска, которые Джегань бросит на них. Д'Хара падет под тенью Ордена, если только его внимание не отвлечет что-нибудь другое. Созданная лордом Ралом Империя Д'Хары, объединившая Новый мир против тирании, закончит свое существование прежде, чем оно началось.

Ричарду необходимо вернуться к Никки и Виктору, чтобы закончить начатое дело — разработку наилучшего плана по сокрушению Имперского Ордена.

Но сейчас они теряют время, решая другие проблемы, — проблемы, которых пока еще сами не понимают.

— Я рад, что ты нашел нас, Сабар. Можешь передать Никки и Виктору, что нам непременно нужно кое-что завершить. Но как только мы закончим свои дела, мы сможем им помочь.

Сабар казался успокоенным.

— Любой был бы рад услышать эти слова,— Сабар помедлил, потом поднял голову и указал на север.— Лорд Рал, когда я шел к вам, следя указаниям Никки, я миновал то место, где вы должны были встретиться с ней, и пошел дальше на юг,— в его лице промелькнуло беспокойство.— Несколько дней назад я был в месте, протянувшемся на мили в ширину. И оно было мертвым.

Ричард посмотрел на него. Его головная боль исчезла.

— Что значит «мертвым»?

Сабар взмахнул рукой в вечернем свете.

— Местность, по которой я шел, похожа на эту: деревья, кустарники, трава,— его голос стал тише.— Но потом я вышел к месту, где совсем ничего не растет. Там нет ничего, кроме голого камня. Никки не говорила мне, что я окажусь в таком месте. Признаюсь, я здорово испугался.

— И как далеко протянулось это мертвое место? — Ричард бросил взгляд через плечо на восток, туда, где лежали горы.

— Я шел, оставив позади жизнь, и думал, что спускаюсь прямо в подземный мир,— Сабар избегал смотреть в глаза собеседнику.— Или прямо в пасть нового оружия Ордена, созданного, чтобы уничтожить всех нас. Я очень испугался и даже было повернулся назад. Но потом подумал, что Орден запутывал меня всю мою жизнь, и мне это не нравится. Еще я подумал, как буду объяснять свою трусость Никки, и устыдился, вернулся в это место и двинулся вперед. Через несколько миль я вышел к местам, где росли растения,— он перевел дыхание.— Тогда я успокоился и почувствовал себя дураком, что боялся.

Две. Значит, две загадочных границы.

— Я был в похожем месте, Сабар. И мне тоже было страшно,— сообщил Ричард.

— Не так глупо было бояться? — ухмыльнулся литейщик.

— Нисколько. Можешь сказать, большая это земля? Кроме камня, там еще что-нибудь есть? Может, оно похоже на полосу, которая куда-нибудь ведет?

— Да, точно как ты говоришь, полоса,— Сабар вытянул руку к востоку.— Она спускается с дальних гор к северу от этой низины,— ладонь мужчины словно большой нож разрезала горизонт.— Она идет на юго-запад к пустоши.

К Столпам Творения.

— Она параллельна той границе, что мы пересекли на юге,— глубоко дыша, заговорила Кэлен.— Зачем создавать две границы так близко? В этом нет смысла.

— Не знаю,— шепнул ей Ричард.— Но от чего бы ни защищала граница, эта вещь была настолько опасна, что тот или те, кто создали границу, явно сочли — одной будет мало.

Кэлен обхватила предплечья и промолчала. По ее лицу Ричард мог догадаться, о чем она думает, особенно если учесть, что обе границы не действуют.

— Как бы то ни было, я рад, что не повернул назад,— Сабар неуверенно пожал плечами.— Мне пришлось бы увидеть Никки, а она просила меня помочь лорду Ралу — моему другу Ричарду.

— Я тоже рад, Сабар,— улыбнулся Ричард.— Не думаю, что место, через которое ты прошел, сейчас опасно так же, как когда-то.

— Кто эта Никки? — изведясь от любопытства, спросила Дженнисен.

— Никки-то? Ведьма,— ответил Ричард.— Она была Сестрой Тьмы.

— Была? — брови Дженнисен взлетели вверх.
Ричард кивнул.

— Сначала она была с Джеганем, но потом осознала, что этот путь порочен, и присоединилась к нам,— он бы не хотел вдаваться в подробности.— Сейчас Никки с нами, и ее помощь совершенно бесцenna.

Дженнисен наклонилась вперед, ответ брата только подогрел ее любопытство.

— Но как ты можешь доверять той, кто работала на Джеганя? И к тому же Сестре Тьмы? Ричард, я видела

таких женщин и знаю, насколько они беспощадны. Они сделают то, что им прикажет Джегань, они посвящены Хранителю Подземного мира. Ты можешь поклясться своей жизнью, что она не предаст тебя?

— Я доверяю тебе и ложусь спать с ножом под подушкой,— сказал Ричард, смотря прямо в глаза Дженнисен.

Девушка откинулась назад.

— Кажется, я поняла,— в замешательстве улыбнулась она.

— Что еще сказала Никки? — с нетерпением спросила Кэлен.

— Только то, что я должен придти на ее место и встретить вас,— ответил Сабар.

Ричард знал, что Никки осторожна. Она не хотела говорить юноше слишком многоного на случай, если его поймают.

— Как она узнала, где я?

— Она сказала, что может знать, где ты, с помощью магии. Никки так же хорошо знает магию, как прекрасно ее лицо.

Сабар произнес эти слова с благоговением. Он не знал и половины правды. Никки была одной из самых сильных ведьм, когда-либо рожденных на свет. Сабар не знал, что когда Никки служила Ордену, ее называли Госпожой Смерти.

Ричард догадался, что каким-то образом Никки использовала связь д'харианцев с ним, Правителем и лордом Ралом. Эта связь запечатывалась клятвой верности в сердце, и тот, кто давал клятву, был защищен от сноходцев. Истинные д'харианцы, такие как Кара, благодаря связи могли знать, где находится лорд Рал. Кэлен как-то призналась Ричарду, что ее беспокоит то, что Кара всегда знает, где он. Никки — не д'харианка, но она ведьма и связана с Ричардом, а потому тоже способна на это.

— Сабар, Никки не послала бы тебя просто так, только для того, чтобы сказать, что она больше не может ждать нас в условленном месте,— произнес Ричард.

— Да, конечно,— закивал головой Сабар, как бы досадуя на то, что забыл.— Когда я спросил, что мне передать вам, она сказала, что все напишет в письме,— Сабар развязал кожаный мешочек на поясе.— Никки сказала, что когда поняла, как ты далеко, то была в отчаянии, поскольку не успевала до тебя добраться. Она была уверена, это очень важно и для меня — найти тебя и передать письмо. Еще она сказала, что в письме объясняется, почему она не может ждать.

Указательным и большим пальцем Сабар вытащил письмо с таким видом, будто это смертельно ядовитая гадюка, а не всего лишь маленький свиток, запечатанный красным воском.

— Никки предупредила меня, что оно опасно,— сказал Сабар, глядя в глаза Ричарду.— Она сказала, что если кто-нибудь, кроме тебя, откроет его, то мне следует держаться подальше, а то я умру заодно с таким человеком.

Сабар осторожно положил свиток на ладонь Ричарда. Он затеплился в его руке. Красный воск засветился, как будто освещенный солнцем, хотя давно уже было темно. Сияние перекинулось на весь свиток. Воск потрескался, словно осенний лед на пруду под тяжестью шагов. Вдруг печать раскололась и осыпалась.

— Даже думать боюсь, что было бы, открои это кто-нибудь другой,— проговорил Сабар, нервно слегкая слону.

Дженинсен придвигнулась к брату.

— Это была магия?

— Должно быть,— сказал ей Ричард, разворачивая письмо.

— Я видела, как она развалилась,— доверительно сообщила Дженинсен.

— Что-нибудь еще заметила?

— Нет. Она вдруг просто раскололась,— сказала девушка.

Ричард коснулся кончиками пальцев кусочков воска на ладони.

— Наверно, Никки наложила магическую сеть на письмо, а снять ее могло только мое прикосновение. Ты видела следствие магии — разломанную печать, — но не саму магию.

— Подождите! — Сабар хлопнул себя ладонью по лбу. — И о чем я только думаю? Я должен отдать еще и вот это.

Он сбросил с плеч лямки мешка и опустил его на землю. Быстро развязал кожаные ремешки и аккуратно вытащил нечто, завернутое в черную стеганую ткань. Это нечто высотой было примерно в фут и не слишком большое. По тому, как Сабар держал сверток, казалось, он был тяжелым.

Сабар положил сверток на землю напротив костра.

— Никки сказала, чтобы я отдал это тебе, в письме есть объяснение.

Дженнсен чуть подвинулась, очарованная тайной свертка.

— Что это?

— Никки мне не сказала, — пожал плечами Сабар. По его лицу скользнуло недовольство тем, как мало он знает о своем поручении. — Когда Никки смотрит на тебя и говорит, что делать, у тебя из головы вылетают все вопросы.

Ричард улыбнулся, продолжая разворачивать письмо. Он слишком хорошо знал, что это значит.

— Сказала ли Никки, кто может открыть эту штуку?

— Нет, лорд Рал. Она только велела отдать ее тебе и добавила, что в письме все написано.

— Если бы здесь тоже была наложена сеть, она бы предупредила тебя, — Ричард поднял глаза. — Кара, почему бы тебе не развернуть его, пока мы с Кэлен читаем письмо? — он небрежно махнул рукой в сторону свертка.

Пока Кара, сев на землю и скрестив ноги, принялась развязывать узлы на кожаных ремешках, Ричард и Кэлен молча читали письмо.

Дорогие Ричард и Кэлен!

Простите, что не могу сказать вам всего сейчас, но есть важное дело, и я не смею заставлять его ждать. Джегань

собирается сделать то, что я считала невозможным. Благодаря своей способности сноходца, он подчинил Сестер Тьмы и хочет с их помощью создать оружие из людей, как во времена Великой войны. Это опасно само по себе, а кроме того, у Джеганя нет дара, и знания его об этом поверхностны. Он действует как грубый бык, пытающийся рогами свить веревку. Он и его люди используют жизни волшебников для своих опытов. Я пока не знаю точно, чего они добились, и, честно говоря, даже боюсь узнать.

Теперь о том, что я вам посылаю. Я нашла этот предмет, когда напала на след и шла к тому месту, где мы должны были с вами встретиться. Надеюсь, вы уже видели однажды то, что привезет вам мой посланец, потому что этого предмета касался тот, кто связан с вами.

Это — сигнальный маяк. Он работал не только потому, что к нему прикасались, но еще и в результате определенных событий. Скажу сразу, что эта вещь достаточно непроста, и я не преувеличиваю ее опасность.

Такие маяки способны были сотворить только волшебники прошлого; их создание требует двух сторон дара — Ущерба и Приращения. Именно поэтому они так редки, и раньше я никогда их не видела.

Прежде я читала о них во Дворце Пророков. Такие сигнальные маяки продолжают работать благодаря связи с умершим волшебником, который их создал...

Ричард выпрямил спину и глубоко вздохнул.

— Как может существовать такая связь? — спросила Кэлен.

Лорд Рал понял скрытый смысл того, о чем хотела сказать Никки.

— Каким-то образом связь сохраняется в подземном мире, — шепотом ответил он жене.

В ее зеленых глазах танцевали и сверкали крошечные блики костра.

Кэлен взглянула на Кару. Охранница разворачивала вещь, связанную незримой связью с мертвым волшебником в подземном мире. Кэлен уцепилась за краешек письма и углубилась в текст.

...Насколько я знаю, такие сигнальные маяки создают мощные защитные поля. Их ставят парами. Первый всегда из янтаря. Он предупреждает того, кто нарушает печать. Прикосновение связанного с умершим волшебником или того, кто с ним, зажигает маяк, который служит одной цели — предупреждает вовлеченного в эту связь. После предупреждения маяк надо уничтожить. Я послала его вам, чтобы быть уверенной, что вы его видели.

Природа второго маяка мне неизвестна, но он способен восстановить печать.

Я не знаю, какая печать была наложена, и что она защищала. Несомненно то, что ее нарушили.

Причина разрыва, если только не особые обстоятельства, заставившие загореться маяк, очевидна...

— О, только не это! — Кара отскочила от черного свертка, как от источника моровой чумы.— Я в этом не виновата,— она указала вниз.— Теперь вы мне скажите, что это.

В центре развернутой черной материи стояла полупрозрачная статуя, которой коснулась Кара.

Это изваяние они уже видели — изваяние Кэлен.

Левая рука статуи прижата к боку, правая поднята вверх. Изваяние представляло собой песочные часы из прозрачного янтаря.

Песоксыпался из верхней части часов вниз, через узкую талию, в складки широкой одежды Матери-Исповедницы.

Песоксыпался так же, как и в последний раз, когда Ричард видел статую. Тогда в верхней части оставалось больше песка.

Лицо Кэлен стало мертвенно-бледным.

Когда Ричард впервые увидел часы, ему не нужно было предупреждение Никки, чтобы он понял, насколько опасна

эта вещь. И у него не возникло не малейшего желания прикоснуться к ней. Когда он первый раз прошел мимо нее по тропе под скалой, статуя была тусклой и темной, но все же в ней угадывались черты Кэлен. Она лежала на боку.

Тогда Каре не понравилось, что изображение Кэлен в является в месте, где любой может найти ее, забрать и использовать, бог знает для чего. Кара подняла статую прежде, чем Ричард успел крикнуть ей, чтобы она этого не делала.

Когда Кара дотронулась до статуи, та засветилась.

В ужасе Кара ее отбросила.

Правая рука изваяния поднялась и указала на восток.

Статуя стала прозрачной, и они увидели, как внутри побежал песок.

Звук сыпавшегося песка был таким тихим и грозным, что это заставило их всех оцепенеть. Кара хотела положить фигуру обратно, но Ричард, ничего не зная об этом предмете и сомневаясь, что такое простое действие поможет, не позволил Каре еще раз коснуться статуи. Он забросал статую ветками и камнями, надеясь, что ее никто не обнаружит. Как видно, это не сработало.

Теперь, из письма Никки, Ричард узнал, что прикосновение Кари запустило предупреждение, и это подтверждало его первоначальную мысль.

— Кара, положи ее.

— Положить?

— На бок — как ты хотела сделать тогда. Мне надо знать, остановится ли песок.

Кара секунду задержала на нем взгляд и носком сапога перевернула статую набок.

Песок все так же продолжал сыпаться.

— Как такое может быть? — взволнованно спросила Дженнсен. — Как песок может продолжать течь, если статуя лежит на боку?

— Ты видишь это? — изумленно спросила Кэлен. — Ты видишь, как падает песок?

— Вижу, конечно, у меня мурашки ползут по коже,— кивнула Дженнсен.

Ричард смог только потрясенно уставиться на сестру. Песок, падающий в лежащей на земле статуе,— несомненная магия. Дженнсен — «Столп Творения», «дыра в мире», обделенный даром отприск Даркен Рала. Она не может видеть магию.

И все же она ее видит.

— Согласен с молодой леди,— заметил Сабар.— Это даже более ошеломительно, чем огромные черные птицы, которых я видел последнюю неделю.

— Ты видел...— встрепенулась Кэлен.

Вдали раздался предупреждающий крик Тома. Одним движением Ричард вскочил на ноги и вытащил из ножен меч. Особенный звон клинка разнесся в ночном воздухе.

И только магия меча не поднялась.

Глава 14

Когда Ричард выхватил меч, Кэлен отклонилась назад. Эхо звенящей стали и крик Тома все еще разносился над окрестными холмами. Кэлен пристально вглядывалась и вслушивалась в темноту окутывающей их ночи. Чутье было ее оружием — свой меч она оставила в повозке, чтобы не вызывать подозрений: женщины в Древнем мире не носят оружия.

В свете костра она ясно видела лицо Ричарда. Кэлен много раз была свидетельницей, как муж доставал Меч Истины. Она встретилась с ним впервые тогда, когда Зедд вручил Ричарду меч, и тот впервые вытащил его из ножен. Он видела меч во времена, когда Ричард выхватывал его в пылу битвы или, как сейчас, когда надо было защищаться.

Когда Ричард вынимал меч, он одновременно вызывал магию. Такова была особенность клинка: магия не являлась

только для того, чтобы защитить хозяина меча, она защищала то, к чему он стремился. Меч Истины не талисман, он — принадлежность Искателя Истины.

Искатель владеет магией меча, и магия ему отвечает.

Каждый раз, когда Ричард вынимал меч, Кэлен видела, как в серых глазах мужа начинала опасно поблескивать магия.

Сейчас впервые Ричард вытащил меч, а она не увидела магии в его глазах.

То, что магия не появилась, поразило Кэлен, но еще больше это ошеломило Ричарда. На секунду он замешкался.

Прежде чем они успели подумать о том, что могло вызвать крик Тома, с окруживших поляну деревьев соскользнули темные фигуры. Громкие крики и леденящие кровь вопли наполнили ночь. Неизвестные враги ворвались в лагерь, едва освещенный слабым костерком.

Кэлен решила, что эти люди не похожи на солдат. На них не было формы, и они не атаковали, как принято в армии, держа оружие наперевес. Женщина не заметила, чтобы кто-нибудь из них размахивал топорами, мечами или хотя бы ножами.

Но были они вооружены или нет — сути дела это не меняло. Нападающих было очень много, и они издавали боевые кличи, в которых звучала готовность к кровавым убийствам. Кэлен знала, что такие внезапные агрессивные вопли могут быть тактическим ходом, призванным напугать и ослабить противника. Порой она сама применяла такую тактику устрашения.

С клинком в руке Ричард был самим собой — сосредоточен, решителен и настроен беспощадно, пусть даже с ним не было магии меча.

Меч Истины рассек воздух, красные языки пламени костра запылали на лезвии клинка. В эти несколько секунд перед началом битвы Кэлен испугалась, что без магии меча все может закончиться совершенно чудовищно.

В мгновение ока тихий лагерь превратился в обитель демонов. Хотя нападающие и не выглядели солдатами, они

были огромны и не оставляли сомнений в жестокости своих намерений.

Темная фигура метнулась вперед, пытаясь перехватить Ричарда, прежде чем он успеет пустить меч в дело. Кончик меча просвистел в воздухе в смертельном ударе. Клинок отсек одну из вытянутых рук и разнес череп. Над костром рассыпались брызги крови, мозга и осколки кости. Раздался еще один вопль. Меч Ричарда прошел через грудь еще одного противника. За два коротких мгновения два врага стали мертвецами.

В глазах Ричарда засияла магия.

Кэлен не понимала, что делают эти люди. Они бросались в бой без оружия и не испытывали страха. Их свирепый вид, многочисленность, высокий рост и скорость, с которой они нападали, внушили бы ужас кому угодно.

Из темноты выбегали все новые нападающие. Кара выхватила эйджил. Многие завопили от невыносимой боли, когда оружие коснулось их. Сабар с ножом в руке повалился на землю, увлекаемый напавшим сзади. Еще один схватил за волосы Дженнсен. Ей удалось вырваться и полоснуть врага ножом по лицу. Крики раненого слились с другими воплями.

Кэлен поняла, что кричат не только люди, но и лошади. Эйджил Кары коснулся чьей-то бычьей шеи, вызвав пронзительный визг. Люди вопили и отдавали приказы, которые Ричард пресекал ударом меча.

Наконец Кэлен осознала, что происходит. Их не собирались убивать. Врагам нужно было взять их живыми. Убийство в глазах этих людей было великой милостью по сравнению с тем, что они собирались с ними сделать.

Два здоровяка бросились к Кэлен и Ричарду. Кара оказалась рядом и схватила за рубашку одного из них, развернув к себе. Она ударила его эйджилом в живот и бросила на колени. Другой нападающий неожиданно встретился с мечом Ричарда. Короткий крик смертельной боли оборвал-

ся, когда Ричард разрубил ему горло. Кара, стоя над противником, ткнула его эйджилом в грудь и повернула, свалив окончательно.

Ричард уже перескошил через костер и оказался в самом центре схватки. Как только его ступни коснулись земли, он разрубил почти надвое повалившего Сабара человека, разбрызгивая вокруг его внутренности.

Человек, которого ранила Дженнсен, поднялся и тут же получил удар ножом. Девушка отскочила назад, а он пошатнулся и грохнулся наземь, сжимая руками перерезанное горло. Кара расправилась с противником, который пытался напасть на Дженнсен со спины. Морд-Сит с лицом, перевошенным дикой решимостью, приложила эйджил к его горлу и дождалась, пока он не захлебнется в собственной крови.

В руках тех, кто окружил Ричарда, Кэлен заметила ножи. Нападающие отказались от первоначального намерения завалить их голыми руками. Вид ножей придал Ричарду еще больше ярости. В его глазах пылал огонь магии.

Кэлен застыла на месте, будто прикованная видом Ричарда, для которого убийство превратилось в грациозное представление — танец со смертью. В сравнении с Ричардом, двигавшимся быстро и легко, остальные казались неуклюжими быками. Он носился среди врагов, как между застывших статуй. Каждый бросок меча встречал живую плоть врага. Каждый взмах рассекал мышцы и кости. Каждым поворотом Ричард сокрушал нападение. Ни одной упущеной возможности, ни одного пропущенного удара, ни одного лишнего броска. Каждую секунду Ричард поднимал меч, отражал атаку и начинал новую. Его меч разил врага без сомнения, без сожаления, без жалости.

Кэлен была в ярости, что при ней нет меча. Противника не убывало. Ей было слишком хорошо известно, что такое — чувствовать себя беспомощной в лапах банды, и она стала продвигаться к повозке.

Один из громил утащил в темноту Сабара и Дженнсен. Он бросил их на землю и уселся сверху. Огромные ручищи мужланы прижали их запястья к земле, не давая дотянуться до ножей.

Клинок Ричарда сверкал в воздухе, разрубая тела. Он опустился на колено, меч описал дугу и пронзил еще одного нападающего. На лице противника застыло выражение устрашающего удивления, как это он мог напороться грудью на меч Ричарда. Эдоровяк, придавивший Дженнсен и Сабара, дернулся, бездыханный. Ричард, все еще стоя на одном колене, вытащил меч из тела смертельно раненного громилы.

Еще один враг ворвался в лагерь. Кара помчалась к нему и хлестнула эйджилом по шее. Противник осел, и Кара двинула его локтем по лицу, но сзади ее обхватил еще один. Раздался вопль, руки нападавшего превратились в месиво из костей и крови. Кара вывернулась и ударила его между ног. Пока он падал, инстинктивно пытаясь дотянуться до паха, Кара довершила начатое. Выверенным ударом колена охранница сломала ему челюсть, а потом мгновенно развернулась и хлестнула эйджилом третьего.

Еще один враг бросился на Сабара и опрокинул его на спину. Литейщик успел выхватить нож и воткнуть его в нападающего. Один из врагов заметил на земле послание Никки. Кэлен увидела, как, зажав письмо в руке, он бросился прочь. Но на его пути встала Дженнсен. Огромный мужчина вытянул руки и оттолкнул ее. Дженнсен казалась былинкой рядом с ним и пошатнулась от мощного толчка, но все же успела точно засадить свой нож ему между лопаток.

Девушка ухитрилась не отпустить нож и безжалостно его повернула, человек изогнулся дугой от боли и издал вопль ярости, быстро захлебнувшись в мокром бормотании, наполнившем легкие. Нож Дженнсен нашел его сердце. Он пошатнулся, дернулся и упал в костер. Языки пламени охватили одежду врага. Кэлен попыталась вытащить из его

крепко сжатого кулака свиток, но жар огня обжигал кожу так сильно, что она не смогла подойти ближе.

Было все равно поздно. Письмо, которое они успели прочесть только наполовину, быстро превратилось в черный пепел, взметенный к небу искрами костра.

Кэлен прикрыла рот и нос от невыносимой вони горящих волос и плоти. Казалось, схватка длится часы, вокруг валялись трупы, но появлялись все новые и новые противники.

Потеряв надежду спасти письмо, она отошла от костра и побежала к повозке, к своему мечу. На пути Кэлен вырос огромный детина. Увидев, что у нее нет оружия, он мерзко ухмыльнулся.

За его спиной Кэлен заметила Ричарда. Их глаза встретились. Муж расчищал мечом путь к ней, пробиваясь сквозь тела.

Он не может быть сразу везде.

Ричарду не успеть к ней вовремя. Но он продолжал пытаться. Даже если Ричард доберется до них, Кэлен это уже не спасет. Он слишком далеко. Все усилия напрасны.

Кэлен смотрела в глаза человека, которого любит больше жизни, и видела в них неукротимую ярость. Она знала, что Ричард видит лицо, которое не выражает ничего — лицо Исповедницы. Затем приближающийся враг заслонил их друг от друга.

Взгляд Кэлен сосредоточился на нападающем. Его лапы поднялись, как у медведя, впавшего в бешенство. Зубы были стиснуты в дикой злобе. Гrimаса исказила лицо врага, рвавшегося схватить ее, прежде чем она успеет отскочить в сторону и убежать.

Кэлен оценила, насколько близко уже подобрался к ней зверь в облике человека, чтобы рискнуть бежать, и не стала тратить силы в бесполезной попытке.

Этот враг сумел избежать смерти. Он обошел Дженнсен и Сабара. Он увернулся от меча Ричарда и проскользнул мимо эйджила Кары. Он не устал и был готов к бешеной атаке.

Этот человек был уверен, что почти поймал то, что искал.

Он был в одном ударе сердца от нее, несясь к Кэлен на полной скорости.

Краем сознания женщина услышала крик Ричарда, ее глаза встретились с тусклым блеском в темных глазах противника.

Детина издал вопль ярости и бросился вперед. Его ступня оторвалась от земли, и он словно повис в воздухе, протягивая к Кэлен волосатые ручищи. Злобный оскал выдавал его торжество.

Как в замедленном сне, Кэлен видела мельчайшие детали на лице врага. Вот он прикусил треснувшую нижнюю губу, темный зуб рядом с остальными желтыми... Вот маленький белый шрам, видимо, появившийся, когда он ел с ножа и случайно порезал уголок рта... Вот щетина на щеках и шее, похожая на жесткую проволоку... Левый глаз чуть прикрыт. На козелке правого уха — выемка в виде буквы V. Это напомнило Кэлен то, как фермеры метят свиней.

Она увидела свое отражение в глазах врага и подняла правую руку.

Мельком Кэлен подумала, есть ли у него жена или женщина, которая заботится о нем и будет скучать и тосковать без него. А может быть, у него есть дети. Интересно, чему такой человек учит своих малышей, если они у него, конечно, есть. Кэлен передернулась от омерзения, внезапно представив, что такое животное взбирается на нее и дерет щетиной ей подбородок, слюнявят треснутыми губами ее губы, а его желтые зубы скребут ее шею.

Время искривилось.

Кэлен вытянула руку. Детина обрушился на нее. Упершись ладонью ему в грудь, она почувствовала грубую ткань темно-коричневой рубахи.

Еще не прошло и секунды, как он повалил ее. Еще Ричард не успел сделать полный отчаяния шаг.

Вес детины на ладони Кэлен казался не тяжелее дыхания ребенка.

Пространство словно бы застыло.

Время теперь ее.

Он теперь ее.

Неистовость схватки, крики, вопли, стоны; вонь крови и пота; звук стали, входящей в плоть; проклятия, страх, стук сердца в смертельном ужасе... ярость... ничто не существовало для Кэлен. В ее мире была тишина.

Хотя Кэлен и родилась, обладая силой и ощущая ее внутри себя, она всегда казалась Исповеднице непонятной, непостижимой, невообразимой и далекой. Кэлен знала, что она чувствует себя так, пока не отпустит силу. Но как только захватывающая дух глубина силы вырывалась наружу, она сливалась с нею и трепет отступал. И хотя Кэлен много раз давала волю своей власти, она всякий раз оставалась поражена собственным могуществом.

Кэлен одарила насильника холодным взглядом, готовая к тому, чтобы применить свою власть и силу.

Когда он бежал к ней, время принадлежало ему.

Теперь время принадлежит ей.

Она чувствовала кожей каждую грубую нитку его рубахи, а под ней — каждый жесткий волос его груди.

Биение сердца, вызванное неожиданным нападением врага, прошло. В мире остались только двое — она и этот человек, — навечно связанные тем, что произойдет. Он выбрал свою судьбу, когда решил напасть на них. Уверенность Кэлен исключала эмоции, и она не чувствовала ничего — ни радости, ни облегчения, ни ненависти, ни отвращения, ни жалости, ни сожаления.

Кэлен спрятала эмоции, чтобы открыть путь потоку силы, освободив его.

Теперь у врага не было шанса.

Он — ее.

Лицо громилы было перекошено опьянением уверенности в том, что он — непобедимый герой, который поимеет ее, единственный, в чьих руках находится сейчас ее жизнь.

Кэлен отпустила силу.

Ее намерение, ее роль женщины, от рождения слабого и подчиненного мужчина существа, немедленно изменились, превратившись в силу, способную менять природу сознания.

В темных глазах мужчины промелькнула искра подозрения, что началось нечто неотвратимое. Затем в мгновение он потерял и всю свою жизнь, и все, что знал прежде. Все, к чему он когда-либо стремился, о чём думал, ради чего трудился, на что надеялся, кому молился, чем обладал, кого любил и ненавидел... все потеряло смысл.

В ее глазах враг увидел безжалостность, и это заставило его в ужасе оцепенеть.

Беззвучный гром расколол воздух.

Сила была в одно и то же время древняя и великолепная, она была и совершенна, и ужасна.

Кэлен видела, что он потерял саму мысль о собственном «я». Восприятие себя как личности было вытеснено суповой магией, навсегда разрушившей того, кем был этот человек.

Сила удара потрясла воздух.

Звезды содрогнулись.

Искры костра рассыпались по земле, по которой кругами расходился удар, поднимая пыль. Могучая волна заставила деревья потерять листья и иголки.

Он был ее.

Тяжеленный мужлан слетел с Кэлен, как пушинка, и женщина неторопливо поднялась на ноги. Недавний противник отлетел назад и упал, пробороздив лицом землю.

Торопливо он рухнул на колени. Руки сложились в молитвенном обращении. Слезы омочили глаза. Его рот, еще мгновение назад искаженный в похотливом ожидании, теперь избороздила настоящая мука.

— Пожалуйста, госпожа, повелевай! — запричитал он.

Кэлен брезгливо посмотрела на него, наградив новой в ее жизни эмоцией — глубочайшим презрением.

Глава 15

По безмолвному лагерю разносилось испуганное блеяние Бетти. На земле в беспорядке валялись тела. Схватка закончилась. Ричард с мечом в руке бросился к Кэлен. Дженнисен застыла у костра, а Кара ходила между тел, проверяя, есть ли живые.

Кэлен гордо прошествовала мимо отмеченного ее властью человека и направилась к Дженнисен. Ричард встретил ее на полпути и обнял жену свободной рукой.

— Ты в порядке?

Кэлен кивнула, быстро оглядев лагерь в поисках нападающих, но увидела только трупы.

— Как ты? — спросила она.

Ричард словно не услышал ее. Его рука обхватила ее талию.

— Добрые духи... — кинулся он к одному из тел.

Это был Сабар.

Дженнисен стояла рядом, дрожа от страха, широко распахнув глаза и сжимая в руке нож. Кэлен обняла девушку, шепча, что все позади, все кончилось, все будет хорошо.

— Сабар... он... защищал меня... — всем телом Дженнисен прижалась к старшей подруге.

— Я знаю, знаю, — утешала Кэлен.

Она видела, что Ричарду уже не имеет смысла торопиться переворачивать Сабара. Рука молодого человека безжизненно откинулась. Сердце Кэлен упало.

Тяжело дыша, в лагерь вбежал Том. Он истекал потом и кровью. Дженнисен всхлипнула и бросилась ему на шею. Он бережно обнял девушку и прижал ее голову к плечу, пытаясь выровнять дыхание.

Бетти испуганно блеяла рядом с повозкой, не сразу откликнувшись на зов Дженнисен. Дрожащая козочка бросилась к хозяйке и спряталась в ее юбках. Том беспокойно вглядывался в темноту.

Кара неторопливо шла между тел, выискивая признаки жизни. В большинстве случаев можно было не сомневаться в состоянии лежащих. Там и сям она замечала на трупах следы собственного сапога или эйджила. Все были мертвые.

Кэлен мягко положила руку на плечо склонившегося над телом Сабара Ричарда.

— Сколько людей должны еще погибнуть за преступление быть свободным, за грех жить своей жизнью? — тихим голосом горько произнес он.

Кэлен видела, что Ричард все также до белых костяшек на пальцах сжимает Меч Истины. Магия меча гневно плясала в его зрачках.

— Сколько?! — повторил он.

— Не знаю, Ричард, — прошептала Кэлен.

Лорд Рал бросил яростный взгляд на мужчину, все еще стоящего на коленях в центре лагеря. Он склонил голову, сложив руки в умоляющем жесте, и весь трялся от страха.

Как только Исповедница касается человека, он забывает о том, кем был прежде. Эта часть его сознания навсегда стирается. Кто он был, зачем он был — всего этого больше не существует.

Магия власти Исповедницы изменяет все стремления и желания. Ничто больше не имеет значения. Единственной целью жизни тех, кого она коснулась, становится служение Исповеднице, выполнение всех ее приказаний, ответ на любой ее вопрос.

Те, кого коснулись, исповедуются в любом преступлении. Именно для этого и были созданы Исповедницы. Цель у них всегда была той же, что и у Искателя — истина. В войну не было ничего более важного, чем истина.

Мужчина, которого коснулась Кэлен, страдал от того, что она ничего ему не приказывает. Для такого человека не было ничего более мучительного, чем незнание желаний Исповедницы. Существование без выполнения ее желаний становилось бессмысленным. Если Исповедница

ничего не прикажет, тот, кого она коснулась своей властью, умрет.

Что бы она сейчас ни спросила — его имя, или интимное прозвище, он открыл бы ей с беспредельным восторгом. Если бы она попросила его убить любимую мать — он сделал бы это с безграничной радостью. Он был бы счастлив все ей открыть, все отдать и все исполнить — лишь бы она, наконец, отдала хоть какое-нибудь приказание.

— Выясним, что это значит, — с угрозой сказал Ричард.

Кэлен в изнеможении посмотрела на стоящего на коленях человека. Она так устала, что едва держалась на ногах. Она тяжело дышала, пот стекал по груди. Ей необходимо отдохнуть, но сейчас было нечто более важное.

Пока Ричард и Кэлен шли навстречу поверженному на колени мужчине, его глаза неотрывно следили за направлявшейся к нему женщиной.

Вдруг Ричард замер. В грязи под его ногами лежали обломки статуи, которую принес Сабар. Изваяние было разбито на множество неузнаваемых кусочков, и только по прозрачному янтарю можно было догадаться, что это.

В письме Никки сказала, что статуя им больше не нужна. Это предупреждение — предупреждение о том, что Кэлен каким-то образом нарушила защитный экран, который запечатывал нечто опасное.

Кэлен не знала, от каких опасностей хранила их печать, но боялась, что слишком хорошо знает, как она ее сломала.

Еще больше женщину страшило то, что по ее вине нарушена магия меча Ричарда.

В отчаянии Кэлен стояла над обломками, неотрывно смотря под ноги.

— Не позволяй своему воображению уводить тебя, — муж обнял ее за талию. — Мы пока не знаем, что это, и не можем быть даже уверены, правда ли это. Возможно, это ошибка.

Кэлен хотела бы поверить в это.

— Хочешь сначала отдохнуть? — Ричард опустил меч в ножны.

Он всегда и везде заботился о ней. Так было с того самого первого дня, когда они встретились. Но сейчас ее саму волновало его здоровье.

Применение силы ослабляло Исповедницу. На этот раз Кэлен чувствовала себя не просто ослабленной, а измученной. Ее называли Матерью-Исповедницей потому, что сила ее могла восстановиться через несколько часов, другим же Исповедницам требовался день или даже два. Думая об этом, Кэлен вспомнила горячо любимых ею Исповедниц, которые давно умерли, и на нее обрушилась вся тяжесть безнадежной потери.

Чтобы полностью восстановить силу, Кэлен потребуется ночь отдыха. Но сейчас оставались важные вопросы, которые надо решить.

— Нет, я в порядке, — произнесла Кэлен. — Отдохну попозже. Спросим его о том, что ты хочешь.

Взгляд Ричарда скользил по разбросанным по лагерю внутренностям, частям тел, трупам. Земля пропиталась кровью. На секунду Кэлен замутило от зловония смерти и запаха все еще дымящегося в костре трупа. Она отвернулась от стоящего на коленях человека и уткнулась в грудь Ричарда. Создатель, как безумно она устала!

— Давай уйдем отсюда, — безжизненным голосом сказала Кэлен. — Нам надо уйти. За нами могут прийти еще, — она боялась, что если Ричард снова вытащит меч, он может остаться без помощи магии. — Надо найти более безопасное место.

Ричард согласно кивнул. Он смотрел поверх ее головы, прижимая Кэлен к груди. Женщина слышала, как в лагерь вернулся, задыхаясь от бега, Фридрих. Он замер и простонал, видя, как все изменилось.

— Том, Фридрих, как думаете, придут ли еще? — спросил Ричард.

— Вряд ли,— ответил Том.— Думаю, это были все. Я видел, как они шли сюда по оврагу и хотел бежать к вам предупредить, но четверо из них набросились на меня.

— Больше я никого не видел, лорд Рал,— Фридрих перевел дыхание.— Я прибежал, когда услышал крики.

— Помоги Тому запрячь лошадей,— подбадривая, Ричард положил руку на плечо старику.— Не хотелось бы провести здесь ночь.

Ричард обратился к Дженнисен.

— Положи, пожалуйста, спальные мешки в повозку. Когда мы поедем, я хочу, чтобы Кэлен отдохнула.

Дженнисен потрепала Бетти по плечу, зовя идти за собой.

— Конечно, Ричард.

Девушка пошла к повозке, коза трусила рядом с ней.

Пока все как можно быстрее собирали вещи, Ричард нашел кусок незаваленной камнями земли и принялся рыть неглубокую могилу. Времени для погребального костра не было. Одинокая могила — самое большее, что он мог сейчас сделать, но душа Сабара улетела и не чувствует необходимости в излишней заботе об оставленном ею теле.

Кэлен принялась снова все обдумывать. После письма Никки, в котором она прочла о предупреждении сигнальным маяком, она еще больше засомневалась в наличии такой вещи, как духи. Мир мертвых связан с миром живых с помощью магии. Магия и есть связь, которая идет через таких людей, как Ричард. Без магии такая связь невозможна, потому что другие миры не могут существовать отдельно от мира живых, но только в связи с ним. Другие миры могут легко перестать существовать, если исчезнет магия, как исчезнет день, если не будет солнца.

Кэлен поняла, что магия этого мира спит уже несколько лет.

Она знала, почему.

Духи, добрые и злые, и все, что связано с магией, скоро может быть потеряно. И тогда смерть во всем мире превратится в нечто необратимое, в тупик. Это значит, что после

смерти нельзя будет встретиться с теми, кого любил, или с добрыми духами.. Добрые духи, даже те, что в подземном мире, исчезнут навсегда.

Когда Ричард закончил рыть могилу, Том помог ему опустить в нее тело Сабара. Юноша попросил добрых духов позаботиться о покойном, и они с Ричардом забросали яму.

— Лорд Рал, когда часть мерзавцев напала на нас, другая перерезала лошадям горла,— тихо произнес Том.

— Всем?

— Да. Всем, кроме моих. Видно, они оказались слишком большими для них. Наверно, негодяи побоялись, что их растопчут. Со мной они оставили несколько молодчиков, чтобы те «позаботились» обо мне. А возможно, рассчитывали справиться с лошадьми после схватки,— Том повел широкими плечами.— Или хотели схватить, связать тебя и увезти в повозке.

Ричард подтвердил последнее предположение Тома быстрым кивком. Он отер ладонью лоб. Кэлен подумала, что муж выглядит еще хуже, чем ей показалось на первый взгляд. Она поняла, что боль вернулась и обрушилась на него всей своей тяжестью.

Том оглядел лагерь.

— Что будем делать с остальными? — показал он на трупы убитых врагов.

— О них позаботятся птицы,— бесстрастно ответил Ричард.

— Пойду-ка я лучше помогу Фридриху с лошадьми,— не стал возражать Том, согласный с решением предводителя.— Они возбуждены запахом крови и видом стольких мертвцов.

— Посчитай тела. Надо знать, сколько их,— позвал Ричард Кару.

— Дорогой, что произошло, когда ты вытащил меч? — мягко спросила Кэлен, когда Том отошел подальше, а Кара занялась подсчетом убитых.

Ричард не стал переспрашивать, о чем она, или оберегать ее от лишнего беспокойства.

— Что-то не так с магией. Когда я вытащил меч, он не ответил на мой призыв. На меня уже напали, поэтому у меня не было времени раздумывать, что делать. Магия появилась, только когда я ударил мечом,— он помедлил, подбирая слова.— Наверно, это связано с головной болью и даром. Они, по-видимому, связаны с моей способностью владеть магией меча.

— Когда у тебя последний раз были боли, они не были связаны с магией меча.

— Я же говорил тебе, не позволяй воображению уводить себя далеко. Это началось, когда у меня снова появились головные боли. Должно быть, в них и причина.

Кэлен не знала, верить ли Ричарду, верит ли он сам себе. Но муж был прав. Магия меча изменилась совсем недавно — после того, как появились головные боли.

— Они стали еще сильнее, да?

Тот кивнул.

— Пойдем. Получим ответы на вопросы. На какие сможем,— предложил Ричард.

Кэлен тяжело вздохнула, уступая. Надо использовать эту возможность, чтобы получить ответы хотя бы на часть своих вопросов.

Она направилась к все еще стоящему на коленях человеку.

Глава 16

Полными слез глазами мужчина преданно смотрел на возвышающуюся над ним Кэлен. Он ждал так долго, один, не зная ее воли, и потому жестоко измучился.

— Ты пойдешь с нами,— ледяным тоном произнесла Кэлен.— Будешь идти впереди повозки, чтобы мы могли

тебя видеть. Будешь выполнять приказы любого, так же, как и мои. Честно ответишь на все вопросы.

Мужчина в слезах пополз на животе целовать ее ноги и благодарить за то, что она, наконец-то, отдала ему приказ. Уткнувшись в землю, с отметиной в виде буквы V на ухе, он сейчас еще больше напомнил Кэлен свинью.

— Прекратить! — сжав кулаки, крикнула Исповедница. Ей не хотелось, чтобы этот боров касался ее.

Он торопливо отполз назад, испуганный яростью в ее голосе и тем, что не угодил ей. Раболепно застыв у ее ног, человек широко раскрыл глаза и боялся снова разгневать госпожу.

— На тебе нет формы,— обратился к нему Ричард.— Ты и остальные — не солдаты?

— Солдаты, но не обычных войск,— торопливо выпалил он, довольный тем, что может ответить на вопрос и выполнить приказание Кэлен.— Мы специальное подразделение на службе Имперского Ордена.

— Специальное? Какая у вас задача?

В мокрых глазах допрашиваемого промелькнула нерешительность. Он нервно посмотрел на Кэлен, но та даже не взглянула на него. Она уже сказала, что мужчина должен выполнять все приказания. Он торопливо продолжил.

— Специальное подразделение — в армии — задача — захват врагов Ордена — мы проходим испытания, чтобы в нас были уверены — верные солдаты — а потом мы выполняем то, что нам прикажут...

— Помедленней,— оборвал его Ричард.— Слишком быстро.

Человек бросил быстрый взгляд на Кэлен, его глаза снова наполнились слезами. Может, он опять не угодил ей?

— Продолжай,— сказала Кэлен.

— Мы не носим формы, чтобы никто не знал, кто мы такие,— человек наконец был уверен, что если продолжит говорить, то удовлетворит ее.— Обычно мы работаем в

городах, ищем предателей. Мы смешиваемся с народом, и он думает, что мы такие же, как все. Когда кто-то собирается выступить против Ордена, мы выясняем имена заговорщиков, хватаем их и допрашиваем.

Ричард долгое время неотрывно смотрел на него. В душе его вспыхнул пожар, но лицо оставалось бесстрастным. Однажды Ричард побывал в лапах Ордена и был «допрошен». Кэлен могла только предполагать, о чем он сейчас думает, какие жуткие картины всплывают в его памяти.

— Вы хватали только тех, кто замышлял недобroе в отношении Ордена? — спросил Ричард. — Или вы просто брали любого, кого подозревали?

— Если мы кого подозревали — значит, они уже предатели, собираются кучками и скрывают свою жизнь от других. Тогда мы их допрашивали и узнавали все, что они скрывают, — он облизал губы, торопясь поведать о методах допроса. — Сперва мы говорим с теми, кто работает с ними, с соседями и узнаем имена возможных сообщников — друзей или членов семьи. Обычно мы забираем и их, и тоже допрашиваем. После допроса все они признаются в преступлениях против Ордена, что и подтверждает наши подозрения.

Кэлен подумала, что Ричард сейчас выхватит меч и, не особо раздумывая, отсечет «специалисту по допросам» голову. Ричард слишком хорошо знал, что творили в застенках с арестованными, положение которых было чудовищным.

Признания, вырванные под пытками, могли указать на любого, поэтому заплечных дел мастера были очень загружены и никогда не сидели без работы. Жители Древнего мира живут в постоянном страхе, что их могут забрать туда, где пытают.

Большинство допрашиваемых едва ли замышляли что-либо против Ордена. Они были слишком обеспокоены выживанием, тем, чтобы как-то прокормить семью, и у них просто не было времени думать о свержении власти Ордена. Но многие погибли в застенках, говоря о лучшей жизни, о

том, что бы они хотели сделать, вырастить, создать, чем обладать. Они обливались слезами и кровью, признаваясь в своей надежде, что их дети проживут лучшую жизнь. Думать о собственном благе, а не о благе правителя, в учении Имперского Ордена было не просто мятежом, но богохульством. Страдание в Древнем мире — всеобщая добродетель, служение высшему благу.

Были и те, кто не мечтал о лучшей жизни, но мечтал услужить Ордену и назвать имена тех, кто плохо говорит об Ордене, прячет припасы или даже деньги, или мечтает о лучшей жизни. Обличение таких «предателей» отводило подозрение от доносчика. Так что доносы в Древнем мире стали признаком верности.

— Сколько вас было ночью? — Ричард сменил тему вместо того, чтобы вытащить меч.

— Считая меня, двадцать восемь, — поспешил ответил мужчина.

— Вы были вместе, когда напали?

Человек кивнул, торопясь поведать весь план и заслужить одобрение Кэлен.

— Мы хотели быть уверены, что ты и... и.... — Он повернулся к Кэлен, осознав несовместимость двух целей — сказать все, как есть, и услужить Матери-Исповеднице. Слезы хлынули ручьем из глаз, руки сложились в молитвенной просьбе. — Прости, госпожа! Прошу, прости меня!

Голос мужчины был переполнен эмоциями, голос Кэлен — холоден, как лед.

— Отвечай.

Он заставил себя остановить рыдания, подчиняясь приказу.

— Мы решили напасть вместе, чтобы быть уверенными в том, что схватим лорда Рала и... тебя, Мать-Исповедница, — слезы продолжали бежать по жирным щекам мужчины, оставляя грязные потеки. — Мы собирались в группу. Половину людей хотели оставить в прикрытии, но я сказал, что вы должны быть вместе, и я хочу получить вас обоих.

Я не хотел рисковать, поэтому приказал всем идти в атаку, послав несколько человек перерезать лошадям горло, чтобы отрезать вам все пути к побегу,— он просиял.— Никогда бы не подумал, что мы проиграем.

— Кто тебя послал? — сурово спросила Кэлен.

Мужчина, по-прежнему стоя на коленях, сделал несколько маленьких шагов вперед, неуверенно потянувшись рукой к ноге Кэлен. Та застыла неподвижно, как изваяние, а ледяной взгляд недвусмысленно давал понять, что если он сейчас к ней прикоснется, это ее очень рассердит. Рука убралась.

— Николас,— ответил он.

Бровь Кэлен дернулась. Она ожидала услышать имя Джеганя.

Возможно, сноходец наблюдает за ними глазами этого человека. Император часто посыпал убийц, захватив их сознание. Джегань приказывал им все, что хотел, и даже Кара не могла ему сопротивляться. Не смогла бы и Кэлен.

— Ты лжешь. Тебя послал Джегань.

— Нет, госпожа! — Он снова принял руки, расстроенный ее недоверием.— Я никогда не встречался с Его Высочеством. Армия огромна и раскинулась широко. Мне приказывали в моем отделении. Ни обычные солдаты, ни их командиры, даже они, не удостаивались внимания Его Высочества. Его Высочество далеко на севере, несет слово Ордена живущим в беззаконии диким народам; о нас он даже не думает... Мы всего лишь куча людей, которых Орден, не спрашивая, послал схватить других людей. Мы — часть Империи, и нас позвали, потому что мы были здесь. Но я никогда не встречался с Его Высочеством.

— Джегань встречался с тобой — в твоих снах. Он был в твоем сознании.

— Госпожа?..— Произнеся первый звук, он сразу испугался, поняв, что сам осмелился задать ей вопрос, не дождавшись ее приказа.— Не понимаю...

Кэлен смотрела ему в глаза.

— Джегань был в твоем сознании. Он говорил с тобой.

— Нет, госпожа,— мужчина в растерянности потряс головой.— Я никогда не говорил с Его Высочеством. Он мне никогда не снился, и я ничего о нем не знаю, кроме того, что он родился в Алтур-Ранге.— Вдруг человека осенила мысль, достойная его неповоротливого ума.— Хотите, чтобы я убил его, госпожа? Если вы желаете, позвольте мне убить его для вас,— умолял он.

Солдат даже не представлял, насколько абсурдна эта мысль. Но если бы Кэлен приказала, он был бы счастлив выполнить ее желание.

— Не уверена, все ли люди, чье сознание сноходец когда-либо подчинял себе, помнят об этом, но, по-моему, все,— тихо заговорила Кэлен, подойдя к Ричарду.— Те, кого я видела, знали о том, что Джегань находится в их сознании.

— А может ли сноходец завладеть сознанием человека так, чтобы тот не знал об этом?

— Думаю, да,— ответила Кэлен.— Но в Древнем мире миллионы людей. Как он мог знать, кого следует выбирать? Сноходец он или нет, но тоже всего лишь человек.

— У тебя есть искра? — спросил Ричард допрашиваемого.

— Нет.

— Так... Никки говорила мне, что Джегань не возится с теми, кто не имеет дара,— прошептал Ричард.— Ему трудно управлять сознанием тех, кто не обладает даром, поэтому император использует тех, у кого есть дар, чтобы контролировать тех, у кого его нет. Вот почему он захватил всех Сестер. Джеганю приходится поддерживать контроль над ними и руководить их действиями. Это как раз то, о чем мы начали читать в письме Никки — что он создает с помощью Сестер оружие из людей. Кроме этого, Джегань возглавляет армию и разрабатывает стратегию. Ему прихо-

дится управлять многими вещами, поэтому ему проще владеть сознанием имеющих дар.

— Но не всегда. Если приходится, если ему нужно, он хочет, он может завладеть сознанием не имеющего дара,— Кэлен тоже перешла на шепот.— Может быть, нам стоит убить его сейчас.

Пока они говорили, Ричард, не отрываясь, рассматривал человека. Кэлен знала, что муж убил бы его без сомнения, если бы счел его бесполезным.

— Стоит мне только приказать, и он упадет замертво,— напомнила Кэлен.

Ричард секунду смотрел ей в глаза, потом перевел взгляд на солдата.

— Ты сказал, тебя послал некто по имени Николас. Кто этот Николас?

— Николас — могущественный волшебник, который служит Ордену.

— Ты видел его? Это он отдавал приказы?

— Нет. Мы слишком мелки, чтобы он возился с нами. Приказ был спущен нам сверху.

— Как вы узнали, где мы?

— Приказано было обследовать конкретный район. Нам сказали, что вы идете на север по восточной границе пустыни, и приказали вас схватить..

— Откуда Николас знал, где мы?

Мужчина моргнул, ища ответ в своей голове.

— Не знаю. Никто нам не сказал. Нам только было приказано прочесать эту территорию, найти вас и притащить обоих живыми. Командир, который передавал мне приказы, сказал, чтобы мы не смели проиграть, иначе Скользящий будет очень недоволен нами.

— Кто будет недоволен?.. Скользящий?..

— Николас Скользящий. Так его прозвали. Некоторые его только так и называют — «Скользящий».

— Что? — Кэлен резко повернулась к солдату.

- Скользящий, госпожа,— задрожал он, видя ее гнев.
- Что это значит — Скользящий?
- Не знаю, госпожа,— мужчина принялся завывать, его ладони снова сложились в умоляющем жесте.— Не знаю. Ты спросила, кто послал меня, я ответил. Николас. Люди зовут его Скользящий.
- Где он сейчас? — спросил Ричард.
- Не знаю,— выпалил он, продолжая выть.— Я получал приказы от своего командира. Он сказал, что ему приказал Брат Ордена.

Ричард глубоко вздохнул и почесал шею.

- Что еще ты знаешь об этом Николасе, кроме того, что он волшебник и его зовут Скользящий?

— Знаю только, что я боюсь его ужасно, как и мои командиры.

— Почему? Что будет, если он в вас разочаруется? — спросила Кэлен.

— Он посадит нас на кол.

Кэлен еле подавила очередной приступ тошноты. К зловонию крови и горелой плоти вокруг прибавилось то, что она только что услышала. Женщина не знала, как долго выдержит ее желудок, если они задержатся здесь хоть на минуту, и если мерзавец произнесет еще хоть слово.

Она осторожно ухватилась за рукав Ричарда.

— Пожалуйста, дорогой, это ничего нам не дает,— прошептала она.— Давай уйдем отсюда? Если что-нибудь вспомним, то сможем спросить его позже.

— Пойдешь впереди повозки,— спокойно приказал Ричард.— Не хочу, чтобы она все время была вынуждена видеть твою морду.

Солдат склонил голову и поплелся прочь.

— Не думаю, что Джегань завладел его мозгом,— произнесла Кэлен.— Но вдруг я ошибаюсь?

— Сейчас, мне кажется, мы должны оставить негодяя в живых. Том сможет легко наблюдать за ним. А если мы

ошиблись, Том быстро с ним расправится,— Ричард тяжело выдохнул.— Я только сейчас кое-что понял.

— Что?

Он повлек Кэлен вперед.

— Пойдем, я скажу тебе.

В темноте Кэлен смутно видела повозку. Том следил за тем, как солдат обошел лошадей и встал перед повозкой. Дженнсен и Кара забрались внутрь. Фридрих устроился на облучке рядом с Томом.

— Сколько? — спросил Ричард Кару.

— Вместе с теми четырьмя на холме, о которых позаботился Том, и этим, получается двадцать восемь.

— Значит, все,— со вздохом облегчения промолвил Ричард.

Кэлен чувствовала его руку в своей. Лорд Рал остановился. Жена тоже замерла рядом, не зная, почему он не идет дальше. Ричард опустился на одно колено. Кэлен упала рядом с ним, поддерживая за плечи. Он зажмурился, все тело разбивала боль. Прижав руки к животу, Ричард скорчился, почти упав на землю.

Выпрыгнув из повозки, к ним стремглав бросилась Кара.

Несмотря на то, что Кэлен была до предела обессилена, ею овладела паника. Женщина почти кричала в отчаянии.

— Мы должны прийти к порталу! — Кэлен обращалась и к Каре, и к Ричарду.— Мы должны успеть к Зедду, спросить его, что делать. Нам нужна его помощь. И Зедд может помочь.

Ричард тяжело дышал, превозмогая боль. Кэлен ощущала себя абсолютно несчастной, не зная, чем помочь мужу.

— Лорд Рал, тебя учили владеть болью,— Кара опустилась на колени рядом с ним.— Ты должен сделать это, сейчас,— Морд-Сит сгребла его волосы в кулак и подняла голову, чтобы заглянуть прямо в глаза.— Думай! Вспомни. Поставь боль на место. Немедленно! Сейчас!

Ричард сжал ее предплечье, благодаря за слова.

— Не можем,— наконец прошептал он Кэлен.— Мы не можем идти к порталу.

— Но мы должны,— настаивала Кэлен.— Портал — ближайший путь.

— А что, если я войду в портал, и моя магия не отзовется?

— Мы должны добраться до портала и поторопиться,— неистовствовала Кэлен. Но она побоялась добавить: «чтобы успеть вовремя».

— Но если что-то будет не так, я умру,— Ричард задыхался.— Без магии пересечение портала смертельно. Меч в последнее время подводит меня,— он слегкнул и закашлялся, ловя ртом воздух.— Если мой собственный дар вызывает боли, разрушающие мою магию, то, войдя в портал, я умру, прежде чем успею сделать первый вдох. И тогда мы узнаем правду.

По жилам Кэлен прокатилась ледяная волна ужаса. Зедд оставался единственной надеждой Ричарда. Это был план, который она тщательно продумала. Если Ричард срочно не получит помощи, головные боли убьют его.

Кэлен опасалась, что знает, почему магия меча не отзывается. Скорее всего, это не связано с головными болями. Она боялась, причина коренится в том же самом, что сломало печать. Сигнальный маяк указал на нее. Если это правда, то именно она, Кэлен, причина и этих, и многих других бед.

Но если она права, если это правда, то и Ричард прав. И тогда вхождение в портал будет для него смертельно. Если Кэлен права, муж не сможет не только пройти портал, но даже не успеет дойти до него.

— Ричард Рал, если ты отвергаешь мой план, предложи свой.

Он задыхался, испытывая невимоверную боль. Когда муж закашлялся, Кэлен увидела кровь.

— Ричард! — ахнула она.

Том подбежал к ним. Увидев окровавленное лицо Ричарда, он тоже побледнел.

— Помоги мне отнести его в повозку, — попросила Кэлен, пытаясь говорить ровно.

Кара подставила плечо под одну руку, Том обхватил Ричарда за другую и помог Кэлен и Каре поставить его на ноги.

— Никки, — просипел Ричард.

— Что? — спросила Кэлен.

— Хотела знать, какие у меня идеи? Никки... — Боль снова забрала его дыхание. Когда он кашлял, кровь появлялась изо рта и стекала по подбородку.

Никки — ведьма, не волшебница. А Ричарду нужен волшебник. Даже если им и не пришлось ехать через всю страну, можно было найти кого-нибудь здесь.

— Но Зедд смог бы помочь лучше всех... — настаивала Кэлен.

— Зедд слишком далеко. Надо ехать к Никки. Она пользуется двумя сторонами дара.

Об этом Кэлен не подумала. Ведьма и вправду может помочь.

На полпути к повозке Ричард потерял сознание. Они едва удержали его. Том подхватил его под мышки, а Кэлен с Карой придерживали его колени.

Том одним заботливым и мощным рывком уложил Ричарда в повозку. Дженнсен быстро раскатала спальный мешок. Все вместе они осторожно положили Ричарда. Кэлен наблюдала за собой словно бы со стороны: как она двигается, говорит. Она заставила себя не впадать в панику.

Кэлен и Дженнсен попытались придвигнуться к Ричарду, чтобы посмотреть, как он. Но Кара оттолкнула их, склонилась над Ричардом и приложила ухо ко рту, слушая. Ее пальцы нашли пульс на горле, а рука обхватила лорда Рала за шею — Кара готовилась отдать ему свое дыхание, если потребуется. Морд-Сит знали толк в таких вещах — знали,

как продлить жизнь человека для дальнейших мучений. Но и спасти жизнь Кара тоже умела.

— Он дышит, — уверенно сказала охранница. Она дружески пожала руку Кэлен. — Дышит легче.

Кэлен кивнула, не в силах произнести ни слова. Она прижалась к Ричарду, обняв его с другой стороны, пока Кара отирала кровь с его подбородка. Кэлен чувствовала себя беспомощной, не зная, что надо делать.

— Будем ехать всю ночь, — бросил через плечо Том, взбираясь на козлы.

Кэлен заставила себя думать. Они должны добраться до Никки как можно быстрее.

— Нет, до Алтур-Ранга еще далеко, — произнесла она. — Поблизости нет дорог, глупо ехать впопыхах. Если мы будем столь безрассудны, то просто убьем лошадей, или они сломают ногу, что еще хуже. А если мы потеряем лошадей, то не сможем нести Ричарда и приехать вовремя. Лучше двигаться как можно быстрее, но останавливаться на отдых. Нам надо думать головой, а то ее не сносить.

Дженнсен держала ладонь брата в своих руках.

— У него боли, и он победил всех этих мужчин... Может, Ричарду просто надо поспать, и ему станет лучше?

Кэлен поразилась, как такая простая мысль не пришла ей в голову. Она высунулась из повозки и позвала солдата.

— Есть еще ваши? Еще кто-нибудь, посланный схватить нас? Послал Николас еще кого-нибудь?

— Никого, о ком бы я знал, госпожа.

— Если он когда-нибудь покажется тебе чересчур подозрительным, не жди — убей его, — тихо обратилась Кэлен к Тому.

Юноша быстро согласился. Кэлен вернулась в повозку и потрогала лоб мужа. Его кожа была холодной и мокрой.

— Надо ехать, пока мы не найдем место, где можно будет обороняться в случае чего. Дженнсен права — Ричарду надо отдохнуть; долгая езда в трясущейся повозке не

пойдет ему на пользу. Нам всем нужно отдохнуть и встать с первыми лучами солнца.

— Нам нужны лошади,— сказала Кара.— Повозка едет медленно. Если бы удалось найти лошадь, я бы неслась как ветер, нашла Никки и вернулась с ней. Тогда нам бы не пришлось ждать.

— Прекрасная мысль,— Кэлен взглянула на Тома.— Поедем, найдем место для ночевки.

Том потянул вожжи. Лошади поднажали, и повозка двинулась.

Бетти молча свернулась рядом с лежащим без сознания Ричардом, примостив голову ему на плечо. Дженнсен поглаживала дрожащую козочку.

Кэлен заметила, что по щекам девушки текут слезы.

— Мне тоже жаль Расти,— сочувственно сказала она.

Бетти подняла голову и жалобно заблеяла.

Дженнсен покачала головой.

— С Ричардом все будет в порядке,— сквозь слезы произнесла она и взяла Кэлен за руку.— В полном порядке.

Глава 17

Зедду показалось, что он что-то услышал.

Ложка с мясом застыла у его рта. Зедд замер, прислушиваясь.

Башня всегда была живой для него, словно говорила с ним. Иногда чудилось, что она будто вздыхает. Еще когда он был мальчишкой, Зедд слышал громкие звуки, которые не мог определить. Он подозревал, что, скорее всего, это двигаются огромные каменные блоки. В основании Башни лежали камни размером с небольшой дворец.

Однажды, когда Зедду было десять или двенадцать, громкий треск потряс всю Башню, как будто по ней ударили молотом. Он выбежал из библиотеки, где занимался, и уви-

дел, что множество людей собралось в коридорах. Все были взволнованы и перешептывались друг с другом. Потом отец сказал Зедду, что всего лишь один из гигантских камней неожиданно треснул, и хотя это было не опасно, треск раскальвающегося гранита разнесся по всей Башне. Такое было и раньше, но тогда Зедд впервые услышал этот безобидный, но пугающий звук.

Кроме того, в Башне жили животные. Вольно носились летучие мыши. Отдельные башенки взмывали вверх на головокружительную высоту. Внутри они были пусты, только каменные лестницы вились до одинокой комнатки или обсерватории на самом верху. Проникающий в башенки солнечный луч высвечивал в столбе пыли мириады насекомых, а порой — мордочки уснувших летучих мышей, облюбовавших укромные места под потолком.

Еще в Башне обитали крысы. Они шебуршались в углах, иногда затевая драки. Обычные мыши тоже водились, обнаруживая себя писком. И, наконец, в Башне жили полностью одичавшие коты, которые охотились на крыс и мышей. Не брезговали они и птицами, залетавшими сквозь многочисленные отверстия Башни в поисках насекомых или надежного места для гнезда.

Иногда раздавались ужасающие звуки, когда кто-нибудь из мышей, птиц или котов подбирался к запрещенным местам. Щиты были созданы для того, чтобы не допустить людей к опасным или запретным местам, к тем местам, где хранились магические предметы. Щиты закрывали проход любой жизни, не важно, жизни человека или жизни животного. Ведь существовала возможность того, что какой-нибудь домашний любимец пробрался бы в запретные зоны и принес своему хозяину опасный талисман, грозящий причинением неисправимого вреда. Те, кто создавал щиты, учли не только это, но и возможность того, что некоторые алчные люди могли бы натренировать животных приносить им магические вещи из запретных зон. Щиты не пропуска-

ли жизнь, в какой бы форме она не приближалась к ним. И стоило летучей мыши задеть щит, она мгновенно испепелялась.

В Башне были щиты, сквозь которые не мог пройти даже Зедд, потому что для этого требовались обе стороны дара, а он обладал только Магией Приращения.

Некоторые из щитов представляли собой магические барьера, физически преграждающие путь, другие ограничивали движение или вызывали столь неприятные ощущения, что никто бы не преодолел их. Такие заграждения не позволяли людям, не обладающим даром, или детям проникать в опасные места, поэтому не было необходимости настраивать их на убийство.

Но так щиты действовали только на тех, кто не имел дара.

Проход в определенные места был запрещен, и только те, кто имел не просто дар, но и власть, мог пройти. Не обладай человек властью, данной заклинаниями, над определенными щитами или забудь волшебник, имеющий власть, коснуться железного круга, щиты убили бы его, не раздумывая. Щиты убивали животных с той же безошибочностью и точностью, как и любого человека, кто попытался бы войти.

Самые опасные щиты предупреждали о приближении к ним жаром, светом или звоном в ушах. Предупреждения воспринимали и животные, но иногда какой-нибудь увлеченный кот загонял несчастную мышь в смертельный щит, а затем и сам следовал за ней.

Зедд ждал, прислушиваясь. Ничто не нарушало тишины. Если он действительно слышал что-нибудь, то это могли быть движения Башни или возня животных около щитов, или порыв ветра, ворвавшийся сквозь одно из сотен отверстий в Башне. Но что бы это ни было, сейчас все стихло. Деревянная ложка с мясом все-таки оказалась у него во рту.

— У-у-умм... — Зедд довольно хмыкнул. — Чудесно!

Он был страшно недоволен, когда, проглотив первый кусочек мяса, он обнаружил, что оно еще не готово. Не рискуя вызвать гнев Эди, Зедд решил не ускорять процесс с помощью магии, а потому присел на кушетку и заставил себя читать.

Чтению не было конца. В книгах содержалось множество ценных сведений, которые могли бы помочь им, только они пока не знали, как. Время от времени Зедд — как он думал, терпеливо, — проверял мясо на готовность.

Теперь, когда старик попробовал, блюдо было наконец готово. Кусочки мяса были так нежны, что таяли во рту. Восхитительно булькающий котел был наполнен луком и маслом, кусочками моркови и репы, зубчиками чеснока, перемешанными с кусками мяса и жира и сдобренными ароматными специями.

К своей досаде Зедд давно обнаружил, что Эди не печет хлеб. Мясо хорошо идет с хлебом. Где-то он должен быть. Зедд подумал, что котелок с мясом поддержит его, пока не придет его старая подруга. Хлеб где-то должен быть. Точно, должен.

Зедд не знал, куда ушла Эди. Пока он бродил почти целый день по Эйдиндрилу, она могла пойти в одну из библиотек поискать то, что могло бы им помочь. Эди умела находить особо важные книги. Будучи родом из Никобарса, Эди выискивала книги именно на этом языке. В Башне множество книгохранилищ, а потому сказать, где Эди, было невозможно.

Здесь также есть комнаты, в которых хранятся кости, много костей. В отдельных помещениях стояли целые ряды высоких шкафов, в каждом из которых сотни ящиков. Зедд видел кости созданий, которых никогда в жизни не встречал. Эди сведуща в костях. Большую часть своей жизни она провела в тени границы. Люди боялись ее и называли «костяной женщиной», потому что она собирала кости. В ее доме они были повсюду. Некоторые из костей защищали ее от тварей, обитающих на границе.

Зедд вздохнул. Книги или кости — не так уж важно, что ее заинтересовало. Но она бродит неизвестно где. Кроме костей и книг в Башне множество интересного для ведьмы. Может быть, она просто захотела прогуляться, подняться на башню, посмотреть на звезды и подумать.

Проще было подождать Эди здесь, рядом с мясом, чем отправляться ее искать. Порой, когда она так пропадала, Зеддикус всерьез подумывал, чтобы прицепить к ее шее колокольчик.

Старый волшебник бормотал себе под нос веселую мелодию, опуская ложку в котел. Нет нужды ждать на голодный желудок, всегда говорил он себе; это только превращает человека в ворчуна. Лучше поесть и быть в хорошем расположении духа, чем сидеть голодным и страдать. Он будет плохим собеседником, если не поест.

На восьмой ложке он услышал какой-то шум.

Рука Зедда замерла над булькающим котелком.

Ему показалось, что он услышал звон колокольчика.

Зедд не вскочил и не пытался представить, что бы это могло быть, но его окатил холодный пот, как если бы к спине прикоснулись ледяные пальцы призрака. Зедд застыл, склонившись над огнем и наполовину повернувшись к коридору.

Это мог быть кот. Может, он привязал шнур недостаточно высоко, и кошачий хвост задел его, вызвав звон.

Или какая-нибудь птица выбрала шнур жердочкой для ночлега. Человек не смог бы пройти щиты, не задев колокольчиков. Совсем недавно Зедд поставил и дополнительные заграждения. Должно быть, это животное, кошка или птица.

Но если никто не мог миновать щиты, то почему звенит колокольчик?

Несмотря на очевидные объяснения, волосы на голове у Зедда встали дыбом. Ему не нравилось то, как звенел колокольчик, что-то в его звуке говорило ему, что шнур задело не животное. Звук был слишком точным, громким и слишком быстро замер.

Зедд понял, что колокольчик действительно прозвенел. Ему это не почудилось. Он постарался воссоздать в памяти звук колокольчика, чтобы попытаться уловить характер звона.

Зедд бесшумно поставил котелок на гранитную плиту очага. Он встал, чутко прислушиваясь к коридору, откуда послышался звон. Старик мысленно пробежал по тем местам, где оставил колокольчики.

Надо было знать наверняка.

Он выскользнул через дверь в коридор, повернул направо и, прижимаясь плечом к стене, спустился вниз. Впереди никого не было. Зедд остановился и бросил быстрый взгляд направо. Убедившись, что там тоже никого нет, он повернулся.

Зедд миновал закрытые двери, гобелены с выткаными виноградниками (они всегда казались ему сделанными халтурно), пустой коридор в комнату с окном, откуда можно было увидеть глубокую шахту между двумя башнями. Потом он быстро одолел еще три пролета и выбрался к первой лестнице. Она закручивалась влево и поднималась как раз над тем коридором, где он только что был. Теперь волшебник оказался перед сетью коридоров, в которых натянули шнуры.

Зедд сверился с мысленной картой переходов, коридоров, комнат и тупиков, которые знал всю свою жизнь. Будучи Первым Волшебником, он мог проникнуть в любые места Башни, кроме тех, где требовалась Магия Ущерба. Здесь были места, куда он не мог попасть, но эти к ним не относились.

Старик знал, что если только кто-нибудь не идет следом за ним, незваному гостю или гостям придется либо вернуться, либо идти через ловушки и натянутые шнуры. А если так, то он или они заденут еще один колокольчик. И тогда Зедд будет уверен, что ему не послышалось.

Но может быть, это Эди. Наверно, она просто не заметила чернильный шнур, натянутый поперек дороги. Может, она догадалась, что это он привязал колокольчики и нарочно позвонила ими, чтобы позвать его.

Нет, Эди бы так не сделала. Она бы покрутила пальцем у виска и прочла бы лекцию о том, почему она считает колокольцы бесполезной штукой. Эди не стала бы шутить с тем, что призвано служить сигналом тревоги. Нет, она могла бы позвонить специально, но не звонила бы, дурачась.

Раздался звон. Зедд прислушался и похолодел.

Колокольчик звучал с противоположной стороны — с другого конца хранилища. Он был слишком далеко от первого. Никто не успел бы добежать до него так быстро. Желающему выкинуть такую шутку пришлось бы подняться по лестнице башни, перейти в полной темноте по мосту к бастиону, миновать несколько переходов, спуститься по скату и пройти еще несколько переходов, чтобы, наконец, задеть второй колокольчик.

Значит, человек пришел не один.

Колокольчик звякнул, словно его бросили на каменные плиты. Кто-то разорвал шнур и отшвырнул его в сторону.

Зедд изменил план. Он развернулся и бросился налево, поднялся по лестнице, перескакивая сразу через три дубовые ступеньки. Потом старик свернул направо и взбежал по еще одной спиральной лестнице, спеша, насколько позволяли ноги. Волшебник больно ударился голенюю о стойку перил, но задержался всего лишь на секунду, сильно поморшившись. Он быстро восстановил в памяти карту Башни и снова побежал.

Наверху он пронесся через небольшой переход, скользя по мраморному полу. Плечом Зедд распахнул дубовую дверь маленькой круглой комнаты. Звездное небо приветствовало его. Он глубоко втянул холодный ночной воздух и побежал вдоль бастиона. Дважды он остановился посмотреть вниз сквозь щели в зубчатой стене. Никого не было. Это хороший знак — значит, он угадал направление.

Зедд бежал через перекрытия башен, его одежды разевались на ветру. Он пересек целую часть Башни, где раздались звонь. Зедд мчался вперед, надеясь опередить

того, кто сорвал шнур. Если они затронули колокольчики на той стороне хранилища, то им придется пройти через то же самое крыло — это Зедд знал точно. Он хотел успеть первым, перехватить их, прежде чем они доберутся до безопасной зоны, откуда открывается проход во множество коридоров. А если они придут первыми, ему потребуется тьма времени, чтобы отыскать их там.

Его разум летел быстрее ног, вспоминая щиты и удивляясь тому, как кто-то смог их пройти. Были щиты, которые пройти совершенно невозможно. Зедд припомнил все тысячи коридоров и переходов в Башне, пытаясь представить вероятные пути. Это напоминало сложную головоломку, и, как он ни старался все предусмотреть, но, вероятно, что-то забыл. Он должен был что-то упустить.

Целые секции и комнаты были перегорожены щитами — пройти их было невозможно, однако, кто-то их прошел. Даже если какой-нибудь коридор был перегорожен с двух концов щитами, можно было повернуть в другой конец коридора и обнаружить еще один путь. Так было сделано намеренно: комнаты, в которых могли содержаться предметы магии, закрывались, но оставались пути, чтобы попасть в них и выбраться обратно, в другие комнаты, которые могли тоже быть закрыты щитами. Такой построили Башню — трехмерный лабиринт с бесконечными вариантами одного и того же пути.

Кроме того, существовали сети смертельных ловушек. В некоторых местах стояли предупреждающие барьеры, которые не пропускали никого. За защитными барьерами находились только щиты, сразу же убивающие любого смертного. Те, кто проник в Башню, не знали о щитах и шли прямо к ловушке. Эти щиты были созданы для того, чтобы убить тех, кто посмел так далеко забраться.

Зедд мог предположить, что кто-то благополучно миновал все щиты и теперь задел колокольчики, но он не мог и представить, как этот кто-то сумеет пройти дальше. Но кем бы

ни был незваный гость и какая бы удача ему ни сопутствовала, скоро он запутается в лабиринте, и тогда, даже если он не будет испепелен щитами, с ним расправится Зедд.

Волшебник оглядел башни, мосты, бастионы и лестницы. Бросил взгляд на лежащий в темноте мертвый Эйдиндрил. Каким образом этот «кто-то» сумел пройти по каменному мосту в Башню?

Верно, Сестра Тьмы. Может быть, одна из них догадалась, как применить Магию Ущерба, и разрушила его щиты. Но даже если и так, щиты в самой Башне совершенно другие. Большинство из них создано волшебниками древности, теми, кто обладал обеими сторонами дара. Сестра Тьмы не смогла бы пройти такие щиты — они были призваны защищать от волшебников тех времен. А они были гораздо могущественнее Сестер Тьмы.

И где Эди? Она должна была бы уже вернуться. Зедд пожалел, что не отправился искать ее сразу. Тогда бы он точно знал, есть ли кто-нибудь в Башне. Или его подруга уже знает это. Старик вздрогнул от внезапно нахлынувшей тревожной мысли. Или они уже нашли Эди?..

Зедд повернулся и побежал по бастиону. Он бежал вдоль стены изо всех сил, а по ступенькам он скатился так, словно это был склон холма.

Благодаря дару он знал, что поблизости никого нет. А если так, то он умудрился проскочить мимо них. Теперь он заманит их в ловушку.

Зедд распахнул дверь и влетел в зал.

Он упал прямо в объятия того, кто его поджидал.

И не просто споткнулся, а сбил человека с ног. Оба рухнули на желто-зеленый мраморный пол зала и заскользили, пытаясь побороть друг друга.

Зедд был потрясен. Его дар сказал ему, что в зале никого нет. Дар обманул его. Встреча с человеком, когда он чувствовал, что зал пуст, раздражала Зедда больше, чем кувыркания на полу.

Сцепившись с противником, Зедд пытался выпустить сети, чтобы связать его силой магии. Человек же, напротив, старался сдавить его своими мясистыми ручищами.

В отчаянии, несмотря на то, что их тела переплелись почти в клубок, Зедд смог набрать в воздухе достаточно энергии и выпустить молниеподобный луч света прямо в пришельца. Сверкающий луч высек тонкую линию на каменной стене за спиной мужчины.

Зедд слишком поздно понял, что посланный им сгусток разрушающей магии не нанес напавшему никакого вреда. По залу застучали осколки камня, они под углом отскакивали от стен и потолка, запрыгали по мрамору пола.

Мужчина прижал Зедда спиной к полу, отчаянно вопя о помощи и тяжело дыша ему в лицо. Зедд расслабился и перестал защищаться. Мужчина слегка ослабил захват, и в следующий момент волшебник точно ударил его коленом в грудь. От удивления и боли человек закричал и повалился набок от Зедда, задыхаясь.

Лишенный тепла воздух стал ледяным, словно зимней ночью. Пока оба противника собирались с силами после схватки, в воздухе расползались облачка их тяжелого дыхания. Человек снова заорал, надеясь на подмогу.

Зедд поражался тому, что этот тип решился напасть на волшебника. Но, похоже, он не боялся магии. Даже если раньше Зедд не знал об этом, сейчас это было очевидно. Хотя противник был раза в два крупнее старого волшебника и всяко раза в три моложе его, к тому же, на него никак не действовала магия, на взгляд Зедда, боролся он как-то... слабо.

Но как бы он ни был робок, сейчас он снова решился атаковать. И если он-таки свернет Зедду шею, будет уже несущественно, насколько робко он это сделает.

Пока незнакомец поднимался на ноги, Зедд откинул руки назад, растопырил пальцы и выпустил пламя. Однако на этот раз он знал, что пытаться поразить им нападавшего бесполезно. Вместо этого старик направил огонь на камен-

ный пол зала. Струя пламени вгрызлась в камень, вырывая целые куски из основания и посыпая их вверх.

С устрашающей скоростью камень величиной с кулак вонзился в плечо мужчины. Сквозь грохот падающих камней Зедд рассыпал хруст кости. Удар развернул противника и отбросил его к стене. Теперь Зедд знал, что хотя на противника и не действует магия, он может причинить ему вред, наполнив зал кружасимися острыми камнями.

Мужчина, оправившись после удара, снова бросился на Зедда. Он был встречен дождем из каменных осколков. Кровь забрызгала стены, когда его тело разрезало на кусочки. В мгновение ока он был мертв и тяжело осел на пол.

В дыму и пыли на Зедда неожиданно напали еще двое. Как и в первый раз, дар не предупредил его об их приближении.

Зедд попытался было обрушить новый ураган осколков, но враги уже подобрались слишком близко. Зедда опрокинули на спину и прижали руки к полу.

Старый волшебник отчаянно стремился вызвать пламя и обрушить потолок. Он принял закручивать воздух, чтобы разнести стены на куски, а заодно и врагов вместе с ними.

Чья-то мясистая рука заткнула рот Зедду засаленной белой тряпкой. Он вздохнул и тут же втянул в себя резкий запах. Волшебник подумал, что не стоило его вдыхать, но было уже слишком поздно.

Широкая лапа накрыла ему лицо, мешая видеть окружающее. Реальность отвратительно пошатнулась.

Зедд пытался сопротивляться обволакивающей, немой темноте, пока не потерял сознание.

Глава 18

Когда Зедд очнулся, голова кружилась, а в животе перекатывались волны тошноты. Старик не помнил, чтобы когда-нибудь за долгую жизнь чувствовал себя так плохо.

Он не знал, что можно испытывать такую потребность освободить желудок, когда он давно уже пуст. Зедд не мог поднять голову. Если бы он мог умереть прямо сейчас, это стало бы благим избавлением от невыносимой боли.

Волшебник хотел прикрыть руками глаза, в которые безжалостно бил свет, но обнаружил, что его запястья крепко связаны за спиной.

— Кажется, он очнулся,— произнес кто-то рядом.

Невзирая на тошноту, Зедд инстинктивно попытался с помощью дара определить, сколько человек его окружают. Но его дар, обычно стремительный, как мысль, прославленный и блестательный дар, позволяющий Зедду видеть без помощи глаз и слышать без помощи ушей, сейчас как будто завяз в патоке. Старик подумал, что причина в веществе, которым пропитали тряпку. Рядом с собой он смог разглядеть только одного человека.

Кто-то схватил его за одежду и поставил на ноги. Зедд позволил себе стошнить. К его удивлению, этого не произошло. Темная ночь плыла перед его глазами. Зедд смог различить деревья на фоне неба, звезды и неясные очертания Башни.

Вдруг ночь разорвал язык пламени. Зедд зажмурился. Маленькое пламя лениво колебалось на раскрытой ладони женщины с жесткими серыми волосами. В темноте Зедд разглядел и других людей — дар снова подвел его. Как и тот, кто напал на него, эти люди тоже не видели магию.

Женщина пристально его рассматривала. Ее лицо искалилось удовлетворенным отвращением.

— Так, так, так,— произнесла она покровительственным тоном.— Сам великий волшебник...

Зедд молчал. Похоже, это ее позабавило. Ее крючковатый нос на страшном лице приблизился ближе.

— Теперь ты наш,— прошипела она.

Зедд терпеливо ждал, собирая внутри себя силу. Он втягивал воздух, вызывая пламя, которое расколет эту жен-

щину надвое и погребет ее под грудой камней. Он думал, что ночь озарится светом, который он выпустил.

Но ничего не произошло.

Не теряя времени на обдумывание, что произошло, Зедд снова собрал силу и послал пламя, которое должно было бы сожрать ее.

Никакой реакции.

Не только ничего не произошло, но и появилось ощущение, что его усилие подобно камешеку, бесконечно падающему в пустой глубокий колодец. Случилось то, чего он опасался — он ощутил жуткую пустоту.

Зедд понял, что не сможет вызвать пламя и поразить ее, даже если от этого будет зависеть его жизнь. Каким-то образом его лишили способности колдовать. Наверно, это результат действия вонючего вещества, из-за которого он потерял сознание.

И пусть Зедд не управлял своей силой, он сделал то, что мог — плонул ведьме в лицо.

Она ударила его по лицу, выбив из рук тех, кто его держал. Не имея возможности освободить руки, Зедд сильно ударился о землю. Он лежал в пыли, в ушах стоял звон удара. Зедд ждал, что сейчас кто-нибудь подойдет и убьет его.

Вместо этого они снова поставили его на ноги. Кто-то схватил его за волосы на затылке и поднял голову, заставив смотреть в глаза женщине. Казалось, что злобное выражение ее лица навечно застыло.

Она плонула ему в лицо.

— Значит, играем в детскую игру «око за око», — улыбнулся Зедд.

В ответ он получил порцию выкручивающих внутренности ударов. Если бы его не держали под мышки, он бы грохнулся наземь. Зедд не совсем понимал, как она это делает — может быть, сгустком воздуха, направляемым ее даром. Женщина рассеивала воздух, прежде чем собрать его

в режущую грань, которой можно было рассечь Зедда пополам. Как бы то ни было, старый волшебник знал, что она наставила ему отменных синяков.

Долгое время Зедд был не способен восстановить дыхание.

Люди, которых не видел его дар, заставили его встать.

— Я разочарован, обнаружив, что нахожусь в руках ведьмы, которая не смогла изобрести что-нибудь поинтереснее,— усмехнулся Зедд.

Гримаса расползлась по ее лицу

— Не волнуйся, Волшебник Зорандер, Его Высочество очень хотел заполучить твоё костлявое тело. Он будет играть в «око за око» так, что, боюсь, ты найдешь забаву весьма изощренной. Я-то знаю, что в изобретении жестокостей Его Высочество бесподобны. Уверена, он тебя не разочарует.

— Так чего же мы ждем? Мне не терпится перебраться парой слов с Его Высочеством.

Голову Зедда снова откинули назад, и ведьма проскребла ногтем по его щеке и горлу, не настолько сильно, чтобы пошла кровь, но достаточно для того, чтобы удовлетворить свою, с трудом сдерживаемую, жестокость. Она придвинулась еще ближе. Одна из ее бровей поднялась так, что по спине Зедда пробежал холодок.

— Представляю, у тебя накопилось много идей для этой встречи. Ты, наверное, долго мечтал, что ты скажешь или сделаешь... — Женщина подошла еще ближе и обвела пальцем что-то на его шее. Когда она потянула за пока неощутимое им кольцо, Зедд понял, что ему надели на шею ожерелье. По тому, как оно впилось в кожу, стариk почувствовал, что вещь, должно быть, изготовлена из железа.

— Догадываешься, что это? — произнесла она. — Догадайся.

— Ты действительно скучная женщина, — как мог невозмутимо вздохнул Зедд. — Но, думаю, тебе уже не раз об этом говорили.

Она пропустила издевку мимо ушей, торопясь сообщить нечто ужасное.

— Это Рада-Хан,— сказала она, кривя рот в еще более широкой усмешке.

Зедд почувствовал, как внутри поднимается тревога, но ничем не выдал ее.

— Да ну,— он не спеша, лениво зевнул.— Не ожидал, что женщина с таким ограниченным интеллектом, как ты, придумает что-нибудь умное.

Она ударила его коленом в пах. Зедд согнулся пополам от боли, не имея возможности защититься. Такой жестокости он не ожидал.

Не дав оправиться, его рывком поставили на ноги. Стоять прямо было еще мучительнее. Зубы Зедда были сжаты, из глаз текли слезы, колени подгибались, но его крепко держали.

Улыбка ведьмы бесконечно раздражала его.

— Видишь, Волшебник Зорандер? Не всегда важно быть умным.

Зедд был с ней согласен, но промолчал.

Он копил силы, готовясь снять с себя ожерелье. Когда-то его уже «заковывали». Такое с ним сотворила сама Прелат, наказав, словно какого-нибудь мальчишку, не умеющего обращаться с даром. Сестры Света одевают ожерелье тем, кто может причинить своим даром вред другим. И Ричард носил Рада-Хан, когда в нем ожил дар.

Когда Сестры считали необходимым, они надевали ожерелье юным волшебникам, и оно причиняло им боль, стоило вызывать магию. Зедд понимал, почему Прелат заковала Ричарда в ожерелье, когда стало известно, что он обладает двумя сторонами дара, понимал, что она беспокоилась о том, что его могут преследовать темные силы, но все равно Зедд не мог простить ей этого. Волшебника может учить только волшебник, а не толпа гусынь вроде Сестер Света.

Прелат, однако, не собиралась учить Ричарда. Она заковала его ожерельем, чтобы разоблачить предателей в своей пастве — Сестер Тьмы.

Но, в отличие от Ричарда, Зедд знал, как снимать эту штуку. Он уже делал так, когда Прелат думала с помощью ожерелья добиться его согласия.

Зедд чуть собрал силу, так, чтобы ведьма не заметила, и попробовал расцепить ожерелье. Он почувствовал заклинание, готовое освободить его.

Когда придет нужное время, он будет твердо стоять на ногах, а голова перестанет кружиться, и тогда он сломает ожерелье. В тот самый момент, прежде чем она успеет осознать, что произошло, он испепелит ее пламенем волшебника.

Женщина снова подцепила пальцем ожерелье и потянула.

— Мой дорогой волшебник, подозреваю, что с твоим выдающимся талантом ты знаешь, как освободиться от ожерелья.

— Да? Выдающийся талант? — по лицу Зедда пробежала ухмылка. — Весьма польщен.

Ее улыбка была полна презрения. Ведьма подтянула его за ожерелье близко к своему уродливому лицу.

— Так как Его Высочество был бы очень недоволен, сумей ты освободиться от ожерелья, я предприняла меры к тому, чтобы это не случилось. Чтобы одеть его на тебя, я использовала Магию Ущерба.

Да, теперь это проблема.

Она подозревала людей. Зедд заметил, что у всех мокрые глаза. Он был потрясен, когда понял, что они плачут.

Плача или нет, но люди выполняли приказы уродливой предводительницы, а потому бесцеремонно схватили волшебника и бросили его в повозку, словно вязанку дров.

Зедд упал рядом с кем-то.

— Рада видеть тебя живым, старик, — прошептал тихий голос.

Эди. Половина ее лица опухла и кровоточила. Они избили ее почти до смерти. Ее руки тоже были связаны за спиной. Зедд увидел, что она тоже плачет.

Его сердце сжалось.

— Эди, что они с тобой сделали?

— Не так много, сколько, боюсь, еще сделают,— слабо улыбнулась она.

В тусклом свете фонаря Зедд заметил на ней то же отвратительное ожерелье.

— Твое тушеное мясо было великолепно,— сказал он.

— Прошу, не говори сейчас со мной о еде,— застонала Эди.

Зедд осторожно повернул голову и увидел в темноте еще людей. Они стояли у него за спиной, поэтому он их не почувствовал. Его дар не видел их.

— Думаю, у нас серьезные трудности,— прошептал он, скорее сам себе.

— Да ну?.. И что у тебя на уме? — проскрипела Эди. Зедд знал, что она просто пытается развеселить его, но не мог заставить себя даже улыбнуться.— Прости, Зедд.

Он кивнул и лег набок. Это было лучшее, что он мог сделать со связанными руками.

— Я думал, что все предусмотрел, поставив везде ловушки. К сожалению, они оказались бесполезными для тех, на кого не действует магия.

— Ты не мог знать об этом,— ласково произнесла Эди. Зедд мучился сожалениями.

— Но я должен был принять это в расчет, после того, как мы встретили весной такого человека во Дворце Исповедниц. Я должен был подумать об этой опасности,— его глаза уставились в темноту.— Я провалил наше дело, как последний дурак.

— Откуда они все пришли? — Эди еле сдерживалась, чтобы не запаниковать.— В своей жизни не встретила ни единого человека, а здесь их целая толпа.

Зедд не мог видеть страданий Эди. Его подруга могла знать о том, что они здесь, только по звуку речи. Он, в конце концов, мог увидеть врагов глазами.

Люди стояли вокруг, склонив головы и ожидая приказаний.

Было заметно, что им не нравится происходящее. Все они были молоды, около двадцати. Некоторые плакали. Странно было видеть, как плачут такие здоровенные мужчины. Зедд почти пожалел о том, что убил одного из них. Почти.

— Вы, трое! — женщина указала на нескольких мужчин в тени и протянула одному из них фонарь, в который вложила пламя со своей руки. — Идите и начинайте искать.

Белые глаза Эди повернулись к Зедду.

— Сестра Тьмы, — прошептала она с отвращением. И теперь Сестры владеют Башней.

Глава 19

— Откуда ты знаешь, что это была Сестра Тьмы? — спросила Верна и снова принялась писать.

Она вывела свои инициалы на листе с просьбой к Сестре съездить на юг в город и узнать, как местные ведьмы собираются его защищать. Вся бумажная работа теперь свалилась на нее. Дворец Верны был разрушен, пророк стал недосыпаем, Прелат пока безрезультатно занята его поисками. Многие из Сестер отдали свои души Хранителю подземного мира, и это приблизило Хранителя на шаг вперед к тому, чтобы томить их всех в вечной темноте. Другие Сестры — и Света, и Тьмы — оказались в руках врага и подчиняются всем его приказам. Граница между Древним и Новым мирами разрушена, целый мир перевернут, а единственный человек — Ричард Рал — которому было предсказано сломить Имперский Орден, находится пес-его-знает-где и делает пес-его-знает-что, и наконец, ее утомило написание приказов.

Верна терпеть не могла возиться с бумагами, у нее было несколько помощников, но она чувствовала, что их надо контролировать. Кроме того, что ее раздражали бумаги, они занимали ее внимание, не позволяя сосредоточиваться на упущеных возможностях.

— К тому же это могла быть Сестра Света,— добавила Верна.— Джегань использует и их. Ты не можешь знать наверняка, что это Сестра Тьмы. Всю зиму и весну он посыпал вместе с разведчиками Сестер.

Морд-Сит облокотилась на стол и нагнулась вперед.

— Говорю же тебе, Прелат, это была Сестра Тьмы.

Верна не видела смысла соглашаться, и потому в глубине души не соглашалась.

— Ну, если ты так говоришь, Рикка...— не желая спорить, прятнула она

Верна взяла из стопки еще одну бумагу — приказ Сестрам найти среди детей тех, кто может стать Сестрами Света и обращение на тему, почему Создатель против Имперского Ордена. Верна улыбнулась, представив, как Зедд разозлится, узнав, что в Новом мире Сестра имеет мнение на этот счет.

Рикка убрала со стола руки.

— Ты со мной еще согласишься.

— Ну, ладно, можешь идти,— Верна бормотала себе под нос следующее послание от Сестер Света на юге. Сестры писали о том, что перекрыли горные перевалы.

— Не уходи отсюда никуда,— рявкнула Рикка и вылезла из шатра.

— Никуда я не ухожу,— вздохнула Верна, читая счет, но разъяренная блондинка уже ушла.

Вдруг Верна различила звуки какой-то возни у шатра. Рикка зло кого-то отчитывала. Морд-Сит неисправима. Может быть поэтому, несмотря ни на что, она нравилась Верне.

С тех пор как погиб Уоррен, сердце Верны будто закаменело. Она, как и прежде, делала то, что была должна, но не

чувствовала ничего, кроме отчаяния. Мужчина, которого она любила, ее муж, самый удивительный человек в мире — умер.

Ничто больше не волновало ее.

Верна старалась выполнять свою работу как можно лучше — слишком много людей зависели от нее, но, по правде, она изматывала себя работой, только чтобы чем-нибудь занять свой мозг, не давать ему думать ни о чем, кроме Уоррена. Это не всегда срабатывало, но она старалась. Люди рассчитывают на нее, а она не может себя заставить искренне позаботится о них.

Уоррен умер. Жизнь для Верны стала пустой. Это конец всего, конец заботы о чем-либо.

Верна сняла с пояса Книгу путешествий. Она не смогла бы ответить, что ее заставило это сделать. Уже очень давно в книге не появлялись сообщения от Прелат. Энн тоже испытывала нужду обо всех заботиться после того, как Кэлен бросила ей в лицо обвинения. Мать-Исповедница упрекала ее в том числе и тем, что она повинна в войне. Верна считала, что Кэлен не права, но ей-то было слишком хорошо известно, почему на Энн лежит ответственность за их нынешние трудности. Порой Верна разделяла чувства Кэлен.

Держа Книгу путешествий на ладони, женщина увидела, как простили буквы сообщения.

В шатер ворвалась Рикка. Она опустила тяжелый мешок прямо на стопку бумаг на рабочем столе Верны.

— Вот! — повысила голос Рикка.

Первое, что заметила Верна, подняв глаза, это то, насколько странно одета Рикка. Ее челюсть сама собой опустилась вниз. На Рикке был не привычный красный кожаный костюм и не костюм коричневого цвета, который Морд-Сит носят во время отдыха. Ни в чем другом Верна ее отродясь не видывала.

Сейчас на Рикке было... платье.

Верна не могла бы вспомнить, когда еще она так удивлялась.

Причем платье не простое, а розовое. Такого вызывающего поросячьего цвета, какой ни за что бы не выбрала ни одна приличная женщина возраста Рикки. А фасон! Вырез платья опускался так низко, что обнажал спрятанное под тканью богатство. Два холма плоти выпирали столь сильно, что, казалось, сейчас совсем выпрыгнут. Верна поразилась тому, что соски Рикки остаются прикрыты тканью, несмотря на то, что девушка возбужденно дышит.

— Ну что, и ты тоже?.. — выпалила Рикка.

Верна, наконец, посмотрела в мечущие огонь голубые глаза.

— Я тоже — что?

— Ты тоже не можешь оторвать взгляд от моей груди?

Верна почувствовала, что краснеет.

— О чем ты думаешь, одеваясь так в лагере! — набросилась она на девушку, чтобы скрыть неожиданную стыдливость. — Вокруг полно солдат! Ты выглядишь как шлюха!

Повседневная кожаная одежда закрывала тело до самого горла, поэтому вид женской плоти здесь был чем-то необычным и донельзя шокировал.

Тут только Верна заметила, что длинная коса Рикки распущена. Светлые волосы рассыпались, точно лошадиная грива. Она никогда не видела ни одну Морд-Сит на людях с незаплетенной косой — знаком их профессии.

Даже вид обнаженной груди Рикки не так удивлял, как ее распущенные волосы. Именно они притягивали похотливые взгляды. Было что-то кощунственное в ее распущенной косе, хотя Верна не могла одобрить профессию, чья цель — мучение людей.

Она вдруг вспомнила, что попросила одну из Морд-Сит, Кару, проделать самое худшее с юношей, почти мальчишкой — убийцей Уоррена. Целую ночь Верна провела, слушая, как он кричит, прощааясь с жизнью. Его страдания были чудовищны, но даже они не принесли ей удовлетворения.

Временами Верна думала о том, что, может, в будущей жизни Хранитель подземного мира приготовил ей нечто подобное за сотворенное ею. Она не беспокоилась об этом, это было бы наименьшее из возможных возмездий.

К тому же она решила, что если ей придется заплатить за убийство этого человека, тогда вся суть справедливости — ложь, для которой нет разницы между добром и злом. По справедливости, та казнь, которая совершилась по ее воле над диким животным в обличье человека, убившим Уоррена, должна быть вознаграждена в загробной жизни вечным пребыванием в луках Создателя рядом с духом Уоррена, а иначе нет в мире справедливости.

В шатер вошел генерал Мейферт и застыл рядом с Риккой. Он отвел назад светлые волосы и посмотрел на Верну, спокойно сидящую у своего стола.

Именно он раздобыл дерево для этого столика на разрушенной ферме. Он, конечно, не походил на столы во Дворце Пророков, но был гораздо удобнее, чем обитые золотом громоздкие письменные столы. Генерал Мейферт гордился тем, что Верна пользуется его находкой.

— А это что еще такое? — спросил он, бросив быстрый взгляд на волосы и одежду Рикки.

— Ну, я пока еще не знаю, — отозвалась Верна. — Что-то вроде представления на тему перехода одной из Сестер Джеганя.

Рикка сложила голые руки на своей почти обнаженной груди.

— Не просто Сестры, а Сестры Тьмы.

— Джегань всю зиму посыпал Сестер через перевалы, — сказал молодой генерал. — Прелат поставила там щиты и ловушки, — в его голосе появилось беспокойство. — Хочешь сказать, что кто-то из них прошел?

— Нет, хочу сказать, что я охотилась на них.

— О чём ты говоришь? — рассердилась Верна. — Мы потеряли таким образом дюжину Морд-Сит. После того,

как ты нашла насаженные на пики головы двух твоих сестер Морд-Сит, Мать-Исповедница запретила вам бесполезно разбрасываться собственными жизнями.

Рикка улыбнулась. Эта была одна из тех улыбок, которыми Морд-Сит удовлетворенно улыбаются перед тем, как подарить людям ночные кошмары.

— Так ли бесполезно?

Рикка вытащила из мешка женскую голову. Держа ее за волосы, она поднесла голову к лицу Верны. Потом повернулась к генералу, потрясла головой у него под носом и бросила ее на стол. На бумаги медленно засочилась спекшаяся кровь.

— Ну, как я и говорила, Сестра Тьмы.

Верна узнала лицо, даже искаженное смертью. Рикка права, это Сестра Тьмы. Интересно, как Рикка узнала, что это Сестра Тьмы, а не Света?

Верна услышала конское ржание у шатра. Солдаты приветствовали возвращающихся из разведки. Было слышно, как люди разговаривали и отдавали приказы. Молоты били по раскаленному железу, словно колокола. В загоне переминались с копыта на копыто лошади. Проходящие воины звенели оружием. Огонь потрескивал, когда в него подкидывали дров или кузнецы опускали железные заготовки.

— Ты коснулась ее эйджилом? — тихо спросила Верна. — Эйджил не действует на тех, кого контролируют сноходцы.

— Эйджил? — хитро улыбнулась Рикка и расцепила руки. — Ты видишь эйджил?

Верна знала, что ни одна Морд-Сит не оставит свой эйджил. Смотря на выпирающую из платья грудь Рикки, Верна могла только догадываться, куда та спрятала эйджил.

— Так, хорошо, — тон генерала говорил, что он больше не намерен терпеть. — Я хочу знать, что происходит, прямо сейчас.

— Я была на перевале Доббин в разведке и обнаружила имперский патруль.

— Время от времени они там появляются,— кивнул генерал, разочарованно вздохнув.— Как ты смогла пройти через патруль? И почему ни одна из наших Сестер не поймала их?

— Ну, этот патруль был еще на той стороне перевала, за разрушенной фермой,— Рикка покачала плечами и постучала пальцем по столу.— Там, где ты нашел дерево для вот этого.

Верна недовольно скривила лицо. Рикка не должна была ходить за перевалом. Но Морд-Сит подчинялась только приказам лорда Рала. В отсутствие Ричарда Рикка слушалась приказов Кэлен. Верна подозревала, что Морд-Сит подчиняются Матери-Исповеднице лишь поскольку она жена лорда Рала, а они боятся навлечь на себя гнев Ричарда. Если приказы не казались Морд-Сит сложными, они обычно не выполняли их. А когда считали иначе, то делали то, что хотели.

— Вижу саму Сестру, и у нее сильная головная боль,— продолжила Рикка.

— Джегань,— констатировала Верна.— Джегань приказывал ей, или наказывал за что-то, или читал лекцию. Время от времени он так делает. Это не слишком приятно.

Рикка поворошила волосы на мертвый голове, разбросав бумаги.

— Бедняжка,— протянула Морд-Сит.— Пока она бродила в соснах, прижимая пальцы к вискам, ее люди развлекались на ферме с девицами. Девчонки вопили и пытались вырваться, но это не отвлекало солдатню.

Верна прикрыла глаза и вздохнула. Некоторые так и не научились убегать при приближении Имперского Ордена.

Иногда, когда люди отрицают существование зла, их сталкивают лицом к лицу с тем, чего бы они больше всего хотели избежать.

— Но я позаботилась о храбрых солдатах Имперского Ордена,— снова довольно улыбнулась Рикка.— Они были

так увлечены, что не обратили на меня внимания. Женщины были испуганы и вопили, даже когда я их спасала. Сестра не обращала внимания на вопли ни раньше, ни когда я оказалась на ферме,— Морд-Сит на секунду задумалась и продолжила отчет о происшедшем уже более серьезным тоном.— Одна из девиц была блондинкой и примерно моего роста. И тут мне в голову пришла мысль. Я натянула ее платье, распустила волосы и стала похожа на нее. Потом дала девушке одежду одного из солдат и велела им бежать, не оборачиваясь, к холмам, в противоположном направлении от Сестры. Мне не пришлось повторять это дважды. Затем я уселась на скамейку рядом с амбаром. Скоро появилась и Сестра. Она увидела меня, сидящую, повесив голову, и притворно плачущую и почему-то решила, что другая девушка внутри с мужчинами. Сестра сказала: «Пришло время тому, что эти тупые ублюдки сделали с тобой и твоей подружкой. Его Высочество ждет от нас отчет, и ждет его срочно. Он готов начать наступление».

— Она так сказала? — Верна даже приподнялась с кресла.

— Да.

— А потом? — спросил генерал Мейферт.

— Потом Сестра направилась к боковой двери амбара. Когда она подошла ко мне, я вскочила и перерезала ей горло солдатским ножом,— обыденным тоном завершила рассказ Морд-Сит.

— Ты перерезала ей горло? — Генерал Мейферт подскочил к Рикке.— Ты не воспользовалась эйджилом?

Девушка посмотрела на него так, словно он совсем не слушал ее.

— Прелат говорила, что эйджил не действует на тех, кем владеет сноходец. Потому я выбрала нож. Сноходец или нет, нож всегда отлично действует,— Рикка снова подняла голову и показала ее Верне. К окровавленным волосам прилипла бумага.— Я провела ножом по горлу и вокруг

шеи. Сестра немного побилась, но я крепко держала ее, и она быстро умерла. В одно мгновение все стало черным, таким черным, как сердце Хранителя. Словно весь подземный мир охватил нас.

Верна не могла смотреть на голову Сестры, которую давно знала, и думала, что она посвящена Создателю, свету жизни. Но эта Сестра приняла посвящение смерти.

— Хранитель сам пришел забрать ее,— прошептала Верна.

— А... Не думаю, что когда умирает Сестра Света, происходит такое же,— как показалось Верне,sarкастически произнесла Рикка.— Я же сказала тебе, это была Сестра Тьмы.

— Сказала,— кивнула Верна.

Генерал Мейферт дружески хлопнул Морд-Сит по плечу.

— Спасибо, Рикка. Пойду сообщу. Если Джегань собрался двигаться, через несколько дней он будет здесь. Нам нужно подготовить перевалы.

— Перевалы надо держать,— вымолвила Верна и тихо вздохнула.— До конца.

Ордену придется идти через горы, чтобы завоевывать Д'Хару. Через горы есть несколько перевалов. Верна и Сестры как могли запечатали их. Они обрушили с помощью магии камни на проходы, сделав их недоступными. Где-то пришлось завалить дорогу, оставив захватчикам единственный путь — карабкаться по стенам гор. Люди всю зиму работали над тем, чтобы сделать недоступными и стены. На вершине стен были выстроены укрепления, из которых можно сбрасывать на врагов камни. Везде Сестры поставили магические ловушки, пройти которые было бы кровавым испытанием, а после ловушек армию Ордена встретили бы защитники на стенах.

У Джеганя есть Сестры Тьмы, которые могут разрушить и щиты, и каменные завалы, созданные двумя сторонами магии, но Верна сильнее их, по крайней мере в Магии

Приращения. Кроме того, она поделила силу между Сестрами, чтобы создать заслоны, которые будет трудно преодолеть.

Значит, сноходец наступает. Ни Верна, ни Сестры, ни армия Д'Хары не смогут противостоять бесчисленным полчищам Джеганя. Он не вздрогнет и прикажет своим людям идти через перевалы, пусть даже они будут на сотни футов завалены телами павших. Жизнь солдата для него ничего не стоит.

— Я скоро вернусь, Верна, — произнес генерал. — Надо собрать офицеров и Сестер, убедиться, что все готовы.

— Конечно, — отозвалась женщина.

Генерал и Рикка собрались уходить.

— Рикка, — позвала Верна. Она показала на столик. — Будь так любезна, забери с собой голову почившей дорогой Сестры.

Рикка вздохнула, ее грудь чуть не вывалилась из корсета, а лицо приняло страдальческое выражение. Морд-Сит снова запихнула голову в мешок и исчезла вместе с генералом.

Верна села и оперлась лбом о руки. Всему приходит конец. Закончилась холодная, но мирная зима. Джегань разбил зимний лагерь по другую сторону гор, но достаточно далеко, чтобы можно было совершать вылазки против его войска. Как и прошлым летом, когда погиб Уоррен, стоит благоприятная погода, чем не может не воспользоваться Орден. Все начинается снова. Убийства, террор, битвы, отступления, голод, истощение.

Но есть ли еще выбор, кроме как умереть, сражаясь с врагом? Во многом жизнь стала хуже смерти.

Верна вспомнила о Книге путешествий. Она вытащила ее из кармана и придинула лампу поближе. Верна подумала, где-то сейчас Кэлен и Ричард, живы ли они? Как там Зедд и Эди, в одиночку сторожащие Башню Волшебников? Они-то, как никто, сейчас в безопасности. Но рано или поздно Д'Хара падет, и тогда Джегань вернется в Эйдиндрил.

Верна бросила книгу на стол, расправила платье и при-
двинула кресло. Пальцы с наслаждением пробежались по
кожаной обложке, которой было более трех сотен лет. Книги
путешествий создали таинственные маги древности, те, кто
выстроил Дворец Пророков. Каждая книга имела двойника
и была бесценна. Написанное в одной из них сразу же
появлялось в книге-двойнике. Благодаря книгам, Сестры
могли быстро получать важные вести, а не дожидаться их
неделями и месяцами.

Энн, действительный Прелат, владела книгой-двойни-
ком Верны.

Двадцать лет назад Энн послала Верну найти Ричарда.
Энн знала о том, где его искать. Верна понимала, отчего
Кэлен пришла в бешенство, узнав, как Энн исказила их с
Ричардом судьбы. Но тогда женщина знала, что Прелат
посыпает ее выполнить жизненно важную миссию — найти
того, кто может спасти мир и дать надежду будущему.

Она придвинула книгу ближе к свету и открыла ее.

«Верна,— писала Энн,— кажется, мне удалось узнать,
где прячется пророк...»

Женщина удивленно откинулась от стола. После разру-
шения дворца пророк Натан освободился из-под их контро-
ля и сейчас где-то скитался, представляя серьезную опас-
ность.

Последние пару лет Сестры Света считали Прелат и
пророка погибшими. Перед тем, как уйти с пророком исполн-
ить важную миссию, Энн симулировала их смерть и назна-
чила Верну Прелатом. Кроме Верны, Зедда, Ричарда и
Кэлен, очень немногие знали правду. Во время путешествия
Натану удалось сбросить ожерелье и сбежать от Энн. Он
был очень опасен.

Верна вернулась к чтению.

«...Уже несколько дней я слежу за ним. Просто не ве-
рится, что после того, как он был в моей власти, я едва
контролирую его. Скоро я дам тебе знать о себе снова.

Как ты, Верна? Как твое здоровье? Как там Сестры и армия? Напиши мне. Ночью буду читать мою книгу. Очень скучаю по тебе».

Верна выпрямила спину. Это все. Конец письма. Но этого было достаточно. Сообщение Энн о том, что она засекла местонахождение Натана, заставило голову Верны закружиться.

Но даже эта неожиданная новость не подняла ее дух. Джегань намерен атаковать Д'Хару. Энн скоро подчинит пророка, но Ричард где-то на юге, и они не знают, где. Пять сотен лет Энн складывала события так, чтобы Ричард возглавил битву за будущее человечества, а теперь, на пороге решающего сражения, его нет с ними.

Верна вытянула из корешка книги стило и написала ответ.

«Моя дорогая Энн, боюсь, что здесь все обстоит не так хорошо. На днях начнется осада перевалов к Д'Харе».

Глава 20

Длинные коридоры Народного Дворца были заполнены звуком шагов по каменным плитам. Энн присела на мраморную скамью между тремя женщинами и пожилой парой. Обе компании судачили об одежде прогуливающихся по залам людей или обсуждали, что они здесь будут делать и смотреть дальше. Энн подумала о бессмысленности этих разговоров, но, наверно, болтовня помогает отвлечься от тягот войны. Было удивительно, что в такое позднее время жители предпочитают прогуливаться по коридорам, а не спать в теплых постелях.

Энн опустила голову и притворилась, что ищет что-то в дорожной сумке. Краем глаза она внимательно следила за проходящими солдатами. Прелат не была уверена в необходимости такой предосторожности, но решила не рисковать.

— Иэдалека пришла? — спросила Энн ее соседка.

Женщина подняла голову и поняла, что обращаются к ней.

— Да, я проделала нелегкое путешествие.

Энн снова уткнулась носом в сумку и приняла серьезный вид, надеясь, что ее оставят в покое.

Но женщина средних лет, с выюющимися каштановыми волосами, заинтересовалась и с улыбкой продолжила.

— Я живу недалеко отсюда и очень люблю проводить ночи во дворце, просто чтобы усилить духов.

Энн оглядела полированный мраморный пол, гладкие каменные красные колонны под арками, обвитыми виноградной лозой, поднимающейся к балконам. Она подняла голову к стеклянной крыше, через которую днем струился свет в зал, и перевела взгляд на статуи лошадей в натуральную величину, навечно застывших в галопе вокруг брызг фонтана.

— Да, кажется, я понимаю, о чем ты, — пробормотала Энн.

Ее духов дворец не усиливал. Наоборот, во дворце она чувствовала себя кошкой в собачьей будке с запертой дверью. Здесь она чувствовала, что ее сила слабеет.

Народный Дворец был больше, чем просто дворец. Это был целый город, объединенный бесконечными крышами. Десятки тысяч людей жило в нем постоянно, и еще тысячи каждый день приходили. Дворец делился на несколько уровней: на одних продавали товары в лавочках, на других — селились власти, на третьих — располагались обычные жители.

Вокруг плато, на котором располагался дворец, вились рынки, где люди покупали и продавали товары. Поднимаясь ко дворцу, Энн миновала множество таких лавочек. Центром торговли был сам дворец, куда стекались люди со всей Д'Хары.

Кроме того, дворец являлся родовым местом Дома Раллов. Народный Дворец был заклинанием, не просто заколдованным местом, как Дворец Пророков, в котором Энн

провела большую часть своей жизни. Сам дворец был заклинанием.

Внутренний дворец был выстроен с особым вниманием и точностью. Наружные укрепленные стены вместе с комнатами дворца составляли оболочку заклинания, а залы и коридоры складывались в вычертенные линии — само заклинание, суть его силы.

Как заклинание, начерченное палочкой в пыли, были возведены и стены дворца. Построить дворец такой конструкции, с точки зрения привычных архитектурных канонов, было безумием. Но от проверенных методов постройки и конструкции пришлось отказаться ради того, чтобы работало заклинание.

Оно было особенным. Дворец защищал любого из Дома Ралов. Это значит, что здесь Рал обладал наибольшей силой, а другие, наоборот, теряли ее. Энн нигде не ощущала такого ослабления своего Хан, эссенции жизненной силы и дара. Она сомневалась, сможет ли зажечь здесь с помощью дара хотя бы свечу.

Челюсть Энн отвисла, когда она вдруг осознала еще один аспект заклинания. Она обвела взглядом залы — части заклинания — наполненные людьми.

Заклинания, написанные кровью, всегда эффективнее и мощнее. Но когда кровь просачивается в землю, засыхает или разлагается, сила заклинания ослабевает. Но Народный Дворец — заклинание, его линии-коридоры заполнены жизнью кровью людей. Энн потеряла дар речи, осознав всю гениальность плана.

— Комнату ищешь, да?

Энн забыла о своей соседке, которая продолжала пялиться на нее и улыбаться накрашенными губами. Она заставила себя прикрыть рот.

— Э-э... — протянула Энн. — Я пока не нашла место для ночлега.

— Но ты не можешь свернуться на скамье, — улыбка женщины все так же висела на губах, казалось, ей все

труднее сохранять ее.— Охрана тебе не позволит. Придется тебе снять комнату, или вылетишь из города.

Энн прекрасно поняла, к чему клонит горожанка. Этим людям, одетым в лучшие одежды для посещения дворца, она казалась нищенкой. После разговоров о том, кто как одет, соседка Энн с неудовольствием обнаружила ее рядом с собой.

— У меня есть, чем заплатить за комнату,— заверила ее Энн.— Я просто пока не нашла ее. После такого долгого путешествия мне надо было бы пойти и вымыться, но мне очень хотелось дать отдохнуть моим бедным ногам. Не скажешь, где мне можно найти подходящую комнату?

— Я могу предложить тебе мою комнату,— улыбка стала чуть более естественной.— Это недалеко отсюда.

— Ты очень любезна,— Энн поднялась и заметила спускающуюся по коридору охрану.

Женщина встала и пожелала доброй ночи соседкам по скамье.

От чего Энн действительно устала, так это от вечерней молитвы лорду Ралу. На площади зазвонил колокол, призываая всех собраться и помолиться. Энн отметила, что никто не собирается избежать молитвы. Между людьми ходила охрана. Энн почувствовала себя мышкой в когтях ястrebа, и ей пришлось присоединиться к толпе на площади.

Она провела на коленях около двух часов, упорно склоняясь к полу и касаясь лбом земли, так же, как и все, мрачно повторяя слова молитвы-посвящения.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Дважды в день люди читали формулу посвящения. Энн не представляла, как они выносят это мучение.

Она вспомнила о связи между народом Д'Хары и лордом Ралом, связи, которая защищает людей от сноходцев,

и поняла, как они это выносят. Она сама была пленницей Императора Джегана. Он убил на ее глазах Сестру, просто чтобы запугать Энн.

Она знала, как люди выносят посвящение перед лицом жестокости и пыток.

Едва ли Энн нуждалась в прочтении формулы посвящения лорду Ралу, Ричарду. Она посвятила ему пятьсот лет еще до его рождения.

В пророчестве говорилось, что он — единственный, кто сможет предотвратить катастрофу. Энн рассматривала стены зала. Ей хотелось бы знать, где же Ричард.

— Сюда, — женщина потянула Энн за рукав.

Недавняя соседка махнула рукой направо и пошла по коридору. Энн накинула платок, закрыв сверток, который она несла, и прижала крепче к боку дорожную сумку. Она заметила, что многие сидящие на мраморных скамьях и низких выступах стен обсуждают ее вид.

По полу разбегались зигзаги из темно-коричневого, ржавого и светлого камня, складываясь в трехмерный узор. Энн уже видела такие узоры в Древнем мире, но ни один из них не сравнится с этим. Этот — произведение искусства, больше, чем просто каменный пол. Все во дворце было совершенно.

На полуэтажах с каждой стороны разместились лавки. В некоторых из них продавались товары, необходимые путешественникам. Здесь можно было увидеть разную выпивку и снедь, от мясных пирогов до сладостей, от эля до теплого молока. Где-то продавали ночные рубашки. В других лавках — ленты для волос. Даже в столь поздний час многие лавки были открыты. Во дворце всегда оставались те, кто работал всю ночь, и они нуждались в подобных лавках. Заведения, в которых предлагали сделать новую прическу или перекрасить волосы, или сотворить чудо с ногтями, закрывались до утра. Энн была уверена, что владельцы таких мест очень бы удивились, увидав ее.

Женщина откашлялась. Они шли вниз по широкому коридору, разглядывая витрины.

— Откуда ты пришла?

— О, далеко с юга. Это очень-очень далеко отсюда,— Энн неопределенно махнула рукой и почувствовала, какой внимательный взгляд бросила на нее новая знакомая.— Там живет моя сестра, и я навещала ее,— Энн решила подкинуть еще мысль в костер любопытства соседки.— Она советница лорда Рала по важным вопросам.

Брови женщины взлетели вверх.

— Правда? Советник самого лорда Рала! Какая честь для твоей семьи.

— Да. Мы все ею очень гордимся,— с подчеркнутой медлительностью произнесла Энн.

— А в чем лорд Рал с ней советуется?

— Советуется? Ну, по военным делам, конечно.

— Женщина? Дает советы лорду Ралу по ведению войн? — Соседка открыла рот.

— Ну да,— настаивала Энн, придвигаясь ближе и понижая голос.— Она ведьма. Предвидит будущее. Смотри, она написала мне письмо и сказала, что я иду во дворец. Разве не удивительно?

— Ну, это легко угадать, что ты пошла бы сюда,— чуть нахмурилась горожанка.

— Да, но она сказала мне, что я встречу добрую женщину.

— Она, должно быть, очень талантлива,— наконец расплылась в улыбке соседка.

— О, ты даже не представляешь насколько точно она предсказывает будущее,— упорствовала Энн в описании достоинств несуществующей родственницы.

— Да ну? А она сказала что-нибудь особенное о твоем визите сюда? Что-нибудь такое?

— Сказала, конечно. Как думаешь, правду она сказала, что я встречу здесь мужчину?

Глаза женщины забегали по коридорам.

— Тут полно мужчин. Это не кажется особенным предсказанием. Точно, она должна была открыть тебе больше, чем... ну, я имею в виду, если она так талантлива, да еще и советник лорду Ралу...

Энн приложила палец к нижней губе, как бы изо всех сил стараясь воскресить в памяти все детали судьбоносного предсказания.

— Ты мне напомнила, да, она сказала... Смогу ли я вспомнить... — Энн по-свойски положила руку на плечо женщины. — Сестра все время рассказывает о моем будущем. Она так много пишет о моем будущем, что иногда мне кажется, я теряю свою жизнь! Мне часто сложно вспомнить, что она писала.

— Ну, пожалуйста, вспомни, — нетерпеливо тряслася ее женщина. — Это так интересно.

Энн снова приложила палец к губе и уставилась на потолок, притворившись, что впала в глубокую задумчивость. Впервые она заметила, что потолок искусно расписан под небо, с облаками и всем остальным.

— Ну, сестра сказала, что человек, которого я встречу, будет средних лет, — произнесла, наконец, Энн, доведя любопытство женщины до крайней точки. Она снова положила руку соседке на плечо. — Но очень заметный. Не такой уж старый и дряхлый, высокий, и даже очень высокий, с длинными седыми волосами, которые падают на его широкие плечи. Она сказала, что он будет хорошо выбрит и вполне привлекателен, с пронзительными темно-лазоревыми глазами.

— Темно-лазоревыми глазами... ой-ей! — захихикала женщина. — Да он просто красавчик!

— Еще она сказала, что когда он смотрит на женщин своих ястребиными глазами, у них начинают дрожать колени.

— Наверняка... — лицо соседки залило краска. — Жаль, что твоя сестра не знает имени этого симпатяги.

— О, конечно, знает. Какой же она была бы советницей лорду Ралу, если бы не знала таких простых вещей.

— Она сказала его имя? Твоя сестра может знать и это?

— А как же иначе,— заверила ее Энн и замолчала, разглядывая проходящих мимо людей.

Кто-то заглядывал в открытые лавочки, кто-то болтал, сидя на скамье.

— Ну? — спросила женщина.— Какое имя предсказала тебе сестра? Имя этого необычного господина?

Энн задумчиво рассматривала потолок.

— Что-то на «Н», вроде. Найджел или Норрис, как-то так. Нет, постой, по-другому,— Энн щелкнула пальцами.— Она назвала его Натаном.

— Натан,— повторила женщина, смотря на Энн так, словно, если бы она не произнесла имя, та вырвала бы его с языком.— Натан.

— Да, точно. Натан. Знаешь кого-нибудь с таким именем? Натан? Высокий парень, средних лет, широкоплечий, с длинными белыми волосами и лазуревыми глазами?

Женщина подняла глаза к потолку. На этот раз Энн наклонилась, вся внимание, ожидая ответа.

Кто-то схватил Энн за плечо и заставил остановиться. Энн и соседка повернулись.

За ними стояла очень высокая голубоглазая девушка с длинной светлой косой. Она была одета в красную кожу, а ее мрачный вид не предвещал ничего хорошего.

Женщина рядом с Энн побледнела как ванильный пuding. Рот ее открылся. Энн еле удержалась, чтобы тоже не открыть рот.

— Мы ждали тебя,— произнесла женщина в красном.

За ее спиной стояла дюжина высоких мужчин в превосходных кожаных доспехах, вооруженные превосходно отполированными мечами, ножами и копьями.

— Вы, должно быть, ошиблись....

— Я никогда не ошибаюсь.

Энн едва доставала до желтого полумесяца и звезды на животе женщины в красной коже.

— На сей раз вы не правы. Что все это значит? — невинный тон в голосе Энн таял, как снежный ком под лучами палящего солнца.

— Волшебник Рал приказал привести тебя.

— Волшебник Рал?

— Именно. Волшебник Натан Рал.

Энн услышала, как женщина рядом судорожно вздохнула. Ей показалось, что соседка сейчас грохнется в обморок, и она взяла ее под руку.

— Все в порядке, милая?

Соседка во все глаза смотрела на женщину в красной коже.

— Да. Мне пора. Я опаздываю. Мне надо идти. Можно?

— Конечно. Тебе лучше уйти, — заверила ее высокая блондинка.

Женщина торопливо поклонилась и, пробормотав «Спокойной ночи», бросилась вниз по коридору, обернувшись только раз.

— Ну, я рада, что вы меня нашли, — взглянула Энн в лицо блондинке. — Не терпится повидаться с Натаном. Простите... с Волшебником Ралом.

— Тебе не предоставляют аудиенцию с Волшебником Ралом.

— Имеешь в виду, мне не сегодня ночью предоставят... аудиенцию с ним.

Энн старалась быть вежливой, но больше всего она хотела бы избить чародея, свернуть ему шею, и чем раньше, тем лучше.

— Меня зовут Найда, — представилась женщина.

— Приятно познакомиться...

— Знаешь, кто я? Я Морд-Сит, — не дожидаясь ответа, прибавила она. — Предупреждаю тебя из вежливости. Только один раз, так что слушай внимательно. Ты пришла сюда с враждебными намерениями к Волшебнику Ралу. Тे-

перь ты моя пленница. Будешь использовать магию против меня, и я ее захвачу. А потом я или моя сестра Морд-Сит тебя накажем. Очень-очень больно.

— Боюсь, здесь моя магия не сильна,— призналась Энн.— Малая толика. Так что, как видишь, я довольно безобидна.

— Меня не заботит твоя магия. Даже если ты попытешься зажечь с ее помощью свечу, твоя сила перейдет ко мне.

— Ясно,— произнесла Энн.

— Не веришь мне? — склонилась Найда.— Я заставлю тебя напасть на меня. Не часто мне приходилось завладевать магией ведьмы. Это должно быть... забавно.

— Благодарю, но я слишком устала сегодня, и от путешествия и от всего остального, чтобы на кого-нибудь нападать. Может, попозже?

— Отлично,— улыбнулась Найда. Энн поняла, почему люди так боятся Морд-Сит.— Значит, позже.

— Ну и что ты собираешься делать со мной, Найда? Заточить меня в одной из милых комнаток дворца?

Найда не ответила на вопрос и кивком подозвала двух мужчин. Они подхватили Энн под руки, вырастя, будто огромные дубы с каждой стороны ее хрупкого тела.

— Идем,— Найда пошла впереди.

Стражники двинулись за ней, волоча Энн. Ее ступни касались пола каждый третий-четвертый шаг. Люди в коридоре отшатывались от Морд-Сит, вжимаясь в стену по дальше от женщины в красном. Кто-то прятался в открытых лавках, откуда тайком наблюдал за процессией. Все разглядывали невысокую женщину, которую тащили два амбала из дворцовой охраны в блестящих доспехах. За спиной Энн слышала лязг оружия.

Они повернули в небольшой зал и пошли между колонн. Один из стражников бросился вперед распахнуть двери. Через узкий дверной проем они просочились, как вино сквозь ткань.

Коридор за дверью был темный и узкий — совсем не похожий на широкие галереи, по которым прогуливаются жители. Затем они спустились по лестнице. Ступеньки лестницы тяжело скрипели под дубовыми шагами охраны. Стражники по очереди освещали путь Найде фонарями. Звук шагов разносился эхом в темноте.

Когда они спустились, Морд-Сит повела их через лабиринт грязных каменных коридоров. В сырых залах стоял запах плесени. Подойдя к следующей лестнице, они снова стали спускаться по квадратной шахте вниз, в глубины Народного Дворца. Энн думала о том, сколько людей в прошлом шли этим же путем и уже никогда не возвращались. И отец Ричарда, Даркен Рал, и отец его отца, Панис, отличались особой жестокостью. Для таких людей жизнь других ничего не значит.

Ричард все изменил.

Но сейчас его нет во дворце. Зато здесь поселился Натан.

Энн знала Натана уже очень давно — около тысячи лет. Большую часть этого времени она, как Прелат, держала его запертым в собственных комнатах. Пророкам нельзя позволять свободно перемещаться. Но теперь он на воле. И, что еще хуже, он смог захватить власть во дворце — доме предков Дома Ралов. Он — предок Ричарда. Он — Рал. И он волшебник.

План Энн показался ей вдруг неимоверно глупым. Просто поймать его, когда он будет без охраны. Поймать и защелкнуть ожерелье на шее. Такая возможность еще предоставится, и он опять будет в ее власти.

Женщина приободрилась, решив, что ее план приобретает некий смысл.

В конце спуска Найда повернула направо и пошла по узкому коридору с железными перилами слева. Энн пыталась что-то разглядеть, но фонарь освещал только черноту внизу. Она боялась и подумать о том, насколько глубока шахта. У нее не было мыслей насчет борьбы со своим

ми похитителями, но Энн устрашилась того, что они могут поставить ее на край каменного колодца и просто прикончить.

Их послал Натан. А Натан, каким бы он ни был временами вспыльчивым, не приказал бы сбросить ее в шахту. Энн вспомнила, как держала его в течении веков под замком, какие экстраординарные меры предосторожности предпринимала, чтобы удержать Натана под контролем. Она снова склонилась через перила над чернильной тьмой.

— Натан ждет нас? — как можно дружелюбнее спросила Энн. — Я бы хотела поговорить с ним. Есть одно дельце, которое надо обсудить.

Найда бросила через плечо тяжелый взгляд.

— Волшебнику Ралу не о чем говорить с тобой.

Морд-Сит вела их по тесному каменному коридору. То, с какой мрачной решительностью на лице она шла вперед, пугало не меньше, чем сам коридор.

Наконец Энн увидела впереди свет. Узкий проход вывел к маленькой площади, на которой сходились несколько залов. Везде круто шли вниз воронкообразные лестницы. Энн начали стаскивать по лестнице, и она вцепилась в перила, боясь потерять равновесие, но в этом не было необходимости — ее крепко держали под руки и не позволили бы упасть или сбежать.

Внизу в проходе с низким потолком Найда, Энн и охрана остановились. Слабый свет факелов, воткнутых в поставцы, давал возможность осмотреться. Закопченная комната была наполнена дымом. Стоял отвратительный запах застарелого пота и мочи. Энн подумала, что свежий воздух никогда не проникал в подземелье Народного Дворца.

Справа послышался сухой, отрывистый кашель. Она взгляделась в темноту и заметила двери в стенах. Чьи-то пальцы вцепились в железную решетку крошечного дверного оконца. Иных звуков, кроме кашля, не доносилось из клеток, где томились отчаявшиеся люди.

Громила в форме дождался у железной двери слева. Он выглядел так, словно был сам изваян из того же камня, которым выложили стены. В другое время Энн решила бы, что он довольно симпатичный парень.

— Найда, — приветствовал охранницу мужчина. — Кто тут? — вежливо поклонившись, спросил он глухим голосом.

— Еще одна узница, капитан Лернер, — Найда подтащила Энн за плечо вперед и показала капитану так, как показывает фазана удачливый охотник. — Опасная узница.

Мужчина быстро окинул Энн взглядом с головы до ног.

— Тогда особо надежная камера.

— Волшебник Рал не хочет, чтобы она сбежала, — Найда одобрительно кивнула головой. — Он говорит, от нее можно всякого ожидать.

Энн была готова гневно ответить, но придержала язык.

— Ты бы пошла с нами и проверила, чтобы ее заперли щитами, — обратился капитан Лернер к Найде.

Морд-Сит повела головой. Двое из охраны бросились вперед и сняли два факела со стен. Капитан наконец-то отыскал нужный ключ среди дюжины на связке. Замок с лязгом открылся, железный звук загулял по низким коридорам темницы. Этот звук показался Энн звоном колокола по приговоренным.

С усилием капитан отворил дверь. Тусклые свечи освещали длинный коридор с дверями по сторонам, в которых были вырублены крохотные окошки. Люди принялись зевывать и свистеть, как животные, призывая жестокие проклятия на головы тех, кто потревожил их мир. Когтистые руки взметнулись, пытаясь дотянуться и уцепиться за проходящих.

Двое мужчин с факелами повернули в коридор направо. Свет отражался на красной коже костюма Найды. Заключенные прижали лица к решеткам, чтобы лучше разглядеть ее. В кулаке Морд-Сит зажала эйджил, который висел на

цепи у нее на груди. Она посмотрела в оконца направо и налево. Грязные руки убрались обратно. Голоса притихли. Энн услышала, как многие поспешили забиться в дальние уголки своих камер.

Наведя таким образом порядок, Найда пошла дальше. Энн толкнули в спину. Впереди шел капитан Лернер со связкой ключей. Энн прикрыла платком нос и рот, пытаясь не вдыхать невыносимо зловонный воздух.

Капитан взял из ниши небольшую лампу, зажег ее от свечи и остановился перед дверью. Двери в длинном коридоре были расположены ближе друг к другу. В решетку одного из крошечных оконец вцепилась рука, покрытая лишаем.

Коридор за следующей дверью оказался еще ниже и не шире, чем плечи Энн. Она пыталась успокоиться, пока они шли по кривому проходу. Найда и ее люди остановились, сложив руки на груди.

— Здесь,— сказал капитан Лернер, остановившись.

Он поднял фонарь и заглянул в окошко двери. Со второго раза он нашел нужный ключ и отворил дверь. Капитан отдал фонарь Найде и двумя руками принялся открывать дверь. Чтобы она немного приоткрылась, мужчине пришлось навалиться всем своим весом. Потом он исчез внутри.

Найда вместе с лампой исчезла вслед за капитаном. Ее рука, затянутая в красную кожу, высунулась и затащила Энн внутрь.

Капитан открыл еще одну дверь внутри крошечного помещения. Энн увидела, что эта комната защищена щитами. Отворилась вторая дверь. Стены открывшейся комнатки были выложены камнями. Единственный выход отсюда был через дверь, ведущую в комнату с щитами, а потом через вторую дверь.

Дом Ралов знал, как построить надежную тюрьму.

Найда схватила Энн за локоть и приказала идти в камеру. Даже маленькой Энн пришлось нагнуться, чтобы пе-

реступить порог. Единственным предметом обстановки в комнате была каменная кровать у дальней стены, которая служила и стулом. На скамье стоял небольшой кувшин с водой. На другом конце ложа лежало сложенное коричневое одеяло. В углу стоял ночной горшок. Он хотя бы был чистый.

— Волшебник Рал хотел, чтобы ты осталась здесь,— Найда поставила лампу на кровать.

Очевидно, не всякий гость удостаивался такой роскоши.

Найда уже занесла ногу над порогом, как Энн позвала ее.

— Пожалуйста, передай Натану мою просьбу. Пожалуйста. Скажи, что я хочу увидеться с ним. Скажи, это очень важно.

— Он говорил, что ты будешь просить об этом,— улыбнулась Найда.— Натан пророк, и он знал, что ты скажешь.

— Ты передашь ему мои слова?

Холодные голубые глаза Найды словно взвешивали душу Энн.

— Волшебник Рал просил передать тебе, что он управляет всем дворцом и ему неудобно бежать к тебе каждый раз, как ты позовешь.

Именно эти слова она тысячу раз передавала с Сестрой, когда Натан требовал, чтобы ему позволили увидеть Прелат: «Передай Натану, что я управляю целым дворцом, и я не могу бегать вниз каждый раз, когда он меня позовет. Если у него есть просьба, то пусть он напишет, я прочитаю ее, когда у меня будет время».

До сегодняшнего дня Энн не знала, как жестоки были ее слова.

Найда закрыла за собой дверь. Женщина осталась одна в камере, из которой, она знала, выхода нет.

Вот и конец ее жизни. Она не будет узницей всю свою жизнь, как Натан был ее пленником всю свою.

— Найда! — Энн бросилась к окну.

— Да? — Морд-Сит уже была у второй двери, рядом со щитом.

— Скажи Натану... Скажи, что я прошу прощения.

— Думаю, Волшебник Рал знает цену всем твоим извинениям,— коротко рассмеялась охранница.

Энн протянула руку, пытаясь дотянуться до нее.

— Найда, прошу тебя. Скажи ему... скажи Натану, что я люблю его.

Долгое время Найда смотрела на нее, прежде чем резко закрыть дверь.

Глава 21

Кэлен подняла голову. Она нежно положила ладонь на сердце мужа и прислушалась к звукам в темноте. Ричард тяжело дышал, его грудь поднималась и опускалась под ее рукой. Это вселяло в нее надежду — он еще жив. Пока Ричард держится, она будет бороться, чтобы найти решение, и не отступит. Они доберутся к Никки. Как-нибудь приедут к ней.

Кэлен взглянула на узкий серп лунного месяца в небе и поняла, что спала меньше часа. Серебряные в лунном свете облака безмолвно плыли на север. Вдалеке она рассмотрела залитые лунным светом черные крылья птиц, постоянно следующих за ними.

Женщина ненавидела этих птиц. Хищные твари летели за ними с того момента, как Кара коснулась статуи Кэлен, которую Никки назвала сигнальным маяком. Темные крылья всегда были рядом, как тень смерти, наблюдая, выжидая.

Кэлен вспомнила о песке, утекающем из статуи — песочных часов. Ее время уходит. Она не знала точно, что произойдет, когда песок кончит бежать, но в воображении возникали только мрачные перспективы.

Место, где они разбили лагерь, недалеко от острой линии гор с одной стороны и стеной из колючего кустарника и елей с другой, не было так безопасно, как им бы хотелось. Но они решили остановиться здесь, когда Кара поделилась с Кэлен опасением, что Ричард не доживет до утра.

Это чуть слышно прошептанное предупреждение бросило Кэлен в холодный пот, ее сердце заколотилось, и она была на грани паники.

Хотя они ехали в темноте по открытой местности довольно-таки медленно, женщина прекрасно понимала, что потряхивание повозки, когда колесо попадало в очередную неровность дороги, не шло на пользу дыханию Ричарда. Меньше чем через два часа после того, как они тронулись, Кара обратилась к ней, и пришлось остановиться. После остановки всем показалось, что дыхание Ричарда стало менее тяжелым.

Надо было передохнуть. Может быть, после ночи они нагонят упущенное.

Кэлен приходилось все время бороться с собой, уговаривая, что они приедут вовремя, и у них еще есть шанс, а цель путешествия — не просто пустая надежда, маскирующая горькую правду.

Последний раз, когда Кэлен думала об этом и чувствовала беспомощность, ощущая, как тает в ее объятиях жизнь Ричарда, она поняла, что у нее есть один твердый шанс спасти мужа. Сейчас она не была уверена в том, что этот единственный шанс сможет стать началом цепи событий, которые разрушат магию.

Кэлен единолично приняла решение воспользоваться этим шансом, и она одна ответственна за то, что происходит. Если бы она знала то, что ей было известно сейчас, она поступила точно также — спасла жизнь Ричарда, — но это не снимало с нее ответственности.

Она — Мать-Исповедница, и, значит, отвечает за тех, у кого есть дар, за создания магии. И уж точно не она должна стать причиной их конца.

Кэлен услышала, как Кара, подражая крику птицы, предупреждает о своем возвращении. С мечом в руке Кэлен поднялась на ноги. Этому птичьему крику научил ее Ричард.

Кэлен открыла окошко фонаря, чтобы стало светлее. Она увидела Тома. Юноша, держа руку на серебряной рукоятке своего ножа, поднимался с камня, откуда он наблюдал за лагерем и человеком, которого коснулась Кэлен. Человек все так же недвижимо лежал у ног Тома — там, где ему приказала быть госпожа.

— Что там? — прошептала Дженнсен, появиввшись рядом с Кэлен и протирая глаза.

— Пока не знаю. Кара дала сигнал, может, кто-нибудь уже с ней.

Охранница появилась из темноты, толкая, как и предположила Кэлен, перед собой какого-то человека. Кэлен сдвинула брови, припоминая, где же она его видела. Женщина моргнула, осознав, что это тот молодой человек, которого они встретили неделю назад — Оуэн.

— Я пытался успеть к вам раньше! — завопил Оуэн, увидев Кэлен. — Клянусь, я пытался!

Кара шла рядом с ним, держа его за плечо, и рявкнула остановиться перед Матерью-Исповедницей.

— О чём ты говоришь? — спросила Кэлен.

Оуэн поймал взгляд Дженнсен, стоящей за ее спиной, и на секунду застыл, открыв рот, прежде чем ответил.

— Клянусь, я должен был придти к вам раньше, — он чуть не плакал. — Я был в лагере, — он сжал одежду у себя на груди, пытаясь унять дрожь. — Я, я видел... видел все... останки. Великий Создатель, как вы могли быть так жестоки?

Кэлен подумала, что Оуэна сейчас вырвет. Парень прикрыл рот рукой и закрыл глаза.

— Все те люди хотели схватить нас, чтобы убить, — проговорила Кэлен. — Мы не заставляли их бросать свои

уютные кресла у каминов и отправляться в пустыню, где мы их замучили. Они напали на нас — мы защищали себя.

— Но, Великий Создатель, но вы... — Оуэн стоял перед ней, не в силах справиться с дрожью. Он закрыл глаза. — Ничего не существует. Ничего. Ничего, — он повторял это снова и снова, как если бы слова могли защитить его от зла.

Кара сильно потянула Оуэна и заставила его сесть на камень. Глаза парня были закрыты, он бормотал: «Ничего. Ничего». Охранница встала слева от Кэлен.

— Что ты здесь делаешь? — в голосе Кары звучала угроза. — Отвечай... — хотя она и не добавила «...а иначе», смысл тона был ясен.

— И побыстрее, — приказала Кэлен. — У нас и без тебя хватает забот.

Оуэн приоткрыл глаза.

— Я шел к вам, чтобы сказать, но... все эти трупы...

— Об этом мы знаем. Зачем ты искал нас? — терпению Кэлен пришел конец. — Второй раз я спрашивать не буду.

— Лорд Рал, — Оуэн заплакал, слезы катились по его лицу.

— Что лорд Рал? — произнесла Кэлен сквозь стиснутые зубы.

— Лорда Рала отравили, — вырвалось у него.

Мурашки покрыли ноги Кэлен.

— Откуда ты знаешь об этом?

Оуэн вскочил, комкая одежду на груди.

— Знаю?! Потому, что я один из тех, кто его отравил! — закричал он.

Могло ли произойти такое? Мог ли яд отнять у Ричарда силу дара? Могло ли быть так, что они все неверно понимали происходящее? А вдруг все произошло потому, что этот человек отравил Ричарда?

Кэлен почувствовала, как рукоять меча сама ложится в руку, и направилась к нему.

Оуэн смотрел на нее, как глядит олененок на готового к прыжку горного льва.

Кэлен и при первой встрече чувствовала, что в Оуэне есть что-то странное. И Ричард видел в нем нечто непонятное, нечто неправильное.

Нечто, заставившее этого трясущегося от страха незнакомца отравить Ричарда.

Лорд Рал едва держится. Он страдает от боли. Этот человек повинен в этом. Кэлен хочет знать почему, хочет знать правду.

Кэлен быстро приближалась. Она не позволит ему сбежать. И не даст ему солгать.

Он ей исповедуется.

Рука Кэлен начала подниматься. Ее сила разворачивалась, как пружина, и она чувствовала ее в самой глубине собственного существа.

Этот человек пытался убить Ричарда. Она намерена узнать, есть ли способ спасти его. И этот человек скажет ей все.

Кэлен решила, что коснется его.

В этом не было необходимости, но вряд ли это ее остановит. Какие-либо эмоции в отношении поступка Оуэна испарились, теперь они не имели значения. Только истина вела Кэлен. Она была сама неукротимая решимость.

У него нет шанса. Он — ее.

Кэлен видела, как парень застыл, наблюдая за тем, как она приближается, видела его широко раскрытые голубые глаза, слезы на щеках. Кэлен ощутила холодный виток силы, требующий освобождения. Пока ее рука поднималась к тому, кто причинил вред Ричарду, она ничего не хотела так сильно, как того, что собиралась сделать.

Он — ее.

Вдруг между ними оказалась Кара.

Кэлен перестала видеть Оуэна из-за Морд-Сит. Исповедница хотела оттолкнуть Кару, но та была готова и твердо стояла на земле.

— Нет. Мать-Исповедница, нет! — Кара схватила Кэлен за плечи и заставила ее сделать три шага назад.

Кэлен все еще смотрела на Оуэна, пусть даже она его и не видела.

— Уйди с дороги,— приказала она охраннице.

— Нет. Остановись.

— Убрайся! — Кэлен пыталась толкнуть Кару, но женщина не сдвинулась с места.— Кара!

— Нет. Послушай меня.

— Кара, уйди...

— Слушай меня! — Морд-Сит затрясла Кэлен с такой силой, что женщине показалось, что ее шея вот-вот сломается.

— Что?! — Кэлен задыхалась от ярости.

— Подожди, что он скажет. Оуэн зачем-то сюда пришел. Когда он сообщит то, что хотел, ты сможешь, если захочешь, применить свою силу или прикажешь мне, и он будет вонзить так, что уши луны свернутся трубочкой. Но сначала нам нужно услышать, что он скажет.

— Скоро я узнаю все, что у него есть за душой, узнаю правду. Когда я его коснусь, он расскажет все.

— А если в итоге Ричард умрет? Жизнь лорда Рала висит на волоске. Прежде всего нужно думать об этом.

— Я и думаю. С чего ты взяла, что я собираюсь его убить?

— Что если твоя сила убьет его по неизвестным нам причинам? — зашептала Кара, потянув Кэлен ближе к себе.— Помнишь недавние события? Помнишь Мартина Пикарда, который заявил, что пришел убить Ричарда? Тогда это было так же легко, как и сейчас,— в голосе девушки была страстная убежденность.— Подумай, стоит ли тебе касаться этого мужчины; а вдруг это ловушка, в которую нас заманивают наживкой особого рода? Что, если наши враги подталкивают тебя к тому, чтобы ты это сделала? А если они таким изощренным способом заставляют тебя стать

инструментом их плана? Это будет непоправимо. Если лорд Рал умрет, мы не сможем вернуть его,— гневные голубые глаза Кары были мокры. Сильные пальцы вцепились в плечи Кэлен.— Почему бы сначала не выслушать его, а уже потом касаться? Ты сможешь взять его потом, если решишь, что это необходимо, но сначала выслушай. Мать-Исповедница, я — Сестра Эйджила, прошу тебя, ради жизни лорда Рала, подожди.

Нежелание Кары применять силу остановило Кэлен больше, чем что-либо другое. Ведь если и был на свете кто-нибудь, готовый прибегнуть к силе ради защиты Ричарда, так это Кара.

В тусклом свете лампы Кэлен изучала выражение лица охранницей. Несмотря на слова Кары, Кэлен не знала, стала бы сама Морд-Сит колебаться.

— А если эта попытка бесполезна? — спросила из-за спины Дженнисен.

Кэлен оглянулась на сестру Ричарда и увидела, что девушка взволнована.

Когда-то Кэлен совершила ошибку, не среагировав быстро, и Ричарда схватили и забрали от нее. Тогда ошибка стоила Ричарду свободы, на этот раз — может стоить жизни.

Но Кэлен знала и то, что несмотря на тяжелые последствия тогдашнего ее колебания, сейчас может и не быть необходимости в немедленных действиях.

Она снова посмотрела в глаза Каре.

— Хорошо. Послушаем, что он скажет,— большим пальцем она стерла слезу со щеки Кары, слезу смертельного страха за жизнь Ричарда, страха потерять его.— Спасибо,— прошептала Кэлен.

Кара кивнула и отпустила ее.

— Тебе лучше не разочаровывать меня в том, что я остановила ее,— развернулась она к Оуэну, сложив руки на груди и приковав его взглядом к месту.

Парень смотрел на них — Фридриха, Тома, Дженнисен, Кару, Кэлен и даже на того человека, которого коснулась Кэлен, лежащего недалеко на земле.

— Вначале я хочу знать, как ты мог отравить Ричарда? — спросила Мать-Исповедница.

Оуэн облизал губы, боясь говорить, но именно для этого он и пришел. Мужчина уставился в землю.

— Когда я увидел пыль, поднимаемую повозкой, то понял, что вы уже недалеко, и вылил воду из своих мехов. Когда лорд Рал нашел меня, я попросил напиться. Он дал мне воды, а перед тем, как вернуть его мех, я подсыпал яд. Потом я увидел, что появилась и ты, и решил отравить вас обоих, лорда Рала и тебя, Мать-Исповедница. Но у тебя был свой мех, и ты отказалась глотнуть воды, когда лорд Рал предложил тебе. Но я подумал, что это уже неважно. Все должно было сработать отлично.

Кэлен не предполагала, что чувствовать после такой исповеди.

— Значит, ты собирался убить нас обоих, но получилось отравить только Ричарда?

— Убить?.. — Оуэн поднял голову, потрясенный этой мыслью. Он решительно замотал головой. — Нет, нет, ничего такого. Мать-Исповедница, я старался прийти к вам раньше, но эти люди напали на вас первыми. Я должен был дать противоядие лорду Ралу.

— Вижу. Ты хотел спасти его, после того, как отравил, но когда ты пришел, мы уже покинули лагерь, — саркастически сказала она.

В глазах парня снова заблестели слезы.

— Это так ужасно. Все эти трупы — кровь. Я никогда не видел такого жестокого побоища, — он скривил рот.

— Это могли быть мы — наши трупы, если бы мы не защитили себя, — напомнила Кэлен.

— И вы ушли — ушли. Я не знал, куда вы направились, — повествовал Оуэн, раскачиваясь и полузацкыв гла-

за, словно не слышал ее.— Трудно было идти по следам повозки в темноте, но мне пришлось. Я бежал, чтобы встретить вас. Я так боялся, что на меня нападут птицы, но знал, что должен успеть к вам этой ночью. Мне нельзя было ждать. Я очень боялся, но пришел.

История показалась Кэлен бессмысленной.

— Значит, ты вроде тех, кто разжигает огонь, кричит «пожар!», а потом помогает потушить его, и тогда ты первый герой.

— Нет, нет, не так. Не так, клянусь,— испуганно затряс головой Оуэн.— Ненавижу так делать. Я так делал раньше, и ненавидел это.

— Зачем тогда ты отравил его?!

Оуэн мял одежду, по его щекам бежали слезы.

— Мать-Исповедница, мы должны дать ему противоядие, или он умрет. Уже и так поздно,— он сложил руки в умоляющем жесте и поднял голову к небу.— Великий Создатель, не допусти, чтобы было поздно, прошу тебя.— Парень двинулся к Кэлен, умоляя, надеясь убедить ее в своей искренности, но, взглянув ей в лицо, отступил назад.— Времени нет, Мать-Исповедница. Я пытался придти к вам раньше, клянусь. Если мы сейчас не дадим ему зелье, он умрет. Все будет бесполезно — все, все!

Кэлен не знала, верить ли бреду Оуэна. Не было смысла отравить человека, а потом его спасать.

— Что за противоядие? — спросила она.

— Вот,— Оуэн торопливо вынул пузырек из кармана.— Вот лекарство. Прошу, Мать-Исповедница,— он протянул Кэлен граненый пузырек.— Его надо дать лорду Ралу. Пожалуйста, поторопись, или он умрет.

— Или оно прикончит его,— произнесла Кэлен.

— Если бы я хотел убить его, то сделал бы это, когда подсыпал яд в мех. Я мог бы подсыпать больше или не приходить с противоядием. Клянусь, я не убийца, поэтому и пришел к вам.

Оуэн не внушал доверия. Кэлен не могла ему поверить. Если она поступит неверно, расплатой за ошибку будет жизнь Ричарда.

— Надо дать Ричарду противоядие,— прошептала Дженнисен.

— Попытка наугад? — спросила Кэлен.

— Ты говорила, что иногда нет другого выбора, кроме как действовать немедленно, но и тогда ты должен принять правильное решение, используя свой опыт и знания. В по-возке я слышала, что Кара сказала тебе, что Ричард может не дожить до утра. Оуэн говорит, у него есть противоядие. Я думаю, что настало время действовать.

— Можно мне сказать? — тихо попросил Том.— Я бы на вашем месте согласился. Не вижу другого выбора. Если есть возможность спасти лорда Рала иначе, надо ею воспользоваться.

У Кэлен не было альтернативы, кроме как ехать к Никки, но это становилось все более и более похожим на бесплодную надежду.

— Мать-Исповедница, я согласен с Томом,— тихим голосом продолжил Фридрих.— Если ты дашь ему противоядие, мы все будем знать, что это было лучшее, что можно сделать.

Если зелье убьет его, они не обвинят ее. Вот что хотел сказать Фридрих.

Дженнисен подошла к Оуэну, таща за собою Бетти.

— Если ты лжешь насчет противоядия, то ответишь мне, и Кара, и Матери-Исповеднице, если что-нибудь еще от тебя останется после встречи с одной из нас. Понял?

Оуэн сжался, повернул голову набок и быстро закивал, избегая смотреть на Дженнисен и Бетти. Кэлен подумала, что он боится Дженнисен больше, чем кого-либо из них.

— У него действительно есть противоядие,— шепотом сказала Кара, подойдя к Кэлен.— Иначе зачем ему лгать и подвергать себя опасности? Зачем возвращаться, если он

просто хотел отравить лорда Рала? Он отравил его и вернулся. Мать-Исповедница, надо дать противоядие Ричарду, и как можно быстрее.

— Но зачем он его тогда отравил? — прошептала Кэлен в ответ. — Какой смысл в том, чтобы отравить человека, а потом принести ему противоядие?

Кара раздраженно вздохнула.

— Не знаю. Но если сейчас лорд Рал умрет... — охранница не договорила фразу.

Кэлен посмотрела на лежащего без сознания Ричарда. Ноги подкашивались, когда она задумывалась о том, что он может никогда не проснуться. Как она будет жить без Ричарда?

— Сколько нам нужно дать ему? — спросила Кэлен Оуэна.

Парень бросился к ней, минуя Дженнсен.

— Все. Надо, чтобы он все выпил, — со страстной убежденностью сказал он, вкладывая пузырек в ладонь Кэлен. — Поторопись, пожалуйста.

— Ты причинил ему вред, — с нескрываемой угрозой произнесла Кэлен. — Твой яд заставил его страдать. Он кашлял кровью и мучился от боли. Если ты думаешь, что я когда-нибудь забуду об этом, пусть даже ты пришел с противоядием, то ты ошибаешься.

— Но я пытался успеть к вам, — Оуэн нервно облизал губы. — Я нес противоядие, чтобы этого не случилось. Я пытался, но вы убили всех тех людей.

— А... то есть это мы виноваты? — как бы уточняя, переспросила Кэлен.

Оуэн чуть улыбнулся и кивнул головой. На его лице появилась слабая улыбка удовлетворения тем, что его наконец поняли, что это их вина, а не его.

Пока Дженнсен следила за Оуэном, Том — за солдатом, а Фридрих — за Бетти, Кэлен и Кара опустились на колени и приподняли Ричарда, чтобы он смог выпить про-

тивоядие. Кара положила его себе на колени, а Кэлен держала его голову на руках.

Отвернув крышку зубами, она выплюнула пробку. Осторожно, чтобы не пролить жидкость, Кэлен приложила пузырек к губам мужа и наклонила. Она увидела, как жидкость омочила губы. Она чуть повернула голову Ричарда, чтобы рот приоткрылся чуть больше, и влила еще зелья. Прозрачная жидкость стекала в рот.

Кэлен не знала, противоядие ли в этом пузырьке. Снадобье было бесцветным и выглядело как вода. Ричард облизнул губы и проглотил жидкость. Кэлен понюхала пузырек, жидкость слабо пахла корицей.

Она влила еще зелья в рот Ричарда. Он закашлялся, но проглотил. Кара подцепила пальцем скатившуюся капельку и коснулась губ Ричарда.

Сердце Кэлен колотилось, пока последние капли падали в рот Ричарда. Зажав пустой пузырек между большим и указательным пальцами, другой рукой она подняла подбородок Ричарда и наклонила его голову назад, чтобы он проглотил.

Женщина облегченно вздохнула, когда он несколько раз сглотнул, проглотив все зелье. Она дала ему выпить все до капли.

Кэлен и Кара осторожно положили Ричарда обратно. Когда охранница встала, Оуэн кинулся к ним.

— Вы дали ему выпить все? Он выпил пузырек до дна? — с обеспокоенным лицом парень понесся к Ричарду.

Эйджил Кары моментально оказался в ее кулаке, и она с силой ударила Оуэна эйджилом по плечу.

Он пошатнулся и отступил назад.

— Прости. — Парень потер плечо. — Я только хотел посмотреть, как он, и не хотел ничего плохого. Мне надо, чтобы с ним было все в порядке, клянусь.

Кэлен с удивлением разглядывала Оуэна. Кара тоже ошеломленно посмотрела сначала на свой эйджил, потом на мужчину.

Эйджил не подействовал на него. Он невоспримчив к магии.

Даже Дженисен уставилась на Оуэна. Он такой же, как она — Столп Творения, рожденный без дара, не обладающий искрой магии. Дженисен это уже знала, а Оуэн, похоже, нет. Он решил, что Кара просто сильно стукнула его, чтобы он не подходил к Ричарду.

Прикосновение эйджила должно было бы сбить его на колени.

— Ричард выпил все противоядие. Сейчас оно действует. Я думаю, нам всем нужно поспать,— Кэлен кивнула головой.— Будешь стоять первой, Кара? Я останусь с Ричардом.

Кара кивнула, соглашаясь. Она бросила взгляд на Тома. Юноша перехватил его и показал глазами, что он ее понял.

— Оуэн, почему бы тебе не пойти со мной и не поспать эту ночь рядом с этим человеком? — сказал Том.

Оуэн побледнел, поднял глаза на огромного д'харианца и понял, что выбора у него нет.

— Да, конечно,— он снова обратился к Кэлен.— Я буду молиться, чтобы противоядие подействовало. От всего сердца молиться за лорда Рала.

— Молись лучше за себя,— ответила Кэлен.

Когда все ушли, она прилегла рядом с Ричардом. Теперь, оставшись наедине с мужем, она позволила себе заплакать. Ричард дрожал от холода, хотя ночь стояла теплая. Кэлен укутала его одеялом и положила ладонь ему на плечо, крепко обняв и не зная, встретят ли они новый день вместе.

Глава 22

Ричард открыл глаза и зажмурился, хотя было далеко не солнечно. Фиолетовые полосы расчерчивали низкое серое рассветное небо. Впереди горизонт был затянут темными

облаками. Он не был уверен, что это не закат и чувствовал себя сбитым с толку.

Тупая боль била в голове и отдавала в шею. Грудь горела при каждом вздохе. Горло саднило. Было тяжело глотать.

Изматывающая боль, боль, от которой перехватывало дыхание и темнело в глазах, понемногу уходила. Пробирающий до костей холод — тоже.

Ричард чувствовал, что потерял связь с миром на длительное время, и он не знал, как надолго. Казалось, прошла целая вечность, как если бы мир его жизни был только воспоминанием прошлого. Еще он понял, что мог бы и не проснуться. Осознание того, что он мог расстаться с жизнью и никогда не открыть глаз, бросило его в пот.

Пейзаж вокруг изменился, и Ричард его не помнил. Впереди поднималась острая грязь бледно-желтых скал. Сбоку он заметил кривые елочки. Совершенно голые бледные стволы перемежались покрытыми темными иголками. Дальние горы теперь были ближе, чем он помнил, и на окрестных холмах появилось больше деревьев.

Дженсен свернулась калачиком у заднего колеса повозки рядом с Бетти. Том спал неподалеку от своих лошадей. Фридрих сидел на камне и как будто был на страже. Ричард не мог узнать двоих мужчин, которые лежали у ног Фридриха. Ричард подумал, что должно быть, один из них — человек, которого коснулась Кэлен. Другой показался Ричарду знакомым, но он не мог вспомнить его лица.

Рядом спала Кэлен. Меч Истины лежал с его стороны ложа прямо под рукой. Меч Кэлен лежал в ножнах рядом с ней.

Все Искатели, добрые и злые, владевшие Мечом Истины до Ричарда, получали вместе с магией меча экстракт своего искусства. Как истинный Искатель, которому и был предназначен меч, Ричард научился вызывать эту способность и делать ее своей, пользоваться этим искусством и знанием, как никто до него. Он стал хозяином клинка,

более чем кто-либо, и часть этой власти пришла от самого клинка.

Кэлен научил обращаться с мечом ее отец — король Уай-борн Амнелл, правивший сначала в Гале, а потом, после женитьбы на матери Кэлен,— на ее родине. Ричард продолжил уроки отца и научил жену пользоваться мечом так, как умел только он. Кэлен оказалась хорошей ученицей и теперь могла биться стремительно и пользоваться преимуществами своего роста, а не полагаться только на силу, в которой она вряд ли могла соревноваться с опытным врагом-мужчиной.

Голова Ричарда раскалывалась, боль раздирава горло при каждом вздохе. Он улыбнулся, чувствуя рядом тепло Кэлен. Она так прелестно выглядела, даже с растрепанными волосами. Один взгляд на жену заставлял его сердце биться сильнее. Ричард всегда любил ее чудесные длинные волосы, любил смотреть на нее спящую почти так же сильно, как заглядывать в ее глубокие зеленые глаза. Он любил распутывать волосы Кэлен и играть с ними.

Ричард внезапно вспомнил, как первый раз увидел свою будущую жену спящей на полу в доме Эди, как медленно билась жилка на ее шее. Он вспомнил, как тогда смотрел, пораженный жизнью в ней. Кэлен была живая, страстно наполненная жизнью. И сейчас он улыбался, любуясь ею.

Ричард нагнулся и нежно поцеловал Кэлен в макушку. Она пошевелилась, придвигаясь ближе к нему.

Вдруг Кэлен вскочила, села на ногу и уставилась на него.

— Ричард!

Она бросилась к нему, положила голову на плечо и обняла, сжимая изо всех сил. Рыданье вырвалось из ее горла.

— Я в порядке,— утешал Ричард, гладя Кэлен по волосам.

Она отпрянула от мужа, смотря на него так, словно не видела целую вечность, а потом улыбнулась ему своей особой улыбкой.

— Ричард... — Кэлен могла только смотреть на него и улыбаться.

— Кто это? — все еще лежа на спине, Ричард приподнял руку.

Кэлен оглянулась через плечо. Она взяла руку Ричарда в свои.

— Помнишь того парня неделю назад? Оуэн? Это он.

— Кажется, я его узнаю.

— Лорд Рал! — Кара упала на землю с другой стороны от Ричарда.— Лорд Рал...

Охранница тоже не могла найти слов. Кара взяла его за свободную руку. Это значило для него целый мир.

— Спасибо, что присматривала за всеми,— Ричард поцеловал кончики двух пальцев своей руки и коснулся ими щеки Кары.

Дженнсен тоже проснулась и встала, одеяло обвилось вокруг ее ног.

— Ричард! Противоядие подействовало! Оно подействовало, добрые духи, подействовало! — радостно закричала она.

Ричард приподнялся на локте.

— Противоядие? — Он оглядел трех женщин перед ним.— Противоядие от чего?

— Тебя отравили,— объяснила ему Кэлен. Она показала большим пальцем себе за плечо.— Оуэн. Когда он пришел к нам первый раз, ты дал ему напиться. В благодарность он отравил воду в твоем меже. Он собирался отравить и меня, но пил только ты.

Взгляд Ричарда остановился на человеке у ног Фридриха. Он кивнул головой, подтверждая согласие со словами жены.

— Одна из тех маленьких ошибок,— сказала Дженнсен.

— Что? — Ричард удивленно посмотрел на нее.

— Ты говорил, что, как и все люди, тоже совершаешь ошибки, и даже самая маленькая из них может привести к

большим неприятностям. Помнишь? Кара говорит, что ты всегда совершаешь ошибки, особенно простые, и поэтому она должна быть с тобой,— Дженисен хитро улыбнулась.— Похоже, она права.

Ричард не возражал.

— Это только доказывает, как легко нас обмануть такими простыми вещами, как тот парень,— произнес он, вставая и собираясь направиться к Оуэну.

Кэлен наблюдала за парнем.

— У меня есть подозрение, что он совсем не так прост, как кажется.

Охранница положила руку на плечо Ричарду, чтобы задержать его.

— Кара, приведи его сюда, пожалуйста,— сказал Ричард, вынужденный сесть на ближайший ящик.

— С радостью,— девушка мотнула светлой косой и направилась через лагерь.— Не забудь сказать ему про Оуэна,— бросила она Кэлен.

— Что сказать?

Кэлен подвинулась ближе и смотрела, как Кара поднимает Оуэна на ноги.

— Оуэн рожден без искры — он такой же, как Дженисен.

— Хочешь сказать, что он мне сводный брат? — задумавшись, Ричард откинул назад волосы.

— Этого мы не знаем,— пожала плечами Кэлен.— Знаем только, что он не обладает даром.— Складка замешательства искривила ее бровь.— Кстати, в лагере, где нас атаковали, ты хотел сказать мне что-то важное, когда мы допрашивали того человека, но не успел.

— Да...— Ричард прищурился, вспоминая.— Я хотел сказать о том, кто послал их схватить нас: Николас... Николас какой-то.

— Скользящий,— подсказала Кэлен.— Николас Скользящий.

— Точно. Николас сказал им, где нас можно будет найти — на восточном конце пустыни, по направлению к северу. Откуда он это знал?

— Давай подумаем, откуда он знал? — Размышляя, Кэлен потерла переносицу. — Мы не видели никого, кто внушил тревогу и мог бы доложить, где мы. Даже если какой-нибудь человек и видел нас, то к тому времени, когда он успел бы сообщить о том, где нас найти, и Николас отправил людей, мы бы уже были далеко. Точно знать место можно было, только если Николас был близко от нас.

— Птицы, — сказал Ричард. — Он наблюдал за нами с помощью птиц. Больше мы никого не видели. Только так можно было узнать, где мы. Этот Николас Скользящий видел нас глазами птиц, как тени следующих за нами. Поэтому он знал, где нас искать, отдавая приказ своим людям.

Ричард поднялся, увидев, что к нему идет Оуэн.

— Лорд Рал, я так рад, что тебе лучше! — Парень спешил вперед, сложив руки в жесте облегчения. Кара держала его за складки одежды на плече. — Я не хотел, чтобы яд причинил тебе такой вред, и этого, клянусь, не произошло бы, выпей ты противоядие раньше. Я так старался прийти к вам раньше, то есть, клянусь, я пытался, но все эти убитые... — Он заискивающе улыбнулся Кэлен. — Мать-Исповедница понимает, что я не виноват.

— Видишь, это наша вина, что Оуэн не пришел с противоядием раньше, — хмуро взглянув на Ричарда, Кэлен скрестила руки на груди. — Он пришел в лагерь, намереваясь дать тебе зелье, а нашел там только убитых нами людей. Мы уже уехали и не дождались его помощи. Так что это не его вина: намерения Оуэна были кристально чисты, и он изо всех сил старался, а мы не оденили его усилий. Ну-да... Очень неосмотрительно с нашей стороны.

Ричард смотрел на Кэлен, удивляясь, пересказывает ли она саркастическим тоном то, что рассказал ей Оуэн, или

все действительно так и было. А, может, это его голова еще не совсем прояснилась?

Радость Ричарда от выздоровления будто накрыло темное грозовое облако.

— Значит, ты отравил меня, — обратился он к Оуэну тоном, не предвещающим ничего хорошего. — А потом привнес противоядие в лагерь, но мы уже ушли.

— Да. — Хорошее настроение парня тоже улетучилось. — Конечно, было жестоко ничего не сказать вам, но там было так... — Голубые глаза Оуэна увлажнились. Он обхватил себя за плечи, закрыл глаза и принял раскачиваться из стороны в сторону, с одной ступни на другую. — Ничего не существует. Ничего нет. Ничего нет.

— Что это значит, «ничего не существует»? — Ричард схватил его за грудки и подтянул к себе.

— Ничего нет, — под взглядом лорда Рала парень побледнел. — Мы не можем знать, существует ли то, что мы видим. Как мы можем знать?

— Но разве твои глаза не доказывают тебе, что мир существует, и он вполне настоящий?

— Нет, потому что наши чувства искажают реальность и обманывают нас. Чувства вводят нас в заблуждение. Вот мы не видим ночью — наши чувства говорят нам, что ночь пуста, но сова охотится на невидимую нам мышь. В нашей реальности этой мыши нет — даже если мы знаем, что она должна там быть. Так что помимо видимой нам существует еще другая реальность, например, реальность совы. Наше зрение не просто прячет от нас правду. Что еще хуже, оно искажает реальность, — Оуэн говорил со страстной убежденностью. — Чувства обманывают нас. Собаки ощущают запахи, которые наше ограниченное обоняние не воспринимает. И собака идет по следу того, что, как говорят наши чувства, не существует. Наше понимание реальности ограничено нашими ущербными чувствами... Наше предубеждение заставляет нас думать, что мы знаем непознаваемое —

не так ли? Но у нас нет точных чувств, чтобы познать этот мир. Мы знаем только его малую часть. Целый мир спрятан от нас, целый мир тайн, о которых мы не знаем. Но какая разница, видим мы это или нет, имеем ли мы мудрость осознать свое незнание или нет? То, что нам известно, в действительности — неизвестное. Ничего нет.

Ричард присел.

— Ты видел трупы, потому что они были реальны.

— То, что мы видим — это только мнимая реальность, видимость, плод самовнушения, иллюзии, основанные на наших несовершенных чувствах. Ничего нет.

— Тебе не понравилось то, что ты увидел, и ты решил, что этого просто нет?

— Я не знаю, что реально. Так же, как и ты. Сказать так — проявить свою заносчивость. Истинно просвещенный человек признает свою горестную ограниченность, смотря прямо в лицо своему существованию.

— Ты несешь полную чушь! — Ричард притянул Оуэна к себе. — Все это приведет тебя только к страданию, опустошенности и страху перед жизнью, которую ты так никогда не проживешь. Начни использовать мозги по назначению и узнавать этот мир вместо того, чтобы ограничиваться бессмысленными утверждениями. Но пока ты общаешься со мной, тебе придется иметь дело с миром, в котором мы живем, а не с выдуманными кем-то призрачными видениями.

— Ричард, а что если Оуэн прав — не насчет трупов, но вообще? — тихо произнесла Дженнсен, потянув брата за рукав.

— Хочешь сказать, все его заявления — чушь, но каким-то образом общая идея верна?

— Нет. Но вдруг он прав? Посмотри на меня и на себя. Вспомни, о чем мы говорили, когда ты объяснял мне, что я рождена слепой. — Девушка быстро взглянула на Оуэна и сказала меньше, чем собиралась. — Ричард, ты говорил по-

чи то же самое. Помнишь, ты сказал, что для меня многих вещей не существует? Правда, моя реальность отличается? Моя реальность не похожа на твою?

— Ты неправильно поняла меня, Дженнсен. Когда большинство людей попадают в заросли ядовитого плюща, они покрываются волдырями и начинают чесаться. Но некоторые редкие люди — нет. Это не значит, что ядовитый плющ не существует. Реальность тоже не зависит от наших мыслей, думаем ли мы, что она существует, или наоборот.

— А ты уверен в этом? — Дженнсен придвинулась еще ближе к брату. — Ричард, ты не знаешь, каково это — отличаться от остальных, не чувствовать и не видеть то, что другие. Ты говоришь, что это магия, но я не вижу и чувствую ее. Меня она не касается. Должна ли я поверить тебе на слово, если мои ощущения говорят мне, что ничего нет? Может быть, поэтому я понимаю то, о чем говорит Оуэн. А вдруг, он не так уж и не прав? Может, как он говорит, только сам человек решает, что для него реально, а что нет.

— То, что мы чувствуем, надо воспринимать в общем. Если я закрою глаза, солнце не перестанет светить. Когда я сплю, я ни о чем не забочусь, но это не значит, что мир перестает существовать. Надо не только слушать свои чувства, но и не становиться глухим к истине, которую ты узнал о мире. Ничто не меняется в зависимости от того, что мы знаем о нем. Есть то, что есть.

— Но, как утверждает Оуэн, если мы не можем получить опыт через наши чувства, то как мы знаем, что это реально?

— Я не могу забеременеть и получить такой опыт, — Ричард скрестил руки. — Докажи, что для меня женщины не существуют.

— Кажется, не могу, — Дженнсен отодвинулась, чувствуя себя глуповатой и пристыженной.

— Ну, теперь, разберемся с тобой,— обратился Ричард к Оуэну.— Ты меня отравил и признаешься в этом.— Он ударил себя кулаком в грудь.— Это отразилось здесь, и вполне реально. Ты виной тому. Теперь я хочу знать, почему ты это сделал, и почему потом принес противоядие. Мне совершенно не интересны твои впечатления от лагеря с трупами. Говори по делу. Пока факты таковы: ты принес противоядие к яду, которым отравил меня. Как насчет остального?

— Э-э, э-э....— Оуэн заикался.— Я не хотел твоей смерти, поэтому спас тебя.

— Хватит говорить о своих драгоценных переживаниях насчет содеянного,— начал сердиться Ричард.— Скажи наконец, зачем ты это сделал? Зачем было меня травить, а потом спасать? Я хочу знать ответ, всю правду.

Оуэн посмотрел на окружающие его мрачные лица. Он вздохнул, чтобы успокоиться.

— Мне нужна была ваша помощь. Я должен был убедить вас помочь мне. Я просил, умолял... Мои люди так нуждаются в вас, а вы отказали. Я же говорил, что это очень важно — ваша помощь, но вы все равно отказались.

— У меня есть важные дела,— сказал Ричард.— Мне жаль, что Орден захватил твою родину. Поверь, я знаю, как это ужасно! Но я говорил уже тебе, что пытаюсь сломить его, и успех нашего дела только поможет тебе и твоему народу избавиться от захватчиков. Имперский Орден разорил не только вашу страну. Люди Ордена убивали не только твоих близких, но и тех, кого мы любили.

— Но нам ты должен помочь первым,— настаивал Оуэн.— Ты и такие, как ты, непросвещенные, должны освободить мой народ. Сами мы не можем сделать это, потому что мы не свирепы. Я слышал, все вы едите мясо. Мне даже дурно думать об этом. Мой народ не такой — мы просвещенные. Я видел трупы тех, кого вы убили. Мне нужно, чтобы вы сделали то же самое с Орденом.

— Думаю, это не реальность?

— Вы должны дать нам свободу,— продолжал упорствовать Оуэн, не ответив на вопрос Ричарда.

— Я уже говорил тебе, я не могу!

— Теперь тебе придется.— Парень посмотрел на Кару, Дженнсен, Тома и Фридриха. Его взгляд задержался на Кэлен.— Ты должна уверится, что лорд Рал сделает это — или он умрет. Я его отравил.

Кэлен сгребла рубашку на груди Оуэна.

— Но ты же принес ему противоядие?

Оуэн согласно кивнул.

— В первую ночь, когда я просил вас о помощи, я уже дал ему яд,— он посмотрел на Ричарда.— Ты его уже выпил. Если бы ты тогда согласился двинуться на помощь моим людям, я бы сразу дал тебе противоядие, и оно бы тебя совершенно излечило. Но ты отказался пойти со мной, помочь тем, кто не может сам помочь себе, а это твой долг. Лорд Рал, ты выгнал меня. Поэтому я не дал тебе противоядия. Со временем отрава овладела твоим телом. Если бы ты не был таким эгоистом, то излечился бы еще тогда. Но сейчас яд укоренился в тебе. Время упущено. И противоядие, которое я дал, неспособно вылечить тебя, оно только облегчит на время боль.

— А что меня вылечит? — спросил Ричард.

— Тебе придется выпить гораздо больше противоядия, чтобы изгнать яд.

— И у тебя его, конечно же, нет? — вздохнул, начиная прозревать, Ричард.

Оуэн отрицательно покачал головой.

— Ты должен освободить мой народ. Только тогда ты получишь противоядие.

Лорду Ралу отчаянно хотелось вытрясти все ответы из этого человека. Вместо этого Ричард перевел дыхание, стараясь остаться спокойным, понять то, что сделал Оуэн и найти решение.

— Почему только тогда? — спросил он.

— Потому что противоядие находится в месте, захваченном Орденом,— ответил Оуэн.— Ты должен освободить нас от врагов, и тогда ты сможешь принять противоядие. Если хочешь жить, дай нам свободу. Если ты не сделаешь этого, то умрешь.

Глава 23

Кэлен была готова задушить Оуэна. Она хотела удавить его, чтобы он почувствовал отчаяние, панику, когда не хватает воздуха — то, от чего так страдал отравленный им Ричард. Негодяй должен был узнатъ на собственной шкуре, что это такое. Кара двинулась к Оуэну с тем же намерением, что и Кэлен. Но Ричард выставил вперед руку, не подпуская женщин.

— Сколько времени пройдет, прежде чем я снова забоюсь? — встряхнул Ричард Оуэна, держа его в другой руке.— Сколько проживу, прежде чем твой яд убьет меня?

Смузенный взгляд Оуэна метался от одного мрачного лица к другому.

— Если ты сделаешь, как я просил, как велит твой долг, ты будешь в порядке. Обещаю. Вот увидишь, я принесу противоядие. Я не хочу причинить тебе вред. Не это моя цель, клянусь!

Кэлен могла думать только о боли, изматывающей Ричарда, о том, как трудно ему дышать. Видеть его страдания было невыносимо. Кэлен не могла думать ни о чем кроме того, что муж снова может пройти через мучения, только на этот раз уже никогда не проснуться.

— Сколько? — повторил Ричард.

— Но если ты...

— Сколько!

— Меньше месяца,— облизнул губы Оуэн.— Думаю, около того.

— Дай мне его! — Кэлен попыталась оттолкнуть Ричарда.— Я выясню...

— Нет,— Кара оттащила Кэлен.— Мать-Исповедница, позоволь лорду Ралу сделать то, что он должен,— прошептала она.— Ты не знаешь, что вызовет твое прикосновение.

— Ерунда,— упрямо продолжала Кэлен.— Что бы с ним не случилось, магия исповеди сработает, и мы все узнаем.

Кара крепко схватила ее за талию так, что Кэлен не могла двинуться.

— А если сработает только сторона Магии Ущерба, и он умрет?

— И с каких это пор ты разбираешься в магии? — перестав вырываться, Кэлен посмотрела на Морд-Сит.

— С тех пор, как она может причинить вред лорду Ралу,— Кара оттащила Кэлен подальше от Ричарда.— У меня тоже есть разум. Я могу думать. А ты где забыла свою голову? Ты знаешь, где находится этот город? Где там хранится противоядие? Что ты будешь делать, если твое прикосновение убьет Оуэна, и ты обречешь лорда Рала на смерть, тогда как мы могли получить сведения от него без твоей власти?.. Хочешь, я переломаю ему руки, заставлю истекать кровью и кричать от боли? — Кара движением бровей указала на парня, съежившегося от страха.— Но я не убью его, он будет жить, пока не даст всю информацию о том, как спасти лорда Рала от смерти. Кэлен, спроси себя, почему ты хочешь это сделать? Чтобы получить сведения, или потому хочешь избить его? Жизнь лорда Рала зависит от того, насколько ты искренна перед собой.

Кэлен задыхалась от схватки, но еще больше от ярости. Кара была права. Да, она хотела ударить, исколотить парня до крови,— сделать все возможное, чтобы спасти Ричарда и наказать Оуэна.

— Я уже играла в эти игры,— закричала Кэлен.— Я хочу услышать всё.

— И я тоже,— произнес Ричард. Он приподнял Оуэна за ворот рубахи и посадил на ящик.— Так, Оуэн, никаких извинений по поводу того, что ты совершил. Начни с начала и расскажи, что происходит с твоим народом, и что вы делали.

Парень дрожал, как лист на ветру. За спиной Ричарда оказалась Дженнсен.

— Ты пугаешь его,— прошептала она.— Немного отойди от него, иначе он не сможет говорить.

Согласившись с доводом, Ричард коснулся плеча сестры. Он отошел на несколько шагов, сцепил руки за спиной и обратил взгляд к рассветному небу, к горам, которые он так часто изучал.

Эта была другая сторона цепи небольших гор, зажатых в тени огромных вершин, прорывающихся сквозь серые облака. Там они нашли сигнальный маяк и впервые увидели чернокрылых птиц.

Над горами висели тяжелые и темные облака. Кэлен подумала, что они похожи на грозовые. Воздух наполнил запах озона, предвещая грядущий ливень.

— Откуда ты? — спокойно спросил Ричард Оуэна.

Парень прочистил горло, разгладил рубашку и светлый плащ, пытаясь вернуть себе пристойный вид. Он продолжал сидеть на ящике.

— Я живу в городе просвещенных, цивилизации с высшей культурой... в великой империи.

— Где находится эта величественная империя? — Ричард по-прежнему смотрел в сторону гор.

Оуэн склонил голову и посмотрел на восток. Он указал на дальние возвышающиеся пики гор, которые рассматривал Ричард.

— Там. Видите это ущелье среди высоких гор? Я живу там, за ним, империя лежит за этими горами.

Кэлен вспомнила, что она однажды спрашивала, смогут ли они когда-нибудь пересечь эти горы. Тогда Ричард сомневался.

Он обернулся назад.

— Как называется эта империя?

— Бандакар,— благоговейным шепотом произнес Оуэн.

Он пригладил светлые волосы, чтобы придать себе вид, достойный жителя своей родины.— Я гражданин Бандакара, Империи Бандакар.

Ричард обернулся и как-то по-особенному посмотрел на Оуэна.

— Бандакар. Ты знаешь, что значит это имя, Бандакар?

— Да,— кивнул парень.— Бандакар — древнее слово из забытых времен. Оно означает «избранный» — Избранная Империя.

Казалось, Ричард чуть побледнел. Встретившись с ним взглядом, Кэлен поняла, что он прекрасно знает значение слова, а Оуэн ошибается.

Ричард пришел в себя. В задумчивости он потер бровь.

— Ты — или кто-нибудь из твоего народа — знает язык, откуда пришло это слово, «бандакар»?

— Мы не знаем этого языка,— махнул рукой Оуэн.— Он давно забыт. Только значение слова сохранилось, потому что оно очень важно для нашего народа. Мы храним в себе смысл, который оно несет в себе: Избранная Империя. Мы — избранный народ.

Поведение Ричарда изменилось. Казалось, его злость ушла.

— Империя Бандакар, почему о ней не знают? — подойдя ближе к Оуэну, мягко спросил он.— Почему никто не знает твоего народа?

Оуэн отвел взгляд и посмотрел сквозь слезы на восток, туда, где находилась его родина.

— Говорят, что древние, те, кто дал нам это имя, хотели защитить нас, потому что мы особенные. Они отвели нас

туда, куда никто не мог пройти, потому что вокруг горы. Эти горы воздвиг сам Создатель, чтобы защитить нас, и они непроходимы для врага.

— За исключением одного места,— Ричард показал на восток.— Этой расселины в горной цепи, перевала, так?

— Да,— подтвердил Оуэн, устремив взор в сторону своей родины.— Этим путем мы пришли в нашу страну, но также и чужаки могли попасть к нам. Только в этом месте мы были уязвимы. Мы — просвещенные, поднявшиеся над насилием, но в мире хватает диких рас. Поэтому древние хотели, чтобы наша культура выжила и развивалась без всей жестокости этого мира, и они запечатали перевал.

— И твой народ все это время был изолирован от мира — тысячи лет?

— Да. У нас совершенная страна, место, культура которого возвысилась над насилием.

— А как этот перевал, ущелье в горах, был распечатан? Оуэн посмотрел на Ричарда, испуганный его вопросом. На минуту он задумался.

— Ну... перевал был запечатан. Никто там не мог пройти.

— Потому что они бы погибли, пересекая границу,— констатировал лорд Рал.

Кэлен вдруг обдала холодная волна осознания. Она поняла, что за вещь была печатью на границе к империи.

— Ну да,— заикаясь, произнес Оуэн.— Но это не позволяло чужакам завоевать нашу империю. Мы исключили все насилие. Так ведут себя непосвященные. За насилием следует насилие, и так дальше, бесконечный круг насилия. Мы — высшая раса, мы выше насилия наших предков. Мы выросли над ними. Но без границы, закрывающей переход, и пока мир не избавится от насилия, народ моей страны может стать жертвой диких варваров.

— А сейчас граница нарушена.

— Да,— прежде чем ответить, Оуэн уставился в землю и сглотнул.

— Когда это произошло?

— Мы не знаем точно. Это опасное место. Никто не живет поблизости, поэтому мы не уверены, но, кажется, два года назад.

Кэлен испытала головокружительное чувство: ее страхи подтвердились.

Когда Оуэн поднял голову, он олицетворял собой само страдание.

— Теперь империя открыта диким варварам.

— После падения границы Имперский Орден часто пересекает перевал? — продолжал расспрашивать Ричард.

— Да.

— Земля за этими снежными горами, Империя Бандакар... Обитают ли там чернокрылые птицы? — спросил воин.

— Да, эти ужасные создания, невинные в своей злобе, охотятся на людей,— Оуэн удивился тому, что лорд Рал знает о них.— Ночью, когда они вылетают на охоту, мы неходим из дома. Но иногда эти страшные создания все-таки хватают людей, особенно детей...

— Почему вы их не убьете? — с негодованием воскликнула Кара.— Не прикончите? Не застрелите из луков? Добрые духи, почему вы просто не запустите им в головы камень, если они нападают на вас?!

Оуэн выглядел потрясенным.

— Я же говорил, мы выше насилия. Было бы очень плохо совершить насилие над этими невинными созданиями. Наш долг — оберегать их, потому что мы пришли в их земли. Мы, люди, виноваты в том, что соблазняем их нападать на нас. Но такова их природа. Мы сохраняем добродетель, принимая все в мире без предубеждения, вызываемого нашими несовершенными чувствами.

Ричард жестом приказал Каре замолчать.

— Все ли в империи такие миролюбивые? — спросил он, отвлекая внимание Оуэна от Кара.

— Да.

— А не бывает ли тех, кто... случайно, ну, ведет себя неправильно? Дети, например. Там, где я родился, дети иногда хулиганили. Дети твоей родины тоже должны шалить.

Парень слегка пожал плечами.

— Ну да. Иногда дети ведут себя неправильно и становятся неуправляемыми.

— И что вы делаете с такими детьми?

Оуэн кашлянул, откровенно стесняясь.

— Ну, их... отлучают на некоторое время от дома.

— Отлучают от дома, — повторил Ричард. Он вопросительно поднял руки. — Насколько я знаю, дети счастливы быть не дома. Они просто начинают играть.

— Мы другие, — убежденно покачал головой Оуэн. — С самого рождения мы не остаемся одни. Все бандакарцы очень связаны. Мы зависим друг от друга, заботимся друг о друге, проводим друг с другом все время. Мы и готовим, и стираем, и работаем вместе. Вместе спим в доме. Наша жизнь — жизнь просвещенных, в которой главное — общение между людьми, близость. Нет высшей ценности, кроме как быть вместе.

— Итак, когда кто-то из вас — ребенок — изгоняется, он становится несчастным? — спросил Ричард, притворившись удивленным.

Парень слегка кашлянул, по его щеке катилась слеза.

— Ничего не может быть хуже. Быть отлученным, вдали от остальных — самое страшное, что может произойти с человеком. Быть выброшенным в холодную жестокость мира — это ужасно.

Даже говоря об этом наказании, Оуэн весь принялся дрожать.

— И поэтому иногда птицы хватают таких детей, — произнес Ричард голосом, полным сострадания. — Когда они одиноки и беззащитны.

— Когда ребенка наказывают и должны отлучить, мы принимаем все меры,— Оуэн вытер ладонью слезы.— Мы никогда не выгоняем его ночью, потому что ночью обычно охотятся птицы. Детей наказывают только днем. Но когда мы остаемся одни, мы оказываемся беззащитными перед всеми ужасами и жестокостью этого мира. Остаться одному — ничего не может быть хуже! Мы очень стараемся не наказывать детей. Ребенок, которого один раз наказали, больше никогда не ведет себя неправильно. Нет большей радости для него, чем возвращение к родным и друзьям.

— Значит, для твоего народа изгнание — самое сурьёзное наказание.

Оуэн смотрел вдали.

— Конечно.

— Там, откуда я родом, мы тоже любим собираться вместе и веселиться. Мы ценим время, проведенное вместе. Когда мы уезжаем надолго, то всегда спрашиваем, как живут наши знакомые.

— Тогда ты понимаешь,— улыбнулся Оуэн.

Ричард кивнул, вернув парню улыбку.

— Но иногда бывают люди, которые ведут себя неправильно; даже уже будучи взрослыми,— лорд Рал целеустремленно шел к выяснению истины.— Мы делаем все, что можем, но иногда кто-нибудь совершает что-нибудь неправильное, и такие люди знают, что поступают дурно. Они могут солгать или украсть. Или даже хуже, иногда люди намеренно причиняют боль другим людям — разбойничают, насилиют женщин или убивают других людей.

Оуэн не смотрел на Ричарда. Его взгляд был направлен в землю.

— Когда кто-то совершает нечто подобное в твоей стране, что делает твой народ? — Продолжая говорить, Ричард медленно ходил вокруг Оуэна.— Как просвещенные люди судят преступления, совершенные против людей?

— Мы удаляем корни такого поведения в детстве,— быстро ответил Оуэн.— Мы делим все поровну, поэтому никому не придет в голову красть. Люди воруют потому, что завидуют другим. Мы показываем таким людям, что мы не лучше их, и поэтому у них нет нужды скрывать свои страхи от других. Мы учим их быть просвещенными и отвергать такое поведение.

Ричард невозмутимо повел плечами. Кэлен подумала, что он готов был задушить Оуэна, но он вел себя понимающе и спокойно. Она уже видела его таким. Ее муж был Искателем Истины, названным самим Первым Волшебником. Ричард выполнял свой долг Искателя, ища истину. Иногда с помощью меча, иногда с помощью слов.

Ричард обезоруживал людей своими вопросами, но в данном случае Кэлен поражалась тому, как спокойно чувствует себя Оуэн. Эта мягкая манера задавать вопросы вела к получению ответов, которых Кэлен никогда бы не добилась.

Женщина поняла, что она сама была причиной того, что произошло с бандакарцами.

— Мы оба знаем, Оуэн, что даже если бы людей захотели изменить, ничего бы не вышло. Некоторые люди просто не хотят меняться. Сейчас они творят много ужасного. Даже среди цивилизованных народов есть нелюди, стремящиеся к насилию и разрушению, несмотря на все наши усилия. Что еще хуже, если не препятствовать насилию, такие люди подомнут под себя все общество,— Ричард продолжал искать истину все таким же спокойным тоном.— Объясни мне, если среди вас есть насильник, то ты ведь не сможешь позволить ему насиливать женщин? Если кто-то совершает убийство, ты не позволишь ему угрожать всей империи, да ведь? И высшую культуру, в особенности, нельзя винить за желание остановить поведение, угрожающее просвещенным людям... Но вы избегаете всех форм насилия, и разве смогли бы вы наказать человека —

обречь убийцу на смерть — если на самом деле отрицаете насилие? Как вы поступаете с такими людьми? Как просвещенный народ наказывает за «мокрые» дела, такие как убийство?

Оуэн вспотел. Он не мог отрицать, что убийцы существуют — Ричард сам доказал ему это.

— Э-э,— парень опять замялся и проглотил слюну.— Как ты сказал, мы — просвещенный народ. Если кто-нибудь причинит вред другому, мы его открыто осуждаем.

— Осуждение,— Ричард приблизился к нему, пристально смотря в его лицо.— То есть вы осуждаете действия преступника, но не самого человека. Даете ему второй шанс.

— Да, так,— Оуэн вытер пот и посмотрел на Ричарда.— Мы много делаем для того, чтобы такие люди исправились. Мы понимаем, что их проступки — крик отчаяния, поэтому мы наставляем их в просвещении. Помогаем осознать, что боль, причиненная одному, отразится на всех, и что они — возлюбленные наши, а значит, вред, нанесенный народу, причинен ими самим себе. Мы выказываем им сочувствие и понимание.

Кэлен поймала руку Кары и твердым взглядом попросила ничего не говорить.

— Понимаю,— Ричард медленно ходил вокруг Оуэна, кивая головой, словно соглашаясь.— Вы делаете все для того, чтобы они не повторили своих проступков.— Оуэн обрадовался, что Ричард его понимает, но пока не мог знать, к чему тот клонит.— Но бывали случаи, когда после порицания и наставления такие люди снова совершали те же, а иногда еще более тяжкие преступления. И тогда вам становилось ясно, что они не собирались меняться и продолжали угрожать общественному порядку, безопасности и доверию. Верные только себе, такие люди несут в себе то, что все вы отрицаете — насилие, пытаясь навязать обществу свои законы.

Туман начал рассеиваться. Оуэн сидел на ящике, дрожащий, испуганный и одинокий. Некоторое время назад он уклончиво отвечал на самые прямые вопросы, а сейчас Ричард вынуждал его говорить открыто.

Фридрих почесал лошадь за ухом. Дженнсен присела на камень, Бетти примостилась у ее ног. Том стоял рядом с девушкой, положив на ее плечо ладонь и наблюдая за человеком, которого коснулась Кэлен. Мужчина безучастно сидел в стороне, ожидая приказа госпожи. Кара стояла рядом с Кэлен, готовая к неприятностям и очевидно увлеченная историей народа Оуэна. Она выглядела так, словно долгое время с трудом держала язык за зубами. Впрочем, так оно и было.

Кэлен разделяла настроение Кары и была ошеломлена историей таинственной империи, которую Ричард так легко и непринужденно вытянул из парня, намеревавшегося его отравить. Кэлен не представляла, чего муж хочет добиться своими само-собой-разумеющимися вопросами. Связаны ли как-то способы наказания в этой империи с тем, что Ричарда отравили? Одно ей было ясно — он знал, к чему клонит, и быстро шел по выбранному им пути к свету истины.

— Что же вы тогда делаете? — Лорд Рал остановился перед Оуэном. — Когда не способны изменить того, кто стал для всех опасен? Что просвещенные делают с такими людьми?

Оуэн заговорил тихим голосом, ясно слышимым в утренней тишине.

— Мы изгоняем их.

— Изгоняете... Посыдаете их через границу?

Оуэн кивнул.

— Но ты ведь сказал, что переход через границу равен смерти. Вы не могли послать их просто так через границу, иначе вы обрекли бы их на смерть. Где-то должно быть место, через которое они проходили. Особое место. Место,

куда вы могли их изгнать, не убивая, но такое, откуда они не смогли бы вернуться и снова причинить вам зло.

Оуэн покивал головой.

— Да. Есть такое место. Перевал, через который идет граница, крутой и ненадежный. Но есть тропа, которая ведет к границе. Древние, те, кто защитил нас, воздвигнув границу, оставили и тропу. По тропе можно миновать границу. Спускаясь с гор, идти по ней очень тяжело, но возможно.

— И потому, что она так обрывиста, невозможно вернуться назад? В Империю Бандакар?

— Она идет через опасное место, узкий проход через границу, безжизненную землю, где везде подстерегает смерть,— Оуэн пожевал нижнюю губу.— Изгнанному не дают с собой воды. Он должен найти ее сам или умереть. Мы посыпаем наблюдателей к началу тропы, где они поджидают изгнанного и убеждаются в том, что он уже не вернется. Наблюдатели ждут несколько недель, после того, как человек начнет переход, чтобы быть уверенными в том, что изгнанный ушел далеко в поисках воды и пищи, в поисках новой жизни вдалеке от своего народа.— Парень содрогнулся.— Там чудовищный лес, корни деревьев извиваются по земле, как змеи. Тропа уводит все ниже под корни и бегущую воду. Через некоторое время ты оказываешься в месте, где деревья растут прямо над головой, пытаясь дотянуться до дальнего света. Ты ишьешь хотя бы луч солнца, а видишь только скрученные корни, уходящие в темноту. Когда этот лес корней окружит тебя, ты пройдешь границу и пересечешь горы.— Голос Оуэна стал совсем страдальческим.— Но невозможно попасть в нашу страну с другой стороны тропы. В империю нельзя вернуться. Однажды изгнанным нет возврата.

Ричард подошел к мужчине и положил руку ему на плечо.

— За что тебя изгнали, Оуэн?

Тот спрятал лицо в ладонях, уткнулся головой в колени и громко зарыдал.

Глава 24

Ричард мягко заговорил с парнем, держа руку на его плече.

— Расскажи мне, что произошло, Оуэн. Скажи так, как ты чувствуешь.

Кэлен поразилась, что после всего рассказанного бандакарцем он сам оказался изгнаниником. Она увидела, что Дженнисен приоткрыла рот. Кара изогнула бровь.

Кэлен заметила, что Ричард поглаживает Оуэна по плечу. Тот, наконец, разогнулся и отер слезы. Вытер нос рукавом.

— Я должен рассказать всю историю? Все до конца? — Оуэн посмотрел на Ричарда.

— Да. Я хочу услышать все, с самого начала.

Кэлен удивилась поразительному сходству в этот момент Ричарда с его дедом, Зеддом. Когда Первый Волшебник говорил кому-то, что хочет знать все, он был так же спокоен и мягок в своем величии, и ему тоже было невозможно отказать.

— Я был счастлив среди моего народа, когда они окружали меня. Наши люди прижимали меня к груди, когда я был мал. Я всегда мог найти спасение в их теплых объятиях. Я знал, что другие дети становились неуправляемыми и их наказывали, но сам никогда не вел себя неправильно. Я жаждал быть таким же, как мой народ. Они учили меня просвещению. Я служил своему народу, меня называли Мудрым.— Когда Оуэн углубился в воспоминания детства, лицо его просветело.— Позже, когда люди увидели, насколько я просвещен и как о них забочусь, они выбрали меня Говорящим нашего города. Я путешествовал в ближние гор-

да и произносил слова, в которые мои люди верили — все как один. Я бывал и в маленьких, и в больших городах. О, это было счастливое время, потому что везде меня окружали самые близкие люди. Я влюбился в девушку из моего города. Ее звали Мэрили.

Оуэн погрузился в прошлое. Ричард не торопил его, терпеливо ожидая, когда он продолжит.

— Была весна, чуть меньше двух лет назад, когда мы полюбили друг друга. Мы с Мэрили проводили время, разговаривая, держась за руки и сидя рядом друг с другом. Когда мы были среди людей, я не отводил глаз от Мэрили, а она от меня... Даже когда мы были с другими людьми, мы были одни в целом мире, Мэрили и я, и мир принадлежал только нам, только мы видели его потаенную красоту. Это неправильно — думать так. Быть только друг с другом и не помнить о других людях, значит быть эгоистами, а думать, что наши глаза видят больше — греховная гордость, но мы ничего не могли с собой поделать. Деревья цвели только для нас. Вода в ручьях звенела только нам. Луна выходила на небо только для нас двоих. — Оуэн медленно покачал головой. — Вам не понять, как это... что мы чувствовали.

— Я понимаю тебя, — тихим голосом заверил его Ричард.

Оуэн взглянул на него. Потом перевел взгляд на Кэлен. Она кивком подтвердила слова мужа. Брови парня удивленно изогнулись. Он виновато, как показалось Кэлен, отвел глаза.

— Я был Говорящим в своем городе — тем, кто говорит правду, — вернулся Оуэн к своему рассказу. — Иногда я помогал людям решать, как верно поступить, исходя из принципов нашей высокой культуры. — Оуэн неловко выбросил вперед руки. — Я уже говорил вам, меня называли Мудрым, поэтому люди верили мне.

Ричард только кивнул, не прерывая, хотя Кэлен догадалась, что он не понимает некоторых деталей истории Оуэна. Но суть ее была Ричарду понятна.

— Я спросил Мэрили, выйдет ли она за меня замуж, станет ли она моей женой. Она ответила, что это будет самый счастливый день в ее жизни, когда я скажу, что не хочу никого, кроме ее. Это был самый счастливый день в моей жизни, когда она сказала, что станет моей женой... Все были рады за нас. Люди любили нас обоих и долго обнимали, показывая свою радость. Мы сели и говорили о том, как справим свадьбу и как все будут рады, когда мы станем мужем и женой и родим детей нашему народу.

Оуэн застывшим взглядом смотрел вперед. Казалось, он ушел в себя и совсем не замечал, что прервал рассказ.

— Свадьба была большая? — спросил Ричард.

Оуэн также смотрел вперед.

— Пришли люди Ордена. Тогда мы впервые узнали, что границы больше нет. Больше не было барьера, защищавшего нас. Наша империя лежала обнаженной перед варварами.

Кэлен знала, что это она нарушила границу и стала виной тому, что эти люди оказались беззащитны. У нее не было выбора, но это не облегчало тяжесть, рухнувшую камнем на ее душу.

— Они пришли в наш город. Вокруг нашего города, как и везде, стоят стены. Те, кто дал нам имя «Бандакар», завещали строить города именно так. Это было очень мудро с их стороны. Стены защищали нас от диких животных. Мы были в безопасности и не причиняли зла живым созданиям.

Люди Ордена разбили лагерь у наших стен. Разместить их в городе не было возможности — их было слишком много, а у нас никогда не бывало так много гостей из других городов. Я боялся того, что они будут спать с нами под одной крышей. Это неправильно, это моя вина, не их, но я чувствовал страх. Поскольку я был Говорящим, мне пришлось отправиться в их лагерь с едой и добрыми пожеланиями. Я был наполнен неправедными страхами и боялся пришель-

цев. Они были огромны. Некоторые с длинными темными масляными волосами, другие — лысые, многие носили грязные бороды — среди них не было никого со светлыми волосами, цвета солнечного золота, как у моего народа. Ужасно было видеть, что они носят одежду из звериных кож, железные цепи и кожаные полосы, утыканые острыми лезвиями. К их поясам были подвешены жутко выглядевшие инструменты, которых я никогда в своей жизни не видел. Только потом я узнал, что это оружие. Я пригласил их разделить то, что мы имели, сказав, что это будет честью для нас. Я пригласил их посидеть с нами и разделить беседу.

Все замерли в тишине, не силах сказать что-нибудь. По щекам Оуэна бежали слезы и стекали с подбородка.

— Люди Ордена отказались посидеть с нами. И не разделили нашей беседы. Пока я говорил с ними, они обращались со мной, как с недостойным внимания, кто-то скалился на меня так, словно собирался съесть.

Я подумал, может, они испытывают страх, и постарался их успокоить, уверяя в том, что мы — мирный народ и не причиним им зла. Я обещал, мы сделаем все возможное, чтобы им у нас понравилось... Их Говорящий, командир, как он себя назвал, обратился ко мне, сказав, что его зовут Лучан. Его плечи были шире моих в два раза, хотя он был не выше меня. Лучан сказал, что не верит мне и мои люди причинят им вред. Как он подозревает, мы собираемся убить его людей. Меня потрясло, что он так подумал о нас, особенно после того, как я от всего сердца пригласил их погостить. Я не понял, почему он думает, что мы собираемся убить его людей, и стал уверять этого человека в наших мирных намерениях.

Лучан улыбался, но не доброй улыбкой, а такой, которой я еще никогда не видел. Он сказал, они снесут наш город и убьют всех, и только тогда будут уверены, что мы не нападем на них во время сна. Я заклинал его не делать

этого, а просто поговорить с нами и избавиться от своих страхов. А мы рассеем его сомнения и покажем ему свою любовь.

После моих слов Лучан сказал, что теперь он не разрушит город и не убьет всех нас, как собирался. Он заявил, что поверит мне, если я отдаю ему свою женщины в знак искренности и расположения. Он добавил, что если я не пошлю ее к нему, то они нападут, и это будет на моей совести, поскольку я отказался доказать ему свою искренность и добрую волю.

Я вернулся в город, узнать, что скажет мой народ. Все согласились и решили, что я должен послать Мэрили к людям Ордена, и тогда они не разрушат город и не убьют всех. Я просил всех не решать так быстро, предложил закрыть ворота, тогда люди Лучана не смогли бы причинить нам вред. Но мои люди сказали, что воины Ордена найдут способ проникнуть в город и убьют всех до единого, если мы закроем ворота и опозоримся отказом. Они говорили все громче и громче, что я должен показать Лучану свое расположение и развеять его страхи.

Никогда я не чувствовал себя таким одиноким среди своего народа. Я не мог пойти против слова всех, потому что меня учили, что голоса, сложенные вместе, мудрее одного и знают истинный путь. Один не может знать правды. А все вместе всегда примут правильное решение.

Мои колени дрожали, когда я пришел к Мэрили. Я слышал, как спросил ее, хочет ли она выполнить волю присельцев и волю нашего народа. Я сказал, что убегу вместе с ней, если она откажется. У Мэрили было золотое сердце. Она заплакала и сказала, что никогда не слышала от меня такой греховной просьбы, поскольку она означает смерть всех остальных.

Мэрили сказала, что пойдет к людям Ордена и успокоит их, а иначе совершится насилие. Она хотела уверить их в наших добрых намерениях.

Я гордился тем, что моя любимая выбрала высшие ценности нашего народа. Мне хотелось умереть, когда я это чувствовал, и не отпускать ее.

Поцеловав Мэрили в последний раз, я не мог остановить слез. Тогда я обнял ее, и мы заплакали вместе.

Потом я отвел ее к их командиру, Лучану. У него была бритая голова, масляно-черная борода, и он носил серьгу в ноздре и ухе. Лучан сказал, что я сделал мудрый выбор. Его загорелые руки были по объему почти такие же, как талия Мэрили. Своей огромной потной лапой он схватил Мэрили за руку и потащил от меня, а мне крикнул, чтобы я «бежал побыстрее» в город. Его люди смеялись надо мной, когда я повернулся обратно.

Люди Ордена оставили мой город и мой народ. За это я заплатил Мэрили.

Нет мне покоя.

Люди Ордена сняли лагерь и ушли. Но однажды они вернулись и вызвали меня. Я спросил Лучана о Мэрили, как она, счастлива ли. Лучан отвернулся и сплюнул, а потом ответил, что не знает, он ее никогда об этом не спрашивал. Я был взволнован и спросил, говорила ли она с ним о мирных путях нашего народа, о наших чистых намерениях. Он сказал, что когда он с женщинами, то предпочитает их молчаливыми. И Лучан подмигнул мне. Хотя я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так подмигивал, я понял, о чем он.

И тогда я страшно испугался за Мэрили. Но я помнил, что ничего на самом деле нет, а потому не мог быть уверен в услышанном. Ведь я слышу только то, что этот человек говорит о вещах, которые видел, а это всего лишь чувственная сторона мира. Я не могу знать реальность только через свои глаза и уши.

Затем Лучан сказал, что мы должны открыть ворота, если утверждаем, что гостеприимны к ним. Он еще добавил, что если мы откажемся, начнется новый круг насилия.

Я вернулся в город и передал его слова жителям. Мой народ в один голос сказал, что надо открыть ворота и привлекать их в город.

Люди Ордена вошли в город и захватили всех женщин, от девочек до пожилых бабушек. Я стоял вместе с другими мужчинами и умолял их отпустить наших женщин, не трогать нас. Я говорил, что мы согласились с их требованиями и не причиним им зла, но они не слушали.

Тогда я напомнил Лучану, что послал ему Мэрили в обмен на мир. Я сказал, он должен сдержать свое слово. Но командир и его люди только засмеялись.

То, что я видел потом, не было реальностью. Действительность — царство смерти, и мы знаем, что мир не может знать правды. В тот день несчастье пришло к моим людям. Мы знаем, что не следует сопротивляться судьбе, поскольку она предопределена истинной реальностью, которую мы не в силах увидеть.

Я видел, как тащили наших женщин. Я смотрел, как они выкрикивали наши имена, рвались к нам, но чьи-нибудь огромные руки закрывали им рот и оттаскивали; а я ничего не мог сделать. Никогда мои уши не слышали таких криков, как в тот день.

Тяжелые облака, казалось, касались верхушек деревьев. В тишине Кэлен слышала, как поет птица на еловой ветке. Оуэн остался один на один со своими страшными воспоминаниями. Ричард молча стоял, сложив руки, и смотрел на него.

— Я пошел в другие города,— заговорил Оуэн.— В некоторых из них Орден уже побывал до моего прихода. Люди Ордена сделали с другими городами то же, что и с моим: взяли женщин. Иногда они прихватывали и нескольких мужчин.

Но оставались и поселения, куда войско Ордена еще не добралось. Как Говорящий своего города, я рассказывал, что произошло с моим народом, и призывал их действовать.

Но люди сердились на меня и говорили, что противостоять насилию — неправильно, и это приведет только к новому витку насилия. И тогда мы станем ничем не лучше диких варваров. Они убеждали меня в необходимости отказаться от моих слов и положиться на мудрое решение моего народа. Еще они сказали, что я смотрю на мир собственным ограниченным зренiem, а не следую вере остальных.

Я пришел в один из самых больших городов и снова рассказал о том, что граница нарушена, Имперский Орден идет на нас и уже взял несколько городов. Я просил людей поверить мне и вместе решить, что делать для защиты нашей империи.

Так как я был настойчив, Совет Говорящих отвел меня к Мудрому. Это большая честь — говорить с Мудрым. Он сказал мне, что я должен забыть содеянное людьми Ордена над моим народом. Только так я смогу остановить насилие.

Мудрый сказал, что злоба и жестокость людей Ордена вызвана их болью, это крик о помощи, и они нуждаются в доверии и понимании. Я должен был очиститься его мудростью и замолчать. Но я начал рассказывать ему о своем желании быть с Мэрили, о людях, которые были уведены неведомо куда, о других Говорящих, которые готовы мне помочь.

Но Мудрый ответил, что Мэрили найдет свое счастье, а я веду себя очень эгоистично, желая привязать ее к себе. Он сказал, что каждому положена своя судьба и не мне решать на нее.

Я доказывал Говорящим и Мудрому, что Лучан не выполнил договора, когда я отдал ему Мэрили. Но Мудрый сказал, что Мэрили пришла к этим людям с миром, поэтому насилие не продолжится. Он заявил, что эгоистично и греховно ставить свои желания выше мира, который самоотверженно выбрала Мэрили, и, может быть, именно мое собственническое отношение вызвало злобу этих людей.

Я спросил, что я должен был делать, когда был искренен с ними, а они со мной — нет. Мудрый ответил, что я осуждал их с самого начала, а не попытался простить, обнять или хотя бы понять. Он сказал, что я должен был поддержать их, броситься перед ними на землю и умолять простить меня за напоминание о старой боли, которую они, наверно, когда-то пережили.

Я ответил Мудрому перед лицом всех остальных Говорящих, что не хочу прощать этих людей или обнимать их, а хочу выкинуть их из нашей жизни.

И тогда меня осудили...

Ричард молча подал Оуэну кружку с водой. Парень, не глядя, прихлебывал.

— Совет Говорящих приказал мне возвращаться в свой город и просить мудрости у тех, среди кого я жил. Они сказали, чтобы я просил свой народ наставить меня в учении. Я вернулся с желанием искупить свою вину, но понял, что все стало еще хуже. Теперь Орден пришел, чтобы взять все, что он хочет — пищу и товары. Мы отдали им все, что они просили, да они и не спрашивали, просто брали. Многих забрали с собой, многих мальчиков и тех, кто был молод и силен. Остальных мужчин убили. Люди с пустыми глазами стояли над телами убитых друзей. Где-то люди насыпали курганы над пролитой кровью. Эти места стали святыми, к ним приходили молиться. Дети плакали, не переставая,— Оуэн остановился. Каждое слово рассказа давалось ему с трудом, страшные картины вновь и вновь проносились перед его мысленным взором.— Некому было меня учить. Все жители моего города заперлись и дрожали за своими дверями, но когда пришел Орден, они опустили глаза и отворили двери. Я больше не мог оставаться в городе. Я бежал за городские стены и был дико испуган, что остался один. Там, среди холмов, я встретил других, таких же, как я — эгоистов, трясущихся в страхе за свои жизни. Вместе мы решили действовать и положить конец страданиям. Мы

приняли решение восстановить мир.— Мужчина перевел дыхание.— Вначале мы послали людей к Ордену сказать, что мы не причиним зла и хотим мира. Мы спрашивали, как нам поступить, чтобы они были удовлетворены и ушли. Орден приказал пробить посланникам лодыжки шестом и подвесить на окраине города, содрав с них кожу живьем,— голос Оуэна стал почти безжизненным.— Тех, кого казнили, я знал с детства. Эти люди учили меня, наставляли, обнимали в радости, когда мы с Мэрили решили пожениться. Орден оставил их кричать в агонии на палившем солнце. И они мучились, пока их не нашли чернокрылые хищники. Я говорил себе, что увиденное мною — ложь, и я не должен этому верить, это глаза наказывают меня за греховные мысли, а мой разум не знает, было это правдой или иллюзией. Орден убил не всех, кто пришел с переговорами. Некоторые вернулись с ответом Ордена. Они сказали, что мы должны спуститься с холмов и вернуться в город. Это будет знаком наших мирных намерений и того, что мы не собираемся нападать на людей Ордена. А если мы этого не сделаем, они примутся снимать кожу с дюжины человек в день и оставлять на съедение чернокрылым птицам. И так будет продолжаться, пока все мы не проявим свои мирные намерения, или каждый в городе будет посажен на кол и с него сдерут кожу. Многие заплакали, не силах думать, что они могут стать причиной насилия, и вернулись в город. Но так поступили не все. Кое-кто из нас остался в холмах. Так как Орден нас не считал, а вернулось много людей, он решил, что все исполнили его приказ. Те, кто остался в холмах, жили, питаясь орехами, фруктами, ягодами, которые мы могли отыскать в лесу, или украденной пищей. Мы медленно собирались вместе. «Надо узнать, что Орден делает с похищенными людьми,— сказал я остальным.— Поскольку люди Ордена не знают нас в лицо, мы могли бы смешаться с теми, кто работал на полях или ухаживал за животными, и незаметно вернуться в город. И тогда Орден не догадается, что

мы с холмов». В следующие месяцы мы наблюдали за армией Ордена. Лучше бы наши глаза не видели этого! Детей выгнали в леса, полные диких зверей и птиц, и мы не знали, что с ними случилось, а всех женщин люди Ордена забрали в построенный ими укрепленный лагерь,— Оуэн спрятал лицо в ладонях, пытаясь подавить рыдания.— Они использовали наших женщин как мешки для вынашивания. Они заставляли их рожать детей, как можно больше детей от них. Некоторые женщины уже были беременны. А те, кто не был, вскоре забеременели. За следующие полтора года родилось много детей. Какое-то время о них заботились, а потом отбирали у матерей, которые снова беременели. Я не знаю, куда забирали этих младенцев — куда-то за пределы нашей империи. Мужчины, которых угнали из городов, тоже были высланы из Бандакара. Люди Ордена не слишком следили за своими пленниками, потому что мы не признаем насилия, и некоторым удалось бежать в холмы, где они нашли нас. Они сказали, что люди Ордена позволяли им видеть женщин, но предупредили, что если те ослушаются приказания, то с женщин живьем снимут кожу. Мужчины не знали, куда их собирались отвезти и для какого дела использовать. Они знали только, что если ослушаются приказа, женщинам причинят зло. Ко времени этой встречи мы уже полтора года скрывались в холмах и собирали информацию о том, что творится в Бандакаре. Мы выяснили, что Орден захватывает другие города нашей империи. Самый главный Мудрый и все члены Совета Говорящих пустились в бега. Мы узнали, что в некоторых городах люди сами открывали ворота и приглашали Орден внутрь, надеясь таким образом избежать насилия. Эти надежды были тщетны. Все попытки моего народа были напрасны, все уступки не умиротворяли злобы людей Ордена. Мы не понимали, где правда. Но в некоторых больших городах было по-другому. Жители выслушали речи Говорящих Ордена и поверили в то, что учение Ордена подобно нашему и его цель — поло-

жить конец несправедливости и жестокому обращению. Люди Ордена убедили их, что они тоже не приемлют насилия и просвещенные, как и мы. А к насилию им пришлось обратиться, чтобы подавить тех, кто восстал против них. Они назвали себя лучшими среди просвещенных. Жители городов обрадовались, что теперь они в надежных руках спасителей, которые просвещают варваров, живущих по неправильным законам.

Ричард стоял, хмурый, как гроза, и больше не мог молчать.

— И после всей жестокости народ поверил словам Ордена? — прогремел он.

— Жители городов попали под влияние слов Ордена, поверив, что он борется за те же идеи, которые дороги нам самим, — развел руками Оуэн. — Люди Ордена объясняли убийства тем, что к нашим городам подошли люди с севера — из Империи Д'Хара. Я впервые слышал это название — Д'Хара. На протяжении полутора лет жизни в холмах я обошел много стран, надеясь найти то, что помогло бы нам изгнать Орден из Бандакара. Я был в городах Древнего мира. В Алтур-Ранге я услышал шепот о великом человеке с севера, из Империи Д'Хара, который приносит свободу. — Парень взглянул на Ричарда. — Мои люди были и в других частях известного нам мира. Вернувшись, мы поделились друг с другом тем, что видели и слышали. Все в один голос говорили о лорде Рале и его жене, Матери-Исповеднице, которые борются против Имперского Ордена. Потом мы узнали, где скрывается Мудрый, а вместе с ним и большинство наших Великих Говорящих. Он жил в одном из самых больших городов, куда еще не дошел Орден. Орден не спешил. Но и мой народ никуда не уходил — идти было некуда. Мои друзья хотели, чтобы я стал их Говорящим и пошел к Великим Говорящим убедить их в необходимости остановить Имперский Орден и изгнать его из Бандакара. — Оуэн отхлебнул воды. — Я отправился в прекрасный

город, где ни разу не был, и восхитился тем, что построила наша высокая культура. Культура, которую уничтожат, если я не сумею убедить Великих Говорящих и Мудрого подумать, как остановить Орден. Я говорил с ними очень настойчиво, рассказывая обо всем, что совершил Орден. Я говорил о тех людях, которых встретил в холмах, жаждущих услышать, что скажут им Мудрый и Говорящие. Великие Говорящие ответили, что я не могу знать истинную сущность Ордена и судить только по увиденному мною и еще несколькими людьми. «Орден — это огромная империя, а вы видели только малую часть ее народа,— заявили они.— Люди не способны совершить такие чудовищные поступки, о которых ты нам рассказал, потому что это повергло бы их в ужас еще до завершения». Великие Говорящие в знак доказательства предложили мне содрать кожу с одного из них. Я, конечно, не мог этого сделать, но уверял их, что своими глазами видел, как делают это люди Ордена,— голос мужчины преисполнился сожаления.— Говорящие с презрением отнеслись к моим словам. Они напомнили мне, что действительность вовсе не такова, как нам кажется. «Возможно, люди Ордена боятся вреда, который мы можем им причинить, и просто хотят проверить нас,— сказали они.— Нас, скорее всего, испытывают, заставляя думать, что все эти ужасные вещи — правда. Люди Ордена хотят увидеть, как мы воспринимаем это, и истинно ли мы идем по путям мира или собираемся напасть на них». Великие Говорящие указали мне на то, что я не могу знать, видел ли на самом деле описанное мною. Они утверждали, что я не могу судить, хорошо это или плохо, и не мне судить тех, кого я даже не знаю. «Тот, кто так поступает, становится над другими людьми, а это проявление враждебности»,— сказали Говорящие. Я стоял и не мог забыть о том, что мне пришлось увидеть, о тех, кто вместе со мной надеялся убедить Говорящих и Мудрого защитить нашу империю. Я видел перед собой лицо Лучана и не мог забыть о Мэрили

в его лапах. Я думал о принесенной ею жертве, о ее загубленной ни за что чистой и светлой жизни. И тогда я встал перед Говорящими и закричал, что они — само зло.

— Похоже, ты можешь сказать, что есть правда, когда захочешь, — громко рассмеялась Кара.

Ричард бросил в ее сторону испепеляющий взгляд.

Оуэн посмотрел на них и моргнул. Его мысли были так далеко отсюда, что он даже не услышал слов Кари. Парень взглянул на Ричарда.

— За это они изгнали меня, — произнес он.

— Но печать границы была сломана, — сказал Ричард. — Ты уже ходил через перевал. Как они могли изгнать тебя, если граница была разрушена?

— Им не нужна стена смерти, — развел руками Оуэн. — Изгнание — сама смерть, смерть тебя как жителя Бандакара. Мое имя стало известно всей империи, и каждый прогонит меня. Передо мной захлопнут любую дверь. Я — изгнанный. Никто не захочет общаться со мной. Я — отверженный. И неважно, что меня не заставили переходить границу. Меня оторвали от людей. А это намного хуже. Я вернулся в холмы собрать вещи и сказать людям, что меня изгнали. Я намеревался покинуть родину, как сказал мне мой народ устами Говорящих. Но мои люди, те, кто жили в холмах, не хотели, чтобы я уходил. Они сказали, что изгнание неправильно. Мои люди видели то же, что и я. Они видели, как уводили их жен, матерей, дочерей и сестер. Видели убитых друзей, мужчин, с которых содрали кожу и бросили умирать в жестоких страданиях, видели птиц, кружащих над ними. Люди говорили, что если все мы это видели, то так оно и было. Все они сказали, что ушли в холмы, поскольку любят нашу землю и хотят вернуть мир, который в ней был. Еще они добавили, что Великие Говорящие, видно, ослепли, раз отдают наш народ в лапы убийц, а если так случится, мы будем жить под Имперским Орденом как рабы и мешки для вынашивания. Я был потрясен

тем, что мои люди отказались изгнать меня, а просили остаться с ними.— Голос мужчины задрожал от гордости за друзей.— Мы решили, что будем теми, кто станет действовать. Когда я спросил, каков будет наш план, все ответили одно. Мы решили, что должны привести лорда Рала, который даст нам свободу. Все единодушно. Мы думали, что нам делать. Кто-то говорил, что лорд Рал придет к нам, когда мы попросим. Но, предположили другие, ты можешь не захотеть, потому что ты непросвещенный и тебе нет дела до нашего народа. Мы долго ломали головы, пока придумали, как сделать так, чтобы ты в любом случае пришел к нам,— Оуэн виновато взглянул на Ричарда.— Поскольку меня изгнали, я вызвался идти к тебе. Мне не было другой жизни, кроме как скрываться в холмах. Я сказал, что не знаю, где искать тебя, но не сдамся, пока не найду. Один из стариков, всю жизнь занимавшийся изучением трав, подготовил яд, который я подлил в твой мех. Он же подготовил и противоядие. Старик объяснил мне, как действует яд и как можно остановить его действие. Никто из нас не хотел быть виновным в убийстве человека, пусть даже непросвещенного.

Боковым зрением Ричард заметил Кэлен и дал жене знак, что просит ее помолчать, хотя и знает, как ей не терпится вмешаться. Кэлен стоило больших усилий сдержаться.

— Я волновался, как я найду тебя, но знал, что непременно должен это сделать,— обратился к Ричарду Оуэн.— Прежде чем отправиться на твои поиски я, в соответствии с нашим планом, должен был спрятать противоядие. В одном из больших городов мне удалось подслушать на рынке один разговор. Кто-то говорил, что городу оказана большая честь, поскольку приехал самый важный человек Имперского Ордена в Бандакаре. Меня озарила мысль, что он-то должен знать о том, кого так ненавидит Орден — о лорде Рале. Несколько дней я оставался в городе, наблюдая за зданием, где, как говорили, он жил. Я видел солдат, сную-

щих туда-сюда. Я видел, как иногда они забирали с собой людей, которые позже возвращались. Однажды я увидел, что людям, которые вернулись, не причинили вреда. Я подобрался к ним поближе узнать, о чем они говорят. Те люди говорили, что видели самого великого человека. Я не много узнал из разговора, но понял, что никому из них не причинили вреда. А потом я заметил солдат и подумал, что, наверно, они собираются взять и отвести к важному человеку еще людей. Я побежал за ними в центральный парк и ждал там, как бы прячась между скамеек. Солдаты набросились и увели небольшую группу людей, в которой был и я. Сначала я испугался умереть прежде, чем выполню свою миссию, но потом подумал, что это — моя единственная возможность попасть в здание, где живет важный человек, единственная возможность увидеть его и изучить место, где он живет, куда потом можно будет вернуться и послушать. Когда я жил в холмах и следил за Орденом, то хорошо научился быть незаметным и слушать. Я дрожал от страха, пока солдаты вели нас через коридоры на верхние этажи. Я боялся пыток и хотел убежать, но вспомнил о людях, которые дожидались меня в холмах и надеялись, что я отыщу лорда Рала и приведу его в Бандакар. — Мужчина немного помолчал. — Нас провели через тяжелую дверь в темную комнату, которая наполнила меня страхом, потому что в ней стоял запах крови. Окна были закрыты ставнями. Я увидел, что в комнате есть стол, на котором стоит глубокая чаша, а рядом — заостренные колья, высотой мне по грудь. На них пятнами запеклась кровь. Две женщины и мужчина упали в обморок. В ярости один из солдат начал бить их по головам. Когда они так и не поднялись, их оттащили за руки. Я видел, как по полу тянулся кровавый след, и не хотел, чтобы мою голову тоже разбили сапоги солдат, поэтому решил не паниковать. В комнате появился человек, войдя тихо, как легкий ветерок. Никогда я так никого не боялся, кроме Лучана. Он был одет в многослойную одеж-

ду, полосы которой волочились за ним, когда он двигался. Его черные волосы были зачесаны назад и намазаны маслом для блеска, а нос торчал бы вперед меньше, если бы он не забирал назад волосы. Маленькие черные глазки наливались кровью. Когда эти глаза остановились на мне, я забыл о том, что решил не паниковать. Медленно прохаживаясь, этот человек разглядывал нас, словно выбирал на обед рабу. Его узловатые пальцы показали на одного из схваченных в парке, потом на другого. Так он отобрал пятерых, а я заметил, что ногти на его руках покрыты черным. Потом он взмахнул рукой, отпуская остальных. Солдаты встали между пятью отобранными и нами. Они начали выталкивать нас к дверям, но прежде чем мы успели уйти, в дверях появился командир со свернутым набок носом и доложил, что прибыл посланец. Человек с черными волосами провел черными ногтями по голове и сказал командиру, чтобы посланец подождал, к утру у него будут новые сведения. Меня вместе с остальными вывели на улицу. Нам сказали убираться, и что в наших услугах больше не нуждаются. Говоря это, солдаты смеялись. Я ушел вместе с другими, чтобы не сердить солдат. Люди шептались, делясь впечатлениями о встрече с самым великим человеком, а я думал о том, что это могут быть за «последние сведения». Вечером, когда совсем стемнело, я пробрался к дому с задней стороны. За воротами в высокой деревянной ограде начиналась узкая аллея. В темноте я прошел аллею и спрятался в дверном проеме, ведущем в боковой коридор. За этим коридором были и другие. В свете свечей я узнал тот, по которому нас привели сегодня днем. Было поздно, и я никого не встретил, идя все дальше по коридору. И слева, и справа были комнаты и ниши в стенах, но там никого не было, потому что был поздний час. Я проскочил по лестнице и подкрался к толстой двери комнаты, в которую меня приводили днем.— Оуэн перевел дыхание.— Я услышал самые страшные крики, какие мне приходилось слышать в своей жизни. Люди

плакали и молили, чтобы им сохранили жизнь, молили о милосердии. Одна женщина умоляла о смерти, которая прекратит ее страдания. Мне показалось, меня стошнит, или я упаду в обморок. Но одна мысль держала меня и помогала не броситься прочь со всех ног. Это была мысль о том, что в моих руках судьба моего народа, и я должен привести лорда Рала. Я пробыл всю ночь в темной нише у двери, слушая вопли несчастных. Не знаю, что делали с этими людьми, но, думал, умру, страдая вместе с ними. Всю ночь продолжались крики, вызванные чудовищной болью. Я забился в нишу и заплакал, говоря себе, что не должен бояться, поскольку всего этого не существует. Я представил боль этих людей, но сказал себе, что поставил свое воображение превыше всего, а, как меня учили, это неправильно. Подумав о Мэрили, о том времени, когда мы были вместе, я заставил себя не слушать крики за дверью. Ведь я не знаю, что действительно существует, и, значит, не знаю, были ли реальны те звуки. Рано утром вернулся уже виденный мною командир. Я осторожно выглянул из своего укрытия. К двери подошел человек с черными волосами. Я знаю, что это был именно он, потому что увидел руку с черными ногтями, передавшую командиру свиток. Человек с черными волосами скрипучим голосом приглушенно сказал командиру, — он назвал его «Наджари», — что нашел их. Так и сказал — «их». Потом он произнес: «Они на восточной границе пустыни и направляются на север». Он приказал командиру немедленно передать его слова посланцу. Наджари ответил: «Совсем скоро, Николас, ты получишь их, а мы назначим свою цену».

Глава 25

Ричард резко повернулся.

— Николас? Ты слышал, как он произнес это имя?

— Да, я уверен,— удивленно моргнул Оуэн.— Он сказал «Николас».

Кэлен ощутила, как на нее навалилось отчаяние, словно она оказалась в паутине холодного, мокрого тумана.

Ричард сделал нетерпеливый жест рукой.

— Продолжай.

— Я не был уверен, что они говорят именно о тебе — о лорде Рале и Матери-Исповеднице,— пока не услышал, как командир произнес «их» с отвратительным удовлетворением в голосе. Их голоса напомнили мне, как улыбался Лучан — так, как я никогда не видел, — будто он собирался съесть меня. Я понял, что теперь смогу найти тебя, и в тот же день ушел из города.

Принесенный порывом ветра, утренний туман сменил моросящий дождь. Кэлен вдруг заметила, что дрожит от холода.

Ричард смотрел на человека, сидящего на земле, человека с отметиной в правом ухе, человека, которого коснулась Кэлен. По земле вокруг Ричарда барабанили капли.

— Этот человек — один из тех, кого послал Николас. Он был вместе с теми, чьи тела ты видел в лагере. Если бы мы не защищали себя, позволили бы себе поставить свою ненависть к насилию выше действительности, мы были бы навсегда потеряны. Так же, как Мэрили.

Оуэн присмотрелся к солдату.

— Как его имя?

— Не знаю, мне все равно,— ответил Ричард.— Он сражался за Имперский Орден, сражался за идею, что любая жизнь, включая и его собственную, не имеет никакой важности, ценности, уникальности. За принцип, когда отдельная жизнь — ничто, и любые жертвы оправданы, потому что ты — ничто... Он сражался за мечту о том, чтобы все были никем и ничем... По учению Ордена, ты не имеешь права любить Мэрили, все одинаковы, и твой долг — жениться на любой. Такой самоотверженной жертвой ты будешь полезен

своему товарищу. Несмотря на то, что ты старался не верить всему увиденному тобой, Оуэн, и несмотря на все ваши учения, ты уже знаешь, что ужас, принесенный Орденом,— не в их жестокости, а в их идеях. В их вере, оправдывающей насилие, и в том, что вы приняли их веру... Этот человек не ценил свою жизнь, поэтому меня не волнует, как его зовут. Я дал ему то, к чему он так стремился — небытие.

Ричард оторвал взгляд от Оуэна и увидел, что Кэлен дрожит от холода. Он сходил к повозке, вернулся с ее плащом и бережно укутал жену.

Кэлен поймала его ладонь и на мгновение приложила к своей щеке. Из истории Оуэна они услышали слишком мало хорошего.

— Это значит, что не дар убивал тебя, а яд,— тихо произнесла Кэлен.— Это был яд.

Она успокоилась тем, что они не опоздали с противоядием. Страх еще обжигал холодом ее сердце, но Кэлен уже не боялась так сильно, как когда они тряслись в повозке, а Ричард лежал без сознания.

— Головные боли у меня появились раньше, чем я встретился с Оуэном,— возразил Ричард.— И они по-прежнему меня беспокоят. Магия меча тоже сопротивлялась еще до отравления.

— У нас есть время, чтобы найти решение.

Он откинул назад волосы.

— Боюсь, у нас куда более серьезные проблемы и совсем нет времени. Так что ты, увы, ошибаешься.

— Серьезные проблемы?

Ричард кивнул.

— Ты знаешь, откуда Оуэн? Бандакар? Догадываешься, что значит «Бандакар»?

Кэлен взглянула на сидящего на ящике парня, целиком ушедшего в себя. Она отрицательно покачала головой и посмотрела в серые глаза Ричарда, удивленная скрытой яростью в его голосе.

— Нет. А что это за слово?

— Название на верхне-д'харианском. Оно значит «изгнанные». Помнишь, в книге «Столпы Творения» я читал тебе, как они решили изгнать всех рожденных без искры в Древний мир? Помнишь, я сказал, что никто не знает, какова была их дальнейшая судьба?.. Теперь мы знаем. Теперь весь мир открыт людям Империи Бандакар.

Кэлен сдвинула брови.

— Ты уверен, что они потомки тех людей?

— Взгляни на Оуэна. Он блондин, и похож скорее на д'харианца, чем на жителя Древнего мира. И что важнее, на него не действует магия.

— Но так может быть только с ним.

Ричард наклонился ближе.

— В закрытых областях, вроде той, откуда этот парень, отрезанных от остального мира на тысячи лет, даже один Столп Творения оставит потомство, которое в скором времени принесет следующее поколение... Но такой Столп был не один, все жители не обладали даром. Поэтому их и изгнали в Древний мир. А в Древнем мире, когда они попытались построить новую жизнь, их снова изгнали, уже за горы — в место, которое называли «Бандакар», «изгнанные».

— Но как люди в Древнем мире узнали о них? Как они смогли их всех собрать и загнать в одно изолированное от мира место, не дав никому из них распространить свое свойство изначальной неодаренности?

— Хороший вопрос, но сейчас не самый важный.

— Оуэн,— позвал Ричард.— Я хочу, чтобы ты остался там, пока мы единодушно не решим, что делать.

Парень просиял, услышав, что Ричард собирается поступить так, как привык делать сам Оуэн. В отличие от Кэлен, он не заметил, что в голосе Ричарда прозвучал скрытый сарказм.

— Эй, ты! Иди и сядь рядом с ним, смотри, чтобы он дождался вместе с тобой,— бросил Ричард человеку, которого коснулась Кэлен.

Солдат бросился исполнять приказание.

— Надо поговорить,— позвал Ричард остальных.

Фридрих, Том, Дженнсен, Кара и Кэлен пошли за ним.

Ричард подошел к повозке и сложил на груди руки. Все остальные собрались вокруг него. Ричард посмотрел каждому в лицо.

— У нас большие неприятности,— начал Ричард.— И не только потому, что Оуэн дал мне яд. Он не обладает даром. Оуэн как ты, Дженнсен. На него не влияет магия.— Лорд Рал задержал свой взгляд на сестре.— Его народ — такой же, как и он, и как ты.

Дженнсен удивленно приоткрыла рот. Она смущилась, не зная, что обо всем этом думать. Фридрих и Том тоже казались удивленными. Кара нахмурила брови.

— Ричард, такого не может быть,— произнесла Дженнсен.— Их слишком много. Нереально, чтобы все они приходились нам сводными сестрами и братьями.

— Они не наши сводные братья и сестры, а потомки рода Ралов — такие, как ты,— сказал Ричард.— Сейчас у меня нет времени объяснить тебе все. Помнишь, как я рассказывал тебе, что ты родишь детей, у которых не будет дара? Много лет назад такие люди жили в Д'Харе. Жители Д'Хары собрали людей, не обладающих даром и изгнали их в Древний мир. А люди Древнего мира запечатали их за теми горами. Название империи Бандакар значит «изгнанные».

Голубые глаза Дженнсен наполнились слезами. Она — одна из людей, которых так ненавидят, что изгнали из родной земли.

Кэлен обняла ее за плечи.

— Помнишь, ты говорила, что чувствуешь себя одинокой в этом мире? — Женщина тепло улыбнулась.— Теперь ты не одинока. На земле есть такие же, как ты.

Кэлен не думала, что ее слова помогут, но Дженнсен немного успокоилась.

Вдруг девушка посмотрела на Ричарда.

— Этого не может быть. Граница запечатывала их. Если они — такие же, как я, то им не страшна магия границы. Эти люди могли перейти ее в любое время, когда бы ни захотели. За все это время кто-нибудь из них мог перейти границу — магия не причинила бы им вреда.

— Не думаю, что это так,— сказал Ричард.— Помнишь, ты видела, как кружился песок в маяке, который принес нам Сабар? Это была магия, и ты ее видела.

— Но если Дженнсен — Столп Творения, то как она могла видеть ее? — поинтересовалась Кэлен.

— Вот-вот,— поддакнула Дженнсен.— Как это могло быть, если я рождена без дара? — Ее брови поползли вверх.— Ричард, может быть, это не так? Может, у меня есть маленькая искорка дара? Вдруг я не по-настоящему лишена дара?

Ричард улыбнулся.

— Милая, ты чиста, как снег. Ты видела эту магию по особой причине. В своем письме Никки сказала, что сигнальный маяк связан с волшебником, создавшим его, связан с подземным миром. Подземный мир — мир мертвых. Это значит, что статуя обладает Магией Ущерба, магией подземного мира. Ты можешь быть защищена от магии, но не от смерти. Обладая даром или нет, ты все равно связана с жизнью, а значит, и со смертью... Потому ты и видела магию статуи — магию, связанную со смертью... Граница — место, где существует смерть. Перейти ту границу — то же самое, что перейти из мира живых в мир мертвых, а потом вернуться обратно. Никто не возвращается из мира мертвых. Если кто-либо из рожденных без дара в империи Бандакар попробовал бы перейти границу, он бы погиб. Поэтому империя и была закрыта от всего мира.

— Но они изгоняли людей через границу,— настаивала Дженнсен.— Это значит, что магия границы не действовала на них. —

— Нет. Они смертны, так же, как и мы,— покачал головой Ричард.— Но через границу есть проход, такой же, как был в границах, разделяющих Новый мир. Я проходил однажды через границу. Был особый переход, тайное место, через которое могли пройти знающие о нем. Этот такой же.

Дженнсен сморщила носик.

— Тогда это бессмысленно. Если это правда, и переход не был спрятан от них, и все они знали о нем, то почему же тогда все не ушли? Как они могли оставаться закрытыми, если изгоняли некоторых через границу?

Ричард вздохнул и отер рукой лоб. Кэлен показалось, он не хотел, чтобы сестра задавала этот вопрос.

— Ты не забыла ту местность, которую мы оставили позади? — спросил Ричард Дженнсен.— Там, где ничего не растет?

— Да, помню,— кивнула девушка.

— Сабар сказал, что он пришел из такого же, только севернее.

— Да. И оно идет точно к центру пустыни, к Столпам Творения — так же, как и первое,— подтвердила Кэлен.— Они параллельны.

Ричард кивнул в подтверждение.

— Эти полосы идут по обе стороны от расщелины, ведущей в Бандакар. Они лежат недалеко друг от друга. Сейчас мы как раз здесь, между полосами.

— Но, лорд Рал, это же значит, что изгнанный из империи Бандакар оказывался между двумя стенами границ,— не выдержал Фридрих.— Изгнанному приходилось идти прямо к...

Фридрих зажал рот и повернулся на запад, к темноте.

— Столпам Творения,— тихо закончил за него Ричард.

— Но, но...— Дженнсен стала заикаться — Неужели ты хочешь сказать, это было сделано специально? Чтобы изгнанные из империи Бандакар шли прямо к Столпам Творения? Зачем?

Ричард долго смотрел ей в глаза.

— Чтобы убить их.

Дженнисен слогнула.

— То есть те, кто изгнал их, хотели, чтобы они, даже если бы вернулись, погибли?

— Да,— ответил Ричард.

Кэлен завернулась покрепче в плащ. Так долго было невыносимо жарко, что с трудом верилось, что наступили холода.

Ричард откинул прядь мокрых волос со лба.

— Эди говорила мне, что на каждой границе должен быть переход для того, чтобы уравновешивать жизнь по обе ее стороны. Подозреваю, что те, кто запечатал людей в горах, хотели, чтобы преступники покидали страну, и для этого они сказали о тропе. Но они вовсе не жаждали, чтобы эти «дважды изгнанники» затерялись в Древнем мире. Кто бы они ни были, они не имели дара. Им нельзя было позволить уйти.

Кэлен увидела слабое место в его теории.

— Но все три границы должны были иметь тропы. Даже если тропы через две остальных границы были тайными, кто-нибудь мог найти их и избежать Столпов Творения. Оставался шанс, что они могли попасть в Древний мир.

— Если бы было три границы, тогда, может, в этом был бы смысл,— сказал Ричард.— Но, боюсь, их было не три. Была только одна граница.

— Ну, теперь ты точно говоришь чепуху,— не удержалась Кара.— Ты сказал, что одна граница шла с севера на юг, замыкая тропу, а две других — параллельно на запад и восток. И они преграждали путь тому, кто пересек первую границу, и заставляли его идти к Столпам Творения, где он погибал.

Кэлен начинала сердиться. Похоже, действительно была возможность перейти и эти границы.

— Не думаю, что существовало три границы, — повторил Ричард. — Была только одна. Она была не прямой, а полукруглой. — Он сложил два согнутых пальца. — Вершина границы шла через тропу в горах, — Ричард указал на кончики пальцев. — А два ее плеча расходились параллельно к Столпам Творения.

— Почему? — только и смогла спросить Дженнсен.

— Мне кажется, что волшебники прошлого, которые отправили лишенных дара в изгнание, хотели, чтобы они избавлялись от опасных людей, но знали, что лишенные дара не станут убивать преступников. Наверно, когда их изгнали в Древний мир, у них уже были такие идеи насилия. Но эта вера оставляла их беззащитными перед агрессией. Защищая свои жизни, они не могли казнить преступников, зато изгоняли их из своего общества; чтобы не погибнуть от их руки... Изгнание из Д'Хары и Нового мира, переход через границу Древнего мира слишком сильно потрясли их. Они объединились ради выживания... Жители Древнего мира воспользовались их страхом и убедили в том, что граница защитит их и избавит от насилия. Возможно, изгнанным внущили, что они — особенные, и требуют особой защиты. Их потребность держаться вместе была вызвана страхом оставаться без защиты. Помните, изгнание для Столпов Творения было самым жестоким наказанием? Наверно, они боялись людей Древнего мира, потому что сами не обладали даром. Но объединившись, за границей, они чувствовали себя защищенными. Теперь же, когда граница разрушена, у нас большие проблемы.

Дженнсен сложила руки на груди.

— Теперь, когда нас больше, чем один — чем просто одна снежинка, ты боишься снегопада?

Ричард укоризненно взглянул на нее.

— Почему, как ты думаешь, Орден захватил в плен его народ?

— Ну конечно, чтобы родить детей, таких, как они. Чтобы уничтожить драгоценную магию в человеческой расе,— ответила Дженнсен.

Ричард не обратил внимания на раздражение в ее голосе.

— Нет, я имею в виду другое. Зачем они похитили мужчин?

— По той же причине,— предположила девушка.— Жениться на тех женщинах и родить детей без искры.

Ричард глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Что сказал нам Оуэн? Мужчинам его народа показали их женщин и сказали, что если они не последуют приказам Ордена, то с женщин живьем сдерут кожу.

— Каким приказам? — перебила Дженнсен.

Ричард наклонился к ней.

— Вот именно, каким приказам? Подумай... — Он оглядел остальных.— Каким приказам? Зачем им нужны люди, не обладающие даром? Чего Орден хочет от таких людей?

— Башня! — выдохнула Кэлен.

— Точно, — Ричард обвел всех тревожным взглядом.— Как я и говорил, у нас большие проблемы. Башню защищает Зедд. С его способностями и магией этого места он может в одиночку противостоять целой армии Джеганя... Но что сможет сделать хилый старик пусть даже одному молодому человеку, у которого нет дара? На которого не воздействует магия? Тому, кто просто подойдет и схватит старика за горло?

— Ты прав, Ричард! — воскликнула Дженнсен.— У Джеганя тоже есть эта книга, «Столпы Творения». Он знает, что таких, ну... вроде меня, не касается магия. Он тоже пытался меня использовать. Вот почему он столь настойчиво убеждал меня в том, что ты собираешься убить меня, и я решила убить тебя первой — мой единственный шанс выжить. Он знал, что у меня нет дара, и магия меня не остановит.

— Джегань родом из Древнего мира,— прибавил Ричард.— Скорее всего, он что-нибудь слышал об империи за горами. Судя по всему, что нам известно, в Древнем мире Бандакар был легендой, а в Новом мире о тех, кто был изгнан, не знали ничего тысячи лет... Теперь Орден захватил мужчин Бандакара и заставил их убивать. Если эти люди ослушаются, то убьют их беззащитных женщин — тех, кого они любят. И главный приказ — захват Башни Волшебников для Ордена.

Ноги Кэлен подогнулись. Если Башня падет, они потеряют свое единственное преимущество. Обладая Башней, Джегань получит в свои руки множество смертоносных магических вещей. Там хранились предметы, способные уничтожить всех, включая самого сноходца. Император уже доказал распространением чумы, что готов к убийству всех на своем пути, готов воспользоваться любым оружием, пусть даже тем, которое убьет его людей.

Но даже если Джегань ничего не возьмет в Башне, а просто будет контролировать ее, даже тогда у д'харианцев не остается шансов. Это то, что делает Зедд, защищая Башню: он пытается найти средство против Джеганя, найти способ прогнать Имперский Орден обратно за границу, в Древний мир.

Без Башни всем надеждам приходит конец. Противостояние ни к чему не приведет. Если император захватит Башню, всякое противостояние ему станет бессмысленным. Войска Ордена проникнут во все уголки Нового мира. И ничто их не остановит.

Трясущимися пальцами Кэлен подтянула плащ. Она знала, чего ждут ее люди, и каково это — когда войска Ордена вторгаются и разрушают города. Почти год она сражалась с армией против Джеганя. Его солдаты — словно свора диких псов. Они не успокоятся до тех пор, пока не разорвут тебя на клочки.

Кэлен была в городах, например, в Эбиниссии, через которые прошла армия Имперского Ордена. В дикой ярости

она буйствовала там несколько дней, убивая, насилия и замучивая до смерти любого, кто попадался им на пути. Солдаты Джеганя оставили позади себе пустыню и горы трупов. Никого не пожалели.

И это ожидает людей Нового мира.

Когда вражеские войска наводнят Новый мир, любая торговля и ремесло прекратят развиваться. Все замрет. Будет разрушен образ жизни бесчисленного количества людей. Сначала станет резко не хватать пищи; а потом ее будет не достать ни за какие деньги. Люди утратят смысл своего существования, заключающийся в поддержке друг друга. Люди потеряют все, ради чего трудились всю свою жизнь.

Города потонут в панике. Когда к ним подойдут войска Ордена, многие уже покинут свои жилища, спасаясь бегством из родного города и страны. Джегань захватит запасы пищи и отдаст земли своей элите. Настоящие владельцы погибнут или превратятся в рабов на своей собственной земле. Те, кто уйдут до прихода войск, будут жить как животные, в заброшенных и диких местах, отчаянно цепляясь за жизнь.

Большинство жителей станут влечь жалкую жизнь. Сотни из тысяч останутся без крова. Еды будет не хватать, невозможно станет подготовиться к зиме. Когда наступят холода, люди будут умирать толпами.

Когда разрушат цивилизацию и наступит голод, по земле распространятся болезни. Семьи будут разрушены, многие умрут, медленно мучаясь от боли, в страданиях. Дети и слабые останутся одни, молясь о куске пищи.

Кэлен знала, на что похоже такое распространение болезни. Она знала, как это,— видеть, когда люди тысячами умирают. Кэлен видела это в Эйдиндрите, когда там свирепствовала чума. Она видела, как болезнь косила всех: молодых, старых... Люди уже не могли бороться, и глаза Матери-Исповедницы видели, как сильно они страдали, прежде чем смерть приносila избавление от мук.

Ричард тоже тогда заразился чумой. Он сделал это намеренно, пойдя на такой отчаянный шаг, чтобы снова быть рядом с ней. Он жертвовал жизнью, желая умереть рядом с Кэлен.

Это были времена ужаса.

Кэлен знала, что такре безысходность. Был единственный шанс спасти его жизнь. Она нарушила гармонию, и это спасло Ричарду жизнь. Но в то время она не знала, к чему это может привести.

Из-за ее отчаянного шага разрушилась граница империи Бандакар. Из-за нее может исчезнуть вся магия в мире.

Сейчас, когда граница упала, Башня Волшебников — их единственная надежда противостоять Ордену — находится в опасности.

Кэлен почувствовала, что все это ее вина.

Мир на пороге разрушения. Цивилизация на грани уничтожения во имя безумной идеи Ордена. Орден требует жертв во имя великого добра. Безумие наползает на весь мир.

Они находятся в тени грядущего века тьмы. Все подошло к концу времен.

Кэлен не смогла сейчас сказать об этом. Не смогла показать, что она чувствует. Не осмелилась даже признаться в своем отчаянии.

— Ричард, мы не можем позволить Ордену захватить Башню,— Кэлен едва поверила тому, как спокойно и уверенно звучит ее голос. Она подумала, верит ли еще кто-нибудь в то, что у них есть шанс.— Мы должны остановить их.

— Согласен,— ответил Ричард.

Он тоже говорил спокойно. Кэлен подумала, увидел ли он в ее глазах всю глубину ее отчаяния.

— Сначала самое простое: Никки и Виктор,— произнес Ричард.— Нам придется сообщить им, что мы не сможем приехать сейчас. Виктор хочет знать наше реше-

ние. Ему необходимо, чтобы мы одобрили план, который он может осуществить и сам, и тогда ему не надо ждать нас. Мы уже говорили с Виктором, и он знает, что делать. Теперь ему надо действовать, а Приска должен быть уверен в его помощи.— Лорд Рал занимался привычным делом, излагая план действий, а потому его речь стала лаконичной и четкой, как никогда.— Теперь Никки. Она должна обязательно знать, куда мы идем. Должна знать, что мы нашли причину сигнального маяка. И должна знать, где мы.

Ричард не добавил, что Никки должна приехать и помочь ему, если он не сможет добраться до нее сам, потому что собственный дар день за днем убивает его.

— Еще она должна знать, что мы прочли только часть ее письма,— продолжал Ричард.— Ту часть, в котором говорится, что Джегань делает из Сестер Тьмы оружие против людей.

Все были потрясены. Они не читали письмо.

— Эти трудности мы, надеюсь, преодолеем,— сказала Кэлен.

— Наши ряды пополнились,— согласился Ричард. Он показал на человека, ожидающего команды Кэлен.— Мы пошлем его к Никки и Виктору.

— А потом? — спросила Кара.

— Я хочу, чтобы Кэлен приказала ему после беседы с ними идти на север и найти армию Ордена. Пусть он притворится одним из них и убьет Императора Джеганя.

Кэлен знала, что это невозможно. По тому, как все удивленно смотрели друг на друга, было ясно, что им в голову пришла та же мысль.

— Джеганя охраняют толпы,— сказала Дженнсен.— Его всегда окружает обученная охрана. Обычному солдату не подойти к нему.

— Ты думаешь, у него есть шанс выполнить это задание? — спросила Кэлен.

— Нет. Скорее всего, Орден убьет его раньше, чем он успеет добраться до Джеганя,— согласился Ричард.— Но воля поведет его исполнить твой приказ. Один разум. Да, думаю, его убьют. Но я также думаю, что это будет удачная попытка. Мне хочется развеять уверенность Джеганя в том, что он знает каждого из своих людей. Я хочу, чтобы он встревожился и больше никогда не был уверен в собственной безопасности. И, наконец, я не хочу, чтобы он спал спокойно. Пусть ему снятся кошмары о том, что все ему угрожают и кто-то из его людей замышляет его убить.

Кэлен согласилась с ним. Ричард оглядел угрюмые лица. Все обдумывали его слова.

— А теперь самое важное, что должно быть сделано. Нам необходимо добраться до Башни и предупредить Эздада. Откладывать нельзя. Джегань не медлит, он планирует и действует, и мы никогда не знаем, что он собирается сделать в следующий момент. К тому же нам не известно, как давно эти не обладающие даром люди были отправлены на север. Нельзя терять ни минуты.

— Лорд Рал, пока не поздно, тебе нужно принять противоядие,— напомнила Кара.— Ты не можешь идти на север, к Башне... О, нет. Подожди, ты не пошлешь меня снова в Башню. Я не оставлю тебя в такое время, когда ты можешь стать совсем беззащитным. Не хочу даже слышать об этом, не пойду и все.

Ричард положил руку ей на плечо.

— Кара, я не посыпал тебя, но спасибо за предложение.

Морд-Сит сложила руки на груди и одарила его яростным взглядом.

— В Бандакар мы не сможем взять повозку — там нет дороги...

— Послушай, лорд Рал,— прервал ее Том.— Без магии тебе потребуется все оружие,— его голос был твердым, как и у Кары.

— Знаю, Том, я согласен,— улыбнулся Ричард.— Думаю, должен поехать Фридрих,— Ричард посмотрел на него.— Ты можешь взять повозку. Пожилой человек в повозке выглядит менее подозрительно, чем любой из нас. Они не подумают, что ты можешь представлять угрозу. С повозкой ты доберешься быстрее и не волнуясь, что Орден схватит тебя и отправит в армию. Поедешь, Фридрих?

Старик почесал давно не бритую щеку.

— Да. Я последний страж границы,— улыбка озарила его обветренное лицо.

— Фридрих, границы нет,— улыбнулся ему Ричард.— Властью лорда Рала я назначаю тебя стражем границы и прошу тебя немедленно предупредить остальных о надвигающейся с границы опасности.

Улыбка Фридриха исчезла, он приложил кулак к сердцу и отсалютовал в знак торжественности обещания.

Глава 26

В дальней комнате, где лежало его тело, Николас услышал громкий шум. Он был поглощен работой, поэтому пропустил звук. Свет таял, и хотя он помогал видеть, темнота не мешала Николасу.

Волшебник снова услышал шум. Возмущенный тем, что звук зовет его, требуя к себе внимания, он вернулся в тело.

Кто-то стучал кулаком в дверь.

Николас поднялся с пола, на котором его тело сидело, скрестив ноги, и заставил его двигаться. Так было всегда, когда он возвращался в тело, и ему приходилось заново привыкать к его ограниченности. Было так неудобно двигаться, напрягать мускулы, дышать, видеть, слышать, ощущать этот мир собственными чувствами.

Стук раздался снова. Злой и настойчивый. Николас подошел к окнам и закрыл ставни. Он вытянул руку, зажег

факел и направился к двери. Полосы одежды волочились за ним по полу, как тяжелая мантия из черных перьев.

— Ну, кто там! — он открыл тяжелую дверь и выглянул. Наджари стоял в коридоре, опершись на пятки, его большие пальцы были засунуты за ремень. Мускулистые плечи почти подпирали стены. За его спиной Николас увидел сбившихся в кучку людей. Свернутый в одной из бесчисленных пьяных драк нос вояки отбрасывал длинную тень на его щеку. Те, кому довелось побывать в драке с Наджари, не отделались сломанным носом.

Он показал большим пальцем на толпу за спиной.

— Николас, ты просил гостей.

Чародей расчесал пальцами волосы, ощущая приятную маслянистость на ладони. Он расправил плечи и отбросил раздражение.

Николас так увлекся работой, что забыл о том, что просил Наджари привести ему несколько тел.

— Очень хорошо, Наджари. Заводи их. Посмотрим, что тут.

Николас наблюдал, как командир завел людей в комнату, где мерцал свет факелов. Солдаты подтолкнули «гостей» в большую комнату. Люди поворачивали головы, разглядывая комнату, деревянные стены, факелы в поставцах, широкие доски на полу, стол посередине. В помещении стоял удущливый запах крови.

Хозяин комнаты наблюдал за тем, как люди разглядывали отточенные колья, стоящие в линию вдоль правой стены, колья, толщиной в запястье Наджари.

Волшебник изучал страх, сквозящий в глазах людей. Глаза скользили по комнате, в них отражалось волнение, и вместе с тем они запоминали, чтобы потом рассказать друзьям. Николас знал, что вызывает большое любопытство.

Редкий человек.

Скользящий.

Никто не знал, что значит его имя, но сегодня кое-что прояснится.

Николас оглядел группу. Странные они люди, эти не обремененные даром создания, любопытные, как пересмешники, но далеко не такие отважные. Так как они не обладали даже самой малой искрой дара, Николас использовал их по-другому. Приходилось повозиться, но это приносило свои плоды.

Люди внимательно рассматривали его.

Он снова запустил пальцы в волосы, чтобы почувствовать, как скользит по ладони масло. Когда он подошел ближе к толпе, одна женщина закрыла глаза и отвернула лицо. Николас вытянул палец и указал на нее, убедившись в том, что Наджари заметил, кого он выбрал.

Командир скользнул взглядом по женщине — он отметил выбор Николаса.

У стены застыл один из мужчин, его глаза были широко распахнуты. Николас показал на него пальцем. Еще один человек странно искривил губы. Чародей посмотрел вниз и заметил лужу под его ногами. Николас показал на него. Трое выбрано. Николас прохаживался между людьми.

Жалобный всхлип вырвался из горла женщины в первом ряду, прямо перед Николасом. Он улыбнулся. Женщина уставилась прямо на него, вся дрожа, не в силах отвести взгляд от его налитых кровью черных глаз и остановить вырывающиеся из горла звуки. Она никогда не видела такого... Николас постучал длинным ногтем по ее плечу. Он отдаст ей должное за невыразимое отвращение послужить великому благу. Его благу.

Джегань хочет создать для себя нечто... особенное. Пузырь из плоти и крови. Магический пустяк, созданный волшебником. Комнатная собачка... с зубами.

Его величество получит то, что хочет и даже больше. О, намного больше.

Николас порадуется, когда император получит собачку без шнурка, специально созданное существо с таким же разумом и способностями выполнять его желания.

Мужчина в дальнем углу казался незаинтересованным в происходящем, словно он на выставке, которая ему наскучила, и ему не терпится заняться своими делами. Так как никто из этих людей не мог считать себя важной личностью, имеющей собственные представления о жизни, то этот человек заинтересовал его. Палец Николаса поднялся в пятый раз. Скоро этот человек будет весьма заинтересован в происходящем и поймет, что он ничуть не лучше всех остальных. Он уйдет в никуда — и не в своем теле.

Все молча смотрели на Николаса, рассмеявшегося собственным мыслям.

Его веселье резко оборвалось. Волшебник одним кивком головы указал на дверь. Солдаты бросились выполнять приказ.

— Так, двигайтесь. Быстро! Пошли, вон, вон! — зарычал Наджари.

Люди поспешили к дверям. Некоторые оглянулись на оставшихся. Пятеро людей отступили, когда поняли, что им не дадут уйти. Один палец остановил их не хуже дубинки или меча.

— Чтобы никаких неприятностей, или вы причините неприятности другим, — предупредил Наджари.

Люди сбились в кучку, нервно подрагивая, как выводок перепелок перед охотничьей собакой.

Когда солдаты увели остальных, Наджари закрыл дверь и стал перед пятеркой обреченных, уперев руки в бока.

Николас открыл ставни на западной стене. Солнце село, оставив тонкую красную полосу на горизонте.

Скоро они будут на крыльях, на охоте.

И Николас будет с ними.

Не оборачиваясь, волшебник потушил факел на стене. Мерцающий свет отвлекал внимание от хрупких, таких бы-

стрых сумерек. Ему нужен был свет, но сейчас он хотел любоваться небом, величественным, бесконечным небом.

— Нам позволят скоро уйти? — еле слышно пропищал один из людей.

Николас повернулся и посмотрел на стоящих. Взгляд Наджари подтвердил, что один из них что-то сказал. Николас проследил за взглядом командира. Один из мужчин — конечно тот, кому не терпелось уйти.

— Уйти? — Николас подошел к нему. — Хочешь уйти? Человек сжал плечи и чуть отступил от Николаса.

— Да, сэр, я только спросил, когда мы пойдем.

Волшебник сделал еще шаг, смотря прямо ему в глаза.

— Спрашивай молча, — прошипел он.

Возвратившись к окну, Николас положил руки на подоконник и глубоко вздохнул ночной воздух, наблюдая за лиловым небом.

Скоро он будет там, будет свободен.

Скоро он будет так высоко, как никто не был.

Неожиданно он нашел их.

Его глаза напряглись, рассматривая то, что никто не мог увидеть.

— Там! — завопил он и выбросил вперед руку, указывая длинным черным ногтем на то, чего никто не видел. — Там! Кто-то взлетел.

Николас закружился на месте, полосы его одежды заметались вокруг. Задыхаясь от возбуждения, он смотрел в глаза разглядывающих его людышек. Они не могут знать. Им не понять, что чувствует такой, как он, в чем он нуждается. Волшебник злился, что ему надо охотиться, быть с ними, когда он знал, как использовать свои способности куда более интересным для него путем.

Николас провел эксперимент, изучая свои новые способности. Он оставался с этими великолепными созданиями так часто, как мог, с тех пор, как оказался здесь и встретился с ними.

Теперь так смешно было подумать, что вначале он сильно противился. Как странно, что когда-то он боялся, что эти страшные женщины, Сестры Тьмы, собираются сделать с ним... что они сделали с ним.

Они сказали, что это его долг.

Злобная магия Сестер разрезала его, как раскаленным лезвием. Ему показалось, что глаза взорвались в голове от боли, которую он испытывал. Привязанный к кольям на земле в центре их нечистого круга, он трепетал в ужасе, думая, что же они с ним сделают.

Он боялся этого.

Николас улыбнулся.

Даже ненавидел.

Он боялся боли,— боли, которую они ему причиняли, и той боли, которую еще причинят. Сестры сказали, что это его долг, во имя великого добра. Они сказали, что его способности превосходят его ответственность.

Волшебник прищурил глаза и посмотрел, как Наджари связывает за спиной руки пленникам.

— Спасибо, Наджари,— проговорил он, когда тот закончил.

— Мои люди уже должны быть там, Николас. Я приказал послать достаточно людей, чтобы они не смогли сбежать.— Командир ухмыльнулся.— Беспокоиться не о чем. Отряд наверняка уже возвращается с ними.

— Посмотрим, посмотрим,— сузил глаза Николас.

Он хотел увидеть это сам. Собственным зрением — пусть даже через чужие глаза.

— Увидимся завтра, Николас,— зевнул Наджари, направляясь к двери.

Волшебник открыл рот, изображая зевоту, хотя вовсе не зевал. Просто было приятно потянуть челюсть. Иногда он чувствовал в теле некоторый застой.

Николас закрыл за Наджари дверь и задвинул засов. Это было формальное действие, придающее некоторую уг-

розу; в нем не было необходимости. Даже со связанными руками все, что могли сделать эти люди — наброситься, опрокинуть его на пол и бить ногами. Но перед этим они подумают, решат, что им следует делать, а что нет. Проще не думать. Проще не сопротивляться. Проще выполнить все, что скажут.

Проще умереть, чем жить.

Жизнь требует силы. Борьбы. Боли.

Николас ненавидел их.

— Ненавижу жить: жить, чтобы ненавидеть,— произнес он в побледневшие перед ним лица.

За окном небо затянули серые облака, солнце зашло, и ночь окутала их. Скоро он будет с ними.

Он отвернулся от окна и взглянул на людей перед ним. Скоро они все будут там, среди них.

Глава 27

Николас схватил одного из безымянных людей. С помощью мускулов, накачанных темным искусством Сестер, он поднял мужчину в воздух. Человек закричал, удивленный тем, что его так легко подняли. Он отчаянно задергался, пытаясь высвободиться из цепких рук. На этих людей не действует магия, а иначе бы Николас использовал ее, чтобы поднять их в воздух. За отсутствием искры их приходилось поднимать руками.

Чародею было все равно. Как они окажутся на кольях, было не важно. Было важно только то, что случится с ними после этого.

Николас нес кричащего от ужаса человека в другой конец комнаты. Остальные забились в противоположный угол. Они всегда толпятся в углу, как цыплята у кормушки.

Крепко обхватив человека за грудь, Николас подбежал к кольям.

Глаза мужчины округлились, рот открылся. Он судорожно вздохнул и всхлипнул, когда Николас, приподняв его, бросил на колья.

Хриплое дыхание вырвалось из горла мужчины, когда острый кол проткнул его внутренности. Он все еще был в руках Николаса, боясь пошевелиться, боясь поверить, что это происходит с ним, боясь поверить, что это правда... пытаясь убедить себя, что это не может быть правдой.

Николас обрушился на беднягу всем весом. Его спина была так же прямая, как и доска, к которой были прибиты колья. Лоб мужчины избороздили морщины, он корчился от боли, ноги пытались дотянуться до пола, оказавшегося слишком далеко.

В этот момент Николас проник в его разум, одновременно скрючив пальцы и выскальзывая из собственного тела... проникая в самую сущь живого существа, в его разрозненные мысли, чувствуя его боль и ужас... обретая власть над ним. Проникнув в сознание этого мужчины, Николас изъял его суть.

В сплаве разрушающей и созидающей силы, которую Сестры обрушили на него, Николас родился новым существом. Он стал тем, кем никто до него не был,— он стал тем, кем его хотели создать.

Сестры дали ему силу, которой не обладала ни одна из них. Они наделили волшебника невообразимой дотоле способностью: способностью проникать в мысли живого человека и забирать его дух.

Он прижал кулаки к животу и вдохнул жизнь и смерть, сердцевину души этого человека. Николас почувствовал легкий жар, когда чужой дух соединился с его. Чародея опьяняло ощущение наполненности чужим духом.

Николас бросил пригвожденное тело и направился к окнам. Голова кружилась от волнующего чувства, что путешествие только начинается и дальше сила его только увеличится.

Он снова притворно зевнул. Зевота Николаса была особыенной, разрывая барабанные перепонки воплем более оглушительным, чем если бы он кричал во весь голос. В глазах поплыли воображаемые картинки. Он с трудом задышал, переносясь в леса, где скрывается его цель.

Волшебник отвернулся от окна и схватил женщину. Она, плача, умоляла его не делать этого.

— Но ведь это ничто,— сказал Николас.— Ничто, по сравнению с тем, что вынес я. Ты даже не представляешь, что я вынес.

Его обнаженного положили в центр круга, нарисованного на земле этими отвратительными женщинами, и проткнули колом. Для них он был ничем. Он не был мужчиной, волшебником. Ничем, кроме сырого материала, плотью и кровью, насыщенными даром — как раз тем, что им было нужно, тем, что они искали в предыдущих опытах.

Он обладал способностью, и его долг был в том, чтобы принести эту способность в жертву.

Николас был первым, кто выжил после их опытов, но не потому, что Сестры заботились о нем. Нет, не поэтому. Просто они научились избегать прежних ошибок.

— Кричи, моя дорогая. Кричи, сколько хочешь. Это поможет тебе не больше, чем мне.

— Почему?! — кричала женщина.— Почему?!

— О, мне нужен твой дух, чтобы вознести на крыльях моих друзей. Мы отправимся в удивительное путешествие, ты и я.

— Пожалуйста!..— стонала женщина.— Великий Создатель, нет!

— О да, великий Создатель,— пробормотал Николас.— Приди и спаси ее, как ты спас меня.

Крики женщины не были услышаны. Как и его. Она даже не знает, насколько несравненно более сильной была его боль. Но, в отличие от нее, Николас был обречен выжить.

— Ненавижу жить: жить, чтобы ненавидеть,— бормotal он себе под нос.— Смерть принесет тебе славу и наградит.

Чародей бросил женщину на кол и несильно надавил, насадив примерно на шесть дюймов, пока не счел, что глубина достаточна для извлечения необходимых боли и ужаса, но не настолько велика, чтобы проткнуть жизненно важные органы, ведь это сразу же убило бы его жертву. Женщина молотила ногами, отчаянно пытаясь слезть с шеста.

Николас мало волновали ее крики, ее бесполезные слова. Она думает, что к ней он отнесется по-другому.

Его цель — боль. Их жалобы только доказывают, что он достиг ее.

Николас встал перед женщиной, скрючив пальцы и прокальзываая внутрь самого ее существа. Силой своего разума он вырвал ее дух и тяжело задышал, когда дух скользнул в него.

Теперь, когда темное искусство Николаса заставило души выскользнутуть из измученных, умирающих тел, эти люди оставались еще живы, но подземный мир уже звал их. Жизнь больше не владела ими, но и смерть еще не пришла. Пока их дух переносится — они его, и он может использовать их, как ему вздумается.

А Николас еще даже не начинал представлять.

Такой способности, как у него, невозможно научиться. Кроме него, второго такого же в мире еще нет. Волшебник до сих пор изучал свою силу и то, что он может делать с чужою душою. Пока он только на поверхности.

Император Джегань хотел создать нечто подобное себе — сноходца, брата. Того, кто сможет проникать в сознание людей. Он получил гораздо больше, чем предполагал. Николас не просто проникал в мысли других, как Джегань, он мог проскользнутуть внутрь человеческой души и похитить ее.

Сестры не могли подумать о таком браке при изменении его способностей.

Николас подбежал к окну и открыл рот, словно собираясь зевнуть. Комната качалась перед его глазами. Он уже наполовину был не здесь. Он уже мог видеть другие места. Великолепные места. Видеть особым новым зрением, с помощью духов, свободных от ограниченных тел.

Чародей навалился на третьего человека, не заботясь, мужчина это или женщина. Без разницы. Душа, заключенная в человеческом теле, была все той же — просто духом.

Николас опустил обреченного на кол, скользнул внутрь и вытянул дух, трясясь от полученной силы. Он снова подбежал к окну, раскрыл рот и завращал головой из стороны в сторону, весь дрожа от шелковистой, скользящей, гладкой истомы... от потери ориентации в пространстве, границ собственного тела, тающих не с помощью его усилий, а благодаря похищенным душам.

Какое великолепное чувство!

Так он представлял себе смерть.

Николас подхватил четвертого кричащего человека, побежал через комнату к четвертому колу и насадил на него жертву.

Он проник в их спутанные мысли, обуянные паникой, и взял то, что можно было взять — их души.

Имея власть над душой, Скользящий получал власть над самим существованием. Он становился для них жизнью и смертью. Он был их спасителем и убийцей.

Во многом он походил на души, которые забирал, не имеющие формы, ненавидящие жизнь в боли и страдании, страшящиеся смерти и так желающие ее.

В нем пульсировали уже четыре духа, и Николас направился к последнему человеку, забившемуся в угол.

— Пожалуйста! — завопил человек, пытаясь вымолить невозможное, пощаду. — Прошу вас, не делайте!

Николас подумал, что колья — помеха, они вынуждают его нести людей как овец, чтобы взять их душу. Да, он все еще обдумывал свои действия и решил, что использование

кольев ограничивает его. Придя к такому выводу, он изумился, что такой могущественный волшебник, как он, пользуется таким примитивным средством.

Он хотел скользить внутрь человека и получать его душу — просто проникать в другого, пожелать доброго дня — и проскользнуть, как кинжал входит в сердце, в душу, чтобы вытянуть ее. И тогда он будет непобедим. Когда он сможет делать так, никто не посмеет сопротивляться ему. Никто не сможет не пустить его в свою душу.

Человек дрожал у его ног. Не успев осознать, как он это делает, ведомый яростью и ненавистью, Николас простирая вперед руку и проник внутрь сознания мужчины, в пространство его мыслей.

Человек изогнулся, словно на кольях, когда Николас поразил его своей силой.

Чародей отдернул сжатый кулак, в котором уже билась душа жертвы. Он вдохнул ее жар, чувствуя, как она скользит внутрь него.

Оба уставились друг на друга, не совсем понимая, что это значит.

Мужчина откинулся к стене, скользя по ней в беззвучной, чудовищно пустой агонии.

Николас понял, что сделал то, чего никогда раньше не умел. Он взял душу силой своей воли.

Теперь он мог брать то, что хочет, когда хочет и где хочет.

Глава 28

Перед глазами Николаса расплылось пятно. Пошатываясь, он шел к окну.

Все пять его.

Волшебник открыл рот, и на этот раз мощный крик пяти душ вырвался из него. Боль тел этих людей уже не касалась их. Души смотрели вместе с Николасом в ночное небо,

готовые взлететь вместе с ним и лететь туда, куда он их пошлет.

Сестры даже не представляли, что создали в ту ночь. Они не знали всей силы, переданной ему, всей мощи способности, которой его наградили.

Ведьмы добились того, чего никто не мог добиться столетиями — превращения волшебника в нечто большее, в особенное оружие. Они наделили его силой, которой не обладает никто из живущих.

Многие спаслись, но он успел убить пятерых.

Пятерых Сестер было вполне достаточно. Когда он заставил их души выскользнуть, то получил их Хан, их силу жизни, их власть.

Хан, которым обладали колдуны, не принадлежал им, — он был украден у молодых волшебников. Сила, которая принадлежала тем по праву рождения... Сестры выкрали эту способность, с которой никогда не могли быть рождены. Сколько людей, обладающих способностями, будут принесены в жертву тем, кто лишен их и жаждет заполучить.

Николас вытащил эти, принадлежащие им не по праву, способности из трепещущих тел, вытянул вместе с жизнью. Женщины пожалели о том, что решились исполнить приказание Джеганя и подвергли волшебника испытаниям Создания.

Сестры сделали его не только Скользящим, но передали ему свой Хан. И теперь он — самый могущественный.

После смерти тех пяти женщин мир потемнел, и Хранитель явился забрать их под землю.

В тот день Сестры убили его, и они же его создали.

И, по правде, Джегань ответит за ту ночь. О, сноходец заплатит, но не с радостью, потому что Николас не даст ему ничего. Скользящий сам возьмет его.

Николас получил в награду способности, которые помогут ему отомстить за то, что с ним сделали... Чародей

пока не знал, какова будет награда, но она будет его достойна.

Он использует свою силу и вытянет жизни — важные жизни. Теперь ему не нужно насаживать людей на колья. Теперь он знает, как взять то, что он хочет.

Николас знает, как проникнуть в сознание и вытащить душу.

Он использует их души, чтобы усилить свою власть, здоровье, величие. Так и должно быть...

Он станет императором.

Его империя будет большим, чем эта жалкая толпа овец. Ему будет легко править своим миром. Каждое его желание будут исполнять, потому что он имеет власть... над чем-то важным.

Николас пока еще не решил, чего он хочет. Это очень важно, что он получит в награду. Не стоит торопиться. Он придумает.

Чародей отошел от окна. Пять духов закружились в нем.

Пришло время сделать то, ради чего он отнял жизнь у пятерых.

Пора заняться делом, если он хочет получить желаемое.

Он уже так близко. Николаса раздражало, что он не мог видеть лучше. Сейчас уже стемнело. Он подошел совсем близко к покрову темноты.

Волшебник взял со стола широкую чашу и поставил на пол перед пятыю, чьи души находились в нем. Люди жестоко страдали и телом и духом, даже мужчина у стены.

Николас сел, скрестив ноги, на пол перед чашей. Руки положил на колени, откинул голову назад, закрыл глаза и стал собирать силу, созданную этими злобными женщинами, этими замечательными злобными женщинами.

Они считали его жалким волшебником из плоти и крови, обладающим даром, с которым можно было поиграть — принести в жертву.

Когда-нибудь он доберется и до остальных Сестер.

Николас заставил себя не думать о них.

Этой ночью он не будет смотреть чужими глазами. Этой ночью он снова улетит с духами.

Николас открыл рот, его голова болталась из стороны в сторону. Духи, скользя, ринулись из его глотки в чашу.

Его дух тоже наполовину выскоцил в из тела, готовясь войти в чашу.

Части пяти духов смешались с его духом, и комнату озарило сияние жизни, готовой к путешествию. Николас изгнал свой дух из тела и поднялся в темное небо на крыльях своей силы.

Ни один волшебник до него не был способен на такое — оставить тело и послать свой дух туда, куда захочет сознание. Он несся сквозь ночь к тому, на что охотился.

Он чувствовал, как воздух треплет перья. Скоро он уже был среди них, окруженный пятью духами.

Он собрал вокруг себя темные силуэты, за которыми скрылись духи. Рот чародея был все так же открыт в привороном зевке.

Они кружились, и Николас ощущал, как их крылья расекают воздух, как перья направляют воздух так же, как он направлял не только свой дух, но и дух пяти людей.

Он отправил пятерку птиц туда же, куда отряд Наджари. Они пересекли холмы, рассмотрели открытую местность и пустынную землю. Темнота обволакивала теплом, пряча его в черноте ночи среди черных перьев.

Когда пять хищников опустились на землю, он почувствовал тяжелый, острый, невыносимый запах мертвичины. Николас увидел, что поле перед ним усеяно трупами. Чернокрылые хищники бросились с бешеным рвением осваивать.

Нет. Неправильно. Он не увидел их.

Он должен их найти.

Он оторвал своих собратьев от кровавой трапезы и снова послал на поиски. Николас ощутил внезапную боль. Его

будущее ускользало от него — его сокровище покидало его. Он должен найти их, должен.

Он повел братьев вперед.

Сюда, сюда, туда. Смотрите, смотрите, смотрите. Ищите их, найдите. Смотрите.

Вы должны найти их. Ищите.

Такого просто не могло быть. Людей было достаточно. Никто не смог бы уйти от столь хорошо обученного отряда. Ни один не уходит от них, когда они неожиданно нападают. Каждого из солдат отобрали особо. Они хорошо знали свое дело.

А теперь их тела валялись на поляне. Когти и клювы терзают их. Хрипя от восторга. От нетерпения.

Нет. Надо отыскать их.

Вперед, вперед. Найдите их. Вы должны это сделать.

Николас страдал от боли нового рождения в этих сумрачных лесах, этих жутких лесах с этими чудовищами в обличье женщин. Он получит свою награду. Он не отступит. Не сейчас. Не после всего.

Ищите. Смотрите, смотрите. Ищите.

Волшебник скользил в ночи на мощных крыльях. Он смотрел в темноту глазами, которые видели. Вместе с созданиями, которые чуют живое на далеком расстоянии, он пытался поймать их запах.

Они летели в ночи, охотясь. Охотясь.

Да, там Николас заметил их повозку. Он узнал ее. Крупные лошади. Он уже видел ее — вместе с ними. Его братья бесшумно закружились над нею, опускаясь все ниже.

Их нет. Их там нет. Это ловушка. Просто ловушка. Обман. Они послали повозку, чтобы обмануть его, сбить с дороги.

В бешенстве он взлетел выше, еще выше и оглядел местность.

Охотиться, охотиться.

Найти их.

Он полетел с пятью птицами, изучая землю под собой. Чернокрылые летели, изучая каждый куст. Его жажда стала их жаждой.

Охотиться на них. Охотиться.

Крылья затекли, но он летел вперед.

Он должен их найти. Он не станет отдыхать, пока не найдет их.

Нельзя допустить ошибку. Он продолжал гнать себя вперед, высматривая добычу.

И вот за деревьями он уловил движение.

Была полная темнота. Те, кого искал Николас, не заметили своих преследователей, но зато он их отлично видел. Птицы опустились ниже к земле. На этот раз он не подберется к ним слишком близко.

Кружась над ними, кружась, следя, кружась, следя, наблюдая за ними.

Она! Мать-Исповедница! Он увидел и остальных. С рыжими волосами вместе со своим четвероногим другом. И остальные. Он должен быть среди них. Обязан быть. Рал должен идти вместе с ними на запад.

Запад. Значит, они идут на запад. Идут туда, где он видел их последний раз.

Николас засмеялся. Они идут на запад. Отряд, который должен был захватить их, погиб, а они идут на запад. На запад.

Туда, где он их ждет.

Они в его руках.

Он получит Мать-Исповедницу и лорда Рала.

Джегань получит их.

Они идут к нему — его награда. Что он получит в награду за них?

Д'Хару.

В обмен на этих жалких людышек он получит Д'Хару. Джеганю придется передать ему правление Д'Харой, если он хочет этих двоих. Он не посмеет отказать Николасу

Скользящиму в его желании. Не посмеет, когда у чародея есть то, чего Джегань хочет больше всего. За этих двоих император заплатит любую цену.

Боль. Крик. Удар, ужас обрушились на него. Он почувствовал, как ветер относит его и рвет перья.

Одна из птиц сорвалась вниз и разбилась о землю.

Николас закричал. Дух и птица потеряны. Далеко-далеко отсюда, в далекой комнате с деревянными стенами и кровавыми кольями, далеко-далеко, в месте, о котором он почти забыл, далеко-далеко отсюда дух вырвался из-под его контроля.

В то же самое время, как птица рухнула оземь, в комнате умер один из несчастных.

Страшный крик боли. Еще один вырвался из его рук. Еще один дух забрала смерть.

Николас старался увидеть, что еще было возможно, с помощью трех оставшихся духов.

Охота, охота, охота. Где он? Где Рал? Где? Он увидел всех. Где лорд Рал?

Третий крик.

Да где же он?

Николас изо всех сил удерживал зрение, несмотря на жестокую боль.

Еще один закричал от боли.

Прежде, чем он успел собраться, заставить их повиноваться своей воле, еще два духа отправились в подземный мир.

Где он?

Николас рыскал, держа когти наготове.

Вот! Вот он!

Чародей заставил птицу снижаться.

Это он! Он! Дальше, чем остальные. Почему-то дальше. На скале, которая над остальными. Он не с ними. Он выше.

Упасть на него. Упасть.

Вот он, упасть прямо на него.

Боль разорвала последнюю птицу. Земля стремительно надвигалась на Николаса. Он отчаянно пытался остановить падение. Волшебник почувствовал, как птица с ужасающей скоростью ударила о скалу. Но только на мгновение.

Николас тяжело дышал, задыхаясь. Его голова кружилась от слишком быстрого не управляемого возвращения.

Он моргнул и был готов закричать, но его рот только беззвучно открылся. Чародей зажмурил глаза, но крика не последовало. Он вернулся. Хочет он того или нет, но вернулся.

Николас оглядел комнату. Он вернулся, и потому не смог закричать. Ни один вопль не присоединился к нему. Они были мертвые. Все пятеро.

Волшебник повернулся к четверым на кольях — все тела оползли, подобно смятым тряпкам. Пятый лежал, скавшись, в углу. Все неподвижны. Духи покинули их тела навсегда.

В комнате было тихо, как в гробнице. В чаще сияла только частица его собственного духа. Он втянул его обратно.

Некоторое время Николас неподвижно сидел, дожидалась, пока перестанет кружиться голова.

Лорд Рал — исключительная личность. Николас не думал, что потеряет всех пятерых. Это была просто удача. В следующий раз удача ему не поможет. И все-таки, лорд Рал — исключительная личность.

Николас мог снова выпустить свой дух, найти новые глаза, но его голова раскалывалась, и к тому же, теперь это уже не имело значения. Лорд Рал направляется на запад. Он идет в великую империю Бандакар.

А Бандакаром правит Николас.

Жители империи благоговеют перед ним.

Николас усмехнулся. Лорд Рал сам идет к нему в руки. Он будет удивлен тем, кого встретит здесь. Лорд Рал знает многих из этих людей.

Но он не знает Николаса Скользящего.

Николас Скользящий, который станет императором Д'Хары, когда преподнесет Джеганию то, о чём он так мечтает: мертвое тело лорда Рала и живую Мать-Исповедницу.

Сноходец может оставить их себе.

А в обмен Николас получит империю.

Глава 29

Энн услышала дальнее эхо шагов в пустых темных коридорах Народного Дворца. Она не знала, день был или ночь. Энн потеряла счет времени, сидя в полной темноте. Она зажигала лампу, только когда они приносили еду, или она писала Верне, или когда ей было так одиноко, что хотелось побывать хотя бы в компании крохотного огонька.

Здесь, в месте рождения Ралов, ее сила была так слаба, что она с трудом зажигала лампу.

Энн боялась зажигать лампу слишком часто и израсходовать масло, поскольку не была уверена, что ей принесут еще. Она не хотела остаться без света и потом узнать, что больше ничего не получит. Она боялась потерять этот слабый огонек, эту крохотную искру света.

В темноте Энн вспоминала свою жизнь и то, над чем так долго работала. Веками она вела Сестер Света к тому, чтобы увидеть свет Создателя, а Хранитель должен быть в том мире, которому он принадлежит, в мире мертвых.

Веками она ждала этого времени, назначенного пророком.

Пять веков Энн ждала рождения того, кто может привести их к свету Создателя, его магии. Того, кто сумеет победить всех, кто скрывает этот свет от мира. Пять веков она работала ради уверенности в том, что избранный сделает все, способное остановить силы, разрушающие магию.

Пророк сказал, что только Ричард сможет сделать это, не позволить врагу опустить серое покрывало на род человеческий, только он может спасти искру магии в людях. Пророк не сказал, что Ричард победит; пророк только сказал, что у него есть шанс принести им победу. Без Ричарда всякая надежда потеряна — это бесполезно. Поэтому Энн думала о нем задолго до того, как он родился, вырос и стал их лидером.

Кэлен казалось, что работа Энн — вмешательство в жизнь других. Она считала, что все заботы Энн вызваны ее страхом. Энн ненавидела эти мысли, потому что иногда она думала, вдруг Кэлен права. Может, Ричард, рожденный свободным, сам выбрал бы путь, который привел бы его к победе в битве. Зедд тоже был уверен в том, что все ключи — только в руках Ричарда, в его свободной воле, в его собственной решимости вести их.

Может быть, это и так. И тогда Энн, пытаясь управлять вещами, которые не следует контролировать, ведет их всех к краху.

Шаги приблизились. Наверно, уже время обеда, и ей принесли еду. Энн не была голодна.

Когда они приносят еду, то ставят ее на длинную доску, которую просовывают в окошко. Натан предпочитал не рисковать и велел охране подавать Энн еду только таким образом.

Они приносили ей разный хлеб, мясо, овощи и мех с водой. Хотя еда была вкусной, она не доставляла Энн никакого удовольствия. Даже самое великолепное блюдо не покажется аппетитным в тюрьме.

Когда она была Прелат, иногда Энн чувствовала себя зажатой в тисках своего положения. Последние годы она почти не заходила в обеденный зал во время трапезы. Все чувствовали себя неловко, обедая в присутствии Прелат. Это вызывало у Сестер беспокойство и тревогу.

Энн понимала, что определенная дистанция, уважение были необходимы для поддержания порядка. В месте, где

вокруг были одни заклинания и замедлялось даже время, было важно поддерживать порядок. На вид Энн было около семидесяти, но на самом деле она была куда старше. Процесс старения был замедлен заклинаниями, опутывавшими Дворец Пророков. И это позволяло ей жить уже тысячу лет.

Конечно, хорошая дисциплина принесла свои плоды. Под ее, как Прелат, руководством Сестры собрались в одном месте. Их были сотни, и многие из них принесли темную клятву Хранителю. Его обещания очень привлекательны. Но это — иллюзия. Женщин, которые видели, как все за пределами дворца стареет и умирает, а они остаются молодыми, привлекало бессмертие.

Сестры, имевшие детей, отправляли их за пределы дворца, чтобы их потомки смогли прожить нормальную жизнь. Потом они видели, как их дети росли и умирали, как их внуки росли и умирали. Для женщины, которая наблюдала постепенное иссушение и смерть тех, кого она знала, оставаясь в то же время молодой, привлекательной и желанной, бессмертие было очень заманчиво. Оно не позволяло облеть лепесткам.

Старение — последний этап, конец жизни. Старение во Дворце Пророков занимало много времени. Энн старела веками. Быть молодой так долго — это чудесно, но быть так долго старой — совсем другое дело. Сама жизнь казалась Энн удивительной, несмотря на то, как много ей лет, и чему она научилась. Но не все так чувствовали.

Теперь, когда Дворец уничтожен, все останутся в том возрасте, в котором их застало разрушение. То, что некоторое время назад представлялось Энн будущим, растянутым на несколько чудесных следующих столетий, теперь окажется для нее коротким мигом, не больше десятка лет.

Прелат не хотела прожить их в этой темной дыре, вдали от света и жизни.

Они с Натаном не производили впечатление людей, которым уже за тысячу лет. Энн не знала, как это, жить обычной жизнью, без сохраняющего заклинания, но думала, что ощущает свою старость не так, как те, кто прожил обычную жизнь. Она считала, что заклинание, замедлившее ее старение, также значительно изменило и восприятие ею времени.

Шаги приближались. Энн не хотелось есть. Она начинала подумывать о том, чтобы ее оставили здесь голодать. Оставили умереть.

Что хорошего было в ее жизни? Что хорошего она сделала? Создатель знает, как она вела Ричарда к исполнению его предназначения. Но в конце оказывается, что собственный выбор Ричардом способа действия оказывается важнее всего сделанного ею. Не привела бы она его во Дворец Пророков в Древнем мире — ну что ж... Может, это ничего бы не изменило.

Энн услышала, как открывают первую дверь в ее камере. Женщина решила, что не будет есть. До тех пор, пока Натан не придет поговорить с ней.

Иногда вместе с пищей приносили вино. Энн была уверена, Натан делал это для того, чтобы позлить ее. Во Дворце Пророков Натан иногда просил вино. Энн видела перед собой лист, на котором она неизменно отклоняла эту просьбу.

Волшебники опасны сами по себе, а пророки, как волшебники с даром пророчества — еще более, ну а самые опасные — это пьяные волшебники.

Пророчество опасно само по себе. Даже простое пророчество, просочившееся через каменные стены Дворца, служило началом войн.

Иногда Натан просил женщин. Эти просьбы Энн не видела больше всех, потому что иногда их выполняла. Она чувствовала это как свой долг. Сидя в своем заточении, Натан видел мало жизни, а ведь его единственное преступ-

ление состояло в том, что он был рожден с особыми способностями. Во Дворце легко можно было найти женщин, готовых иногда посещать его.

Он сделал из этого развлечение — читая пророчество, которое обращало женщин в бегство, прежде чем они успевали поговорить с Энн или успокоить ее.

Без специального обучения невозможно понять пророчества. Пророчество легко понять неверно, если не знать его тайного смысла. Раскрыть пророчество человеку незнающему все равно, что зажечь огонь в сухой траве.

Пророчества не для непосвященных.

Энн скрутило живот при мысли о потерянном пророке. В те времена она иногда тайно брала Натана с собой в путешествия, где они выясняли некоторые стороны жизни Ричарда, а точнее, то, что Ричард будет рожден. Натан — превосходный пророк, он был искренне заинтересован в их победе. Кроме всех своих талантов, он видел варианты пророчеств, и к тому же, когда он видел пророчества, он не скрывал правду и произносил их, как бы жестоки они не были.

Натан всегда носил Рада-Хан, ожерелье, которое позволяло ей и Сестрам управлять им, поэтому путешествие вместе с Натаном в действительности не было таким рискованным. Волшебник делал то, что она ему говорила, шел туда, куда она приказывала. Когда бы она ни брала его с собой, Натан никогда не был свободен, потому что носил Рада-Хан.

Но теперь он от него освободился. Теперь он по-настоящему свободен.

Энн не хотела ужинать. Она собиралась вернуть то, что они ей предложат. Пусть Натан позлится, что она отвергает пищу и умирает у него в темнице. Энн скрестила руки. Пусть это будет на его совести. Это заставит его спуститься.

Женщина услышала шаги в первой комнате. До нее доносились приглушенные голоса. Если бы она могла восполь-

зоваться своим Хан, она бы легко услышала, о чем они говорят. Прелат вздохнула. Даже эта ее способность, похищенная формой дворца, оказалась бесполезной. Было бы глупо создать такой дворец и позволить магу слышать секреты, прошептанные за стеной.

Наружная дверь со скрипом открылась. Это что-то новенькое. Никто не открывал наружную дверь с того дня, как ее здесь заточили.

Энн бросилась к двери в своей комнате, к кусочку света, появившемуся, когда открылась первая железная дверь. Она вцепилась в решетки и всмотрелась, стараясь разглядеть, кто там и что делает.

Свет ослепил ее. Она отступила назад, растирая глаза. Она так привыкла к темноте, что яркий свет фонаря показался ей режущей вспышкой.

Энн попятилась от двери, услышав, как в замке поворачивается ключ. С лязгом сняли засов. Дверь приоткрылась. В комнату ворвался прохладный воздух. По стенам запрыгал желтый свет фонаря, который держала рука, затянутая в красную кожу.

Морд-Сит.

Глава 30

Энн прищурила глаза и неприязненно оглядела Морд-Сит, переступающую через порог. Ослепленная непривычным светом Энн сначала увидела только красную одежду и светлую косу женщины. Она не хотела думать о том, зачем специально обученные пытались отряды лорда Рала спускаются к ней в темницу. Она знала Ричарда. Она не могла представить, что он не положил этому конец. Но сейчас Ричарда не было. А был Натаан.

Все еще щурясь, Энн поняла, что Морд-Сит — та самая женщина, с которой она уже виделась, Найда.

Та, бросив на Энн холодный взгляд, молча переступила порог. Кто-то еще шел за ней. На пороге показалась длинная нога в коричневой штанине, человек нагнулся и оказался в комнате. Пораженная Энн вскочила с своего места.

— Энн! — Натан развел руки, как бы собираясь обнять. — Ну, как ты? Найда передала мне твое сообщение. Они тебя помучили, думаю?

Энн заставила себя удержаться на ногах и усмехнулась.

— Я пока жива. И не благодаря тебе, Натан.

Конечно, она помнила, как высок и широк в плечах Натан. Но сейчас его голова касалась отметин резца на потолке, и он казался куда выше, чем она помнила. Казалось, и плечи Натана стали шире и заполняли собой всю комнату. На ногах вошедшего были высокие сапоги. Он был одет в белую кружевную рубашку и жилет. На плечах лежал элегантный зеленый плащ. На левом бедре висел меч в изящных ножнах, поблескивающих в тусклом свете.

Лицо мужчины, такое красивое, так непохожее на другие лица, заставило сердце Энн биться сильнее.

Натан улыбнулся — так, как мог улыбаться только Рал, в его улыбке были и радость, и нетерпение, и ощущение собственной силы. Он выглядел так, как если бы собирался сжать девицу в объятиях и поцеловать без разрешения.

— Но дорогая, здесь ты в безопасности, — ее тюремщик обвел рукой каморку. — Никто не причинит тебе зла. Никто не потревожит. Тебя хорошо кормят — даже вино каждый день приносят. Чего тебе еще хотеть?

Сжав кулаки, Энн сделала вперед шаг, который заставил Морд-Сит выхватить эйджил, хотя Найда и не сдвинулась с места. Натан не шевельнулся. Все так же улыбаясь, он смотрел на нее.

— Чего еще мне想要! — выкрикнула Энн. — Чего еще мне желать? Я хочу уйти отсюда! Вот чего я хочу!

Легкая, понимающая улыбка Натана кольнула ее в самое сердце.

— И вправду,— только и сказал он, тихо обвинив ее. Энн повернулась к Морд-Сит.

— Что ты ему сказала?

— Найда сказала, что ты хочешь видеть меня,— ответил Натан вместо охранницы. Он раскинул руки.— И вот я здесь, как ты и просила. Зачем я тебе понадобился, дорогая?

— Хватит заботиться обо мне, Натан,— раздраженно сказала Энн.— Ты прекрасно знаешь, почему я хотела тебя видеть. Ты знаешь, зачем я здесь, в Д'Харе, зачем я пришла в Народный Дворец.

Натан сложил за спиной руки. Улыбка исчезла с его лица.

— Найда, не оставишь ли ты нас? — попросил он.— Она хорошая девочка.

Морд-Сит бросила на Энн недобрый взгляд. Необходимости в ее присутствии не было: узница не сможет сделать что-нибудь Натану. Он — волшебник — было излишне говорить, что он самый великий волшебник всех времен,— и предок Дома Ралов. Он не боится этой старой ведьмы.

Найда одарила Натана взглядом, в котором читалось «Если я тебе понадоблюсь, только позови», и грациозно проскользнула в дверь, подобно кошке, легко пролезающей сквозь плетенья.

Натан стоял посреди комнаты, по-прежнему сложив за спиной руки и ожидая, что скажет та, кто его вызвала.

Энн отвернулась и присела на конец скамьи, которая служили ей и постелью, и столом, и стулом. Она откинула одеяло и поисками что-то в его складках. Пальцы нашли холодный металл. Энн вытащила предмет и встала, но ее тень не позволяла догадаться, что это.

Наконец она обернулась.

— Натан, у меня кое-что есть для тебя.

Энн достала Рада-Хан, который надевала когда-то на его шею. Сейчас она чувствовала, что не знает, как ей это

удавалось. Но она одевала, это она помнит точно. Тогда она была Энналина Альдурен, Прелат Сестер Света. Когда-то она была Прелат. Энн передала свою власть Верне, прежде чем инсценировала их с Натаном смерть.

— Хочешь, чтобы я одел это ожерелье? — тихо спросил пророк.— Думаешь, я позволю?

Энн покачала головой.

— Нет, Натан, я хочу отдать его тебе. Я много думала, сидя здесь. О том, что, может быть, я никогда уже отсюда не выйду.

— Какое совпадение,— откликнулся Натан.— Я провел много времени, думая о том же самом.

— Да, я знаю,— Энн кивнула.— Вот. Возьми его.— Она протянула Рада-Хан.— Не хочу его видеть. Натан, я ненавидела делать это. Особенно по отношению к тебе. Мне теперь кажется, моя жизнь была бесполезна. Прости меня за то, что запирала тебя щитами. Если бы я могла снова прожить свою жизнь, я бы никогда не сделала так... Я не жду от тебя милости. Я не была милостива к тебе.

— Да. Не была,— произнес Натан. Его бирюзовые глаза смотрели прямо в ее глаза. Он смотрел по-особому. Так же пронизывающе, по-раловски, смотрит Ричард.— Значит, ты просишь прощения за то, что держала меня в темнице всю мою жизнь. Ты знаешь, Энн, почему это было плохо? Знаешь, в чем вся ирония?

Вопреки своему желанию Энн услышала собственный голос:

— Какая ирония?

— Ну,— он пожал плечами.— Ради чего мы боремся?

— Натан, ты хорошо знаешь, ради чего мы боремся.

— Да, конечно, я знаю. А ты? Скажи, что мы пытаемся защитить, сохранить живым?

— Искру магии, данную нам Создателем, конечно. Мы боремся за то, чтобы она осталась в этом мире. Боремся за

жизнь тех, кто родился с ней, за то, чтобы они научились владеть ею. Мы боремся за всех, обладающих даром.

— Немного иронично, тебе не кажется? То, за что ты так борешься, пугает тебя. Имперский Орден считает, что не в интересах человечества позволять тем, кто владеет магией, использовать ее, поэтому эту уникальную способность следует искоренить. Они заявляют, что когда все не будут обладать даром, тогда те, кто будет иметь искру, могут стать опасными. Ведь такие люди могут захотеть прожить собственную жизнь. Потому-то, как считает Орден, имеющие искру должны быть изгнаны из этого мира, чтобы мир стал лучше для всех остальных.

Ты тоже работала над этим всю свою жизнь, сама обманывалась теми же ложными идеями, Энни. Ты сделала меня пленником из-за моего дара. Наказала только за мою способность делать то, чего не могут другие, за то, что я награжден от рождения злым даром, которого нет у остального человечества.

Ты утверждаешь, будто хочешь сохранить в других то, чего так боишься во мне — мою исключительную способность. Будто ты работаешь над тем, чтобы рожденные с даром могли прожить свою собственную жизнь, наилучшим образом развили свою способность... Но ты лишила этого права меня.

— Если мне по душе свобода охоты для волков Создателя, это еще не значит, что я хочу стать их обедом.

— Я не волк. Я человек, — придинулся к ней Натан. — Ты заставила меня жить в тюрьме за то, кто я есть, потому что боялась моей способности. Ты убедила себя в доброте и правильности своего поступка. Все мы верим, что боремся за светлое будущее людей, в котором они будут самими собой.

Ты сказала себе, что тюрьма — это правильно, но это ложь. Ты пыталась обмануть себя, отказываясь видеть истинную сущность принципов, которые так истово защища-

ла. Оглянись, Энн.— Он обвел руками каменные стены.— Вот что ты защищала, вот что ты уготовила тем, у кого, как ты решила, нет права на собственную жизнь. Ты решила так же, как и Орден. Будто тот, кто обладает большими способностями, должен быть отрезан от тех, у кого этих способностей меньше. Неважно, как ты собиралась украсть выстроенную тобой темницу — вот как она выглядит внутри.

Прежде чем ответить, Энн собралась с мыслями.

— Мне казалось, я начала что-то понимать, пока сидела здесь, но теперь сомневаюсь. Все эти годы я чувствовала, что творю с тобой нечто ужасное, но никогда не позволяла себе задумываться об этом... Ты прав, Натан. Я считала, что ты можешь причинить зло. Но я была обязана объяснить тебе, что ты должен обдумывать свои поступки, а не ждать от тебя худшего и запирать. Прости меня, Натан.

— Ты правда думаешь именно так? — переспросил он, упервшись руками в бока.

Энн лишь кивнула, не в силах поднять на него глаз. Она плакала. Как горько сознавать, что она всегда рассчитывала на честность других, но не была честна сама с собой.

— Да, Натан, именно это я и имею в виду.— Исповедь окончена. Энн подошла к кровати и упала на нее.— Спасибо, что пришел, Натан. Я больше не побеспокою тебя и понесу наказание без жалости к себе. Если ты не против, я бы хотела сейчас оставаться одна и подумать.

— Ты можешь сделать это позже. А сейчас вставай и собирай вещи. Надо кое-что сделать, и быстро.

Энн подняла хмурый взгляд.

— О чём ты?

— Нам нужно многое сделать. Вставай, женщина. Мы теряем время. Надо идти. Мы на одной стороне, Энн. Надо действовать вместе и защищать то, что мы защищаем.— Натан опустился на пол рядом с ней.— Если ты только не

решила просидеть здесь всю свою жизнь.— Он подбадривающе коснулся ее руки.— Если нет, пойдем со мной. У нас неприятности.

Энн наклонилась со скамьи:

— Неприятности? Какие?

— Большие. Очень большие неприятности с пророчеством.

— Пророчеством? Неприятности с пророчеством? Какие? С каким пророчеством? — в растерянности повторяла она.

Упервшись кулаками в бока, Натан ухмыльнулся.

— Я не могу говорить с тобой о таких вещах. Пророчества — не для непосвященных.

Энн поджала губы, собираясь высказать все, что думает, как вдруг заметила улыбку в уголках его губ. Она улыбнулась в ответ.

— Что произошло? — спросила женщина тоном, которым говорят друзья, решив простить друг друга и забыть о прошлом.

— Энн, ты мне не верила, когда я тебе говорил,— пожаловался Натан.— Снова он, мой мальчик.

— Ричард?

— А кто еще может попасть в те передряги, в которые попадает Ричард?

— Я не думаю о Ричарде, как о мальчике.

Натан вздохнул.

— Я знаю, но тяжело в моем возрасте думать о ком-нибудь столь юном, как о мужчине.

— Он мужчина,— уверила его Энн.

— Да, думаю, да,— ухмыльнулся Натан.— И он Рал.

— В какие неприятности на этот раз влез Ричард?

— Он прошелся по границе пророчества,— пошутил Натан.

Энн скривила лицо.

— О чём ты говоришь? Что он сделал?

— Я говорил тебе, Энн, что мальчик прошел по самой границе пророчества — прошел прямо по тому месту в пророчестве, где само пророчество уже не существует.

Энн заметила, что Натан искренне взволнован, но он не придавал этому значения. Некоторые люди его боялись. Часто казалось, что он говорит полную ерунду, а на самом деле просто немногие были способны его понять. Иногда только сам пророк может объяснить свое пророчество. Своими особенными глазами, глазами пророка, он может видеть то, что недоступно больше ничьему зрению.

Энн целую жизнь работала с пророчествами, поэтому она могла понимать его предсказания лучше, чем многие, понимать хоть что-нибудь из того, о чем он говорит.

— Как ты узнал об этом пророчестве, Натан, если оно не существует? Не понимаю. Объясни мне.

— В Народном Дворце есть библиотеки, в которых хранится много ценнейших Книг пророчеств, даже не виденных мною. Хотя у меня были причины подозревать, что такие пророчества должны где-то быть, я все-таки не был уверен в их существовании и в том, о чем они могут поведать. Я изучал книги с самого первого дня, как оказался здесь, и нашел связи с известным предсказанием, которое мы произнесли под сводами Дворца Пророков. Эти пророчества заполняют кое-какие дыры в тех пророчествах, о которых мы уже знаем... Но что важнее, я нашел новую цепь пророчеств, которую никогда не видел раньше. Она объясняет, почему я был слеп и не увидел того, что происходит. Изучая последствия и изменения в цепи, я обнаружил, что Ричард создал несколько связей, которые ведут к забвению, или чему-то подобному. В общем, к тому, о чем я говорил, как о несуществующем, находящемся в небытии.

Натан прохаживался по маленькой комнате, в то время как одна его рука лежала на бедре, а другая чертила в воздухе невидимые линии.

— Эта связь ведет к вещам, которых я никогда не видел, цепям, которые, как я знаю, должны быть здесь, но были утеряны. Эти цепи — секретные пророчества, хранящиеся в Народном Дворце. И теперь я знаю, почему именно тут. Даже я, найди их годы назад, растолковал бы их неверно. Цепи связаны с определенными пустотами. А так как это пустоты, их природа неизвестна, и они просто не могут существовать

Ричард сейчас там, где пророчество не видит его, не может ему помочь, и что хуже, не может помочь нам. Но кроме того, что мы не можем видеть нашего мальчика с помощью пророчества, он словно бы сейчас находится в месте, где не существует то, что он делает, и сам он тоже там не существует.

Ричард в месте, о котором мы ничего не знаем.

Энн знала, что Натаан не преувеличивал. И хотя она не совсем поняла его, женщину прошиб холодный пот.

— Что мы должны делать?

Натаан выбросил вперед руки.

— Мы должны пойти туда и найти его. Мы должны вернуть его в мир, который существует.

— Хочешь сказать, в мир, в котором его видят пророчества?

На лице Натаана снова появилось хмурое выражение.

— Я так тебе и сказал, разве нет? Мы должны каким-то образом вернуть его в поле видимости пророчеств.

Энн откашлялась.

— Или?

Натаан подхватил лампу, а затем ее сумку.

— Или он исчезнет из видимых черт пророчества и никогда не появится в этом мире.

— То есть, если мы его не вернем, он умрет?

Натаан укоризненно взглянул на нее.

— Я говорил со стенами? Конечно, умрет! Если этот мальчик не в пророчестве, если он порвёт все имеющие

отношение к нему связи с пророчествами, тогда он сделает недействительными все линии пророчества, в котором существует. Если Ричард сделает это, пророчества станут ложными, и цепи этого мира никогда не свяжутся с ним. Ни в одной из других связей его нет — поэтому он умрет.

— А что будет со связями, в которых его больше не будет?

Натан схватил ее за руку и потянул к двери.

— В таком случае на каждого упадет тень. Каждого живого. Настанет очень долгое и темное время.

— Стой, — Энн заставила его остановиться.

Она вернулась к каменной скамье и оставила на ней Рада-Хан.

— У меня нет силы уничтожить его. Может, его стоит закрыть здесь.

— Запрем двери и прикажем охране, чтобы они охраняли его здесь, за щитами, вечно, — одобрил Натан.

Энн предостерегающе потрясла перед ним пальцем.

— Даже не думай, что без ожерелья я позволю тебе вести себя неподобающее.

Натан снова улыбнулся. Он согласен. Прежде чем закрыть дверь, мужчина повернулся к ней.

— Кстати, общалась ли ты с Верной через Книгу путешествий?

— Да, чуть-чуть. Она сейчас в лагере и очень занята. Они готовятся к защите перевалов на Д'Хару. Джеган начал осаду.

— Что ж, насколько мне удалось узнать у военных здесь, перевалы надежны и какое-то время продержатся. — Натан наклонился к ней. — Пошли Верне письмо. Напиши ей, что когда пустая повозка окажется рядом, она должна ее впустить.

— Что это значит? — удивилась Энн.

— Пророчества не для непосвященных. Просто сообщи ей.

— Хорошо,— задержав дыхание, произнесла Энн, когда Натан подтолкнул ее в узкую дверь.— Но я, пожалуй, не стану писать ей, что это от тебя. А то она еще не обратит внимания. Ты же знаешь, Верна считает тебя глухим.

— Она никогда не хотела узнать меня по-настоящему.— Он оглянулся.— Она просто не видела всего, что во мне.

Энн хотела сказать, что, возможно, Верна знала Натана слишком хорошо, но удержалась. Когда мужчина направился к внешней двери, она схватила его за рукав.

— Натан, что еще ты не сказал мне о найденном тобой пророчестве? О пророчестве, где Ричард исчезает в забвении.

Энн хорошо знала Натана. Обычно он говорит далеко не все, что знает, поскольку предпочитает скрывать самое тревожное. Некоторое время он печально смотрел ей в глаза.

— В пророчестве есть Скользящий.

Энн задумалась.

— Скользящий. Скользящий,— бормотала она про себя, пытаясь вспомнить. Имя было знакомым.— Скользящий...— Она загибала пальцы.— Скользящий.— Вдруг ее глаза расширились от ужаса.— Великий Создатель!

— Боюсь, Создатель нам не поможет:

Энн замахала руками.

— Не может быть. Что-то в твоем пророчестве неверно. Оно неправильное. Скользящих создавали в Великую войну. В этой связи пророчества Скользящего не может быть! Если он в нем есть, тогда пророчество должно относиться к прошлому.— Энн нервно жевала нижнюю губу.

— Пророчество верно. Думаешь, я тоже не ломал себе голову? Я же не любитель. Я проверил хронологию сотни раз, изучив каждый ряд и цифру. Все они идут из одного корня. Каждая связь в строгом порядке. Пророчество соответствует времени и хронологии. И вообще всему,— закончил он.

— Это ошибочная связь,— настаивала Энн.— Скользящие создавали с помощью колдовства. Они были стерильны. Они не могли иметь потомков.

— Говорю тебе, на одной линии с Ричардом Скользящий, и это видимая линия пророчества,— прорычал Натан.

— Они не могли выжить,— Энн была уверена в том, что говорит. Натан знает больше нее о пророчествах, но в этой сфере он знает меньше — это ее конек.— Скользящие не могли рожать детей.

— Говорю же тебе, в мир вернулись Скользящие,— упорствовал он, бросив на нее один из тех взглядов, которые Энн особенно не любила.

— Натан, похитители душ не могут размножаться,— пискнула он.

— Пророчество говорит, он не был рожден, но был рожден заново Скользящим.

Энн почувствовала, что дрожит. Она смотрела на него, не находя слов.

— Три сотни лет не рождались волшебники с двумя сторонами дара, кроме Ричарда. Никто не способен...— Энн остановилась. Натан смотрел на нее. Заметил, как, наконец, в ее глазах промелькнуло понимание.— Великий Создатель,— прошептала она.

— Я говорил тебе, что Создатель не поможет. Его родили Сестры Света.

Энн трясло, она не могла говорить.

Ничто не могло быть хуже.

Против Скользящего нет оружия.

Любая душа беззащитна перед ним.

За внешней дверью в коридоре ждала Найда с лицом хмурым, но не таким мрачным, как у Энн. Темный коридор освещался свечами в держателях на стенах. Ни единого дуновения ветерка. Единственным цветом в коридоре был красный цвет кожаной одежды Найды.

Вытащенная за руку из комнаты, обуреваемая чувствами, Энн подлетела к Найде.

— Ты передала ему то, что я просила?

— Конечно,— девушка шла на шаг позади от них.

Полуобернувшись, Энн погрозила Морд-Сит пальцем:

— Я жалею, что ты сказала ему.

Найда улыбнулась.

— О, не думаю так.

Энн округлила глаза и повернулась к Натану.

— Кстати, зачем ты носишь меч? Ты ведь волшебник. Зачем тебе меч?

Натан выглядел уязвленным.

— Ну почему же... Найда считает, что с мечом я выгляжу внушительно.

Энн взглядалась в темноту коридора.

— Да уж. Конечно, считает.

Глава 31

Ричард стоял на краю узкого уступа скалы и разглядывал серые клочья облаков внизу. Прохладный сырой воздух принес ему ароматы бальзамина, мха, мокрых листьев и земли. Он глубоко вздохнул. Эти запахи так напоминали о доме... Гранитная скала была выщерблена дождями и ветром и походила на скалы в лесах Хартленда. Только там горы тянутся куда дальше. Обрыв под ногами кружил голову.

К востоку расстилалась холмистая лесная равнина. Слева и справа земля была пуста — здесь была граница. На западе поднимались почти безжизненные горы, граничащие с пустыней. Саму пустыню и Столпы Творения отсюда уже не было видно. Ричард был рад, что они остались позади.

Простор неба не затмевали чернокрылые хищники, по крайней мере, сейчас. Огромные птицы знали, что Ри-

чард, Кэлен, Кара, Дженнсен, Том и Оуэн направляются на запад.

Ричард убил последних встреченных ими пятерых птиц, когда они стали кружиться почти над головами людей, пикируя с безрассудной наглостью. Он вел свою маленькую группу через густой лес и не ожидал, что птицы появятся снова. Путники шли через лес, по большей части состоящий из гигантских деревьев. Ричард подумал, что если он будет осторожен, то им, возможно, удастся избавиться от преследователей.

Если этот человек, Николас, видел их глазами пяти птиц, тогда он знает, что они идут на запад. Но сейчас, когда покров леса скрыл их маленький отряд, чародей не может быть уверен в том, что они пойдут на запад. Если Ричарду удастся исчезнуть и появиться там, где птицы не ожидают его увидеть, то Николас станет думать иначе. Он поймет, что они могли изменить направление и пойти на север или на юг. Николас может подумать, что, войдя в лес, они попытались сбежать от него.

Возможно, им удалось бы спрятаться под кронами деревьев и сбить преследователя со следа. Тогда Николас бы их не нашел. Ричард не хотел, чтобы враг знал, куда они идут или где находятся. Обмануть Николаса сложно, почти невозможно, но Ричард все же решил попытаться.

Прикрыв ладонью глаза, лорд Рал изучал лес, запоминая местность, прежде чем начать спускаться к остальным. Стесняющиеся облака внизу лежали темными рваными полосами. Из грязных хлопьев облаков вырывались острые скалы.

Ричард оглядел скалу, склон, деревья и наконец нашел то, что искал. Он изучил подъем в гору, а потом снова бросил взгляд в чистое небо. Ричард не увидел ни чернокрылых, ни каких-либо других птиц. Он глянул туда, где его ждали остальные. Если он не видит птиц, это не значит, что они не наблюдают за ним. Это ясно. Целая дюжина птиц

могла спрятаться в листве, и он бы ее не заметил. Сейчас Ричард был там, где они могли его видеть, поэтому не был уверен ни в чем.

Он собирался сделать то, чего от него не ожидают.

Ричард начал спускаться по склону, цепляясь за мох, корни и скользя на мокрых листьях. Если он упадет, его единственный шанс — схватиться за небольшой выступ, на котором он стоял, прежде чем полез вверх на открытый воздух. Лететь вниз — несколько тысяч футов. Мысль о падении заставила Ричарда схватиться крепче за корни и спускаться осторожнее, проверяя каждый камень, на который он ставит ногу.

Спустившись, Ричард заметил тощий клен, растущий в тени гигантских елей. Листья ясеня и березы закрывали горный клен, накапливая на листьях моросящий дождь. Когда они тяжелели, вода крупными каплями стекала с них прямо Ричарду на голову. Легкий ветерок качнул ветви, и капли обрушились вниз стремительным дождем.

Нагибаясь под ветвями елей, Ричард шел по собственным следам через заросли черники под густой покров древних вечнозеленых деревьев. Ковер из иголок скрадывал его шаги. Паутины с повисшими на них каплями окутавшего все тумана, казались драгоценными ожерельями. В них попадались мелкие жучки, носящиеся вокруг.

Кэлен приподнялась, когда увидела, что Ричард идет через густую поросль молодых растений. Скоро его заметили и остальные. Он наклонился, отводя рукой тонкие зеленые ветви.

— Ты видел птиц, лорд Рал? — спросил Оуэн, больше всех боящийся хищников.

— Нет. — Ричард поднял мешок и перекинул его через плечо. Он засунул руку под вторую лямку и поправил мешок на спине. — Важнее, видели ли они меня.

Ричард забросил лук на левое плечо вместе с мехом.

— Значит, мы можем надеяться, что они не знают, где мы, — заломил руки Оуэн.

Ричард задумался и посмотрел на него.

— Надежда — не лучшая стратегия.

Пока все собирали нехитрый скарб, Ричард взял Кара за локоть и отвел в сторону.

— Видишь этот подъем там, вдалеке? — спросил он, держа ее рядом с собой, чтобы она видела, куда он показывает. — Полоса открытой земли, которая идет от молодого дуба со сломанной ветвью?

Кара кивнула.

— Это там, где земля поднимается и идет через ручеек, бегущий к подножию горы? Там, где все покрыто зеленью? — все же решила уточнить она.

— Да, именно это место. Я хочу, чтобы ты поднялась выше, направо, обойдя расщелину. Посмотри, нет ли тропы среди тех деревьев.

Кара согласилась.

— Где вы будете?

— Думаю, остановимся на первом разломе склона. Мы будем там. Возвращайся и скажи, есть ли там путь, как я предполагаю.

Кара подтянула мешок на спине и взяла крепкий посох, который вырезал для нее Ричард.

— Не знал, что Морд-Сит могут прокладывать тропы, — сказал Том.

— Морд-Сит не могут, — ответила девушка. — Но я, Кара, могу. Лорд Рал научил меня.

Ричард смотрел ей вслед, как она исчезает за деревьями. Кара двигалась грациозно, чуть отклоняясь, когда шла по труднопроходимым местам. Она шла, сберегая силы и энергию. Так было не всегда. Ей пришлось этому учиться, и она хорошо усвоила уроки. Ричард был рад, что его уроки не прошли даром.

Подошел Оуэн. Он выглядел взволнованным.

— Но, лорд Рал, мы не можем идти тем путем. — Юноша махнул рукой за спину. — Тропа идет там. Это един-

ственний путь через перевал. Теперь, когда нет границы, только здесь лежит путь вниз и обратно. Да, он тяжелый, но другого нет.

— Это единственный путь, о котором знаешь ты. Но, видишь, есть и другой. Судя по тому, как сильно исхожена эта тропа, по ней много ходили. Думаю, это единственный путь, о котором знает и Николас. Похоже, войска Ордена пришли в Бандакар именно этой дорогой... Да, если мы пойдем этим путем, птицы проследят за нами. Приятного мало. А с другой стороны, если мы не будем попадаться им на глаза, они не узнают, куда мы идем. Взвесив все за и против, я выбрал этот путь. Хватит играть роль мыши, за которой охотится сова.

Ричард поручил Кэлен вести их через чащу туда, где впереди был виден просвет. Когда она сомневалась, то обворачивалась назад, спрашивая совета мужа. Он указывал нужное направление, кивая в сторону, куда следовало повернуть. На ходу, во время минутных заминок Ричард учил Кэлен подмечать в лесу разные мелочи и чувствовать его так же тонко, как был способен он сам, проведший детство в лесах, столь похожих на этот.

По рисунку местности Ричард был уверен, что здесь лежит древняя тропа через горный перевал. Этот дальний перевал выделялся пятном в стене гор. В действительности он был не более, чем широким проходом, изгибающимся между гор. Ричард не верил, что тропинка, по которой уходили изгнанные из Бандакара, была единственным путем через границу. Может быть, когда существовала граница, так оно и было, но границы больше нет.

Разглядывая эту местность сверху, Ричард подозревал, что должен быть путь, который в древности был главной дорогой. Тут и там он находил знаки, указывающие, что здесь когда-то была заброшенная дорога.

Может быть, древний путь был заброшен после оползня в горах, сделавшего его непроходимым. Ричард хотел бы

знать, можно ли еще пройти по этому пути. Он должен находиться в неизвестной части гор, там, где птицы смогут следить за ними.

Дженисен шла рядом с Ричардом, таща на веревке Бетти и следя, чтобы козочка не наступала на растения.

— Рано или поздно птицы найдут нас, как тебе кажется? — спросила Дженисен. — Ведь если мы не появимся там, где они ожидают нашего появления, они примутся искать нас? И будут рыскать в небе, пока не найдут? Ты сам сказал, что с высоты своего полета птицы могут видеть очень далеко. Значит, они найдут нас?

— Все может быть, — отозвался Ричард. — Но если мы будем прятаться, нас будет непросто найти в густых лесах. В лесу птицы не смогут отыскать нас так просто, как в пустыне. На открытой местности они увидят нас за мили. А здесь им придется постараться, если только мы не будем неосторожными. Когда мы не появимся на тропе, ведущей в Бандакар, это будет для них неожиданностью. Тогда им придется прочесать огромную территорию, не зная, в каком направлении мы движемся. Так что найти нас будет непросто. — Ричард передернулся, вспомнив о том, кто следил за ними. — Я не думаю, что Николас так уж хорошо видит нас глазами птиц, иначе ему бы не пришлось заставлять их кружиться над нами. Если мы сможем долгое время оставаться вне поля его зрения, то доберемся до Бандакара и его народа и там затеряемся. А Николасу придется долго и тяжело искать нас среди них.

Дженисен обдумывала слова брата. Путники вошли в березовую рощу. Бетти запуталась вокруг деревца, и девушке пришлось помочь ей справиться с веревкой. Все поежились, когда ветер внезапно принес освежающий дождь.

— Ричард, что ты собираешься делать, когда мы придем туда? — почти шепотом спросила Дженисен, поравнявшись с ним.

— Как что? Собираюсь принять противоядие, чтобы не умереть.

— Да, это понятно,— Дженнсен откинула с лица рыжий локон.— Но что ты будешь делать с народом Оуэна?

Каждый вдох отзывался в легких Ричарда острой болью.

— Пока еще не знаю.

Девушка некоторое время шла молча рядом.

— Но ты ведь попытаешься помочь им, да?

— Дженнсен, они угрожали мне смертью,— Ричард посмотрел на сестру.— Это не пустая угроза. Моя жизнь в опасности. Они силой вынудили меня идти к ним.

Она поежилась.

— Я знаю, но они в были отчаянии,— Дженнсен посмотрела вперед, желая убедиться, что Оуэн ее не слышит.— Эти люди не знали, что еще сделать для спасения своего народа. Они не такие, как ты, и никогда ни с кем не боролись.

Ричард тяжело вздохнул, боль снова разорвала его легкие.

— Ты тоже никогда ни с кем не боролась. Но когда ты думала, что я хочу убить тебя, как и Даркен, когда поверила, что я виновен в смерти твоей матери, как ты тогда поступила? Я спрашиваю не о твоих чувствах или мыслях тогда, а о том, что ты решила делать, когда поверила Себастьяну?

— Я решила, что если хочу жить, то должна убить тебя прежде, чем ты убьешь меня.

— Точно. Ты никого не отравила и никому не говорила сделать это за тебя, или он умрет. Ты решила, что твоя жизнь ценна, и никто не имеет права отбирать ее. Но если человек готов безропотно принести свою единственную ценность — жизнь, которой у него больше не будет,— любому убийце, захотевшему ее взять, то тогда ему ничто не поможет. Может, сегодня его и спасут, но завтра придет еще кто-нибудь, и он так же добровольно падет ниц перед новым убийцей. Такой человек ставит жизнь убийцы выше своей собственной. Когда отдаешь кому-либо право владеть твоей жизнью и смертью, ты превращаешься в раба, ищущего себе мясника.

Дженнсен молча шла рядом, обдумывая слова брата. Ричард отметил, что девушка идет по лесу так же, как он учил Кару. Лес был таким же домом для Дженнсен, как и для него.

— Ричард,— сглотнула она.— Я не хочу, чтобы эти люди страдали. Они уже и так достаточно вынесли.

— Скажи об этом Кэлен, когда я умру от яда,— мрачно отозвался лорд Рал.

Когда они дошли до места назначеннной встречи, Кары еще не было. Все приготовились немного передохнуть. Пятно, разлом в гранитной скале, защищали высокие ели. После жара пустыни путники еще не привыкли к прохладной влажности. Пока люди искали подходящие камни, чтобы не садиться на мокрую листву, Бетти довольно жевала траву. Оуэн выбрал место подальше от козы.

Кэлен села рядом с Ричардом на небольшой выступ скалы.

— Как ты себя чувствуешь? У тебя опять болит голова?

— С этим ничего не поделаешь,— ответил он, пожимая плечами.

Кэлен подвинулась ближе, согревая его своим теплом.

— Ричард, ты помнишь письмо Никки? — шепнула она.

— Что именно?

— Мы думали, что граница, защищающая Бандакар,— причина первого сигнального маяка. А вдруг мы ошибались?

— Почему ты так думаешь?

— Второго маяка нет.— Она показала подбородком в сторону северо-запада.— Первый мы увидели там. Мы очень близко к тому месту, где начинается граница, а второго маяка так и нет.

— С тем же успехом он будет там, где нас ждут птицы,— ответил Ричард.

Он хорошо помнил место, где они нашли маленькую статую. Вокруг на деревьях сидело множество птиц. Тогда Ричард не знал, что это за птицы, но они были огромны, и он никогда раньше не видел таких. В мгновение, когда

Кара коснулась статуи, птицы поднялись в воздух и закрыли небо своими черными крыльями. Сотни странных, незнакомых, пугающих созданий взмыли ввысь.

— Да, но если нет второго маяка, может быть, нет и той проблемы, которая связана с первым,— сказала Кэлен.

— Ты думаешь, что первый маяк связан со мной и в нем есть какой-то смысл, а потому мы должны его увидеть. Никки говорила, что второй маяк создан для того, кто может восстановить разорванную печать. Наверно, это не я.

Казалось, Кэлен об этом не думала, она выглядела задумчивой.

— Не знаю, что и лучше.— Она придвинулась еще ближе к мужу и обхватила его бедро.— Неважно, кто должен снова запечатать, восстановить границу. Не думаю, что это вообще еще можно сделать.

Ричард запустил пальцы в свои мокрые волосы.

— Ну, если этот умерший волшебник думал, что я — единственный, кто может восстановить границу, то он ошибся. Я не знаю, как это сделать.

— Разве ты не понял, Ричард? Даже если бы ты знал, как, не думаю, что тебе это удалось бы.

Муж посмотрел на нее уголком глаза.

— Выводы, уносящие твое воображение прочь, да?

— Ричард, да подумай же, граница упала после того, что сделала я. Сигнальный маяк был для меня, потому что я нарушила печать. Ты же не будешь отрицать это?

— Нет, но надо многое узнать, прежде чем мы сможем действительно понимать, что происходит.

— Я освободила химер,— сказала она.— Нам не стоит скрывать это.

Кэлен использовала древнюю магию, чтобы спасти ему жизнь. Она освободила химер ради исцеления мужа. Тогда у нее не было времени на размышления. Ричард умер бы, если бы она этого не сделала.

И к тому же Кэлен не знала, что химеры вызовут разрушение в мире. Она не знала, что они были созданы три тысячи лет назад из энергии подземного мира, чтобы уничтожать магию. Ей только сказали, что с их помощью она сможет спасти Ричарда.

Ричард знал, каково это — быть убежденным в определенных вещах, когда тебе никто не верит. Он знал, именно так чувствует себя сейчас Кэлен.

— Ты права, бессмысленно отрицать — мы сделали это. Но мы не знаем, к чему это привело. Например, химеры могли быть снова заточены в подземный мир.

— Но ведь Зедд говорил нам, что когда начинается цепь магических событий, ее не остановить, пусть даже химеры и вернулись в подземный мир. У нас нет опыта предсказания последствий таких событий.

Ричарда ничего не смог возразить жене на это: о магии он знал гораздо меньше Кэлен. От ответа его спасла Кара, возникшая из зарослей молодого бальзамина. Она сбросила мешок на землю и села на скалу лицом к Ричарду.

— Ты был прав. Там можно пройти. Мне показалось, что через выступ дальше есть путь.

— Отлично, — Ричард встал. — Пойдемте. Облака становятся темнее. Надо найти место, где остановиться на ночь.

— Как раз на выступе я приметила подходящее, лорд Рал. Оно должно быть сухим.

— Хорошо, — Ричард поднял ее мешок. — Я понесу его, пока ты передохнешь.

Кара поблагодарила его кивком головы, и они, не медля, пошли через густые заросли, поднимаясь в гору. Здесь хватало открытых участков скалы, куда можно было поставить ногу, и корней, за которые можно было ухватиться. В самых трудных местах Ричард протягивал Кэлен руку.

Том помогал Дженнсен и переносил Бетти, хотя козочка карабкалась гораздо лучше, чем они. Ричард подумал, что

Том делает это скорее для сестры, чем для Бетти. Наконец Дженнисен сказала юноше, чтобы он отпустил Бетти и дал ей забираться самой.

Коза остановилась перед следующим же уступом, на который безуспешно пыталась забраться, и заблеяла, зовя Тома.

— Почему ты не поможешь мне,— комично пропищал Том, подражая жалобному голоску Бетти.

Дженнисен, Кэлен и Ричард заулыбались. Оуэн только посмотрел и пошел в обход. Он побаивался Бетти. Кара попросила свой мешок обратно. Морд-Сит уже достаточно развлеклась возможностью того, что ее сочтут хрупкой.

Пошел дождь. Тяжелые холодные капли начали падать на лица путников. Скоро они нашли то место на выступе, о котором говорила Кара. Большая скальная плита обвалилась и упала на валуны. Теперь они ее поддерживали, образуя некое подобие пещеры. Укрытие было небольшим, но Ричард подумал, что им всем хватит здесь места.

На полу импровизированной пещеры лежали листья, обломки коры, клочки мха и ползало множество насекомых. Возможно, некоторые из них были опасны. Том и Ричард срезали ветви и быстро смели весь этот мусор. Потом они нарезали ельника и положили на землю, чтобы было мягче спать. Приятно запахло свежей хвойей.

Дождь усилился, и все они укрылись под навесом. Там оказалось довольно-таки тесно, но зато сухо.

Ричард не позволил развести костер, боясь, что птицы могут учゅять запах дыма. Путешественники поели холодного мяса, лепешек и сухих фруктов. Все очень утомились, поднимаясь целый день по склону, и едва разговаривали друг с другом. Бетти среди них была единственным существом, которое могло стоять под навесом во весь рост. Она приставала к Ричарду, пока он не почесал ее за ухом.

Тихие сумерки опускались над лесом. Люди сидели в своем укрытии, смотрели на медленно падающие капли дож-

дя и думали, что ждет их впереди, там, в загадочной империи, отрезанной от мира на тысячи лет. Империи, захваченной сейчас войсками Ордена.

Ричард смотрел в темноту леса, откуда доносились дальние голоса и шорохи зверей и птиц. Кэлен свернулась клачиком у него на коленях. Бетти легла рядом с Дженнисен.

Под теплой рукой мужа Кэлен тут же уснула. А Ричард, как он ни устал за день тяжелого путешествия, так и не мог уснуть.

Не переставая болела голова, а яд, проникший в тело, затруднял дыхание. Ричард отстраненно подумал о том, что убьет его первым — боль, вызванная его даром, или яд Оуэна.

Все спали. Впервые за долгое время лорд Рал был уверен, что эта ночь пройдет без происшествий, и она как будто специально дана ему для раздумий. Поэтому он сидел, боясь пошевелиться и разбудить пригревшуюся у него на коленях жену.

Вся ночь была впереди. Ричард неторопливо размышлял. Он думал о том, как сможет выполнить требования Оуэна и его народа, чтобы получить противоядие. Их всего пятеро — он сам, Кэлен, Дженнисен, Кара и Том,— и едва ли они смогут выдворить армию ордена из Бандакара.

Но если Ричард не сможет достать противоядие, его жизнь оборвется. И тогда это путешествие будет для него последним.

Ему казалось, он только что, чуть ли ни минуту назад, нашел Кэлен после того, как полжизни был разлучен с нею. Ричард хотел быть с ней. Он хотел, чтобы они остались сейчас вдвоем.

Если он не найдет единственно правильного решения, все — их настоящее, полное любви, борьбы и страданий, и их будущее, полное любви, надежды и света — потеряет всякий смысл. И не только из-за головных болей.

Имперский Орден может взять Башню Волшебников.

Глава 32

Ричард ухватился за гранитный выступ и подтянулся наверх. Он отряхнул с ладоней мелкие гранитные осколки и повернулся к остальным.

— Тропа идет здесь. Там пройти нелегко, но можно.

Ричард поймал сомневающийся взгляд Тома и увидел наполненные ужасом глаза Оуэна. Бетти, выставив вперед уши — Ричард истолковал это как жест козлиного неудовольствия,— заглянула в узкую щель и заблеяла.

— Я не думаю, что мы сможем,— заныл Оуэн.— А что если...

— Остудимся? — подтрунивающе продолжил Ричард. Оуэн закивал головой.

— Ну, у тебя есть преимущество по сравнению с Томом и со мной,— сказал Ричард, поднимая свой мешок.— Ты не такой большой. Если мы с Томом пройдем, то пройдешь и ты.

— А как насчет этого пути? — Оуэн показал рукой на крутой склон горы справа.— Может, нам просто ее обойти?

— Я тоже не хочу идти через такие темные, узкие места, как это,— сказал Ричард.— Но если мы пойдем в обход, то окажемся на обрывистых краях скалы. А ты слышал, Кара сказала,— они очень узкие и опасные. Если бы это был единственный путь, мы пошли бы там. Но это не так, и потому придется пойти здесь. Пойми, Оуэн, там нас легко найдут птицы. А если они нападут на нас, мы не сможем защищаться и упадем с обрыва. Мне, как и тебе, не нравится этот путь, но я не хочу оказаться на продуваемом ветрами обрыве, который не шире, чем подошва моей обуви. Там, если поскользнешься, то придется падать тысячи футов, да и птицы всегда готовы запустить в нас когти. Ты этого хочешь?

Оуэн облизнул пересохшие губы, нагнулся и посмотрел в темную расщелину.

— Кажется, ты прав.

— Ричард, иди ко мне,— шепотом позвала его Кэлен, пока остальные вытаскивали из мешков лишние вещи, чтобы двинуться дальше налегке.— Если это, как ты и думал, тропа, то почему она такая неудобная?

— Думаю, что несколько тысяч лет назад огромные куски скалы оторвались и обрушились вниз, застряв под таким углом и оставив под собой узкий проход.— Он показал вниз.— Видишь? Мне кажется, все эти камни были когда-то наверху. А сейчас они там, где раньше была тропа.

— И нет другого пути: либо эта пещера, либо обрыв?

— Может быть, и есть. Наверняка существуют еще какие-нибудь древние дороги, но нам придется потратить день, чтобы вернуться к развилке. К тому же нет никакой уверенности, что они ведут через горы. Но если ты хочешь, мы можем вернуться и попытаться найти их.

— Нельзя терять время,— потрясла головой Кэлен.— Надо быстрее добраться до противоядия.

Ричард согласился. Он не знал, как им удастся пройти всю захваченную Орденом империю, но за ночь у него родилось несколько идей. Сначала ему необходимо получить противоядие. А потом можно будет попробовать осуществить задуманное — он не видел причин, чтобы играть по правилам Оуэна или Ордена.

Кэлен снова взглянула на темный, узкий коридор впереди.

— А там нет змей?

— Не вижу ни одной.

Том протянул Ричарду его меч.

— Я пойду замыкающим. Если пройдешь ты, то и я смогу.

Ричард кивнул и перебросил перевязь меча через плечо. Он поправил ножны на бедре и пошел вперед. Мешок Ричард скрутил в узел и привязал к животу, чтобы тот занимал

меньше места. Скальная плита лежала над его головой под углом, потому он нагнулся и проскользнул в темноту. Чем дальше Ричард шел, тем темнее становилось. Когда остальные двинулись за ним, последний луч света исчез.

Дожди кончились, но с гор продолжали бежать ручейки. В пещере стояла вода, покрывая ноги по лодыжки, и когда путники шли, эхо их шагов разносилось по коридору. Влага бликами мерцала на мокрых стенах.

Ричард подумал, что если бы он был эмей, это было бы подходящим местом для него. Кэлен шла за ним, шаг в шаг. Чувствуя затылком дыхание жены, он представил, как отреагирует Кэлен, если наступит в темноте на эмью. Уж точно вряд ли порадуется, что он повел их здесь.

То, что пугает под открытым небом, воспринимается совсем по-другому в месте, где нельзя повернуться, убежать. В замкнутом пространстве всегда возникает паника.

Стало еще темнее, и Ричарду пришлось находить путь, ощупывая холодный камень. Там, где с гор стекали ручьи, стены были липкими. Порой под ногами было слякотно, порой они шли по сухим камням. Но в основном пол пещеры был покрыт толстым слоем грязи. В углубления набились полусгнившие листья.

Судя по запаху, кое-где в пещере разлагались трупы животных. За спиной Ричард услышал стоны и жалобы своих спутников на зловоние. Бетти выразила свое неудовольствие блеянием. Дженнсен шепотом приказала ей замолчать.

Но о вони пришлось забыть, когда им пришлось с трудом пробираться через нагромождения камней. Это не было настоящей пещерой, как те подземные чертоги, в которых раньше бывал Ричард. Всего лишь узкий проход под скалой. Здесь не было просторных залов и ответвлений, а только один узкий проход под скалой. Освещать путь надобности не было, они и так не смогли бы сбиться с него.

Ричард дошел до места, где неожиданно начинался крутоя подъем. Держась за стены, он начал с трудом под-

ниматься. В некоторых местах, чтобы перенести тело через камень, ему приходилось упираться спиной в одну стену, а ногами — в противоположную. Ричард оберегал меч, чтобы он не застрял между камнями. Двигались очень медленно.

Наконец, путешественники добрались до плоского места, где одна плита почти упала на другую. Пространство между ними было скорее горизонтальным, чем вертикальным. Плиты лежали близко друг к другу, но в одном месте можно было притиснуться. Ричард подошел к нему как можно ближе и протянул руку Кэлен.

Он услышал, как остальные бормочут, медленно двигаясь по кругому проходу.

С места, где он находился, Ричард мог видеть свет на верху и впереди. Он понял, что скоро они выйдут на противоположную сторону, но им придется пройти через узкий проход, где камни оставили совсем мало места.

Ричарду очень не нравились такие места. Но он знал, что другого пути нет. Это место его беспокоило больше всего. Оно было настолько узким, что могло отрезать им путь к возвращению.

— Нам придется ползти здесь, — сказал Ричард Кэлен. — Держи меня за лодыжку. Пусть остальные сделают тоже самое.

Кэлен пристально вгляделась в щель, откуда шел свет. Он был настолько ярким, что это мешало видеть все вокруг.

— Ричард, мы не сможем тут притиснуться. Это просто щель.

— Нет, это проход. Скоро мы будем снаружи. — Ричард бросил между камней, навстречу бьющему в глаза свету, свой мешок, а потом и сам запрыгнул туда.

— Хорошо. Чем скорее это кончится, тем лучше, — глубоко вздохнула Кэлен.

— Слушайте меня, — позвал всех Ричард из темноты. — Мы почти вышли.

— Если ты заставишь нас еще раз пробираться через полусгнившие трупы животных, я тебя поколочу,— отозвалась Дженнисен.

Все засмеялись.

— Да нет,— ответил Ричард.— Но впереди трудное место. Я уже забрался туда, а значит, и вы все сможете. Слушайте меня и делайте то, что я скажу. Ложитесь на живот, мешок впереди себя. Держитесь за лодыжку того, кто впереди. Так мы все выберемся. Над головой вы увидите свет. Не ползите на свет. Это не выход. Там плиты лежат еще ниже, если вы пойдете так, то застрянете. Нам нужно ползти направо, туда, где темно, но не так узко. Все меня поняли?

Из темноты донеслось согласное эхо голосов.

— Ричард, мне страшно,— позвала брата Дженнисен.— Я хочу наружу.

В ее голосе слышалась паника.

— Мне тоже не хотелось идти,— ответил он.— Но я уже здесь, почти на той стороне. Все хорошо. Просто иди за мной.

Из темноты до него донесся ее голос:

— Я хочу вернуться.

Ричард не мог этого допустить. Обрыв, где их могут найти птицы, был слишком опасен.

— Эй, пойдешь впереди меня,— позвала девушку Кэлен.— Возьмись за лодыжку Ричарда и выбирайся первой.

— Посмотри, какой пример ты подашь Бетти,— добавил Том.

Их слова подействовали. Дженнисен подошла к щели и положила свой мешок. Ричард, лежа на животе внутри, протянул руку и помог ей.

У прохода было светлее. Когда Дженнисен увидела, как там узко, она начала дрожать. Ричард подтянул сестру внутрь и увидел слезы на ее щеках.

— Пожалуйста, Ричард, я боюсь.— Огромными голубыми глазами Дженнисен смотрела вперед, в узкую щель.— Я не хочу туда.

— Я знаю, но там недолго,— кивнул он.— Я тебя здесь не брошу. Уверен, ты сможешь.— Ричард прижал ладонь к ее щеке.— Я обещаю.

— Почем мне знать, что ты сдержишь свое обещание? — слабо улыбнулась ему сестра.

— Волшебники всегда выполняют свои обещания,— улыбнулся в ответ Ричард, успокаивая Дженнисен, как маленькую.

— Но ты же сказал, что не слишком много знаешь о волшебстве?

— Зато я знаю, как хранить обещания.

Она согласилась и позволила ему помочь ей. Ричард потащил ее вперед, и Дженнисен почувствовала, что над головой совсем не осталось свободного пространства, и дальше придется лечь и ползти. Она задрожала от ужаса.

— Я знаю, что ты чувствуешь,— сказал Ричард.— Дженнисен, я тоже это ненавижу, но у нас нет выбора. Просто иди за мной, и мы выберемся отсюда.

— А что если скала обвалится и придавит нас? Или упадет так, что прибьет нас, и мы сможем едва дышать?

— Не упадет,— уверенно сказал Ричард.— Она лежит так уже годы. И не собирается падать. Не бойся, не упадет.

Дженнисен не знала, правильно ли услышала его. Девушка захныкала, и Ричард обернулся.

— Возьми меня за ногу,— позвал он ее.— Давай, толкай мешок ко мне, я его заберу. Держись за меня!

— Что, если будет так тесно, что я не смогу дышать? Ричард, что если я не смогу дышать?

— Я больше, чем ты, и прошел здесь,— Ричард заставил себя говорить спокойно и уверенno.— Если я могу, то и ты сможешь.

Дженнисен продолжала дрожать. Он протянул руку и скомандовал сестре отдать ему мешок и делать то, что сказано. Потом Ричард связал оба мешка и протолкнул их

вперед. Девушка ухватилась за ногу брата как за палочку-выручалочку, словно только она могла вытащить на свет из объятий Хранителя подземного мира. Она вцепилась в него очень крепко, но Ричард не стал жаловаться, зная, что Дженнсен до смерти напугана.

Он подтолкнул мешки и стал дюйм за дюймом продвигаться вперед.

Ричард старался не думать, что потолок над головой висит так низко, чуть больше чем на ширину ладони. Он знал, что впереди будет еще уже. Каменная плита клонилась вправо, в темноту. Слева был свет.

Казалось, так просто повернуть налево и выбраться на свободу. Свет так близко. А вместо этого они ползут в темноту. Он заставил себя двигаться вправо, где, казалось, меньше места и света. Но Ричард уже проверил маршрут и знал, что слева чувства обманывали его.

Он двигался вперед в темноте и добирался до места, где потолок опустился еще ниже. Чуть-чуть продвинулся, скала здесь уже уперлась Ричарду в спину. Он знал, что так будет недолго, около дюжины футов, но дышать стало очень тяжело, и это путало.

Ричард подтолкнул мешки и пополз, извиваясь, как червь. Он вынужден был толкаться и ногами, и каждым пальцем руки, заставляя себя уходить от манящего света слева.

Дженнсен железной хваткой вцепилась в его лодыжку. Ричард мог тащить ее вместе с собой. Он хотел вытащить ее до того места, где она сможет вздохнуть полной грудью.

Но внезапно Дженнсен отпустила его ногу.

Глава 33

Вне себя Ричард слышал, как сестра прорицается обратно.

— Дженнсен? Что происходит? Что ты делаешь?

Девушка рыдала. Она была в панике и рвалась к свету.

— Дженнсен! — закричал Ричард. — Не иди туда! Оставайся со мной!

Зажатый камнями, он не мог быстро вернуться за ней. Ричард протиснулся в сторону, пытаясь поймать сестру. Дженнсен ползла к свету, не слыша, как он зовет ее.

— Что она делает? — подползла к нему Кэлен.

— Хочет выбраться. Она увидела отверстие, свет, и не слышит меня.

Ричард протолкнул мешки и ожесточенно пополз вперед, где места было больше, и он смог расправить грудь и даже встать на колени.

Дженнсен закричала. Ричард видел, как она цепляется за скалу, но не может пройти. Девушка пыталась протиснуться вперед, но только еще больше застревала.

С каждым судорожным вздохом она чуть продвигалась вперед.

Ричард звал ее, надеясь, что она услышит и сделает так, как он скажет. Но Дженнсен так запаниковала, что не могла услышать его. Она видела свет, хотела выбраться и была не в состоянии что-либо слышать.

Быстро как мог, Ричард пополз к отверстию, направив Кэлен, Кару, Тома и Оуэна по тому единственному пути, который, как он знал, вел к выходу. Кэлен крепко держала его за ногу, и он слышал, что все остальные ползут вслед за ней.

Дженнсен в ужасе завопила. Потеряв голову, она билась в узком проходе, но не могла сдвинуться. Камни сжали ей ребра так, что она едва дышала.

— Дженнсен! Дыши тише! Медленнее! — прокричал Ричард, двигаясь к выходу. — Дыши медленнее! Дыши!

Наконец Ричард дополз до выхода. Он выбрался из темной расселины, неожиданно оказавшись на ярком свету. Потом помог выбраться Кэлен. Выкарабкалась Бетти, каким-то образом миновав людей. Когда Оуэн и Кара оказались на земле, Ричард снял перевязь и отдал свой меч Кэлен.

Том прокричал, что собирается вернуться помочь Дженнсен.

Ричард кинулся в расщелину. На коленях он пополз в темноту и понял, что Том не сможет достать сестру.

— Том, я помогу ей.

— Я могу добраться до нее,— ответил Том, хотя сам почти застрял.

— Нет, не сможешь,— сурово сказал Ричард.— Хотеть чего-то еще не значит сделать. Ты только застрянешь. Слушай меня. Возвращайся, или собственный вес утянет тебя вниз, и ты застрянешь так крепко, что мы не сможем тебя достать. Двигайся вперед, пока еще можешь. Иди. Дай мне помочь Дженнсен.

Том смотрел, как Ричард обошел его и пополз вглубь. На его лице читалось неудовольствие, но он пополз вниз, где было немнога больше места, чтобы развернуться и возвращаться наверх.

Ричард протискивался через узкий проход, стараясь быть осторожным, чтобы не повторить ошибку, которую чуть было не совершил Том, застряв в проходе. Внизу в темноте в ужасе кричала Дженнсен.

Ричард по-змеиному полз все ниже.

— Дженнсен, дыши. Я иду. Все в порядке,— крикнул он сестре.

— Ричард! Не оставляй меня здесь! Ричард!

— Я не собираюсь бросать тебя,— успокаивающе произнес он, спускаясь все ниже в пещеру.— С тобой все будет хорошо. Просто жди меня.

— Ричард! Я не могу двигаться! — закричала Дженнсен.— Я не могу дышать! Потолок опускается! Мне кажется, он двигается и скоро меня раздавит! Помоги мне, Ричард! Не бросай меня!

— С тобой все хорошо, Дженнсен. Потолок не двигается. Ты просто застряла. Через минуту я буду рядом.

Пока он пробивался к ней, девушка продолжала попытки ползти вперед, делая только хуже. С каждым движением

она все сильнее застревала в щели. Ричард слышал, как, сдавленная камнем, сестра отчаянно пытается дышать.

Добравшись наконец до развилки, Ричард пополз налево, к Дженнисен. Добраться к ней можно было только этим путем. Он должен был заставить ее повернуть от света туда, куда она так боялась двигаться.

Каменный потолок давил ему на плечи, дышать стало труднее. Он неглубоко вдыхал спретый воздух и продвигался вперед. Чем дальше он двигался, тем медленнее дышал.

Нехватка воздуха, глубокого вдоха, сделала боль от яда подобной ножам, колющим его ребра. Вытянув вперед руки, Ричард помогал себе ногами, не обращая внимания на поднимающееся в нем чувство паники. Он напомнил себе, что есть те, кто знает, где он находится, и он не одинок. Но когда кажется, что на тебя обрушиивается каменная плита, так сложно успокоиться. Особенно когда путь впереди все сужается. Ричард знал, что должен помочь сестре, или она умрет.

— Ричард, мне больно! — закричала Дженнисен. — Я застряла и не могу дышать. Добрые духи, я не могу дышать. Пожалуйста, Ричард, скорее...

Ричард полз вперед, пытаясь дотянуться до ее лодыжки. Она все еще далеко. Он чуть повернул голову. Оба уха коснулись стены. Мужчина поерзал, чуть двинувшись вперед, хотя все говорило ему, что дело плохо.

— Дженнисен, послушай, мне нужна твоя помощь. Ты должна выталкивать себя вниз, своими руками. Ко мне.

— Нет! Мне надо наверх! Я почти выбралась!

— Нет, ты не выбралась. И не сможешь. Ты должна мне верить. Джен, толкайся назад, и я смогу достать тебя.

— Нет! Пожалуйста! Я хочу выбраться! Я хочу наверх!

— Я вытащу тебя, обещаю. Просто толкайся ко мне.

Дженнисен загораживала свет, и он не мог видеть, делает ли она то, что он попросил. Ричард извернулся на один дюйм, еще на один. Голова почти застряла. Видно, только от отчаяния сестра смогла пролезть так далеко.

— Джен, толкайся назад,— голос Ричарда выдавал напряжение. Он не мог говорить и дышать одновременно.

Пальцы потянулись вперед. Легкие жаждали воздуха. Он хотел глубоко вздохнуть. Каждой клеточке тела отчаянно не хватало воздуха. Невозможность свободно вдохнуть не только причиняла боль, она пугала. Сердце колотилось будто в ушах.

Путники были высоко в горах, где воздух и так разрежен, а невозможность вдохнуть причиняла еще большую боль. У Ричарда закружилась голова. Если через некоторое время он не сможет вдохнуть, они оба останутся здесь. Навсегда.

Кончики пальцев Ричарда коснулись подошвы Дженнисен. Но он все еще не мог схватиться за нее.

— Назад,— прохрипел он. Это все, что он мог сделать, чтобы самому не впасть в панику.— Джен, делай, как я говорю. Толкайся назад. Давай.

Ботинок Дженнисен коснулся его ладони. Ричард крепко схватил его и сразу же сделал рывок на несколько дюймов. Изо всех сил он полз вниз, таща сестру за собой. Но девушка не двинулась. Или она так сильно застяла, или рвалась вперед.

— Толкайся вниз,— снова прошептал Ричард.— Помогай руками, Джен. Толкайся ко мне, двигайся.

Она рыдала и что-то кричала, он не мог разобрать, что. Ричард уперся сапогами в стены и изо всех сил потянул. Рука дрожала от напряжения. Ричарду удалось протащить ее на несколько дюймов.

Он снова извернулся и снова потянул. С чудовищными усилиями, превозмогая боль, Ричард медленно вытаскивал Дженнисен из смертоносной щели, в которую она в панике устремилась.

Временами девушка начинала снова ползти вперед. Ричард крепко держал ее за ногу и продолжал тащить, не позволяя вырваться.

Он не мог поднять голову. Она лежала на правой руке, которой он тащил Дженисен, а левой рукой он цеплялся за каменную стену. Потянувшись в поисках новой опоры для руки, он заметил нечто слева, в склоне. Сначала Ричард подумал, что это камень. Он тащил Дженисен вниз и разглядывал застрявший в скале предмет. Потом дополз до него и потрогал. Предмет был гладким и непохожим на гранит.

Ричард сильно продвинулсся назад и ухитрился обхватить пальцами заинтересовавшую его вещь. Он подтащил ее к себе, зажал в кулаке и продолжил прорискаваться назад.

Наконец Ричард дополз до места, где можно было свободно вздохнуть. Он прилег перевести дыхание. Теперь выбраться отсюда хотелось больше, чем дышать.

Ричард говорил с Дженисен, продолжая тащить ее за собой. Они оказались на развилке, и взяв сестру за запястье, он пополз направо, в темноту, где было очень узко. Ричард знал, что это единственный путь к выходу.

Даже рядом с ним Дженисен почти не двигалась.

— Это путь, Джен, — продолжал убеждать ее Ричард. — Путь. Я тебя не оставлю. Я выведу тебя. Это выход. Идем со мной, и мы скоро выберемся.

Когда они очутились в узком, темном пространстве щели, Дженисен снова попыталась повернуть обратно, но Ричард не позволил. Он тащил их обоих. Девушка чувствовала, что сильные пальцы брата крепко держат ее руку, и не сопротивлялась. Он не позволит ей больше повернуть назад.

Когда они прорискнулись к месту, где потолок опустился ниже, Дженисен начала плакать. Ричард знал, что она чувствует. Как только потолок приподнялся на фут, он как можно быстрее пополз вперед, к свету.

Все ждали их у выхода. Ричард держал в левой руке найденный им предмет, а правой помогал Дженисен выбраться первой. Выйдя из каменного капкана, она упала в объятия Тома.

Как только Ричард выбрался из отверстия, Дженнсен, плача, кинулась к нему на шею.

— Прости меня,— повторяла она, рыдая.— Прости меня, Ричард. Я так боялась!

— Понимаю,— Ричард гладил ее по спине.

Он тоже испытал ужас, оказавшись в этой узкой щели. В таком месте можно сойти с ума и, пытаясь спастись, на самом деле бежать навстречу смерти.

— Создатель, как я виновата!

— Я тоже не люблю такие узкие места,— ответил Ричард.— Так что прекрасно понимаю тебя.

— А я не понимаю. Раньше у меня не было такого страха. Когда я была маленькой, то пряталась в таких местах. Они были как защита, потому что там никто не смог бы до меня добраться. Когда всю свою жизнь живешь, спасаясь от Даркена Рала, то привыкаешь к узким, темным, недоступным другим людям местам,— Дженнсен вздохнула.— А сегодня и сама не знаю, что на меня нашло. Это было так странно. Я думала, что не могу дышать, не смогу выбраться, скоро умру. Я никогда не испытывала ничего подобного. Эти чувства завладели мной, и я вела себя так, что сама удивляюсь.

— Ты и сейчас еще испытываешь эти странные чувства?

— Да,— сказала она, плача.— Но они проходят, потому что я здесь, и все кончилось.

Дженнсен оставили прийти в себя. Все отошли и присели на бревно, посеребренное дождями, чуть поодаль от нее.

— Я так виновата, Ричард. Я чувствую себя полной идиоткой,— призналась девушка.

— Не стоит. Все прошло.

— Ты сдержал свое обещание,— сказала она сквозь слезы.

Ричард улыбнулся, радуясь, что все кончилось благополучно.

Оуэн заволновался, не удержался от вопроса.

— Но, Дженнсен,— спросил он, подходя ближе,— почему ты не воспользовалась магией, чтобы помочь себе?

— Другие люди могут использовать магию, а я нет. У меня нет этой способности.

— То, что другие считают магией — только обман чувств, который не позволяет им видеть истинную магию. Наши глаза слепы, наши чувства нас обманывают. Я уже объяснял это. Только тот, кто никогда не видел магии, не использовал ее, не чувствовал, тот, кто не имеет способности к ней, может в действительности понять ее. И потому только он может стать тем, кто ею владеет. Магия основана на вере, если она истинная. Ты должна верить, и тогда ты убедишься в этом. Ты — единственная, кто может творить магию.

Ричард и Дженнсен уставились на Оуэна. Воцарилось молчание.

— Ричард,— странным голосом спросила Кэлен, не дав ему ответить.— Что это?

Ричард посмотрел на нее.

— О чём ты?

— Вот, в твоей руке,— медленным движением показала Кэлен.— Что это такое?

— А, это я нашел в скале недалеко от Дженнсен. В темноте не разглядел, что это.

Он поднял руку.

Это была фигурка.

Статуя Ричарда, одетого в военное облачение волшебника. С плеч спадал плащ, делая статую шире у основания.

Нижняя часть фигуры была из прозрачного янтаря, в котором можно было разглядеть падающие песчинки, наполовину заполнившие низ.

Но она не была целиком выполнена из янтаря, как статуя Кэлен. В середине, там, где пересыпался песок, статуя становилась темной, и чем выше к голове, тем темнее она была. Верх фигуры был самым темным.

Голова и плечи были черны, как ночной камень.

Ночной камень — камень подземного мира, и Ричард помнил, как он выглядит. Вершина фигуры выглядела также. Казалось, она высасывает солнечный свет.

Сердце Ричарда дрогнуло, когда он увидел самого себя, изображенного таким образом. В виде талисмана, которого коснулась смерть.

— Она это сделала,— сказал Оуэн, обвиняющее указав пальцем на Дженнисен, прячущуюся за спиной Ричарда.— Она сделала это с помощью магии. Я же говорил, она может. Ее вела злая магия, когда она, не думая, повернула с дороги. Магия выплеснулась из нее и повела ее, хотя она и не думала о магии.

Кэлен подумала, что Оуэн сам не знает, о чем говорит.

Эту статую сотворила не Дженнисен.

Это — второй сигнальный маяк, предупреждающий того, кто может восстановить печать.

— Лорд Рал...

Ричард поднял глаза. Это была Морд-Сит.

Она стояла спиной к ним, смотря на крохотный кусочек неба, проглядывающий сквозь деревья. Дженнисен повернулась посмотреть, чем вызван такой странный тон в голосе Кары. Держа крепко руку сестры, Ричард подошел к Каре и посмотрел наверх, сквозь деревья, в том же направлении, куда смотрела она.

Сквозь ветви елей он увидел край горного перехода над ними. На фоне темно-серого неба вырисовывался силуэт чего-то, сделанного руками человека.

Это было похоже на гигантскую статую, стоящую на перевале.

Глава 34

Ледяной ветер рвал одежду Кэлен и Ричарда, сидящих, прижавшихся друг к другу, под елями. Низкие кучевые об-

лака плыли по небосклону, словно пытаясь сбежать от тяжелых темных туч, наплывающих сверху. Порывы ветра приносили танцующие хлопья снега. Уши Ричарда покраснели на холода.

— Что ты думаешь об этом? — спросила Кэлен.

— Не знаю, — покачал головой Ричард. Он оглянулся назад. — Оуэн, ты уверен, что не знаешь, что это? Никаких предположений?

Статуя четко выделялась на фоне плывущих облаков.

— Нет, лорд Рал. Я здесь никогда не был. Никто из наших здесь не ходил. Не знаю, что это может быть. Если не... — Порыв ветра унес его слова.

— Если не... что?

Оуэн сжался, закутываясь в плащ, и посмотрел на Морд-Сит, сидевшую с одной стороны от него, а потом на Тома и Дженнисен, пристроившихся с другой.

— Есть предсказание, данное теми, кто назвал нас «избранными» и запечатал в горах. Оно гласит, что дав имя нашей империи, они сказали, что однажды придет спаситель.

Ричард хотел спросить, от чего спаситель должен был избавить их — если бандакарцы жили в такой просвещенной культуре, защищенной границей от «диких» непросвещенных народов остального мира. Но вместо этого он задал простой вопрос, на который, по его представлениям, Оуэн мог ответить.

— И ты думаешь, что это и есть статуя вашего спасителя?

Оуэн беспокойно заерзal, его плечи приподнялись.

— Он не только спаситель. В предсказании говорится, что он нас уничтожит.

Ричард хмуро взглянул на парня, надеясь, что это не одна из его извращенных мыслей.

— Спаситель вас уничтожит? В этом совершенно нет смысла.

— Знаю,— поспешил согласиться Оуэн.— Никто этого не понимает.

— Возможно, это значит, что кто-то придет спасти твой народ, но проиграет, и те события, которые наступят, уничтожат всех,— предположила Дженнисен.

— Может быть,— возможность такого исхода омрачила лицо Оуэна выражением крайней печали.

— Но предсказание можно понять и по-другому,— усмехнулась Кара.— Этот человек придет, увидит твой народ и решит, что он не заслужил спасения.— Она подошла к мужчине.— И тогда он его уничтожит.

Оуэн, казалось, поверил словам Кары, а не сарказму, который заметил в них Ричард.

— Не думаю, что это так,— произнес он и обратился к Ричарду.— В предсказании говорится, что придет тот, кто уничтожит нас. А потом говорится, что он же нас и спасет. «Придет разрушитель и спасет вас»,— процитировал Оуэн.— Так нас учили, когда привели сюда, за перевал.

— Придет разрушитель и спасет вас,— повторил Ричард. Он вздохнул, превозмогая боль.— То, что было сказано давным-давно, могло впоследствии исказиться. Предсказание может уже не отражать верно те слова, которые были в нем изначально.

Оуэн согласился, удивив тем самым Ричарда, который ожидал, что парень будет спорить.

— Некоторые, как и ты, считают, что со временем смысл предсказания мог быть утерян или искажен. По мнению других, слова передают точный смысл и очень важны. Кто-то верит в то, что просто придет спаситель. Кто-то верит в появление разрушителя.

— А во что веришь ты? — спросил лорд Рал.

Оуэн крутил пуговицу на плаще так усердно, что Ричард подумал, что она сейчас отвалится.

— Я верю в предсказание. Оно говорит, что придет разрушитель, и, встретившись с этим жутким человеком, я

убежден, это — Николас. Но я верю и в приход того, кто спасет нас. Уверен, этот человек — ты, лорд Рал. Николас — наш разрушитель, ты — наш спаситель.

Из книги Ричард знал, что пророчество не работает со Столпами Творения.

— То, что твой народ считает предсказанием, может быть всего лишь старой поговоркой, обрывком сказки, которую когда-то придумали, — произнес он.

Оуэн нагнулся к земле.

— Нас учили, что это предсказание самое главное. Это знает каждый житель Бандакара: те, кто дал нам имя, дали нам и это предсказание, и они хотели, чтобы оно дошло до нас.

Ричард издал глубокий вздох. Ветер отнес выдохнутое им облачко пара.

— Значит, ты думаешь, что эта статуя изображает меня? И была поставлена здесь тысячи лет тому назад теми, кто защитил вас границей? Как же они могли задолго до моего рождения знать, как я буду выглядеть, чтобы сделать эту статую?

— «В истинной действительности можно знать все, что произойдет», — наизусть произнес Оуэн. Он улыбнулся и снова пожал плечами. — А кроме того, статуя в твоих руках. И она очень похожа на тебя.

Недовольный тем, что ему снова об этом напомнили, Ричард отвернулся от Оуэна. Маленькая Фигурка была сотворена очень похожей на него. Создана магией, заключенной в границе, и, вероятно, умершим волшебником из подземного мира.

Ричард оглядел небо, каменные отвесные стены, линию деревьев и не увидел ни единого признака жизни. Статуя — они пока так как следует и не разглядели ее, — стояла в отдалении на каменистой поверхности, на которой не рос лес. До нее еще надо было взобраться по краю перевала.

Ричард не хотел думать, что это действительно его статуя стоит в сгущающихся сумерках.

Ему хватало второго сигнального маяка. Он обременил Ричарда ответственностью, долгом, который он никогда не хотел нести.

Он не знал, как восстановить границу Бандакара. Однажды Зедд создал границы, которые были похожи на эту, в Древнем мире, но даже Зедд использовал магию создания, которую нашел в Башне. Эти заклинания создания были произнесены древними волшебниками, которые обладали особой силой и были сведущи в таких вещах. Зедд говорил ему, что больше таких заклинаний в Башне нет.

Ричард не знал, каким заклинанием можно создать границу. Но даже если бы ему это было известно, он не знал, как этим воспользоваться. Свойство, освобожденное в Бандакаре, когда рухнула граница, — это отсутствие дара, с которым рождались дети. Имперский Орден насилием добился потомства от женщин Бандакара. И эта особенность уже распространилась. Осеменение женщин, как они это называли, уже принесло им детей, рожденных без искры, детей, которых обучат догматам Ордена.

Когда они станут использовать для этих целей и мужчин, то количество таких детей неизмеримо возрастет. Женщина может родить одного ребенка в год. За это же время мужчина может стать отцом большого количества детей, не обладающих даром.

Несмотря на провозглашенное Орденом самопожертвование, пока он еще, видимо, не пожертвовал для этого своих женщин. Изнасилование женщин Бандакара во имя блага человечества было приятным занятием для мужчин Ордена. Однако же, отдать своих женщин на «оплодотворение» — другое дело.

Ричард не сомневался, что вскоре они начнут использовать и своих женщин. А пока Орден будет отдавать всех захваченных в плен женщин для осеменения своей солдатне. Завоевание Орденом Нового мира обеспечивало ему мно-

жество пригодных для этих целей женщин из захваченных и разрушенных ими городов.

В древние времена люди Нового мира сделали все, чтобы ограничить рождение лишенных искры детей. Теперь Орден делал все для того, чтобы их рождалось как можно больше.

— Ричард, как ты думаешь, почему второй сигнальный маяк почернел, как ночной камень? — тихо спросила Кэлен, стараясь, чтобы остальные ее не услышали. — Неужели ты считаешь, что он показывает время, которое тебе осталось, если не принять противоядия?

С момента, как он нашел его, Ричард старался не думать о маяке. Он считал его предвестником большого несчастья. Ночной камень связан с духами умерших — с подземным миром.

Может быть, Кэлен права, что темная часть маяка показывает, как яд овладевает Ричардом, и уходит его время. Но было несколько причин, почему он сам так не думал.

— Не уверен, — произнес после паузы Ричард. — Но мне кажется, он не связан с тем, что я отравлен. Думаю, темный цвет показывает, как мой дар уходит, медленно убивая меня, а подземный мир, мир мертвых обволакивает мою душу и тянет к себе.

Рука Кэлен скользнула в его руку.

— И я так сначала подумала. Но мне казалось, ты отвергнешь эту идею. Это значит, что главная опасность не в яде, а в даре. Древний волшебник хотел предупредить тебя своим маяком.

Ричард подумал, а вдруг статуя наверху может дать ответы на некоторые вопросы? У него пока нет ни одного. Но для этого им придется оставить спасительный покров леса и идти по открытой местности.

Ричард позвал всех.

— Не думаю, что птицы ждут нас здесь, — сказал он, когда все собрались. — Если нам удалось оторваться от них, то им неизвестно, где мы сейчас находимся и в каком на-

правлении идем, так что они не будут нас здесь искать. Думаю, мы на какое-то время избавимся от присутствия птиц, а значит, и от того, что Николас знает, где мы.

— А кроме того, в низких облаках, покрывающих горы, они не смогут нас найти,— предположил Том.

— Кто знает,— сказал Ричард.

Близилась ночь. На далеком уступе завыл волк. На другом ему отозвался второй. Хищников может быть гораздо больше, чем двое.

Бетти выставила уши вперед и прижалась к ногам Дженнисен.

— А если Николас придумает что-нибудь еще? — спросила девушка.

Кара, теребя светлую косу на своем плече, оглядела леса.

— О чём ты говоришь?

Дженнисен плотнее укутаясь в свой плащ, который норовил распахнуть ветер.

— Ну, если он может видеть глазами птиц, то, может быть, он может видеть глазами еще кого-нибудь?

— Хочешь сказать, волка? — уточнила Кара.— Думаешь, это может быть волк, которого мы только что слышали?

— Не знаю. Наверно,— согласилась Дженнисен.

— Но в таком случае, если он может видеть сквозь глаза птиц, то тогда он может видеть и через глаза мыши,— произнес Ричард.

Том откинул со лба волосы и бросил тревожный взгляд на небо.

— Тогда почему мы думали, что он всегда использует птиц?

— Может, потому, что они могут преодолевать большие расстояния,— ответил Ричард.— К тому же у него бы возникло множество проблем, реши он искать нас с помощью мыши. Она слишком маленькая и может попасться кому-то в зубы, да и движется очень медленно. Кроме того,

думаю, Николасу нравится чувствовать себя таким мощным созданием, хищником. В конце концов, он на нас охотится.

— Так ты думаешь, нам следует опасаться только птиц³ — спросила Дженнсен.

— Нам надо быть очень осторожными и внимательными ко всем, кто нам встретится. Скорее всего, Николас предпочитает птиц, но это не значит, что он не решит использовать еще кого-нибудь, — ответил Ричард. — Он охотится за Кэлен и мной, охотится всерьез. Чтобы достать нас, он превратится в кого угодно. И если это поможет ему найти нас, он будет и мышью.

— Если Николас хочет поймать тебя, то Оуэн помогает ему, ведя тебя прямо к нему в лапы, — сказала Кара.

Ричард не согласился. Сейчас он действует, следуя желаниями Оуэна. Но скоро пойдет своим путем.

— До последнего времени он предпочитал птиц, потому что они легко преодолевают большие расстояния, — сказал Ричард. — Но когда я убил чернокрылых из лука, наверное, Николасу стало ясно, что мы догадались о наблюдении, которое ведется за нами через их глаза. Поэтому, думаю, он скоро изобретет что-нибудь еще, о чем мы пока не догадываемся.

Кэлен эта мысль взволновала.

— Это может быть волк или, или... Не знаю, сова?

— Сова, голубь, воробей — кто угодно. Если я правильно догадался, он будет использовать птиц.

Кэлен прижалась к мужу, спасаясь от ветра. Они были уже высоко в горах. Из того, что Ричард знал о Древнем мире, в нем было тепло. Снег в это время года мог быть только в горах.

— Оуэн, зимой в Бандакаре холодно? У вас идет снег? — он показал на кружасшиеся в воздухе белые хлопья.

— Дуют северные ветра, с этой стороны гор, лорд Рал. Зимой становится холодно. Каждую пару лет выпадает снег,

но его немного. Зимой чаще идут дожди. Не знаю, почему идет снег, когда сейчас лето.

— Из-за высоты,— ответил Ричард, рассматривая склоны гор.

Выше лежал толстый слой снега, который мог быть не-надежным. Пытаться перейти эти покрытые снегом склоны было рискованно. Им повезло, что они были на самой ближней точке к перевалу, а, значит, им не придется пересекать глубокий снег. Но холодный ветер заставлял всех поеживаться.

— Я хочу знать, что это за статуя,— произнес Ричард. Он посмотрел на остальных. Никто не протестовал.— И почему она стоит именно там.

— Думаешь, нам следует ждать темноты? — спросила Кара.— В темноте нас будет меньше видно.

Ричард покачал головой.

— Птицы прекрасно видят и в темноте — в темноте они охотятся. Я бы пошел сейчас, при свете дня, когда я тоже могу их увидеть.

Лорд Рал прицепил лук к ноге, согнул его и натянул тетиву. Он вытащил из колчана стрелу и, держа ее левой рукой, поставил на ней зарубку, а потом оглядел небо, облака, ища любой признак птиц. Тени в лесу настораживали, но небо было чистым.

— Надо идти,— Ричард пробежался взглядом по лицам, убедившись, что все внимательно его слушают.— Ступайте, по возможности, по камням. Я не хочу, чтобы Николас увидел наши следы на снегу.

Выразив понимание кивками, спутники цепочкой двинулись за ним. Оуэн шел впереди бдительной Морд-Сит и все время смотрел на небо. Дженнсен и Бетти разглядывали лес. Сильные порывы ветра кололи лица ледяными иглами. В разреженном воздухе было тяжело подниматься по крутым склонам. Ноги Ричарда гудели от напряжения. Его легкие горели от яда.

Глядя на отвесные скалы, поднимающиеся к небу, Ричард не видел другого пути, кроме как через перевал. Эта дорога была невероятно сложна и тяжела и, возможно, отняла многие жизни. Даже сейчас он не был уверен, что они смогут по ней пройти.

Путники шли с большим трудом, сквозь разломы камня Ричард видел стены гор, упирающиеся в темные облака.

Все молчали, поднимаясь. Иногда они останавливались отдохнуться. Каждый время от времени смотрел на небо. Вдалеке Ричард заметил несколько стаек некрупных птиц, но ни одной огромной на глаза не попадалось.

Когда они, выбирая самые легкие для прохода места, добрались до вершины, Ричард окинул взглядом громадную статую на гранитном постаменте.

С высоты перевала он мог теперь видеть, что с другой стороны скала отвесно обрывалась. Ущелье заканчивалось вертикальным подъемом в тысячи футов. Какие бы дороги ни вели к перевалу, они должны были сойтись перед подъемом, и Ричард понял, что через перевал вел только одинединственный путь.

Он понял, что любой идущий в Бандакар этой дорогой, должен был подниматься именно здесь и проходить через монумент.

Преодолев последние покрытые снегом валуны, Ричард оказался перед статуей, охраняющей перевал.

Сомнений не было. Перед ними предстал страж.

Внушительная фигура сидела наверху плоского камня и охраняла перевал. В одной руке был опущенный к земле меч. Страж был одет в кожаную одежду и в ниспадающий до колен плащ. Поза фигуры говорила о неусыпной бдительности и создавала впечатление, что застывший навеки воин готов поднять меч в любой момент. Страж охранял то, что было за его спиной.

Камень был изъеден безжалостным временем, но оно не смогло стереть впечатления мощи, возникающей при взгляде

на изваяние. Фигуру вырезали и поставили здесь с великой целью. Она стояла поперек перевала, на пересечении горных дорог, по которым давно никто не ходил. Ричард не мог оторвать от нее глаз.

Он сам когда-то работал с камнем и знал камнерезное искусство. Ричард не назвал бы статую великолепной работой, но она была очень мощной. Один взгляд на нее вызывал дрожь.

— Он не похож на тебя, — выговорила Кэлен.

Да, это было не изображение нынешнего лорда Рала.

Но эта фигура тысячи лет предупреждала странников.

— Что бы я хотел знать, так это почему сигнальный маяк оказался в пещере, а не здесь, — сказал Ричард Кэлен.

Жена обменялась с ним понимающим взглядом.

— Если бы Дженнсен не испугалась и не полезла на встречу смерти, ты никогда бы его не нашел.

Ричард обошел статую, занявшись поиском, хотя сам пока не понимал, что именно он ищет. Но предчувствия редко его обманывали. Почти сразу он обнаружил в основании, на вершине одной декоративной детали, странную пустоту. Было похоже на то, что здесь был какой-то предмет, а потом его унесли. Но остался след, оставленный этим исчезнувшим предметом.

Ричарду показалось, что очертания пятна ему что-то напоминают. Он вытащил из мешка сигнальный маяк и приставил к вершине. Его мысли подтвердились, статуя точно встала на место.

Маленькая фигурка была раньше здесь, в большой статуе.

— Как ты думаешь, как она могла попасть в пещеру? — спросила Кара.

— Наверно, она упала, — предположила Дженнсен. — Здесь сильный ветер. Ветер сдул ее, и она упала вниз.

— А потом она умудрилась прокатиться через лес и точно попасть туда, где я ее нашел, — иронически заметил Ричард. — Попасть точно в отверстие пещеры и застрять в

том месте, где, по случайности, застряла ты. Должен добавить, в ужасном месте.

— Когда ты так говоришь... — Дженнисен удивленно моргнула.

Стоя на вершине перевала, перед статуей, Ричард рассматривал вид, открывавшийся отсюда на подъемы к Бандакару. Страж смотрел на проход между двумя возвышающимися снежными пиками. Как они ни были высоки, сейчас люди стояли только у их подножия.

Статуя не смотрела вперед, как можно было ожидать от стража; взгляд фигуры был чуть смещен вправо. Ричард подумал, что это довольно странно. Должно быть, страж смотрит во все стороны, откуда может придти угроза.

Ричард встал так же, как каменный гигант, перед ним, напротив того места, где располагался сигнальный маяк, и устремил свой взор в том же направлении, куда смотрел страж.

Он увидел проход к перевалу. Далее к западу простирались леса, а еще дальше низкие, бесплодные горы, которые они пересекли.

Он увидел расщелину в этих горах.

Глаза стража неотрывно смотрели на то, что теперь увидел и Ричард.

— Добрые духи,— прошептал он.

— Что там? — спросила Кэлен.— Что ты видишь?

— Столпы Творения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	46
Глава 6	52
Глава 7	68
Глава 8	80
Глава 9	89
Глава 10	99
Глава 11	108
Глава 12	124
Глава 13	137
Глава 14	152
Глава 15	161
Глава 16	167
Глава 17	179
Глава 18	189
Глава 19	196
Глава 20	207
Глава 21	222

Глава 22	234
Глава 23	245
Глава 24	257
Глава 25	274
Глава 26	289
Глава 27	295
Глава 28	300
Глава 29	308
Глава 30	313
Глава 31	325
Глава 32	337
Глава 33	343
Глава 34	351

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

**Книги издательства АСТ можно заказать по
адресу: 107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте»**

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришинова, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберецы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбынко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, А ligovskiy пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Гудкайнд Терри
Восьмое Правило Волшебника,
или Голая империя**

*Роман в 2 книгах
Книга I*

Ответственные за выпуск И. Петрушкин, А. Тишинин

Ведущий редактор В. Гончаров

Редактор Ю. Жукова

Художественный редактор О. Адаскина

Компьютерный дизайн: А. Сергеев

Компьютерная верстка: А. Яблонская

Корректор А. Воскресенская

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.**

ООО «Издательство АСТ»

**141100, Россия, Московская обл., г. Шелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.**

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

ISBN 978-5-17-026498-8

9 785170 264988

Восьмое Правило Волшебника

Идти — и сражаться.

Сражаться — дабы принести
свободу землям, стонущим под властью
безжалостного Сноходца Джегания, и людям,
которых мучают и истязают стальные воины
Имперского Ордена. Это — жребий и крест
легендарного Ричарда Сайфера, лорда Рала,

Искателя Истины. Это — предначертание
для его супруги, Матери-Исповедницы Кэлен,
и судьба, которую по доброй воле избрала
его юная сестра Дженсен. Слишком
долго искал повелитель Мрака их.

Теперь ОНИ ищут ЕГО — чтобы в муках
крови и опасности познать
Восьмое Правило Волшебника...

АСТ